

Ю. Б. ЮСИФОВ

ЭЛАМ

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ НАРОДОВ БЛИЖНЕГО
И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Ю. Б. ЮСИФОВ

Э Л А М

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

Ответственные редакторы
И. М. ДЬЯКОНОВ, Н. Б. ЯНКОВСКАЯ

Работа Ю. Б. Юсифова представляет собой первую в истории науки монографию по социально-экономической истории Элама (преимущественно II тысячелетие до нашей эры) — одного из наиболее значительных древних обществ Востока, оказавшего огромное историческое влияние на такие государства, как Мидия, ахеменидская Персия и др.

Работа проделана с учетом всех письменных источников на эламском и аккадском языках и существующей международной литературы; некоторые эламские тексты интерпретированы автором впервые.

1-6-3

109-67

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей работа посвящена социально-экономической истории одного из древнейших государств Передней Азии — Элама. Фактически история Элама — это предыстория Ирана. Возникнув в III тысячелетии до н. э., эламское государство просуществовало немногим меньше двух с половиной тысячелетий, почти до начала экспансии ахеменидских царей при Кире II. Элам был свидетелем возникновения и падения городов-государств Двуречья, возвышения и гибели Ассирии, Урарту, Хеттского царства, смены династий в Вавилонии, расширения мощи Мидии; он был свидетелем также исчезновения шумерского языка, появления семитских племен и распространения аккадского языка, проникновения индоевропейских племен на Иранское плоскогорье и иранизации языка населения этого района. Несмотря на все это, эламиты не потеряли свой собственный язык; даже после падения Элама на нем продолжали писать и говорить.

Элам представляет большой интерес во всех аспектах — будь то социально-экономические отношения, материальная культура или язык населения. В истории Элама, в частности в истории культуры и языка, существует много тайн и загадок. За их решение взялись еще в конце прошлого столетия, когда была заложена основа эламитологии. Издавая надписи и документы, первые представители эламитологии главное свое внимание обращали на перевод эламоязычных текстов, выяснение тех или иных грамматических форм, уточнение значения клинописных знаков. Без штудий этих первых

исследователей не было бы современной эламитологии. Несмотря на определенные успехи, содержание многих текстов все еще непонятно. Поэтому при исследовании истории Элама в любом аспекте нередко приходится давать самостоятельный анализ и перевод привлекаемых документов. Почти то же самое можно сказать об аккадских текстах первой половины II тысячелетия до н. э.

Материальная культура этой страны изучена сравнительно лучше: изделия поражают своей самобытностью и изяществом, высокохудожественной композицией и различной тематикой изображений.

Более или менее обстоятельно исследована политическая история Элама. Но и здесь источники не позволяют воссоздать полную картину: достоверные периоды его истории представлены эпизодически. Остаются за пределами досягаемости наших знаний обстоятельства возникновения и падения эламского государства, строительная и военная деятельность многих правителей, точная хронология и последовательность их правления, периоды расцвета и упадка страны. Из документов и надписей вырисовывается общая, но не полная картина политической истории.

Автор сосредоточил свое внимание главным образом на социально-экономической истории Элама потому, что она не получила почти никакого специального освещения в эламитологической литературе. Э. Кюк, П. Кошакер, Л. Оппенхейм, И. Клима касались этого вопроса лишь попутно в своих штудиях, посвященных эламскому праву. Однако социально-экономические отношения фактически не были предметом специального исследования. Естественно, изучение социально-экономической истории привело к необходимости использовать сведения письменных источников в подлиннике и облегчить понимание языка привлеченных документов, пересмотрев прежние переводы и толкования отдельных терминов, выражений и целых фраз, которые, казалось бы, занимали незначительное место в документе, но которые могли играть большую роль в выяснении вопросов социально-экономической истории.

Именно аккадско-эламские частнопроводные документы II тысячелетия до н. э. дают возможность изложить социально-экономическую историю Элама более или ме-

нее обстоятельно, поскольку сравнительно ранние аккадские тексты для этой цели малопригодны. Но сведения, извлекаемые из частноправовых документов, позволяют заглянуть также в III тысячелетие до н. э. и отметить различия и аналогии того периода с I тысячелетием. Конечно, при этом в определенной степени нарушается последовательность изложения и образуется большой пробел между сведениями источников. Поэтому автор за основу положил упомянутые частноправовые документы II тысячелетия до н. э., а остальные материалы использовал в качестве дополнения к ним, чтобы, насколько это позволяют документы, показать жизнь населения Элама в историческом развитии.

Поскольку данная работа, явившаяся результатом многих лет труда, — первая попытка освещения социально-экономической истории Элама, то в ней могут встречаться отдельные упущения, погрешности или неполное представление о тех или иных сторонах социально-экономических отношений. В некоторой степени это объясняется скудостью материала, хотя письменные источники дают сведения почти по всем важнейшим вопросам.

Неоценимую услугу автору оказывали не только письменные источники — будь они аккадоязычными или эламоязычными, — но и марксистско-ленинская методология: именно она дает ключ для правильной ориентировки в материале.

Общеизвестно, что приоритет изучения социально-экономических отношений принадлежит советской школе исследователей. Поэтому при разработке подобной темы нельзя пройти мимо работ В. В. Струве, Н. М. Никольского, А. И. Тюменева, И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили, хотя они разрабатывали вопросы, конкретно не связанные с историей Элама.

Автор приносит глубокую благодарность И. М. Дьяконову, Б. Б. Пиотровскому, Г. А. Меликишвили, Т. В. Гамкрелидзе, Н. Б. Янковской, М. А. Дандамаеву, Н. М. Повостовской, В. М. Массону и всем, кто помог ему своими замечаниями и советами.

Автор благодарит С. Кашкай и Ф. Мамедову за их помощь в составлении указателей.

ВВЕДЕНИЕ

Первоисточники

Заря истории Элама письменно засвидетельствована в шумеро-аккадских клинообразных надписях и хозяйственных документах. К сожалению, шумерские и аккадские документы не могут служить основным материалом для исследования социально-экономических отношений, существовавших в Эламе в этот ранний период. Но на основании этих документов можно воссоздать картину политического и государственного строя Элама. В этом аспекте и будут использованы в работе данные указанных документов.

Иноземные письменные источники бессильны в освещении социально-экономической истории Элама. Что же, собственно, для этой цели может дать сам Элам? Со второй половины III тысячелетия в Эламе известно линейное письмо, а немного раньше — пиктографическая письменность. Содержание текстов, написанных линейным письмом, известно нам благодаря недавней расшифровке В. Хинца. Как показала расшифровка В. Хинца, линейным письмом написаны посвячительные надписи Пузур-Иншушинака (эламское имя — Кутик-Иншушинак)¹.

Примерно во второй половине II тысячелетия в Элам проникает клинопись. Первым памятником эламского языка, написанным клинописью, можно считать договор аккадского царя Нарам-Сина (2290—2254) с правителем Элама. Однако эта фрагментарная надпись также ничего не дает для освещения данной темы.

¹ О письме см. главу I «Страна и население», раздел «Письменность».

Для нашей цели важное и существенное значение имеют частноправовые документы Элама, написанные на аккадском языке². Документы не имеют даты. Однако благодаря некоторым признакам даты написания документов могли быть установлены сравнительно легко (об этом ниже). Эти документы относятся не к одному узкому отрезку времени, а охватывают широкий исторический период, насчитывающий несколько столетий.

Поскольку частноправовые документы составлены на аккадском языке, в них (что обычно для аккадских текстов) имеется известное количество шумерских идеограмм. Элам еще в III тысячелетии в политическом и культурном отношении был тесно связан с Двуречьем. Уже в III тысячелетии в Эламе поселяются жители Вавилонии. Поэтому не случайно, что в частноправовых документах встречаются эламитизированные и неэламитизированные шумерские и аккадские имена. Наряду с божествами из эламского пантеона в документах фигурируют шумерские и аккадские боги.

По своему характеру и назначению частноправовые документы делятся на несколько групп.

Определенное количество документов содержат записи дарения движимого и недвижимого имущества. Имеются дарения, осуществляемые или контролируемые царской властью, и дарения, происходящие в домашней общине, осуществляемые главой семьи — отцом, а также матерью. Естественно, все эти дарения сопровождаются определенными условиями.

Несколько документов сообщают об усыновлении и приеме в «братство». Хотя подобные договоры также фиксируют передачу имущества, условия в них отличны от тех, которые имеются в документах дарения. Вообще прием в «братство» был известен в некоторых странах Передней Азии (например, в Угарите, Аррапхе); посредством этого договора совершалась купля-продажа, присвоение имущества и т. д. Но эламские документы подобного характера свидетельствуют не только об одном типе использования этого договора, когда посредством

² Они изданы В. Шейлем в «Mémoires. Délégation en Perse» (далее — MDP), XXII, 1930; XXIII, 1932; XXIV, 1933; XXVIII, 1937. Значительная часть документов без транскрипции и перевода была опубликована в MDP, XVIII, 1927.

приема в «братство» поглощалось имущество одного в пользу другого, но и о том, что иногда посредством подобной сделки приобреталась рабочая сила, объединялось хозяйство отдельных лиц, не связанных между собой узами родства, на равноправных началах.

Многие документы описывают раздел движимого и недвижимого имущества, находящегося в коллективном владении. Эта серия документов прежде всего свидетельствует о распаде единого хозяйства семьи, о выделении членов семьи и образовании отдельных индивидуальных или малых семей. Одной из особенностей разделов является равноправное участие братьев и сестер в дележе отцовского имущества.

Среди документов в большом количестве имеются купчие, сообщающие о купле-продаже недвижимости — дома, сада и поля. Несмотря на стандартность документов, они в известной степени позволяют проследить процесс социального и имущественного расслоения.

Из числа частноправовых документов можно выделить сделки о предоставлении денежного и натурального займов. На основании этих документов выясняются не только условия выдачи займа серебром и натурой, но и выявляются те или иные существовавшие в то время формы залога. Эти документы в известной степени позволяют установить причины распада частных и мелких хозяйств, разорения и лишения их владельцев земли, поля или дома.

Частноправовые документы содержат серию арендных сделок. Арендаторами могли быть представители различных социальных групп, как бедные, лишенные земли люди, так и богатые, в руках которых была сосредоточена добавочная рабочая сила. Эти документы дают также возможность установить различные формы аренды и вытекающие отсюда экономические последствия и т. д.

В разработке истории социально-экономических отношений именно частноправовые документы играют ведущую роль и позволяют воссоздать картину жизни населения Элама. Что же конкретно они дают?

Эти документы, во-первых, сообщают сведения об общинном хозяйстве. Правда, наличие сельской общины в документах отразилось косвенно, но существование домашней общины непосредственно вытекает из содер-

жания определенной группы сделок. На основании документов можно составить представление об отношениях, существовавших в домашней общине³, например о наследстве, дарении имущества, о лишении детей права наследства, передаче права распоряжения и главенства родом, о специфических особенностях приема в «братство», и проследить распад домашней общины, а также ее повторное возникновение. Кроме того, частноправовые документы позволяют заглянуть в отношения, существовавшие в царских семьях.

Во-вторых, из документов можно извлечь сведения о храмовом хозяйстве. Хотя эти сведения неполные и носят отрывочный характер, они очень важны и существенны. Известно, что эламские цари строили храмы и посвящали их тому или иному божеству. Уже одно наличие храмов позволяло предположить существование храмового хозяйства. Некоторые данные, собранные из отдельных мест частноправовых документов, хотя в них и отсутствуют прямые указания на храмовое хозяйство и администрацию, позволяют расширить наши знания в этом направлении. Для этой цели существенные сведения дают также более поздние эламские надписи.

В-третьих, данные частноправовых документов позволяют рассмотреть вопрос о государственном хозяйстве. И в этом случае отсутствуют документы II тысячелетия, непосредственно относящиеся к царской администрации. Однако разбросанные по отдельным местам упоминания дают возможность на основании сравнительного материала восстановить картину государственного (царского) хозяйства.

В-четвертых, документы дают более ясное и значительное представление о частном хозяйстве. На основании подобных документов представляется возможность говорить о распаде коллективного владения, образовании

³ В дальнейшем будут применяться следующие термины: малая, или индивидуальная, семья включает отца, мать и детей; большая семья, или большесемейная община, — это организация нескольких малых семей, связанных родственными узами. Домашняя община имеет в нашем применении двойное значение: во-первых, под ней можно понимать как малую семью в качестве хозяйственной единицы, так и большесемейную общину; во-вторых, в ней — и это основное — могли объединяться также и люди, не связанные узами родства, т. е. не родственники.

частных хозяйств, разорении и обеднении землевладельцев, отчуждении недвижимости. Распад коллективного хозяйства во многих случаях приводил к образованию частных владений. Среди отдельных владельцев в свою очередь происходила социальная дифференциация: одни богатели посредством скупки чужих земель, взимания процентов за предоставленный заем и т. д., другие нищали, продавая свои земельные наделы, и тем самым пополняли ряды безземельных людей. Эти документы, кроме того, дают ценные сведения об аренде недвижимости.

Остальные сведения извлекаются из различных документов и надписей. Из них можно указать на частноправовые документы на аккадском языке, относящиеся к началу I тысячелетия и якобы происходящие из Маламира⁴ в 180 км на юг от Суз. В этих документах речь идет о купле-продаже, о разделе и других имущественных актах. Впервые в этих документах появляется ответственность личности за нарушение сделки, что не наблюдалось в частноправовых документах II тысячелетия до н. э.

Частично к периоду частноправовых документов относятся так называемые «таблетки эпохи Аддахушу»⁵, хотя некоторые из них были написаны в более ранний период. В них речь идет о жертвоприношениях в честь того или иного божества, о выделении баранов для дома правителя. Эти документы сами по себе не дают ясного представления о социально-экономической истории, но могут служить дополнительным материалом при освещении того или иного вопроса.

Этим исчерпываются собственно аккадоязычные до-

⁴ MDP, IV, 1902, документы № 1—16, pp. 169—194. Некоторые уточненные чтения см. в MDP, XXII. Документы датируются Шейлем началом I тысячелетия до н. э. Согласно мнению Э. Райнер (см. E. Reiner, *Malamir*, — RA, LVII, 1963, pp. 170—174), эти документы происходят не из Маламира, а, может быть, тяготеют к Сузам или его окрестностям. В «маламирских» документах имена собственные чисто эламские, в качестве свидетелей часто выступают женщины, что не характерно для сузских документов. Если даже они не относятся к Маламиру, то и к Сузам, видимо, не имеют отношения. Однако поскольку этот вопрос еще нуждается в решении, то мы условно будем рассматривать их как «маламирские», но не исключая того, что эти документы относятся к какому-либо близкому к Сузам району.

⁵ MDP, X, документы № 1—127.

кументы, имеющие отношение к данной теме; за ними в хронологическом порядке следуют эламоязычные материалы.

Как о политической, так и отчасти о социально-экономической истории Элама дают ценные сведения собственно эламоязычные клинообразные надписи, которые после долгого перерыва начинают появляться с XIII в. до н. э. Хотя в них сведения о социально-экономической жизни Элама незначительны, но и то, что имеется, существенно дополняет те данные, которые извлекаются из частнопроводных документов.

Известны надписи царя Аншана и Суз Унташ-Хумпана (1275—1240) ⁶, сына Хумпануммены (1300—1275). Имеется ряд надписей эламского царя Шутрук-Наххунте I (1185—1155), который вторгся в Вавилонию и увез оттуда ряд важных вавилонских памятников — обелиск Маништусу, победную стелу Нарам-Сина и кодекс Хаммураби ⁷. В надписях этих царей Элама речь идет о строительстве и восстановлении храмов ⁸. То же самое можно сказать о царе Шилхак-Иншушинаке (1150—1120) ⁹, который вел удачные военные действия. Вероятно, часть трофеев выделялась для храмов, как это, например, делал в свое время Пузур-Иншушинак (см. главы II и IV). Надписи Шилхак-Иншушинака важны еще и тем, что в них дана «генеалогия» эламских царей ¹⁰.

Таким образом, мы указали на те источники, сведения которых относятся ко II тысячелетию. Имеются также документы для I тысячелетия. К их числу можно отнести надпись верховного жреца Шутрук-Наххунте II (717—699) Шутруру ¹¹. Эта надпись полностью не под-

⁶ Датировка правления царей здесь и дальше в ряде случаев дается по кн.: W. Hinz, *Das Reich Elam*, Stuttgart, 1964. Как установил В. Хинц, имя Хумпан передавалось так же, как ^dGAL = Napriša «великий бог». Тогда имя этого царя должно звучать «Унташ-Напириша» (см. также W. Hinz, *The elamite god ^dGAL*, — JNES, vol. XXIV, № 4, 1965, pp. 351—354).

⁷ MDP, III, 1901, надпись XXIV.

⁸ MDP, III, надписи II—XXIII, XXVI—XXVII. Упоминаются храмы различных божеств.

⁹ Соответствующие надписи эламских царей можно найти в MDP, II, 1900; III, 1901; V, 1904; XI, 1911, XXXII, 1958; ср. G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams*, Leipzig, 1916.

¹⁰ MDP, V, надпись LXXI, стк. 7—40; MDP, XI, надпись XCV, стк. II—28, стр. 63; надпись XCVI, стк. 12—44, стр. 64—65.

¹¹ MDP, V, надпись XXXVI, стр. 69.

дается объяснению, хотя некоторые места из нее были предметом обсуждения. Нами была сделана попытка перевести наиболее важные ее части (см. главу IV). Эта надпись, в частности уже понятные отрывки из нее, особенно важна тем, что она существенно дополняет ту картину храмового хозяйства, которую удастся воссоздать при помощи частноправовых документов. На основании надписи Шутруру устанавливается наличие храмовых рабов, дарение храмам земли отдельными лицами и целой общиной, наличие эдиктов царя об охране и неприкосновенности храмовой собственности и т. д.

Группа юридических документов, насчитывающих всего семь таблечек, повествует о долговых отношениях, существовавших в Эламе в VII в. до н. э.¹²

Особое положение среди источников I тысячелетия до н. э. занимают хозяйственные документы из Суз¹³, которые относятся к последним годам существования эламского государства. Эти документы дают различные сведения, имеющие существенное значение для восстановления социально-экономической истории Элама этого периода, и относятся к архиву царской администрации, естественно, отражая деятельность царского хозяйства¹⁴.

Этим документами, содержащими сведения о социально-экономических отношениях Элама, пожалуй, исчерпываются¹⁵.

Изучение вопроса

Как было сказано выше, социально-экономические отношения, существовавшие в Эламе, не были предметом специального исследования. Ныне покойный проф.

¹² Впервые опубликованы Шейлем: MDP, XI, 1911, № 301—307; эти документы обработаны и вторично изданы в работе: Ю. Б. Юсифов, *Долговые документы из Суз (VII в. до н. э.)*, — «Сборник в честь академика И. А. Орбели», М.—Л., 1960, стр. 518—524.

¹³ MDP, IX, 1907; Ю. Б. Юсифов, *Эламские хозяйственные документы из Суз*, — ВДИ, 1963, № 3, стр. 201—261.

¹⁴ Шейль и Бок ошибочно принимали их за документы налогового управления. Первоначальную критику этого мнения см.: Ю. Б. Юсифов, *Царское ремесленное хозяйство мидийско-персидского времени*, — «Труды Ин-та истории АН Аз.ССР», т. XIII, 1958, стр. 80—108.

¹⁵ В данном случае не имеются в виду эламоязычные документы и надписи, относящиеся к периоду господства ахеменидских царей.

М. М. Дьяконов писал, что, «несмотря на существование специальных работ, посвященных эламскому праву, социальная история древнего Элама до сих пор остается неразработанной»¹⁶. Поэтому мы коснемся лишь изучения языка частнопровых документов и использования их в тех или иных исследованиях по другим проблемам.

Частнопровые документы, о которых речь шла выше, изданы В. Шейлем. Документы снабжены автографией, транслитерацией, переводом и комментариями к текстам. Воздавая должное В. Шейлю и признавая его заслугу в научном издании этих документов — издании, которое тогда соответствовало всем требованиям ассириологии, достигшей к тому времени больших успехов, — необходимо отметить, что издание в целом страдает рядом недостатков¹⁷. В основном Шейль дал правильный перевод документов, но определенная часть фраз и слов не получила достаточно четкого объяснения, некоторые же вовсе не были переведены, тогда как они могли пролить определенный свет на отдельные стороны социально-экономической жизни страны. К числу недостатков относится также модернизация терминов.

В предисловиях к соответствующим изданиям Шейль давал общую характеристику документов. Говоря о самих таблечках, он отмечал, что они плохо сохранились, поскольку глина не была обожжена. Почерк таблечек разный: архаический, небрежный, аккуратный (MDP, XXII, р. I) и т. д. Язык этих документов аккадский, поэтому В. Шейль полагает, что в сущности основу населения составляли семиты (MDP, XXII, р. II). Однако лишь тот факт, что язык документов аккадский и среди имен собственных встречаются эламитизированные и неэламитизированные шумерские и аккадские имена, еще не является доказательством для такого суждения. Основу населения составляли сами эламиты, что и подтверждается позже появившимися надписями на эламском языке. Характеризуя сами документы, Шейль отмечает, что наиболее торжественные договоры составляются под покровительством богов, среди которых имеются Иншу-

¹⁶ М. М. Дьяконов, *Очерки истории древнего Ирана*, М., 1961, стр. 38.

¹⁷ Ср., например, рецензию на MDP, XXII: P. Koschaker, *Keilschriftforschung*, — OLZ, Bd 35, 1932, № 5, S. 318—321.

шинак и Ишмекараб, что местные царствующие правители могли выступать вместо богов, поскольку встречается клятва именем суккалмаха и царя, и эта формула отличается от вавилонских клятв, где клялись сразу богами и царем (MDP, XXII, р. II). В числе свидетелей упоминаются люди любого пола и звания, которым, как правило, в списке предшествуют боги Шамаш и Иншушинак.

Касаясь датировки правления суккалмахов и царей, а вместе с тем и самих документов, Шейль замечает, что важная часть документов относится к XX в. до н. э.¹⁸ Небольшую часть документов он относит к 2287 или 2187 г. до н. э.¹⁹, т. е. к периоду III династии Ура.

Согласно Шейлю, Кук-Нашур, засвидетельствованный в документах как один из правителей Элама, является современником вавилонского царя Аммисадуки²⁰. Далее Шейль отмечает, что документы в основном охватывают период I Вавилонской династии²¹. По новейшим хронологическим данным, существование I Вавилонской династии²² падает на 1894—1595 гг.

Первоначальный анализ частноправовых документов, изданных в XXII—XXIII томах MDP, был сделан французским исследователем Э. Кюком. У него имеются две

¹⁸ Эта часть документов, согласно Шейлю, писалась на протяжении 360 или 260 лет. По существующим взглядам, они относятся к первой половине II тысячелетия до н. э., т. е. охватывают период от начала II тысячелетия до 1600 г. до н. э., хотя отдельные документы были написаны еще в период существования III династии Ура. В этом смысле датировка данных документов теперь не вызывает сомнения.

¹⁹ MDP, XXII, р. V. Шейль здесь следует устаревшей хронологии. В настоящее время существует не менее пяти хронологических систем (см. *The Bible and the Ancient Near East*, London, 1961, р. 220). Советская школа принимает среднюю систему, известную у нас как хронология Струве—Смит (начало правления Хаммураби = 1792 г. до н. э.).

²⁰ Этот синхронизм был подтвержден опубликованной Унгнадом таблеткой из Берлинского музея, в которой документ Кук-Нашура датирован правлением Аммисадуки (см. A. Ungnad, *Untersuchungen zu den Urkunden aus Dilbat*, — BA, VI, № 5, 1909, S. 1—8).

²¹ MDP, XXIII, р. III; XXIV, р. I. Лишь одна группа таблеток — № 291—306, исключая № 303, относится к более древнему периоду, а именно периоду III династии Ура, может быть, к последним годам существования этой династии.

²² См. В. В. Струве, *Датировка I Вавилонской династии*, — ВЛИ, 1947, № 1, стр. 22; S. Smith, *Alalakh, a Chronology*, London, 1940, р. 29 sq.

статьи, посвященные каждому тому в отдельности²³. Характер исследования в обеих статьях одинаков, а само исследование ведется в том порядке, в каком сгруппированы документы у Шейля. Придерживаясь главным образом переводов Шейля наряду с пересказом содержания документов, имеющих непосредственное отношение к разбираемой им теме, и по мере возможности занимаясь юридическим анализом их данных, Э. Кюк дал узкоправоведческое толкование текста и сделал первоначальную попытку установить характер эламского права, приведя аналогии из соседних стран, в том числе из области античного права.

Отмечая, что большинство документов относится к периоду I Вавилонской династии, Э. Кюк подчеркивает, что юридические документы из Суз представляют собой интерес для выяснения истории права²⁴, поскольку сама эламская цивилизация имеет большую древность.

В начале статьи Э. Кюк пишет, что обычаи, существовавшие в Сузах, отличались от обычаев Вавилонии и Аррапхи, и выделяет главные из них, характерные для Элама: 1) признанная роль богов в создании актов земельной собственности и прав семьи; 2) важность психологического элемента при заключении и определении контрактов (это выражалось формулой о том, что лицо, заключившее договор, действует в полном здравии и по своей доброй воле²⁵); 3) объявление о праве постоянного или временного владения недвижимостью. Данное право вводится в действие обрядом забития колышка²⁶;

²³ E. Cuq, *Les actes juridiques Susiens*, — RA, XXVIII, 1931, № 2, pp. 47—73; E. Cuq, *Le droit élamite d'après les actes juridiques de Suse*, — RA, XXIX, 1932, № 4, pp. 149—183.

²⁴ E. Cuq, *Les actes juridiques Susiens*, p. 48.

²⁵ Ссылаясь на работу М. Сан-Николо (M. San Nicolo, *Beiträge zur Rechtsgeschichte im Bereiche der keilschriftlichen Rechtsquellen*, Oslo, 1931, S. 181), Э. Кюк отмечает, что в Вавилонии это происходило только в нововавилонскую эпоху, когда требовали, чтобы воля была свободна при составлении юридического акта.

²⁶ Здесь имеется в виду забивание колышка на ту или иную недвижимость. Э. Кюк замечает, что эта форма заявления о праве владения была общей с Шумером. Действительно, в Вавилонии встречается даже «глава колышка» (см. P. Kraus, *Altbabylonische Briefe*, — MVAG, 35, 2, Leipzig, 1931, S. 10—13), но насколько он имел отношение к земельным наделам, сказать трудно (ср. И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*. Шумер, М., 1959, стр. 133 и прим. 61).

тот, кто нарушит эти договоры, навлечёт на себя гнев богов; он будет проклят и отправлен в реку, чтобы бог поразил его голову²⁷.

Указывая на наличие терминов *awēlum* «свободный», *miškēnum* «зависимый», *ge'um* «пастух», *warduni* «раб» в документах, Э. Кюк, не вникая в существо вопроса, высказывает мысль об аналогичности социальной структуры Элама и Вавилонии²⁸. Здесь надо было бы говорить о существовании аналогичных социальных категорий людей, ибо свободный и зависимый — раб или кто-либо другой — имелись почти во всех странах древнего Востока и всегда противопоставлялись друг другу, но этот вопрос Э. Кюк даже не рассматривает, так как его интересовала лишь правовая сторона дела.

Частноправовые документы были предметом исследования немецкого юриста П. Кошакера. Занимаясь общей разработкой юридических отношений древнего Востока, П. Кошакер для этой цели использовал и эламские частноправовые документы, при этом для подтверждения того или иного положения он привлекал материал соседних стран; кроме того, проводя правоведческий анализ, он коснулся в ряде случаев и социально-экономических вопросов, но лишь попутно, в целях выяснения эламского права. Однако главной теоретической ошибкой П. Кошакера, да и других буржуазных исследователей, было то, что исходным пунктом исследования он считал теорию о наличии на всем древнем Востоке феодального строя. Смешивая феодализм с элементами иерархии властей, характерными иногда и для рабовладельческого строя, П. Кошакер толковал эламское право как феодальное. Однако ни эламские частноправовые документы, ни другие древневосточные тексты не дают никакого основания говорить о существовании на древнем Востоке феодализма в экономическом смысле²⁹.

²⁷ E. Cuq, *Les actes juridiques Susiens*, pp. 48—49. Продолжая мысль, высказанную в последнем пункте, Э. Кюк пишет, что со временем эта угроза стала недостаточной, и гнев бога заменили гневом великого комиссара (титул *суккалмах* им модернизирован) и местного царя. Иногда отрезали руки и язык нарушителю сделки, могли обложить его денежным налогом. Все это, как отмечает Э. Кюк, вело к секуляризации права.

²⁸ E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 150.

²⁹ Поскольку данная работа была написана и находилась уже в издательстве до дискуссии об азиатском способе производства (см.

В одной из своих работ П. Кошакер³⁰ главным образом затрагивает вопрос о закладном праве, о клаузулах ответственности, встречающихся в документах займа, аренды и купли-продажи, причем эта статья основана лишь на данных, опубликованных в МDP, XXII. Сделки с формулой *ezib tabal* он принимает за заклад земельного участка, причем основанием для этого ему служит § 49 Законов Хаммураби. Но ни те, ни другие не подтверждают мнения П. Кошакера. Сделки с формулой *ezib tabal* являются арендными. Поскольку в статье речь идет о закладном праве (хотя его исходный пункт ошибочный), постольку П. Кошакер использует имеющиеся термины для залога, пытается определить назначение каждого из них и в конце концов приходит к выводу, что в праве Суз выделяются три основных вида залога: два вида закладов с правом пользования залогом для кредитора, а именно денежная антихреза *ezib tabal* и процентная антихреза *tanazānu* с правом выкупа, и третий залог без права пользования, осуществившийся забитием колышка³¹. Но его первых два вывода не только не вытекают из содержания документов и приведенных им аналогий, которые не совсем безупречны, но и вообще не соответствуют действительности. Во-первых, *ezib tabal* — арендная сделка, при которой плата за аренду вносилась заранее. Во-вторых, слово *tanazānu* на самом деле применялось для обозначения залога. Однако П. Кошакер соответствующий пример с термином *tanazānu* берет из купчих и, неправильно переведя его, толкует этот термин как залог с выкупом, что совершенно не соответствует содержанию документов. Лишь толкование «забития колышка» как залога без права пользования типа ипотеки является правильным. Далее он останавливается на слове *sissiktu* и толкует его как символ ответственности, на слове *izib-*

статьи Ж. Сюрэ-Каналя, М. Годелье, В. В. Струве в НАА, 1965, № 1, стр. 101—109 и Н. Б. Тер-Акопяна в НАА, 1965, № 2, стр. 74—88), то автор не смог выразить свое отношение к ней. Автор считает, что прежде чем пересмотреть существующий взгляд или воскресить старый, необходимо глубже ознакомиться с фактическим материалом, рассматривая условия каждой страны в отдельности.

³⁰ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden aus den östlichen Randgebieten des Hellenismus*, — ASAW, phil.-hist. Kl., XLII, № 1, 1931, S. 90—117.

³¹ *Ibid.*, S. 108.

lum, которое, по его мнению, также обозначает залог без права пользования типа ипотеки или является условной передачей права, что больше всего соответствует действительности. В определенной степени он связывает с ответственностью также термин *taḥḥūte* из «маламирских» текстов³². Однако правовая природа, если выражаться словами П. Кошакера, этих терминов не соответствует содержанию документов. В этой статье П. Кошакер дал скорее гипотезы, чем их решение, но он поднял также ряд других вопросов, относящихся к области понимания отдельных слов и фраз.

Одна из работ П. Кошакера³³ посвящена вопросам фратриархата, домашней общины и материнского права Хаясы, Аррапхи и Элама, где автор исследует общие и характерные особенности каждой страны. Для нас представляет интерес раздел об Эламе. Его выводы относительно существования домашней общины и сохранения материнского права, которые в Эламе продолжали свое существование лишь в царских родах, могут быть приняты с определенными оговорками. Однако вопрос о домашней общине, как таковой, им не ставится, и о ней он говорит как о само собой разумеющемся факте, не разбирая собственно эламские документы. Касаясь приема в «братство» и с ним связанных правовых особенностей в Хаясе и Аррапхе, П. Кошакер в разделе «Элам» свои штудии начинает с документов об усыновлении и приеме в «братство», определяет условия приема в «братство» (*aḥḥūtu*) и правовые нормы, возникавшие при этой сделке. Прием в «братство» он понимает как передачу имущества на случай смерти. Этот ошибочный вывод сделан на основании двух-трех документов, которые, кроме одного случая, даже не дают повода для такого рассуждения. В связи с этим он затрагивает вопрос о праве наследования, привлекая для этой цели термины родства как из собственно эламоязычных надписей, так и из частноправовых документов. Сопоставляя эламский материал и в соответствии с этим высказывая соображения относительно престолонаследия

³² Ibid., S. 108—117.

³³ P. Koschaker, *Fratriarchat, Hausgemeinschaft und Mutterrecht in Keilschriftrechten*, — ZA, NF, VII, 1933, S. 1—89. Непосредственно Эламу посвящены стр. 46—68, после чего следуют обобщения.

в Эламе. П. Кошакер отмечает, что мы можем доказать для эламской правящей семьи фратриархальное состояние в двух отдаленных друг от друга 7—8 столетиями периодах. П. Кошакер при этом отказывается переносить эту организацию семьи на гражданское общество, ибо, как он полагает, в нем тщетно искать фратриархат, напротив, там уже существует патриархат с правом наследования сына. След фратриархата он видит только в «братстве», которое свидетельствует о том периоде, когда семья подчинялась брату³⁴. Фактически он останавливается не на существовавшей форме «братства», а на истории возникновения права брата. Отмечая гипотетичность своих выводов относительно «братства», П. Кошакер обращается к собственно эламским надписям для доказательства наследования престола братом братом³⁵. Здесь П. Кошакер высказывает мысль, что он не компетентен обсуждать эти надписи с филологической точки зрения, поэтому ограничивается лишь их юридической оценкой. На основании поздних надписей (XIII в. и далее) и данных об эламских суккалмахах он пытается обосновать свою теорию о наследовании престола братом и вместе с тем высказывает ряд ценных замечаний о последовательности правления эламских суккалов. Однако главенство одного из братьев в ведении общего хозяйства или наследование престола братом в царских семьях совершенно не доказывают существования в Эламе фратриархата. Там не было такой стадии общественного развития. Черты, которые отмечает П. Кошакер, характерны для определенной разновидности патриархальной родовой общины.

Другая работа П. Кошакера³⁶ посвящена установлению форм права, существовавшего в Эламе. Говоря об упоминаемом в частноправовых документах «правиле» или «обычае», П. Кошакер отмечает, что оно встречается в различных контекстах и не принадлежит только какому-либо одному конкретному лицу, которое его ввело. На основании содержания документов он показывает, что то или иное правило могло исходить как от бо-

³⁴ Ibid., S. 60.

³⁵ Ibid., S. 51 sq.

³⁶ P. Koschaker, *Göttliches und weltliches Recht nach den Urkunden aus Susa*, — «Orientalia», NS, vol. IV, 1935, № 5, S. 38—81.

жества, так и от светского правителя, а некоторые другие, возможно, содержали в себе совокупность всего правового порядка как божественного, так и светского права³⁷.

Касаясь клятвы царем в имеющихся документах и приведя некоторые соответствующие архаичные формы из Двуречья, П. Кошакер относит отдельные документы к более раннему периоду. В связи с этим он останавливается на вопросе, в какой последовательности сменяли друг друга правители, высказывает ряд соображений об их титулах и выдвигает мысль о том, что клятва правителем должна была быть древнее клятвы божеством³⁸. Он приходит к такому выводу, что существовала известная противоположность между церковным (т. е. храмовым) и светским правом, но этот контраст был менее резким, чем тот, который существовал между римскими *fas* и *ius*. В связи с тем что правило (*kubussûm*), упомянутое в документах, не только относится к области сакрального права, но может восходить и к правителям, у него возникает вопрос, является ли *kubussûm* сводом законов или оно устно отражает правила действующего церковного и светского права. Он склонен считать, что *kubussûm* было также писанным законом, а в единичных случаях *kubussûm* — это постановление правителя³⁹.

Следующая работа П. Кошакера⁴⁰ по сути дела посвящена обзору клинописных правовых документов из Нузи и Суз, конкретно XXIII—XXIV томам MDP. Отмечая заимствования из шумеро-аккадского мира, П. Кошакер пишет, что Двуречье в старовавилонский период оказало культурное влияние на Элам⁴¹.

³⁷ Ibid., S. 46. Конечно, в связи с этим он затрагивает и другие правовые нормы, сосредоточенные вокруг данного вопроса.

³⁸ Ibid., S. 46—63.

³⁹ Ibid., S. 63—68. Далее речь идет о суккалате и порядке наследования престола.

⁴⁰ P. Koschaker, *Randnotizen zu neueren keilschriftlichen Rechtsurkunden*, — ZA, NF, IX, 1936, S. 126—232 (об Эламе страницы 221—232). Рецензия Кошакера, опубликованная в OLZ (1932, № 5, pp. 318—321), была посвящена MDP, XXII.

⁴¹ P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 221—224. При этом он подчеркивает большое влияние аккадского языка в период существования Аккадского государства, поскольку от этого периода имеются соответствующие административные документы (MDP, XIV, 1913), в которых речь главным образом идет о продовольствии и одеждах,

Далее он рассматривает некоторые документы из числа купчих, долговых, дарственных и т. д. В целом работы П. Кошакера, а также Э. Кюка были первыми исследованиями, посвященными эламскому праву, хотя П. Кошакер затрагивал более широкий круг вопросов.

Кое-какие данные из частноправовых документов, в том числе все основное из эламских надписей, были использованы Ф. В. Кёнигом⁴² для выяснения вопроса о престолонаследии в эламском царском роде. В целом эта работа была первой попыткой заглянуть в правовой порядок наследования трона в Эламе, хотя порой при установлении значения и назначения тех или иных терминов родства им допускался произвол и высказывались необоснованные положения.

В другой своей статье⁴³, посвященной той же проблеме, Ф. В. Кёниг отмечает, что предыдущая статья, так же как работа П. Кошакера (см. выше, прим. 33), устарела вследствие новых находок и новых знаний. Автор перечисляет все эламские слова родства и на основании надписей показывает соответствие эламского термина родства *guhušak* аккадскому *mār aḫāti* «сын сестры»⁴⁴. Привлекая данные из документов, Ф. В. Кёниг приходит к заключению, что никакого фратриархата — наследования братом престола брата — не существовало, поскольку в надписях братья не выделяются и в перечислении не следуют друг за другом, но что не преобладал и матриархат⁴⁵. Однако Ф. В. Кёниг в ряде случаев остается на прежних позициях.

В связи с изучением старовавилонского права некоторые клаузулы ответственности и клятвы из частнопра-

об их выдаче и приеме (стр. 62 и сл.). Далее (стр. 225, прим. 3), упоминая мнение Л. Оппенгейма о том что надо принять термин «горное право» для таких народов, как Элам, и выяснить влияние этого права на Вавилонию, П. Кошакер говорит о преждевременности такого предложения и несостоятельности понятия «горное право», которое валит в одну кучу эламитов, субареев, ассирийцев, касситов и т. д.

⁴² F. W. König, *Mutterrecht und Thronfolge im alten Elam*, — FNB, Wien, 1926, S. 529—553.

⁴³ F. W. König, *Geschwisterehe in Elam*, — RLA, Bd 3, № 3, 1964, S. 224—231. На эту работу автору указал И. Клима в своем отзыве на автореферат докторской диссертации Ю. Б. Юсифова (ОЕ, t. 34, 1966, № 2, pp. 233—236).

⁴⁴ Ibid., S. 224.

⁴⁵ Ibid., S. 227.

вовых документов затронул также Л. Оппенгейм⁴⁶. Основываясь на сравнении соответствующих материалов, Л. Оппенгейм отметил своеобразие общей правовой картины Суз и обнаружил это же своеобразие в месопотамских правовых документах, но только в тех, которые происходят из Дильбата, Ниппура, Ларсы, Куталлы, причем это соответствие связывает Сузы либо только с Дильбатом, либо непосредственно с южноавилонскими городами-государствами. В связи с этим он предполагает, что эти аналогии могли возникнуть в результате изменения политического положения страны и этнического передвижения, которые едва ли уловимы⁴⁷. Посредством сравнения соответствующих клаузул Л. Оппенгейм приходит к выводу, что правовая культура Суз находит свое место в большой ассирио-авилонской правовой сфере и что на нее наложило свою печать южноавилонское городское право⁴⁸, и подчеркивает, что особая важность этой правовой сферы обнаружится тогда, когда тексты будут исследоваться с данной позиции⁴⁹.

Уместно упомянуть, что и другие данные из тех же частнопровых документов также связывают Сузы с южной Вавилонией. В связи с этим достойна внимания соответствующая часть работы С. Лэнгдона, который, исследуя названия месяцев в частнопровых документах, приходит к выводу, что при III династии Ура аккадцы, которые заняли Элам, ввели семитскую версию ниппурского и урского календарей в практическую жизнь эламитов⁵⁰.

Частнопровые документы в последние годы были предметом юридического исследования в работах чешского ученого И. Климы⁵¹. В отличие от своих коллег он

⁴⁶ L. Oppenheim, *Studien zu den altbabylonischen Stadtrechten*, — «Orientalia», vol. IV, fasc. 2, 1935, № 5, S. 145—175; L. Oppenheim, *Der Eid in den Rechtsurkunden aus Susa*, — WZKM, 43, 1936, S. 242—262.

⁴⁷ L. Oppenheim, *Studien*, S. 153—168.

⁴⁸ М. Сан-Николо (M. San-Nicolo, *Beiträge zur Rechtsgeschichte*, S. 43 sq.) полагает, что вавилонское право проникает в соседние страны, о чем свидетельствуют данные из Элама.

⁴⁹ L. Oppenheim, *Studien*, S. 168—174.

⁵⁰ S. Langdon, *Babylonian Menologies and the Semitic Calendar*, London, 1934, pp. 42—48.

⁵¹ J. Klíma, *Zur Entziehung des Erbrechtes nach den akkadischen Urkunden aus Susa*, — «Charisteria Orientalia J. Rypka», Praha, 1956, S. 128—134 (отдельный оттиск); J. Klíma, *Untersuchungen zum ela-*

в своих работах отвел значительное место фактическому материалу, но в переводе текста в основном следовал за своими предшественниками. Исследования И. Климы были направлены на выяснение наследственноправовых отношений с чисто юридической точки зрения. Одна из последних его работ посвящена эламскому праву II тысячелетия и его положению по отношению к праву Вавилонии⁵². В этой работе И. Клима касается многих вопросов — названия страны, титулов суккала и суккалмаха, соответствующих терминов родства, эламского законодательства, терминов залога, аренды и дарения. Местами работа носит обзорный характер, хотя в ряде случаев автор проявляет исследовательское отношение к изучаемым проблемам.

Буквально за последние несколько лет кроме упомянутых статей И. Климы появилось несколько работ, посвященных исследованию тех или иных вопросов, связанных с частноправовыми документами. Одна из статей Л. де Мейера⁵³ посвящена вопросу о сузианской семье во времена правления суккалмахов, конкретно выявлению генеалогии рода некоего Эмбубу. В связи с этим автор затрагивает вопрос о разделе имущества в роде Эмбубу, поскольку сохранилось несколько таких документов. В ряде случаев он пытается установить личность старшего в роде в последовательных поколениях и предполагает выделение старшему сыну доли сверх полагающейся части⁵⁴, но против этого говорят многочисленные другие случаи. Л. де Мейер отмечает, что в разделе имущества (применимо к рассматриваемому случаю) не участвуют родственники по восходящей линии и вместе с тем высказывает предположение о принадлежности различных лиц к данному роду⁵⁵. Конечно, гипотетический характер последнего предположения им не исключается.

mischen Erbrecht, — АО, 28/1, 1960, S. 5—53; J. Klíma, *Donatio mortis causa nach den akkadischen Rechtsurkunden aus Susa*, — FJF, S. 229—259.

⁵² J. Klíma, *Le droit élamite au II-me millénaire av. n.è, et sa position envers le droit babylonien*, — АО, 31, 1963, pp. 287—308.

⁵³ L. de Meyer, *Une famille susienne du temps des sukkalmahhu*, — «Iranica Antiqua», vol. I, Leiden, 1961, pp. 8—19.

⁵⁴ Ibid., p. 13 sq.

⁵⁵ Ibid., pp. 10, 18—19.

Работа П. де Мейера интересна тем, что она дает новое направление в изучении частноправовых документов. В заключении Л. де Мейер отмечает, что просопографическое исследование такого рода способствует не только составлению генеалогий и определению связей, существовавших между различными семьями в Сузах, но и главным образом установлению относительной хронологии, которая оказывается необходимой ввиду крайней скудности более точных указаний⁵⁶.

Следующая статья Л. де Мейера⁵⁷ посвящена выяснению значения выражений *qadu lā bēri*, следовательно, слова *bēri*, встречающегося в некоторых частноправовых документах. Для этого слова он предлагает значение «колодец», однако некоторые данные, извлекаемые из тех же документов, не позволяют согласиться с ним⁵⁸.

О языке и письме частноправовых документов говорится в большой работе Э. Салонена⁵⁹. Автор отмечает, что эти документы в языковом отношении не изучены, и прилагает свои усилия к выяснению вопросов орфографии и силлабария. Хотя отдельные слова, термины и фразы этих документов были затронуты предшествующими исследователями в связи с изучением правовых и других отношений, но изучение языка, особенно орфографии, в целом не сдвинулось с мертвой точки. Э. Салонен впервые стал на путь комплексного изучения этих документов в языковом и орфографическом аспекте. Как отмечает Э. Салонен, население Суз не было аккадизировано, что ясно видно из имен собственных, но там должны были быть вавилонские поселения. Исследуя применяемые формы клинописных знаков, он распределяет соответствующие тексты по трем периодам: 1) тексты древнего периода; 2) тексты переходного периода; 3) тексты нового языкового периода⁶⁰. В резуль-

⁵⁶ Ibid., p. 19.

⁵⁷ L. de Meyer, *A propos de l'expression qadu lā bēri dans un contract de partage susien*, — RA, LV, 1961, № 4, pp. 201—205.

⁵⁸ К сожалению, книга L. de Meyer, *L'accadien des contracts de Suse*, Supplément a la Revue «Iranica Antiqua», vol. IV, 1963, не была доступна автору. Речь идет о грамматике аккадского языка частноправовых документов из Суз.

⁵⁹ E. Salonen, *Untersuchungen zur Schrift und Sprache des Alt-babylonischen von Susa*, Helsinki, 1962 (Studia Orientalia, XXVII, 1).

⁶⁰ Ibid., S. 10.

тате распределения текстов согласно их орфографии Э. Салонен⁶¹ получает довольно веский аргумент для определения последовательности правления эламских правителей, имена которых встречаются в частнопроводных документах. На основании этой орфографической классификации можно изменить до сих пор принятую последовательность правления эламских суккалмахов и царей. Это прежде всего относится к Кук-Кирвашу и другим, которых обычно помещали в середине или в конце списка правителей. Исходя из наблюдений Э. Салонена, Кук-Кирваша и других можно поместить где-то после Шилхахи, основателя династии суккалмахов.

Выяснению вопросов хронологии правления эламских суккалмахов и применяемого в частнопроводных документах календаря посвящена статья В. Хинца⁶². Главным источником исследования для него также служат те же частнопроводные документы. Хотя хронологическая классификация правления эламских суккалмахов и последовательность их царствования были предметом рассмотрения в работах ряда исследователей⁶³, но их выводы, как отмечает В. Хинц, согласующиеся в ряде пунктов, не совсем отражали истинное положение дел. Поэтому В. Хинц, возвращаясь к этому вопросу, названных в документах правителей делит и рассматривает по поколениям⁶⁴. Во второй части этой статьи В. Хинц прежде всего обращает внимание на то, что в старозламском календаре, который пестрит шумерскими или аккадскими названиями месяцев, два месяца являются чисто эламскими, а именно ланлупе и залилитум, и заключает, что старозламский календарь начинался не в начале весны, а в начале осени, и ланлупе был первым месяцем, залилитум же пятым⁶⁵. Кроме того, В. Хинц по мере возможности выявляет эламские эквиваленты названий аккадских месяцев⁶⁶. Эта работа В. Хинца суще-

⁶¹ Ibid., S. 9—30.

⁶² W. Hinz, *Elamica*, — «Orientalia», vol. 32, fasc. 1, 1963, № 5, S. 1—20.

⁶³ Например, M. Rutten, *Archéologie Susienne*, — MDP, XXXI, 1949, pp. 151—167; G. G. Cameron, *History of early Iran*, Chicago, 1936, p. 229 (список правителей); P. Koschaker, *Göttliches...*, S. 38—80; см. также списки В. Шейля в MDP, XXII—XXIV.

⁶⁴ W. Hinz, *Elamica*, S. 1 sq.

⁶⁵ Ibid., S. 13 sq.

⁶⁶ Ibid., S. 13—18. Здесь же дана соответствующая таблица.

ственно расширяет наши представления об эламском календаре.

Не менее важным является исследование В. Хинца, написанное для «Кембриджской древней истории», где Элам рассматривается в разделе «Персия»⁶⁷. В главе, отражающей период с 2400 по 1800 г. до н. э., даются сведения о политической истории, религии и культуре Элама. Другая глава отражает период с 1800 по 1550 г. до н. э., до появления касситов в Эламе⁶⁸; здесь Хинц освещает вопрос о династии суккалмахов Элама, дает датировку их правления и останавливается на правовой жизни древнего Элама. На основании частныхправовых документов Хинц полагает, что благодаря распространению аккадских идей в Сузах эламиты впервые начали совершать правовые сделки письменно⁶⁹, поскольку местная правовая система Элама первоначально была устной⁷⁰, а письменная система была импортирована из Вавилонии, но он отмечает, что взаимное влияние и проникновение двух форм придают эламской правовой системе в древние времена особый характер⁷¹.

Таким образом, как видно, ни один из этих исследователей конкретно не затрагивал вопроса о социально-экономических отношениях, хотя эти документы прежде всего дают богатый и разнообразный материал для данной цели. Но это и не случайно. В недавнем прошлом предметом оживленного обсуждения были правовые вопросы, поэтому остальные проблемы оставались за пределами внимания исследователей. Лишь в последние годы зарубежные ученые стали обращать внимание на вопросы социального и экономического характера.

Эламоязычные источники в той или иной степени бы-

⁶⁷ W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, — «The Cambridge Ancient History», vol. I, 1963, ch. XXIII, pp. 3—43.

⁶⁸ W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, — «The Cambridge Ancient History», vol. II, 1964, ch. VII, pp. 3—37.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 18.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 18 sq.; ср. L. Oppenheim, *Der Eid in den Rechtsurkunden aus Susa*, — WZKM, 43, 1935, S. 252.

⁷¹ W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, p. 19. Исследуя правовые вопросы, В. Хинц опирается как на источники, так и на имеющуюся литературу. К сожалению, очень важную работу В. Хинца («Das Reich Elam»), упомянутую уже выше, мы получили тогда, когда работа была в издательстве. Несмотря на это, автор использовал хронологию некоторых правителей, предложенную В. Хинцем.

ли затронуты разными исследователями, но их прежде всего интересовала расшифровка письма и интерпретация языка. Особую роль для данной темы играют хозяйственные документы из Суз⁷², которые по своей значимости стоят наравне с частноправовыми документами. Поскольку эти документы исследованы и изданы, то данные их будут использованы по мере надобности. Вообще эламоязычные документы отчасти были разработаны в филологическом отношении. Из них хозяйственные документы написаны во второй четверти VI в. до н. э.⁷³, а частноправовые документы, насчитывающие всего семь таблечек, относятся ко второй половине VII в. до н. э.⁷⁴.

Географические условия

Совершенно невозможно установить точные географические границы Элама для всех периодов, когда существовало эламское государство, ибо в течение столетий границы этой страны подвергались неоднократным изменениям в зависимости от успехов и поражений местных правителей. Сказать что-либо определенное относительно ее восточных и северо-восточных границ при нынешнем состоянии наших знаний и из-за отсутствия соответствующих данных невозможно, хотя Ф. Кёниг на основании фактов археологии и культуры доводит зону влияния Элама до Туркестана, до верховьев Инда и Аравийского полуострова⁷⁵. Однако вряд ли сфера влияния эламского государства была столь обширна. Наличие на всей этой территории частично сходных археологических культур, которые возникли до образования государства, не может быть доказательством распространения мощи эламского царства на упомянутые райо-

⁷² MDP, IX, 1907; XI, 1911; Ю. Б. Юсифов, *Эламские хозяйственные документы из Суз*, — ВДИ, 1963, № 2—3.

⁷³ Ю. Б. Юсифов, *Хозяйственные документы из Суз и хронология ранних Ахеменидов*, — ВДИ, 1958, № 3, стр. 18—32, ср. W. Hinz, *Zu den Persepolis-Täfelchen*, — ZDMG, NF, 35 (110), 1961, № 2, S. 250, Anm. 60.

⁷⁴ Ю. Б. Юсифов, *Долговые документы из Суз (VII в. до н. э.)*, стр. 518 и сл.

⁷⁵ F. W. König, *Geschichte Elams*, Leipzig, 1931 («Der Alte Orient», Bd 29, H. 4), S. 5. Правда, Ф. Кёниг отмечает трудности установления этого факта. Его мнение основано лишь на археологическом (и притом устаревшем) материале.

ны. Области на востоке до позднейшего Персеполя включительно и территория до Соляной пустыни на северо-востоке, по всей вероятности, были досягаемы эламитами и могли оказаться под их контролем.

Сравнительно легче и проще описание и установление границы Элама на западе и северо-западе, в направлении Ассирии и Вавилонии. Но и здесь возникает затруднение в определении границ Элама, ибо в этих районах были расположены области, которые в зависимости от ситуации переходили из рук в руки. Однако можно полагать, что во времена расцвета эламского государства и увеличения его военной мощи оно контролировало обширную территорию, простиравшуюся от границ Вавилонии и Ассирии (в древности Шумера и Аккада) на западе и северо-западе⁷⁶ до районов позднейшего ахеменидского Персеполя⁷⁷ и Соляной пустыни на востоке и северо-востоке⁷⁸. Вероятно, при Пузур-Иншушинаке, который впервые предпринял попытку объединить весь Элам под эгидой одного правителя, и при Кутир-Наххунте, одержавшем победу над Аккадом, Элам занимал большую территорию. Немногим позже цари эламского происхождения правили в пограничной с Двуречьем области Ямутбале и в Ларсе в самом Двуречье. При царях второй половины II тысячелетия Шутрук-Наххунте и Шилках-Иншушинаке сила эламского оружия распространялась очень далеко. На юге Элам всегда примыкал к Персидскому заливу.

Ядро эламской территории было окружено со всех сторон высокими горами, отроги которых в некоторых местах врзывались в равнины. Столица эламского царства Сузы была расположена на равнине. К равнине Суз с северо-запада, севера и северо-востока примыкала эламская горная страна. Между горными цепями нахо-

⁷⁶ Ibid., S. 5. Ф. Кёниг доводил северо-западные границы Элама до современного Хамадана, что достаточно вероятно для времен расцвета Эламского государства.

⁷⁷ Ср. E. Herzfeld, *Archeological History of Iran*, London, 1935, p. 5 sq.

⁷⁸ Р. Майер (R. Mayer, *Die Bedeutung Elams in der Geschichte des alten Orients*, — «Saeculum», Bd 7, 1956, Н. 2, p. 198 sq.) отмечает, что во времена расцвета Эламской империи ей принадлежала обширная область, включавшая провинцию Арабиستان (Хузистан), Луристан и западную половину провинции Фарс. Северную границу он доводит до Сулеймание.

дидлись большие и маленькие плодородные долины, которые местами были трудно доступны⁷⁹. Здесь скрывались цари и население во время иноземных нашествий.

С гор стекали ручьи, которые выходили на равнинные области Элама, тем самым создавая благоприятные условия для земледелия. Хотя на юго-востоке не все долины были приспособлены для возделывания сельскохозяйственных культур, но в долинах, расположенных на правом берегу Каруна, и в долине Маламира на левом берегу той же реки, на равнине Суз и в других местах существовали благоприятные условия для занятия земледелием, и эти районы, как показывает археологический материал, были заселены с древнейших времен. Еще в археологическом слое «Сузы А» устанавливаются древнейшие поселения с культурой крашеной керамики, каменными изделиями и т. д.

Одной из больших рек Элама была Керха, которую ассирийцы называли Укну, греки — Хоасп. Начиная со среднего течения и выше Керха носит название Сейнмарре.

Самой значительной из всех эламских рек является Карун, в Библии и у вавилонян — Улай, у греков — Эвлей. Сузская равнина располагалась между реками Карун и Керха. Видимо, в верховьях реки Карун находились эламские области Аншан⁸⁰, Симаш и Кимаш⁸¹. Остальные реки Элама менее значительны; они уже к концу весны высыхают совсем или частично, и воды не достигают устья.

Климат Элама был континентальный и, вероятно, существенно отличался от нынешнего. Здесь, главным образом на равнинах, зима очень мягкая, а летом наступает сильная жара. Самое жаркое время года на рав-

⁷⁹ Подробное описание Сузской равнины и географических условий Элама дано у Р. Майера (ibid., S. 198—203). Ср. W. Hinz, *Das Reich Elam*, S. 16.

⁸⁰ F. W. König, *Geschichte Elams*, S. 6; F. Bork, *Elam. B. Sprache*, — «Reallexikon der Vorgeschichte», Berlin, III, 1925, S. 72. Может быть, Аншан находился несколько восточнее этого района. Кэмерон (G. G. Cameron, *History*, p. 31) локализует его на юго-востоке от собственно Элама. Ср. R. Kent, *Old Persian Grammar*, New Haven, 1953, p. 159.

⁸¹ F. König, *Geschichte Elams*, S. 6. Более поздние источники обозначают Симаш как пограничную область с Мидией (ср. G. G. Cameron, *History*, p. 155).

нине Суз — от мая до октября. Температура иногда может доходить до 60° в тени. Лишь к ноябрю спадает жара. В январе и феврале температура временами падает до 4—5 градусов холода. Несмотря на это, уже в январе появляется первая зелень на равнине, а к концу февраля наступает настоящая весна. Уже в марте созревает зерно и к концу апреля начинается жатва⁸².

Существование подобного климата на плодородной равнине создавало благоприятные условия для возникновения древнейшей цивилизации, для развития земледелия, скотоводства и ремесла.

Хотя Элам с запада отделен от Вавилонии и Ассирии горами и болотами, но имелись и пути, связывающие его с этими странами. Связи с Двуречьем осуществлялись водным путем через Персидский залив. Существовал также путь, соединяющий Элам с Ассирией и Двуречьем, который проходил от района Сулеймание до верховьев долины Керхи. Оттуда дорога вела к Сузам. Имелись и другие пути, через которые осуществлялись связи с Двуречьем.

Название

В Эламе существовало несколько областей, наименования которых зафиксированы в наиболее ранних письменных источниках, а именно в шумерских и аккадских надписях. Наиболее значительными из этих областей были Симаш, Аншан, Сузы, Аван⁸³, Адамдун и др. Шумерские письменные источники страну в целом называли NIM^{ki} «высокая», ассирийские же надписи — Elamtu. Современное литературное обозначение этой страны заимствовано от древнееврейской формы 'Elām⁸⁴. Ранние правители Элама носили титул, в котором фигурировали названия Элама (NIM^{ki}), Суз, Симаша, позже последний заменился Аншаном. Вероятно, NIM^{ki} первоначально также было названием одной из областей, которая, мо-

⁸² R. Mayer, *Die Bedeutung Elams*, S. 201 sq.

⁸³ Как и Сузы, Аван было названием города. Нередко область называлась по наименованию города. Аван, вероятно, находился северо-западнее Суз. См. карту у Кэмерона (G. G. Cameron, *History*, p. 261).

⁸⁴ Древнеперсидские источники называют эту страну Увджа, а античным историкам известно два наименования — Сузиана и Элимаида.

жет быть, благодаря своему выгодному географическому положению выдвинулась на передний план.

О происхождении наименования Элам существуют различные точки зрения. Предполагали, что название Элам произошло от аккадского слова *elū* «высокий», которым якобы обозначали эту страну, поскольку она была расположена в горах, следовательно, слово *elū* по сути дела представляло перевод названия NIM. Однако не все горные страны обозначались шумерами этим словом.

А. Пёбель ошибочно предполагал, что наименование Элам произошло от шумерской формы NIM или E.NIM, но впоследствии отказался от своего мнения. Согласно его толкованию, аккадское название *Elamtu* восходит не к шумерскому NIM, а к эламскому *ha(l)tamti*⁸⁵. Таким образом, А. Пёбель приходит к выводу, что аккадское название этой страны в конечном итоге восходит к местному эламскому наименованию. Что касается *-tu* в названии *Elamtu*, то оно такой же суффикс, какой имеется в названии страны Субарту (шумерское название *Su-bir*₄).

Э. Шпайзер, придерживаясь значения «нагорье» для NIM и ссылаясь на надпись Шамши-Адада I, в которой якобы применительно к Эламу говорится *šar mātīm elītim*⁸⁶ «царь верхней страны», заключает, что семитское *elū* представляет, по-видимому, перевод шумерского NIM⁸⁷. Однако выражение, примененное Шамши-Ададом I якобы по отношению к Эламу, в действительности относится не к Эламу, а к области по среднему Евфрату.

Г. Хюзинг вообще отрицал существование названия *haltamti*, считая, что название страны в эламских источниках должно было читаться лишь как *ha(l)pirti*, что было образовано от *halla*⁸⁸. Собственно эламские источ-

⁸⁵ A. Poebel, *The Name of Elam in Sumerian, Akkadian and Hebrew*, — *AJSL*, vol. XLVIII, 1931, № 1, p. 20 sq.; cp. J. Klima, *Le droit élamite*, p. 287, № 6.

⁸⁶ E. Ebeling, B. Meissner und E. F. Weidner, *Die Inschriften der altassyrischen Könige*, — «Altorientalische Bibliothek», I, Leipzig, 1926, S. 24.

⁸⁷ E. A. Speiser, *Mesopotamian Origins*, Philadelphia — London, 1930, p. 26, n. 1.

⁸⁸ G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, S. 89; G. Hüsing, *Der Zagros und seine Völker*, — «Der Alte Orient», Bd 9, 1908, H. 3/4, S. 23; G. Hüsing, *Elamische Studien*, — *MVAG*, 3, 1898, № 7, S. 16 sq.; cp. F. König, *Geschichte Elams*, S. 5 sq.

ники называют свою страну *hapirti* или *hatamti*, смотря как читать соответствующий знак. Шейль, предложивший первое чтение, впоследствии изменил свое мнение в пользу второго⁸⁹ и отождествил его с шумерским названием эламской области *Adamdun*. Хотя подобное отождествление вызывало возражения⁹⁰, но оно стояло ближе к истине и не противоречило толкованию Пёбеля. Дж. Кэмерон склоняется к тому, чтобы выводить местное наименование Элама от «Адамдун»⁹¹. Таким образом, можно склониться к тому, что ассирийское *Elamtu* образовано от шумерского Адамдун — эламского Хатамти. В. Хинц предполагает, что эламиты могли приносить название своей страны как *altamt* и что это слово значило «страна бога», если оно состоит из *hal* «страна» и *tamt* [tāmt] «(милостивый) господин»⁹².

Однако объяснение термина Адамдун от Хатамти вовсе не проливает света на происхождение наименования *NIM^{ki}*. Возможно, население Двуречья приняло название Элама в двух формах, одна из которых сохраняла вид своего прототипа, а другая изменила его под воздействием диалектов. Во всяком случае местным названием всей страны было Хатамти⁹³, а иноземным — шумерское *NIM^{ki}* и аккадское *Elamtu*.

⁸⁹ Причиной этому служило обнаружение им чтения *ta-am* вместо обычного знака для *riġ* (см. MDP, III; X, p. 3; OLZ, 1905, S. 203).

⁹⁰ Г. Хюзинг (G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, S. 89 sq.) сомневался в правильности этого и отождествлял *Adamdun* с *Lam-lun* (в 50 км на восток от Багдада), к тому же он опровергал чтение *ta-am* в наименовании *ha-ta-am-ti* (*ibid.*, S. 90 sq.), но его аргументы очень слабы.

⁹¹ G. G. Cameron, *History*, p. 52, n. 27. К тому же он указывает на два текста, где Адамдун может быть принят как название страны, а не города.

⁹² W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 3; W. Hinz, *Das Reich Elam*, S. 18.

⁹³ Наряду с написанием *ha-ta-am-ti* или *ha-𐎶𐎶-ti* встречается еще и форма *ha-𐎶𐎶-ti*, которую следовало бы читать *ha-riġ-ti*, что и делали до обнаружения первого чтения. Впоследствии и знак 𐎶𐎶 стали читать как *tam*. Поскольку значение *tam* для знака 𐎶𐎶 не доказано, а его чтение как *riġ* общеизвестно (в частности, последнее значение применяется в самих эламских надписях, например в словах *pa-riġ* «бог», *A-a-riġ*), постольку название *ha-riġ-ti* в определенной степени получает право на существование. Однако предположение о двух вариантах названия, *hatamti* и *hapirti*, вызывает значительные трудности в толковании такого расхождения. Может быть, следует

Наиболее древняя засвидетельствованная форма письменности Элама — пиктография. Неизвестно, когда она возникла, но надписи ее сохранились до III тысячелетия до н. э.⁹⁴ Форма знаков имеет известное сходство с шумерской письменностью IV тысячелетия до н. э., ставшей основой для образования клинообразных знаков⁹⁵, но, по-видимому, не восходит к ней непосредственно. Язык пиктографии, т. е. протоэламской письменности, естественно, не аккадский и не шумерский, а относится к языку коренного населения Элама⁹⁶. К сожалению, содержание текстов эламского пиктографического письма нам неизвестно, хотя можно лишь угадывать, что этим письмом передана экономическая отчетность. В этих таблетках применяется десятиричная система счисления, которая, как полагают, была заимствована в Месопотамии⁹⁷.

В III тысячелетии в Эламе существовало развившееся из пиктографии линейное письмо, которое засвидетельствовано в период правления Пузур-Иншушинака

предположить существование редкого значения tam для знака в эламской передаче, хотя эламитам были известны оба знака, т. е. как , так и . Можно выдвинуть и другое предположение: названия Хатамти и Хапирти были одинаково употребительны среди населения, и они, вероятно, включали понятие двух частей страны — запада и востока. Во всяком случае этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке.

⁹⁴ MDP, VI, 1905; XXVI, 1935. Вероятно, эти тексты относятся к началу III тысячелетия до н. э., ибо позже в Эламе появляется линейное письмо. Примерно такую же датировку (около 2900 г. до н. э.) дает Хинц (*W. Hinz, Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 34).

⁹⁵ Ср. изменения знаков в кн.: R. Labat, *Manuel d'épigraphie akkadienne*, Paris, 1952, p. 7 sq.

⁹⁶ Это подчеркивало большинство исследователей. См., например: G. G. Cameron, *History*, p. 36 sq.; P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 223. Ныне этими надписями занимается А. А. Вайман, которому удалось обнаружить среди эламских пиктографических надписей некоторые шумерские знаки, подвергшиеся изменению на эламской почве (устное сообщение). В. Хинц (*W. Hinz, Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 34) полагает, что протоэламское письмо развилось из шумерского (ср. также *W. Hinz, Das Reich Elam*, S. 25).

⁹⁷ *W. Hinz, Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 35. Он приписывает эламскому влиянию также одну из систем дробей, которая употреблялась в Месопотамии и считалась очень непривычной для Двуречья.

(вторая половина III тысячелетия до н. э.)⁹⁸. Сохранившиеся образцы его известны до конца III тысячелетия. До сих пор предпринимался ряд попыток расшифровки этих надписей, причем исходным моментом служило мнение, что они по содержанию и форме аналогичны шумерским. Эти попытки не привели к желаемым результатам⁹⁹. Лишь В. Хинц недавно предложил вниманию специалистов новую расшифровку и посильный перевод¹⁰⁰. Знаки, как он установил, писались сверху вниз, хотя, согласно А. А. Вайману, они читались слева направо. Изредка делалось изменение направления на 180 градусов в пределах одной строки, но не внутри самого слова. Далее, как полагает В. Хинц, знаки эламского письма частично развивались из тех же пиктограмм, как и шумерские, поскольку многие знаки те же самые в обеих письменностях, что позволяет сделать вывод об их одинаковом происхождении¹⁰¹.

Начиная с конца III тысячелетия в Эламе применяется клинообразное письмо. Оно не было дальнейшим развитием местной пиктографической или линейной письменности, а было заимствовано у народов Месопотамии. Шумеро-аккадская система клинописи совершенно вытесняет из употребления эламскую пиктографию и линейное письмо. Видимо, главными распространителями клинописи были аккадцы, проникшие и обосновавшиеся в Эламе. Линейное письмо им было чуждо также, как населению Элама. Вероятно, эламиты, во всяком случае те, кто жил в районе Суз, были двуязычными, т. е. они владели также аккадским языком, что создавало условия для быстрого распространения клинопи-

⁹⁸ См. MDP, VI, 1905; X, 1908; XIV, 1913; XXXI, 1949. Согласно расшифровке В. Хинца, это имя по-эламски звучало как Кутик-Ин-шушинак. Создание этого письма он относит к 2500 г. до н. э.

⁹⁹ MDP, VI, p. 123 sq.; C. Frank, *Die altelamischen Steininschriften (Drittes Jahrtausend v. Chr.). Ein neuer Beitrag zur Entzifferung*. Berlin, 1923; F. Bork, *Die Strichinschriften von Susa*, Königsberg, 1929.

¹⁰⁰ В. Хинц дает для каждого знака линейного письма слововое значение. Наряду с расшифровкой он дает также перевод текста (см. W. Hinz, *Zur Entzifferung der elamischen Strichschrift*, — «Iranica Antiqua», vol. II, fasc. I, 1962, S. 1—21). Расшифровку В. Хинца можно отнести к разряду больших достижений в области эламитологии. Пожалуй, расшифровка В. Хинца — первый успешный шаг в этом направлении.

¹⁰¹ W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 36.

си в Эламе. Приспособленное к эламскому языку клинообразное письмо применялось в Эламе вплоть до падения государства. Им пользовались также при Ахеменидах для написания эламоязычных документов.

Эламское клинообразное письмо в своем развитии проходит три периода: староэламский, среднеэламский и новоэламский¹⁰². Староэламское письмо первоначально совпадало с аккадской системой письма¹⁰³, что объясняется проникновением аккадского влияния в Элам. Период существования староэламского письма относится к III тысячелетию; от этого времени до нас дошло мало надписей¹⁰⁴.

Среднеэламское клинообразное письмо засвидетельствовано главным образом в надписях эламских царей начиная с XIII в. до н. э. и вплоть до VIII в. до н. э. Промежуток между староэламским и среднеэламским периодом не дает никаких эламоязычных документов, кроме надписи Сивепалархупака (MDP, XXXI, p. 151 sq.). От этого промежутка времени дошло до нас большое количество частнопрововых документов на аккадском языке (см. «Введение»). Письмо среднеэламского периода уже в определенной степени отходит от своего прототипа; оно является дальнейшим развитием аккадского письма, но уже не староаккадского, а, точнее, аккадского письма старовавилонского периода¹⁰⁵ в его местном эламском варианте, который впоследствии включил формы знаков средневавилонского периода.

Новоэламское клинообразное письмо в своем развитии идет еще дальше. Наблюдается упрощение знаков. Число значений этих знаков сводится до минимума.

¹⁰² Ср. F. H. Weissbach, *Die Achämenideninschriften zweiter Art*, Leipzig, 1890, S. 26; Ю. Б. Юсифов, *Хозяйственные документы из Суз*, стр. 21 и сл.

¹⁰³ Хюзинг (G. Hüsing, *Die Sprache Elams*, Breslau, 1908, S. 5) высказал мысль, что эламское письмо, как и вавилонское, восходит непосредственно к шумерскому, что мало вероятно.

¹⁰⁴ Из памятников этого периода можно указать на союзный договор Нарам-Сина с эламским царем (MDP, XI, p. 1 sq.; G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, № 3, S. 42—43). К несколько более раннему периоду относили два фрагмента, происходящих из Ляна — совр. Бендер-Бушир (см. G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, № 1—2, S. 41—42). Райнер (E. Reiner, *The earliest Elamite Inscription*, — JNES, XXIV, № 4, 1965, pp. 337—350) доказывает, что надпись из Ляна принадлежит Хумпануммене (1300—1275).

¹⁰⁵ Ср. E. Salonen, *Untersuchungen*, S. 7 sq.

При внимательном ознакомлении со знаками новоэламского письма обнаруживается различное написание одних и тех же знаков в пределах новоэламского периода. Знаки надписей VIII—VII вв. до н. э. несколько отличаются от знаков надписей и хозяйственных документов позднего времени (VI в. до н. э.) и ахеменидского периода¹⁰⁶. Поэтому новоэламское письмо можно делить на две ступени: раннюю и позднюю. К письму ранней ступени можно отнести надписи и документы VIII—VII вв. до н. э.¹⁰⁷, к письму поздней ступени — документы из Суз VI в. до н. э. и документы ахеменидского периода.

Новоэламское письмо, особенно письмо поздней ступени, уже совершенно отошло от своего аккадского прототипа и сильно отличается от вавилонского, влияние которого оно испытывало в среднеэламский период.

Применяя клинообразное письмо Месопотамии, эламиты заимствовали от них также те или иные идеограммы, аккадские слова, которые иногда легко выделяются благодаря сохранению специальных детерминативов, не характерных для эламского языка.

Общее и основное правило для ассиро-вавилонского клинообразного письма — недопущение переноса с одной строки на другую — не соблюдалось эламскими писцами. Однако основные принципы эламской письменности такие же, как и ассиро-вавилонской. Имеются знаки для гласных, слоговые знаки, идеограммы и детерминативы для обозначения различных категорий явления. На протяжении многих веков заимствованное эламское клинообразное письмо постепенно упрощалось, а некоторые знаки вовсе исчезали¹⁰⁸.

Письмо всех трех периодов имеет свои отличительные черты. Разумеется, речь идет не о различиях в почерке писцов, а о форме знаков, которая характерна для определенного периода. Каждый отдельный знак по мере развития письма меняет свою форму от сложной к простой или вовсе исчезает и уступает свое место более простым и удобочитаемым знакам. Если знаки асси-

¹⁰⁶ Ср. Ю. Б. Юсифов, *Хозяйственные документы из Суз*, стр. 21—22.

¹⁰⁷ Ср. G. Hüsing, *Die Sprache Elams*, S. 7.

¹⁰⁸ Ср. R. T. Hallock, *Two Elamite Texts of Syllabary A*, — JNES, VIII, 1949, № 4, pp. 356—359.

ро-вавилонского клинообразного письма имели несколько значений, иногда до десяти и более, то в эламском они обычно сохраняют один, два, очень редко три значения. К тому же эламиты переняли не все знаки шумеро-аккадского клинообразного письма. Клинообразное письмо было приемлемо для передачи фонетики шумерского и аккадского языков, но многие звуки, составляющие специфическую особенность эламской фонетики, не могли быть отражены в клинообразной системе письма. Так, мы достоверно не знаем, существовали ли в эламском языке такие звуки, как «о» и «ч», которые не отразились в письме. В эламском долгие гласные отсутствуют. Наличие звонких согласных спорно.

Займствованные из шумерского языка слова не обязательно писались теми знаками, которыми первоначально обозначалась идеограмма. Шумерское Ё «дом» эламиты передавали простым Е \approx Υ , правда, в новоэламский период. Займствованные из аккадского языка слова меняли свой соответствующий гласный перед сонорными и другими согласными. Для новоэламского письма характерно явление, что если после слогового знака для открытого слога следует знак для закрытого, то второй гласный не читается. Например, пишется du-iš, произносится как duš.

Однако если за знаком для открытого слога следует знак для отдельного гласного, то каждый гласный произносится в отдельности. Например, $\text{𐎠}\text{Va-u} = \text{Vau}$. Скопление трех гласных в середине слова, по-видимому, приводит к тому, что последний из них не произносится. Например, $\text{𐎠}\text{Sa-e-ul-li-ra} = \text{Saellira}$ ¹⁰⁹.

Специфические особенности эламской фонетики отметить не всегда удается, ибо клинообразное письмо в какой-то степени исказило облик самого языка. И все же древние эламиты великолепно пользовались клинообразным письмом, не думая о том, что их умение приспособить к своему языку клинопись доставит исследователям много хлопот и вызовет много попыток разгадать эту загадку.

¹⁰⁹ Ю. Б. Юсифов, *Эламские хозяйственные документы*, стр. 205 и сл.

Эламский язык изучен слабее, чем другие языки древнего Востока. Памятники эламского языка найдены в достаточном количестве, но, несмотря на это, расшифровка языка шла медленно, ибо исследователи встречались с большими затруднениями. Дело в том, что эламский язык является одним из наиболее темных и труднообъяснимых среди древневосточных языков. Главным препятствием в понимании этого языка было то обстоятельство, что он стоит особняком среди других языков как древности, так и современности, т. е. не было обнаружено достоверное родство его с другими языками ни в словарном, ни в морфологическом отношении. Те древние языки, которые предположительно объединялись в одну группу с эламским как родственные, не могли оказать какую-либо услугу в деле понимания текстов эламского языка хотя бы потому, что памятники этих языков почти отсутствовали. Установление родства отдельных языков с эламским скорее имело теоретическое, а не практическое значение. Еще на стадии слабой изученности эламского языка начались поиски общих черт, могущих доказать родство этого языка с современными. Была высказана мысль о родстве эламского языка с тюркскими¹¹⁰, при этом какие-либо убедительные доводы отсутствовали и на первый план выдвигалось наличие агглютинации; предполагали также родство его с дравидийскими¹¹¹. Значительное число сторонников приобрела теория родства эламского языка с кавказскими¹¹², но при этом метод сравнения также не был

¹¹⁰ См., например, F. H. Weissbach, *Die Achämenideninschriften zweiter Art*, S. 11 sq. Там же приведены мнения сторонников этой теории. Ср. критику этой теории: И. М. Дьяконов, *История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 62; К. Г. Алиев, *К вопросу о языках на территории Азербайджана*, — «ТИИ АН АзССР», т. XIV, 1960, стр. 35—56.

¹¹¹ Ф. Борк (F. Bork, *Die Zeughausurkunden aus Susa*, Leipzig, 1941, S. 2 sq.) прямо отождествляет эламские слова с дравидийскими (брахуи). Ср. также В. С. Воробьев-Десятовский, *К вопросу о роли субстрата в развитии индо-арийских языков*, — «Советское востоковедение», 1956, № 1, стр. 100—101.

¹¹² H. Winkler, *Elamisch und Kaukasisch*, — OLZ, X, 1907, S. 565—573; H. Winkler, *Die Sprache der zweiten Kolumne der dreisprachigen Inschriften und das Altäische*, Breslau, 1896; G. Hüsing, *Die elamische Sprachforschung*, — «Memnon», Bd IV, 1910, S. 5—40; F. Bork, *Die Mittannisprache*, — MVÄG, 14 Jg., 1909, H. 1/2, S. 1—126; F. Bleich-

совершенным. Устанавливались общность звуков, наличие повторения корня, отдельные суффиксы и сходно звучащие слова, но при этом упускались из виду история развития самих кавказских языков, изменение их фонетики на протяжении многих веков и т. д. Ясно, что при подобном методе исследования на передний план выступала случайность, а не закономерность. При отсутствии сравнительно-исторического анализа, который так великолепно применяется при установлении родства между индоевропейскими языками, подобные штудии не могли быть научными и претендовать на всеобщее признание. Да и изучение эламского языка не находилось и сейчас не находится на такой стадии, чтобы сравнение могло принести какие-либо ощутимые результаты. Эламский язык и ныне находится в стадии первичной интерпретации. Если даже кое-какие данные позволяют говорить о родстве эламского языка с кавказскими, все же пока нет достаточно убедительных фактов для доказательства этого.

Родство эламского языка не устанавливается также с древними языками. Шумерский и касситский языки не обнаруживают с ним сходства. Кутийский язык причисляется к загро-эламской группе гипотетически. Луллубейский и каспийский языки отождествляются с ним на основании суффикса -р в названии, который в эламском языке является показателем множественного числа. Этот суффикс ныне имеется также в некоторых языках иберийско-кавказской группы. Более того, как в Эламе, так и на севере почти одновременно засвидетельствованы одноименные божества. Это богиня Парти в надписи Ханни (ок. 710 г. до н. э.)¹¹³. Ее можно найти среди богов страны Мусасир около Урмийского озера: в надписи Саргона II (722—705) встречается богиня Бар-

steiner, *Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache*, — «Anthropos», XXIII, 1928, S. 167—198; R. Mayer, *Die Bedeutung Elams*, S. 206 sq.; А. К. Глейе, *К истории северо-кавказских языков*, — СМОМПК, вып. 37, 1907, отд. III, стр. 49 и сл.; Н. Я. Марр, *Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания*, — ЗВОРАО, т. XXII, 1913—1914, стр. 31—106 и др. Вообще через все работы Г. Хюзинга и Ф. Борка проходит мысль о родстве кавказских языков с эламским, как будто это родство уже доказано.

¹¹³ W. Hinz, *Die elamischen Inschriften des Hanne*, London, 1962, S. 112 sq.

барту¹¹⁴ (или -парту), где первая часть является иранским словом, имеющим значение «бог». Барту-Парту с аккадским суффиксом именительного падежа можно отождествить с эламской богиней Парти. Этот факт должен побудить к новым поискам, которые, видимо, могут привести к выявлению эламских «элементов» в так называемом урартско-хурритском мире. Можно указать и на другие факты, связывающие Элам с этим миром. Слово Кук-, как часть имени собственного, имеется в Нузи¹¹⁵ и Эламе (ср. имена Кук-Нашур, Кук-Наххунте и т. д.). Эти предварительные наблюдения позволяют отметить либо не отраженное в надписях движение населения с юга на север или наоборот, либо широкое распространение языков эламского типа.

Изучение эламского языка, можно сказать, началось с опубликования Э. Норрисом эламского варианта Бехистунской надписи. Как известно, Бехистунская надпись была составлена на трех языках: аккадском, эламском и древнеперсидском. Однако тогда язык второго столбца Бехистунской надписи получал различные наименования. Исследователи принимали его за мидийский, протомидийский, скифский, мидо-скифский, амардский. В результате археологических раскопок были найдены надписи эламских царей, язык которых был сходен с языком и письмом второго столбца Бехистунской надписи. Лишь после этого упомянутому языку начали давать различные наименования, связанные с Эламом, а именно хозяйский, сузский, аншанский и, наконец, эламский. Последнее обозначение и принято, так как оно соответствовало названию самой страны¹¹⁶.

Со времени Э. Норриса сделаны значительные шаги в области исследования эламского языка. Изучение эламского языка углублялось благодаря новым текстам,

¹¹⁴ Это имя читали также как Багмашту, связывая вторую часть слова с иранским *mazda* (ср. Г. А. Меликишвили, *Наури-Урарту*, Тбилиси, 1954, стр. 161 и прим. 3). Однако эпитет *mazda* никогда не относился к женским божествам.

¹¹⁵ L. Oppenheim, *Studien zu den nichtsemitischen Nuzi Namen*, — AfO, XII, S. 34.

¹¹⁶ Эламский язык получал различные наименования в работах Э. Норриса, И. Опперта, Ф. Вайсбаха, Г. Винклера, Н. Я. Марра, Ф. Борка и др. Г. Хюзинг впервые предложил наименование «эламский» (см. G. Hüsing, *Elamische Studien*, — MVAÖ, Jg. 3, 1898, № 7, S. 1—44).

издававшимся в результате археологических раскопок. Первичным изданием эламских одноязычных текстов историки обязаны главным образом В. Шейлю¹¹⁷, а научным изданием ахеменидско-эламских надписей — Ф. Вайсбаху¹¹⁸, которые дали посильный перевод и транслитерацию документов. Ф. Кёниг в соавторстве с Борком и Хюзингом начал публикацию корпуса эламских надписей¹¹⁹. Г. Хюзинг издал избранные эламские надписи с комментариями и транслитерацией¹²⁰. Несмотря на это, эламский язык требовал дальнейшего изучения.

Первоначально главные и основные усилия исследователей были направлены на установление значений как неясных клинообразных знаков, так и эламских слов, грамматических форм. В послевоенный период началось более интенсивное изучение эламского языка. Появилась грамматика эламского языка ахеменидского периода¹²¹.

Несмотря на определенные успехи в изучении эламского языка, в основном ахеменидского периода, тексты более раннего времени все еще неполностью доступны нашему пониманию. В этом отношении представляют большой интерес работы В. Хинца, который главным образом переводит старо- и среднеэламские тексты.

Памятники эламского языка делятся на те же периоды, что и письменность. Из старозламского периода нам известен договор эламского царя с аккадским ца-

¹¹⁷ Изданы в MDP (в дальнейшем издавался под названием «Mémoires de la Mission Archéologique en Iran»).

¹¹⁸ F. Weissbach, *Die Achämenideninschriften zweiter Art*.

¹¹⁹ F. König, *Die Altelamischen Texte, Tafeln, I*, Hannover, 1923 (CIE). См. также F. W. König, *Die elamischen Königsinschriften*, Graz, 1965 (AIO, Beiheft, 16); эту работу автор не смог использовать.

¹²⁰ G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams*.

¹²¹ H. H. Paper, *The Phonology and Morphology of Royal Achaemenid Elamite*, Ann Arbor, 1955; см. рецензии на эту работу: Г. Клаузена (G. Clausen) в JRAS, 1956, pt 3—4, pp. 232—233; С. Гэдда (C. J. Gadd) в BSOAS, vol. XIX, pt I, 1957, pp. 167—169; Э. Хэмп (E. P. Hamp) в «Word», vol. 13, 1957, № 3, pp. 499—513; Ю. Б. Юсифова в «Палестинском сборнике», вып. 5 (68), 1960, стр. 142—147. Имеется неопубликованная грамматика среднеэламского языка, написанная Э. Райнер. См. также грамматику языка хозяйственных документов, обнаруженных в Сузах, в статье: Ю. Б. Юсифов, *Эламские хозяйственные документы из Суз*, — ВДИ, 1963, № 2, стр. 205—209 и краткий очерк эламского языка разных периодов в кн.: И. М. Дьяконов, *Языки древней Передней Азии*, М., 1967, стр. 85—112.

рем Нарам-Сином, составленный на эламском языке. Вообще это первый дошедший до нас международный договор и самый ранний памятник эламского языка; он относится к первой половине XIII в. до н. э.

Некоторые исследователи полагали, что эламский язык был вытеснен аккадским языком, который был занесен в Элам семитскими племенами. Не отрицая факта проникновения семитских племен в Элам, а вместе с тем и определенного культурного влияния Двуречья на Элам, мы совершенно не склонны думать, что эламский язык вообще был вытеснен из употребления. Из последующей истории Элама видно, что эламоязычные надписи появляются с большими перерывами. Эламский язык впоследствии имел значительное распространение. Поэтому отсутствие памятников эламского языка после старозламского периода вовсе нельзя приписать исчезновению его или вытеснению из употребления. Можно надеяться, что археологические раскопки в будущем выявят памятники эламского языка, относящиеся к промежутку времени от Нарам-Сина до XIII в. до н. э., тем более что уже сейчас найдены посвященные надписи на эламском языке царя Сивепалархупака, правившего в XVIII в. до н. э. (MDP, XXXI, p. 158 sq). К старозламскому периоду относится и язык линейного письма, которым написаны и надписи Пузур-Иншушинака (Кутик-Иншушинака).

Эламская письменность после долгого перерыва возродилась в XIII в. до н. э. и ею составлены царские надписи, отдельные деловые документы и т. д. Памятники среднеэламского периода относятся ко времени до VIII в. до н. э. В новоэламский период эламский язык применяется также в административных документах и продолжает свое существование до ахеменидского времени включительно¹²².

Занятия населения

В результате раскопок, проведенных французской экспедицией, в Сузах были обнаружены два наиболее значительных слоя, получивших тогда название Сузы I

¹²² Арабский историк Истахри свидетельствовал, что население Хузистана говорило на языке хози, который мог быть диалектом эламского языка. Ср. «*Khūzistan*», — «*Enzyklopaedie des Islam*», II, S. 1059.

и Сузы II. Некоторые предметы относятся к раннеэнеолитическому периоду, который предшествовал Сузам I. Предметы, обнаруженные в слое Сузы I, или Сузы А, характерны для энеолитического периода. Здесь преобладают каменные орудия, имеются также медные. Расписная керамика является характерной особенностью культуры этого периода. На сосудах — больших стаканообразных чашах, горшках и кувшинах — имеются рисунки, сделанные черной краской на светлом фоне, геометрические изображения людей, животных и т. д., которые свидетельствуют о безупречном вкусе древнеэламских ремесленников. Сосуды в большинстве случаев лепились от руки, и лишь изредка можно предположить применение гончарного круга медленного вращения¹²³. Расписная керамика Суз А, отличающаяся изяществом и впечатляющей композицией, свидетельствует о развитии гончарного дела в тот период.

В этом слое в составе погребального инвентаря были обнаружены медные предметы: плоские топоры, тесла, шилья, иглы и зеркала. Хотя в Сузах А медные орудия еще примитивны, но они регулярно применяются в повседневной жизни. Использование металла не носило случайного характера¹²⁴. Орудия труда и сосуды свидетельствуют о том, что население Сузы А было оседлым и занималось земледелием. Комплекс Сузы А, вероятно, может быть отнесен к середине IV тысячелетия до н. э.¹²⁵

В слоях Сузы В и Сузы С, которые относятся к периоду между Сузами I и Сузами II, наблюдается производство керамических изделий — сосудов на гончарном круге. Эта керамика в художественном отношении намного отстает от керамики культуры Суз А. Роспись на сосудах уже не характерна для керамики этого периода. Появляются сосуды красного и желто-серого цвета.

¹²³ Le Breton, *The Early Periods at Susa. Mesopotamian Relations*, — «Iraq», vol. XIX, pt 2, 1957, p. 91. В этой работе также показано отношение культуры Суз I и II к другим культурам, в частности к культуре Месопотамии, и дана новая стратиграфическая классификация имеющегося материала (стр. 79—123). Ср. E. Porada, *Iran Ancien*, Paris, 1963, p. 20 sq.; В. М. Массон, *Средняя Азия и древний Восток*, М.—Л., 1964, 188 и сл.

¹²⁴ Ср. E. Speiser, *Mesopotamian Origins*, p. 60.

¹²⁵ См. В. М. Массон, *Средняя Азия и древний Восток*, стр. 210.

По отношению к этому периоду уже можно говорить о наличии развитой металлургии. Литье производилось в специальных формах. В слое Сузы С наблюдается дальнейшее развитие гончарного дела и металлургии. Появляются свинцовые сосуды с носиком, цилиндры и таблетки с пиктографическим письмом.

В слое Сузы II, именуемом Сузами D, имеются медные орудия и оружие¹²⁶, появляются бронза и золото. Кинжалы, топоры, наконечники копий, сосуды различных форм изготавливаются из бронзы. Большое место в жизни населения занимает керамическое производство¹²⁷. Керамические изделия продолжают раскрашиваться, но меняется стиль изображений. Наряду с черной применяется красная краска. Продолжая древние традиции, ремесленники наносят на сосуды изображения птиц, рыб, быков, козлов и т. д. Поселение Сузы D можно отнести к первой половине III тысячелетия до н. э.

В период Суз I, или Суз A, и в предшествующий период население жило еще в первобытнообщинном строе, хотя к концу периода Суз A можно предположить разложение первобытнообщинных отношений. Вероятно, Сузы B и C могут быть охарактеризованы как начало ранней стадии классового общества. Сузы D можно бесспорно отнести к классовому обществу. Естественно, в горных районах переход к рабовладельческим отношениям совершался очень медленно.

О мастерстве ремесленников и художников можно составить себе отчетливое представление по реалистическим и высокохудожественным изображениям на керамике Суз A и Суз D и на печатях. На тех печатях, которые относятся к периоду, соответствующему в Двуречье эпохе Джемдет-Наср и началу раннединастического периода, отражены процессы прядения, тканья, гончарного производства и строительных работ¹²⁸. По этим печатям видно, что ремесленники пользовались ткацким станком и гончарным кругом. Изобразительное искусство, известное уже с IV тысячелетия, получа-

¹²⁶ M. R. Mécquenem, *Fouilles de Suse*, — RA, 21, 1924, № 3, p. 107.

¹²⁷ MDP, XIII, 1912, p. 50 sq.

¹²⁸ MDP, XVI, pl. XIV, ill. 216—221 sq.; cp. G. Rühlmann, *Produktionsmittel und -vorgänge im vorachämenidischen Susa*, — WZMLU, Jg. V, 1955—1956, H. 4, S. 729.

ет широкое развитие и в дальнейшем. Для этого достаточно вспомнить каменные монументы с изображениями¹²⁹, алебастровые и металлические статуи и другие памятники, относящиеся к периоду правления ранних эламских царей.

Население занималось также рыболовством, охотой, торговлей и ремеслом. О рыболовстве и охоте свидетельствуют изображения на печатях, относящихся к очень раннему периоду — раннединастическому или аккадскому¹³⁰.

Скотоводство также занимало одно из ведущих мест в жизни населения Суз. Судя по печатям, эламиты очень рано стали держатъ домашних животных. На печатях изображены овцы, козы, лошади, олени, кабаны, птицы и т. д. (см. MDP, XVI). К сожалению, письменные свидетельства о скотоводстве отсутствуют, хотя ассирийские цари не раз уводили из Элама скот в качестве добычи.

Шумерские документы свидетельствуют о существовании торговли Элама с Двуречьем с начала III тысячелетия до н. э.¹³¹ Элам был известен как страна ценного лесоматериала — кедра¹³², который доставлялся в Двуречье¹³³. Из Элама экспортировалось чистое серебро, металлы, а из Двуречья привозились в Элам ячмень и масло¹³⁴. Торговля между Эламом и Двуречьем осуществлялась также водным путем¹³⁵.

В период III династии ура между Эламом и Двуречьем существовали оживленные связи: эламиты появлялись в Шумере, люди из Двуречья совершали торговые

¹²⁹ MDP, XIII, ill. 195 sq.; N. S. Debevoise, *The Rock of Ancient Iran*, — JNES, vol. I, 1942, № 1, pp. 83—85.

¹³⁰ G. Rühlmann, *Produktionsmittel*, S. 729 sq.; см. печати в MDP, XV, ill. 239, 241—242; XVI, ill. 243, 245 sq.

¹³¹ Cp. M. Lambert, *Textes commerciaux de Lagash*, — RA, XLVII, 1953, № 2, p. 57 sq.

¹³² В шумерских документах о правителях Элама часто говорится, что они «из страны кедра» (cp. D. O. Edzard, *Die «Zweite Zwischenzeit» Babylonien*, Wiesbaden, 1957, S. 52).

¹³³ W. E. Leemans, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*, Leiden, 1960, p. 116.

¹³⁴ W. E. Leemans, *Foreign Trade*, p. 116; cp. В. И. Авдиев, *Возникновение торговых и культурных связей между странами Ближнего Востока в IV—III тысячелетиях до н. э.*, — «Вопросы истории», 1959, № 9, стр. 119.

¹³⁵ W. E. Leemans, *Foreign Trade*, p. 113 sq., 116 sq.

поездки в Элам¹³⁶. Уже нельзя говорить только о межплеменном обмене. Изделия ремесла проникали в соседние страны. «Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия... С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена — товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде; благородные металлы начинают становиться преобладающим и всеобщим товаром-деньгами, но металл еще не чеканят, а обменивают просто по весу»¹³⁷.

Конечно, отделение ремесла от земледелия произошло задолго до того периода, когда развивалась торговля между Эламом и Двуречьем. Судя по материальной культуре и хронологическому расположению письменных источников, второе крупное разделение труда произошло не позже IV тысячелетия до н. э. В более поздний период происходило уже дальнейшее углубление различия между отдельными отраслями производства. Это в свою очередь значило, что за углублением различия между отдельными отраслями производства скрывался процесс индивидуализации земель, который наиболее ярко отразился в частноправовых документах. Именно благодаря появлению излишков производства, благодаря производству для рынка стало возможным дальнейшее развитие ремесла и торговли.

О связях — торговых и культурных, не говоря о политических, — Элама с Двуречьем можно привести немало фактов¹³⁸. В Эламе большое развитие получила специализация на различных видах ремесленных изде-

¹³⁶ В заемных сделках возвращение серебра предусматривается в Сузах. У. Леманс (W. E. Leemans, *Foreign trade*, p. 77) полагает, что Ларса имела свой торговый пункт в Эламе (ср. *ibid.*, pp. 63, 78, 80, 83 sq.).

¹³⁷ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, М., 1952, стр. 168—169.

¹³⁸ Ср. еще Ch. Jean, *L'Elam sous la dynastie d'Ur*, — RA, XIX, 1922, pp. 1—49; W. F. Leemans, *Legal and Economic Records from the kingdom of Larsa*, Leiden, 1954, pp. 54 sq., 92 sq.; F. A. Vanderburgh, *Three Babylonian Tablets*, — JAOS, vol. 33, 1913, pp. 24—32. В старовавилонский период, судя по одному документу, эламиты по-

лий. Уже частноправовым документам начиная со II тысячелетия до н. э. известны различные профессии: строитель¹³⁹, деревообделочник¹⁴⁰, пекарь¹⁴¹, гончар¹⁴² и др. Вероятно, целые роды могли быть ремесленниками¹⁴³, и, естественно, профессия переходила по наследству.

Судя по тем же письменным источникам, население занималось также земледелием и садоводством¹⁴⁴. Земледелие повсеместно было распространено на равнинах. Население выращивало ячмень, сезам, кунжут, горох, пшеницу и т. д. В связи с появлением регулярного земледелия население должно было проводить каналы. Первоначально проведение каналов, вероятно, находилось в компетенции общины в целом. К сожалению, письменные источники не сохранили известий об этом периоде. Лишь надпись эламского царя Пузур-Иншушинака (вторая половина III тысячелетия) повествует о проведении канала в честь божества Иншушинака. Частноправовые документы II тысячелетия до н. э. также упоминают о каналах, арыках и колодцах¹⁴⁵. Вероятно, в период, когда общинная собственность на землю была уничтожена, проведение каналов осуществлялось царской властью или общинным управлением.

Относительно этнической принадлежности населения древнего Элама более или менее достоверные сведения отсутствуют. Вероятно, наиболее древнее население Элама частично состояло из протогуров¹⁴⁶. В связи с проникновением на Сузскую равнину семитов антропологический тип эламитов постепенно должен был изменяться. Уже во II тысячелетии до н. э. здесь можно на-

хищали вавилонянок, вероятно используя их как рабынь; см. P. Kraus, *Altbabylonische Briefe*, № 6, Leipzig, 1931 (MVAG, 35, 2), S. 47.

¹³⁹ № 45:33 — bānū.

¹⁴⁰ № 5:4 — pangaru.

¹⁴¹ № 14:24 — nuhatimmu.

¹⁴² № 16:33 — paḥḥaru.

¹⁴³ № 281:3 — māre^{meš} iṣṣtāni «сыновья ремесленников».

¹⁴⁴ В частноправовых документах встречаются nukaribbu «садовод» и nukaribbūtu «садоводство» (№ 5:9; 244:6 и др.).

¹⁴⁵ Например, iku «большой канал», atarru «канал, арык», burtu «колодец», «водоем».

¹⁴⁶ Ср. V. Christian, *Elam*, — RLA, II, 1938, S. 338 sq.; W. Hinz, *Das Reich Elam*, S. 18 sq.

блюдать средиземноморский и ассириидный типы¹⁴⁷. Несмотря на те изменения, которые происходили среди населения Элама, экономический уклад не подвергся большим переменам. Естественно, страна, создавшая высокую культуру, была не менее примечательной и в иных областях жизни.

¹⁴⁷ Ср. R. Mayer, *Die Bedeutung Elams*, S. 208 sq.; V. Christian, *Elam*, S. 338 sq.

Глава I

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ. К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Нынешнее состояние наших знаний не позволяет раздвинуть исследование политической истории Элама за пределы того, что сделано в этой области до сих пор. На основании имеющегося материала уже создана политическая история Элама¹, к которой эламитология пока не в состоянии добавить что-либо существенно новое, хотя при внимательном ознакомлении с теми же материалами и правильном подходе к ним можно пересмотреть кое-какие ранее существовавшие мнения. Опасаясь выйти за пределы основного круга вопросов, мы остановимся лишь на тех моментах политической истории Элама, которые имеют прямое отношение к данной теме и относятся к периоду написания рассматриваемых в работе письменных источников. По мере возможности политическая история страны будет излагаться в работе начиная с III тысячелетия; для этого будут привлечены документы, преимущественно месопотамские, которые содержат также и сведения о государственном строе.

О структуре более раннего эламского общества почти нельзя судить из-за отсутствия соответствующих местных и иноземных источников. Однако эламское общество по своему характеру — во всяком случае это касает-

¹ Ср. G. G. Cameron, *History*; F. König, *Geschichte Elams*; F. König, *Elam*, — RLA, II, 1938; W. Hinz, *Das Reich Elam*; W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, pp. 3—20; W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, pp. 3—18; W. Hinz, *Elamica*, S. 1—12; E. Speiser, *Mesopotamian Origins*; R. Labat, *Elam c. 1600—1200 B.C.*, — «Cambridge Ancient History», vol. II, ch. XXIX, 1964 (последняя работа не была нам доступна).

сь жизни на равнинах — не могло сильно отличаться от других древневосточных обществ, прежде всего от Двуречья, где к концу IV тысячелетия, в эпоху энеолита, по-видимому, уже существовало государство. Древневосточные общества не были феодальными и находились на рабовладельческой стадии развития².

Форма эксплуатации в Эламе соответствовала уровню развития производительных сил общества. Развитие общества не шло по иному пути, чем в соседних странах, и носило раннерабовладельческий характер. К сожалению, отсутствие соответствующих данных, относящихся к наиболее раннему периоду, не дает возможности проследить этот путь развития на основании конкретных письменных материалов. Однако имеющиеся данные иного характера позволили констатировать, что в Эламе классовое общество существовало уже в первой половине III тысячелетия до н. э.

Вероятно, Элам с древнейших времен, задолго до упоминания о нем в шумерских письменных источниках, где впервые фиксируется название этой страны, находился в тесной связи с городами Двуречья. Первоначально подобные связи, в частности, отражались в военных столкновениях. Цари Двуречья почти всегда находились в состоянии войны с Эламом. Царь первой династии Киша Энмебарагеси вторгся в Элам (XXVI в. до н. э.). Шумерский царский список называет его «тем, кто унес оружие страны Элам как добычу»³. При правлении же последующих царей из династии Киша эламиты вторгаются в Вавилонию⁴. По-видимому, в период правления царя Лагаша Эаннатума вторжение эламитов в Месопотамию было приостановлено (XXV в.

² В. В. Струве, *Проблема зарождения и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока*, — ИГАИМК, 77, 1934, стр. 53 и сл.; ср. А. И. Тюменев, *Государственное хозяйство древнего Шумера*, М.—Л., 1956; И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер*, Москва, 1959; Н. М. Постовская, *Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.)*, М., 1961, стр. 98 и сл. Но ср. материалы дискуссии в сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966

³ T. Jacobsen, *The Sumerian King List*, Chicago, 1939, pp. 84—85.

⁴ A. Poebel, *Historical Texts* (Publications of the Babylonian Section of the University Museum), Philadelphia, 1914, pp. 117, 122.

до н. э.). Этот царь в своих надписях хвастается тем, что он ниспроверг Элам, покорил его вместе с горами и эламиты были загнаны в свою страну⁵. К тому же Эаннатур называл себя завоевателем Элама — страны леса⁶. Но этот успех был временным, ибо позже эламцам удалось разграбить город Лагаш и даже осуществлять власть над отдельными городами Месопотамии⁷.

Шумерский царский список⁸ описывает победу эламитов: «Ур был ниспровергнут оружием, его царский сан был унесен в Аван»⁹. Однако, как упоминает список, впоследствии Аван был ниспровергнут и царский сан возвращен в Киш¹⁰.

Эти самые ранние упоминания о столкновениях показывают, что победы и поражения обеих сторон были эпизодическими. Несмотря на то что цари Двуречья описывали победы над эламитами в ярких тонах, они не смогли целиком покорить Элам и управлять этой страной. Вероятно, Элам представлял настолько большую угрозу для Месопотамии, особенно для прилегающих к горной стране районов, и слыл настолько сильным соперником, что победа или какая-либо удача в столкновениях с ним считалась значительным достижением того или иного царя Двуречья. Но эламиты продолжали свои набеги на Месопотамию и подвергали города-государства грабежу. Вероятно, в Эламе существовало сильное государство, сумевшее в течение некоторого времени властвовать над отдельными городами Месопотамии¹¹. К сожалению, имена царей Элама в шумерских надписях не упомянуты. Видимо, это были цари Авана и Баракше, областей Элама; потомки этих царей и позже вели войны с царями Аккадской династии. По всей вероят-

⁵ F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, Leipzig, 1907 («Vorderasiatischen Bibliothek», I), S. 19, 21, 27.

⁶ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions of Sumer und Akkad*, New Haven, 1929, p. 32.

⁷ A. Poebel, *Historical Texts*, p. 128; G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 68.

⁸ T. Jacobsen, *The Sumerian King List*, pp. 94—95.

⁹ Далее текст разбит, но видно, что перечисляются имена царей Авана. К сожалению, из имен трех царей сохранились лишь два начальных слога у одного имени, но и они не соответствуют ни одному имени из списка царей Авана.

¹⁰ T. Jacobsen, *The Sumerian King List*, pp. 96—97.

¹¹ A. Poebel, *Historical Texts*, p. 128.

ности, в этих столкновениях участвовали предки тех правителей Авана, которые перечисляются в списке эламских царей¹². Этот список называет двенадцать царей (акк. *šarri*) Элама, на первом месте стоит имя Пели¹³. К сожалению, как о нем, так и о перечисленных после него шести царях [Тата (?), Уккутахуш, Хишуташ¹⁴, Шушунтарана, Напхлуш, Киккусиметемпти] мы не располагаем никакими сведениями.

При Саргоне Аккадском (ок. 2371—2316) международное положение Элама меняется. Саргон проникает в Элам и захватывает в плен эламских правителей. В его надписи перечисляются имена правителей, которые были взяты в плен во время военных действий. Среди них упоминается имя Луххишшана, сына Хишепрашира¹⁵. Позже стела Саргона в качестве царя Элама упоминает Хишепрашира II¹⁶, сына Луххишшана; этого Хишепрашира можно отождествить с девятым царем Авана, приемником Луххишшана, называемым в списке Хишепратепом. Судя по списку царей Авана, предшественником Луххишшана на троне был Киккусиметемпти, а надпись Саргона называет отцом Луххишшана Хишепрашира; и сын Луххишшана носил аналогичное имя. Здесь можно отметить следующее: после Луххишшана на трон воссел его сын Хишепрашир (элам. Хишепратеп). Это сообщение Саргона соответствует списку царей Авана. Может быть, Хишепрашир воссел на трон благодаря усилиям Саргона и признал его верховенство. Но иначе обстоит дело с предшественником Луххишшана.

Согласно надписи Саргона, Луххишшан является сыном Хишепрашира I, а список царей Авана называет Луххишшана после Киккусиметемпти. Отсюда вытекает, что наследовал трон Авана не сын царя. Если исходить из позднейшей системы наследования престола, то мож-

¹² V. Scheil, *Dynasties élamites d'Avan et de Simaš*, — RA, 28, 1931, p. 2; ср. MDP, XXIII, p. IV.

¹³ Написано ^mPi-e(?) -li(?). В имени Пели последний слог сомнителен. В. Хинц (W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 5) считает Пели царьком XXV или XXIV в. или «вице-царем» (суккалом) Элама.

¹⁴ В. Шейль читает Hi-i-kat-taš, Г. Кэмерон — Hi-i-šu-ur (G. Cameron, *History*, p. 26). Однако, возможно, следует читать Hi-i-šu-taš «имя мне создал».

¹⁵ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 114, I.

¹⁶ MDP, X, p. 4 sq.; G. G. Cameron, *History*, p. 28.

но полагать, что в лице Луххишшана на трон воссел родственник по женской линии, т. е., вероятно, сын сестры одного из предшествовавших царей¹⁷. Очевидно, Луххишшан правил недолго.

Отметим, что все эти правители названы царями — šaggu, тогда как среди захваченных Саргоном правителей были Зина — ишшакку Хухнура¹⁸, ишшакку Гунилахи, Санам-Симут — ишшакку Элама. Как увидим ниже, так называемые iššakku («жрецы-правители») имели власть над ограниченной территорией, кроме ишшакку Элама, но и последний был ограничен в правах. Полнота власти принадлежала царю (šaggu) или šakkanakku. Исходя из надписи Саргона можно сказать, что во главе государства стоял царь, а так называемые ишшакку были как бы наместниками верховного правителя Элама.

Однако Элам при первой же возможности освобождает себя от подчинения Аккаду. Поэтому после смерти Саргона сын его Римуш (2316—2307), занявший трон Аккада, все свои усилия направляет против Элама. Римуш предпринимает поход против Авана и расположенного в северо-западной части страны Барахше, с царями которых заодно действовал правитель (šakkanakku) страны Захара¹⁹. В это время царем (šaggu) Барахше был Абалгамаш, а правителем (šakkanakku) был некий Сидгау²⁰, который до этого подчинялся Саргону. В результате похода Римуша Сидгау и правитель Захары Унгапи попали в плен. Подчинив Барахше и Элам Аккаду, Римуш посвятил добычу богу Энлилю²¹.

Из этих сообщений вытекает, что в Барахше, хотя это и была область Элама, правила собственные цари со своими наместниками. Имя Абалгамаша не попало в список царей Авана, которые, вероятно, занимали ведущее

¹⁷ В. Хинц (W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 7) предполагает, что Луххишшан и Киккусиметемпти были братьями. Но это не исключает того, что они могли быть родственниками одного из предшествующих царей по женской линии.

¹⁸ Вероятно, современный Маламир (см. W. Hinz, *Elamica*, p. 19 sq.; E. Speiser, *Mesopotamian Origins*, p. 31).

¹⁹ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 122 sq., I and J, p. 110 sq.; ср. G. Cameron, *History*, p. 30; W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 7 sq.

²⁰ A. Poebel, *Historical Texts*, p. 197.

²¹ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, pp. 124, 128.

положение в коалиции против Аккада. Надо отметить, что список царей Авана отмечает только царей (šarru) Авана, но не ишшакку, шакканакку или суккалов, которые по сравнению с царем, видимо, считались второстепенными лицами в управлении государством. Например, некий ишшакку Элама Эшпум сделал статую аккадского царя Маништусу²² (2306—2291), преемника Римуша, и посвятил ее богине Нарунди в Сузах²³. Однако он не поднялся выше этой должности и поэтому не мог попасть в список царей Авана. Кроме того, еще не известно, существовал ли единый центр управления всем Эламом. Судя по надписям, Элам еще не был объединен под эгидой одного верховного правителя.

В списке после Хишепратепа в качестве царя Авана названо имя Хелу, а затем имя Хиты, о которых аккадские надписи ничего не говорят. Если исходить из общего содержания текстов, — эти цари, вероятно, правили в Аване соответственно при Саргоне, Римуше и Маништусу и, видимо, временами подчинялись им. Может быть, последние годы правления Хиты падают на начало правления Нарам-Сина Аккадского (2291—2255). Известно, что Нарам-Син осуществлял верховенство над Эламом и Барахше²⁴. Вероятно, немного спустя Элам перешел из состояния подчиненности в состояние равного партнера и союзника Аккада. Это могло произойти, пожалуй, при наиболее выдающемся эламском правителе Пузур-Иншушинаке, или Кутик-Иншушинаке, видимо современнике Нарам Сина²⁵. Во вре-

²² По преданию, Маништусу завоевал Аншан и его царя (šarru) взял в плен (см. L. W. King, *The Cruciform Monument of Manishtusu*, — RA, IX, 1912, № 3, p. 94). Сведения эти не вполне достоверны, так как памятник, из которого они взяты, не подлинно староаккадский.

²³ MDP, X, p. I. Эта надпись была найдена в храме богини Нарунди (Наруте).

²⁴ C. J. Gadd and L. Legrain, *Royal Inscriptions*, № 274, — «Ur Excavations Texts», I, London, 1928.

²⁵ По мнению Ф. Кёнига (F. Köinig, *Geschichte Elams*, S. 10 sq.), Пузур-Иншушинак правил во времена III династии Ура, а Ф. Тюроданжен (VAB, I, S. 177, Апп. 3) помещал его между царями Аккада и Ура. П. Кошакер (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 223), ссылаясь на опубликованный Шейлем царский список (RA, XXVIII, 1931, pp. 1—8), считает его современником аккадского царя Саргона I. Кэмерон (G. Cameron, *History*, p. 26 sq.) относит его правление ко времени Нарам-Сина. Ср. также W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B. C.*, p. 11.

мя правления Пузур-Иншушинака Элам, по всей вероятности, находился на стадии высокого политического развития.

К этому времени относится известный международный договор, заключенный между Нарам-Сином и эламским правителем. К сожалению, имя эламского царя не сохранилось в надписи²⁶. Предполагали, что вторым контрагентом был Хита²⁷. Однако это предположение сомнительно. Нам кажется, что этим правителем был последний царь Авана — Пузур-Иншушинак. Наше предположение основывается на следующем.

Как мы видели, в период существования аккадского государства (XXIV—XXIII вв. до н. э.) при Саргоне Древнем и его преемниках Элам и Баракше временами попадали под власть аккадских правителей. В это время в Эламе существовали местные правители отдельных районов, которые объединяли свою силу против врагов из Двуречья. По-видимому, в Эламе, так же как и в Шумере, сначала возникло несколько государственных образований, например в Аване, Баракше, Симаше и Аншане, которые позднее добровольно подчинились или силой оружия были подчинены единому центру. Успешная попытка объединения была сделана царем Авана Пузур-Иншушинаком. В одной из своих надписей²⁸ Пузур-Иншушинак называет себя ишшакку Суз и шакканакку Элама²⁹, перечисляет около 60 названий захваченных им местностей, среди которых упоминаются Кутнум (стлб. II, стк. 12), Хухунури (Хухнур, стлб. III, стк. 1). Далее же (стлб. V, стк. 9—13) говорится, что царь (šarru) Симаша обнял его, Пузур-Иншушинака, ноги. Примечательно, что в этом перечислении отсутствуют названия каких-либо известных городов Двуречья. Это, с одной стороны, свидетельствует о безопасности западных границ Элама, с другой — указывает на воз-

²⁶ Правда, В. Хинц (W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 9) в фрагментарной части надписи в слове hi-it-[...] пытается видеть имя Хиты. Однако в списке царей Авана это имя написано как ^mHi-ta-a. Кроме того, судя по контексту, вряд ли там могло стоять имя, тем более что и сам В. Хинц сомневается в правильности своего восстановления.

²⁷ G. G. Cameron, *History*, p. 34; W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 9.

²⁸ MDP, XIV, 1913, pp. 9—13.

²⁹ Ср. также G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 158.

возможность существования какого-то договора. Кроме того, если в списке Пузур-Иншушинак упомянут как царь Авана, то в его собственной надписи он выступает как верховный правитель всего Элама. Этот могучий царь Авана претендовал на правление «четырьмя странами света»³⁰. Все это, как нам кажется, было возможно благодаря наличию договора с Аккадом. Исходя из этих соображений, вторым контрагентом в договоре с Нарам-Сином следует считать именно Пузур-Иншушинака, который, заключив союз с Аккадом, стал расширять свою территорию. Может быть, эламский царь предпринимал эти походы после смерти Нарам-Сина, что и позволило ему перенять титул последнего — «царь четырех стран света». Однако этот договор вовсе не свидетельствует о подчинении эламского царя Нарам-Сину или его преемнику. В этом договоре, в частности, говорится: «Враг Нарам-Сина — мой враг, друг Нарам-Сина — мой друг»³¹. Предполагают, что в результате заключения договора Элам стал зависимым от Аккада³². Но в договоре имеется в виду равный союз. Вряд ли в период объединительной политики Пузур-Иншушинака могла иметь место зависимость Элама. Да и составление договора на эламском языке говорит в пользу самостоятельности Элама.

В надписях Пузур-Иншушинак называет себя сыном Шимпнишхука³³; а в списке царей ему предшествует Хита, следовательно, он не наследовал на престоле своему отцу. Это второй засвидетельствованный для царей Авана случай, когда предшественником царя не является его отец. В связи с этим В. Хинц полагает, что Шимпнишхук был младшим братом Хиты³⁴. Однако

³⁰ MDP, X, pp. 9—10; ср. G. Cameron, *History*, p. 40. В надписи Пузур-Иншушинака говорится, что божество Иншушинак подарило ему правление над четырьмя странами света. Может быть, это указание — намек на разрушение Аккада или смерть Нарам-Сина.

³¹ Фраза в подлиннике звучит так: pi-ti-[Ir] Na-ra-am-[^{na}PSin]-ni-[ra] pi-ti-ir ú-ri lut-ti-ir Na-ra-am-^{na}PSin-ni-ra lut-ti-ir ú-ri (см. надпись, MDP, II, pl. I; MDP, XI, p. 5; G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, № 3, S. 42—43). Знак lut имеет также чтение duk.

³² G. Cameron, *History*, p. 35; W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 9.

³³ Ср. F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, S. 176—177.

³⁴ W. Hinz, *Persia, c. 2400—1800 B.C.*, p. 11.

вряд ли это так. Скорее Пузур-Иншушинак находился со своими предшественниками в родстве по женской линии.

Как было сказано, в списке перечислены двенадцать царей Авана. Следовательно, они были царями этой страны с давних пор и участвовали уже и в ранних столкновениях с Двуречьем. Именно они или их предшественники должны были вести военные действия против древних царей Двуречья, хотя имена их и не засвидетельствованы шумерскими и аккадскими источниками, кроме имен Луххишшана и Хишепратепа. Приведенные выше факты показывают, что нельзя предполагать постоянное подчинение Элама царям Двуречья. В ряде случаев подобное подчинение должно было быть номинальным, а во времена правления Пузур-Иншушинака вряд ли оно могло быть и таковым.

Для обозначения правителя Элама этого периода известно несколько терминов шумерского и аккадского происхождения.

Один из них — это шумерский термин *ensí*, соответствующий аккадскому *iššakku*, которым обычно обозначаются правители Суз³⁵ и других местностей Элама³⁶, включая и самое страну в целом. Слово «энси — ишшакку» в шумеро-аккадских условиях обозначало «возглавляющего народ (или род) жреца, закладывающего храмы (и другие здания)»³⁷. Подобный титул носили, как мы видели, Зина, Санам-Шимут, Эшпум (последние — как ишшакку Элама), Пузур-Иншушинак, а также правители из рода царей Симаша — Танрухуратир, Идатту³⁸ и другие, титул которых связан с городом Сузы. И. М. Дьяконов предполагает³⁹, что первоначально энси выполнял жреческие функции, причем одной из обязанностей такого жреца была закладка храмов. Но впо-

³⁵ Ср. G. Cameron, *History*, p. 45 sq.; эламской передачей термина «энси — ишшакку», вероятно, является слово *hal.menik* (ср. W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 6).

³⁶ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 110 sq., p. 122 sq.

³⁷ См. И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*, стр. 121.

³⁸ MDP, XIV, pp. 25, 28; G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, pp. 154, 160, 162; ср. G. Cameron, *History*, p. 62 sq.

³⁹ И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*, стр. 121.

следствии, как, впрочем, видно и из наших примеров, ишшаку стоял во главе города или страны.

Этот термин совершенно точно отражал функции лица, которое возглавляло Сузы и другие города Элама. Носитель этого титула мог возвышаться до должности ишшаку Элама, каковым мы видим Санам-Шимута и Эшпума, который сначала был ишшаку Суз, а затем стал ишшаку всего Элама⁴⁰. Одной из обязанностей этих жрецов было строительство храмов и забота о них. Но они заботились не только об этом. Они обеспечивали храмы жертвоприношениями, посвящали божествам те или иные предметы. Ишшаку Суз Идатту-Иншушинак даже определял границу Суз межевыми камнями и воздвигал стены⁴¹. Забота о храмах и городе была функцией правителей Элама, носивших разные титулы за время его существования; так, лицо, носившее титул ишшаку, могло возвышаться до положения шакканакку.

Этот титул в Вавилонии носило лицо, которое руководило армией и мирным трудом населения⁴², причем титулы ишшаку и шакканакку могли относиться к одному правителю⁴³, что было почти обычно для Элама. Помимо прочих царских титулов, Пузур-Иншушинак носил также титул *iššak šušim šakkanak Elamtim*⁴⁴, позже такой же титул носил царь Симаша Идатту-Иншушинак⁴⁵. Если признать, что функция шакканакку по существу была и военной⁴⁶, то можно полагать, что носитель упомянутых титулов выполнял функции военного, светского и религиозного руководителя. В связи с этим титулом Пузур-Иншушинака В. Хинц считает, что царь Хита в это время был еще жив, а Пузур-Иншушинак не был еще царем, поскольку термин *šakkanakku* Хинц понимает в смысле «вице-царь»⁴⁷.

Однако это не согласуется с действительным поло-

⁴⁰ MDP, XIV, pp. 5—6, 77; I. J. Gelb, *Old Akkadian Writing and Grammar*, ed. 2, Chicago, 1961, pp. 48, 198 (дано чтение имени).

⁴¹ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 160.

⁴² См. A. Goetze, *Sakkanakkus of the Ur III Empire*, — JCS, vol. 17, № 1, 1963, p. 8.

⁴³ Ср. A. Goetze, *Sakkanakkus*, p. 8.

⁴⁴ F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, S. 176—179.

⁴⁵ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, pp. 154—160.

⁴⁶ Ср. A. Goetze, *Sakkanakkus*, p. 8.

⁴⁷ W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 11.

жением дел. После Хиты Пузур-Иншушинак занял престол Авана. Пузур-Иншушинак мог стать шакканакку Элама лишь после объединения страны; возможно, он присвоил этот титул в процессе объединения. При этом шакканакку мог также носить иногда одновременно и титул царя. Иными словами, главой государства считался шакканакку всего Элама.

П. Кошакер отмечает⁴⁸, что применение к правителям Элама терминов «ишшакку (энси)» и «шакканакку», известных нам по Лагашу в Шумере, вовсе не дает права предположить сходные отношения в обоих государствах. По сути дела это замечание верно, но не совсем точно отражает реальное положение. В условиях Двуречья глава города-государства носил титул энси или лугаль⁴⁹ и даже шакканакку⁵⁰. То, что энси в Эламе стоял во главе именно города, а в ряде случаев и государства, но находился в зависимом положении от верховного правителя, видно из приведенных примеров. Упомянем, что Санам-Шимут и Эшпум, хотя и были ишшакку всего Элама, тем не менее не считались царями и не попали в список царей Авана. Должность ишшакку была ниже должности шакканакку. В этих случаях значение термина энси-ишшакку не отличается от того, в каком его применяли в условиях Двуречья.

Власть энси не могла существовать в Эламе, если бы там не было храмов. Поэтому этот титул не просто был заимствован, но и отражал реальное положение в Эламе. Что касается термина шакканакку, то носитель его был верховным правителем Элама. Во всяком случае, это верно по отношению к Пузур-Иншушинаку. Правда, в Барахше титул шакканакку существует бок о бок с титулом царь, о чем свидетельствует сообщение Саргона; там, вероятно, царь был верховным правителем. Вообще в разных городах могла быть принята разная титулатура. Может быть, первоначально титул шакканакку присваивался зависимым от Аккада правителям, но впоследствии такое его применение должно было исчезнуть. Вряд

⁴⁸ P. Koschaker, *Göttliches*, S. 78.

⁴⁹ См. F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, S. 10—24, 30—31; ср. И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*, стр. 120 и сл.

⁵⁰ A. Goetze, *Sakkanakkus*, p. 8 sq.

ли наличие этого титула всегда может означать зависимость страны от Аккада.

В упомянутом списке правители Авана названы *šar-gi* (= шум. LUGAL «царь»). Титул царя носил также правитель Баракше, которого захватил Саргон, и правитель Аншана, взятый в плен Маништусу. Это свидетельствует о том, что кроме Авана и в других местах Элама существовали самостоятельные царства. В. Хинц отмечает, что путь к политическому объединению проходил через федеративное объединение эламского государства⁵¹. Однако эти объединения не были добровольными; области Элама выступали совместно тогда, когда им угрожала опасность с запада. В начальный период истории царь считался верховным правителем. Ниже него соответственно располагались должности шакканакку и ишшакку⁵². Эти лица, вероятно, находились между собой в родстве по женской линии, что доказывается материалами сравнительно более позднего времени. Но в известные периоды должности царя и шакканакку совпадали, и тогда эти термины могли заменять друг друга. Следовательно, к периоду правления Пузур-Иншушинака титулы «шакканакку Элама» и «царь Элама» должны были быть однозначными в смысле обозначения верховного правителя Элама. Но это не исключает того, что в известный период Пузур-Иншушинак находился под властью Хиты, но не как шакканакку.

Приведенные данные не оставляют сомнения в том, что уже в начале или во всяком случае в середине III тысячелетия в Эламе возникло государство. Это было первое государственное образование в древней Передней Азии после государств Шумера и Аккада. В ранний период своего возникновения государство Элама еще не было единым. В отдельных областях правили местные цари. Наиболее сильным было государство, возникшее в Аване. Благодаря усилиям его последнего правителя Пузур-Иншушинака страна была объединена под эгидой одного царя. Именем Пузур-Иншушинака заканчивается список правителей Авана. Надписи умалчивают

⁵¹ W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 4. Согласно его мнению, связующим звеном в федерации, очевидно, было возникшее родство между верховным властителем и главными вождями.

⁵² Ср. также W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 6.

о конце династии, во главе которой стоял Пели. По-видимому, после смерти Пузур-Иншушинака верховная власть в управлении страной перешла в руки рода царей Симаша, которые до этого признавали главенство Пузур-Иншушинака.

Конец правления Пузур-Иншушинака остается неясным. Вероятно, в связи с появлением племени гутиев Элам на время сошел с политической арены. В это время Элам фигурирует в надписях Гудеи, энси Лагаша. Он завоевывает город Аншан в Эламе⁵³ и говорит о приходе эламитов из Элама и сузианцев из Суз для строительства храма бога Нингирсу⁵⁴.

В списке царей Симаша⁵⁵ также упоминается двенадцать царей — *šaggu*⁵⁶. Первым из них был Гирнамме. О его преемниках на троне, к сожалению, не имеется никаких сведений. Судя по всему, Элам признал власть правителей III династии Ура (2132—2005). Стремясь породниться с царями Элама, царь III династии Ура Шульги (2095—2048) выдает одну дочь замуж за правителя Барахше, а другую — за правителя Аншана⁵⁷, однако это не мешает ему впоследствии предпринять поход против Аншана и опустошить его⁵⁸. Он принимает участие в строительстве храмов эламским богам⁵⁹. При царях III династии Ура Шульги, Амар-Сине (2047—2039) и Шу-Сине (2038—2030) Элам в определенной степени был зависим от Двуречья. Имя первого царя Симаша Гирнамме впервые появляется в шестом году правления Шу-Сина в хозяйственном документе⁶⁰.

Смуты в Эламе начинаются при правлении Ибби-Сина (2029—2005), царя Ура. Ибби-Син предпринимает

⁵³ F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, S. 71; G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 184.

⁵⁴ F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, S. 104; G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 218.

⁵⁵ V. Scheil, *Dynasties élamites d'Awam et Simas*, p. 5; MDP, XXIII, p. IV.

⁵⁶ В. Хинц (W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 12) полагает, что число «двенадцать» и для этих царей может быть искусственным и надо относиться к нему с осторожностью.

⁵⁷ F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, S. 230.

⁵⁸ *Ibid.*, S. 231.

⁵⁹ MDP, VII, pl. II; MDP, VI, pl. 6, n. 1.

⁶⁰ W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 15.

поход против Элама, занимает города Сузы, Адамдун и Аван⁶¹ и уводит в плен царя Симаша. Шумерские источники называют его Энбилуа⁶², что, вероятно, может быть отождествлено с именем E[...]luhḫan, именем пятого царя Симаша в списке.

Наступление западносемитских племен положило конец господству Ура над Эламом. Воспользовавшись этим, люди su из Загроса и эламиты захватывают Ур и превращают его в руины⁶³. Статуи шумерских божеств вместе с самим Ибби-Сином были увезены в Аншан⁶⁴. В 2005 г. до н. э. III династия Ура перестала существовать.

Цари Исина, вероятно, не позволили Эламу долго наслаждаться своими успехами. Царь Исина Ишби-Эрра в начале XX в. до н. э. разбивает войско Элама и впоследствии выдает свою дочь за эламского суккала Кубасимти (эл. Хумпаншимти)⁶⁵. Список царей Симаша шестым царем называет Киндатту, который в генеалогии Шилхак-Иншушинака помещен позже, являясь сыном Танрухуратира⁶⁶. Вероятно, на место Киндатту можно поставить Хутрантемти⁶⁷. По-видимому, этот царь был разрушителем Ура в 2005 г. до н. э.⁶⁸

Седьмым царем Симаша, согласно списку, был Идатту I, который следует за Хутрантемти в генеалогии Шилхак-Иншушинака. Вероятно, Идатту I можно отождествить с ишшакку Суз, шакканакку Элама Идатту-Иншушинаком⁶⁹.

Восьмым царем Симаша, согласно списку, был Танрухуратир, который в генеалогии Шилхак-Иншушинака обозначается как сын (šak) Идатту I. Перемещенного из середины списка Киндатту можно поставить после

⁶¹ E. Sollberger, *Sur la chronologie des rois d'Ur et quelques problèmes connexes*, — AfO, 17, 1954—1956, p. 10 sq.; A. Ungnad, *Datenlisten*, — RLA, II, 1938, S. 146.

⁶² C. J. Gadd and L. Legrain, *Royal Inscriptions*, № 210—211, 289.

⁶³ D. O. Edzard, *Die «Zweite Zwischenzeit» Babylonien*, Wiesbaden, 1957, S. 50.

⁶⁴ Ibid., S. 51.

⁶⁵ Ibid., S. 62; L. Matouš, *Zur Chronologie der Geschichte von Larsa bis zum Einfall der Elamiter*, — AO, vol. XX, № 1—2, 1952, S. 291.

⁶⁶ MDP, XI, надписи XCV, XCVI.

⁶⁷ W. Hinz, *Persia, c. 2400—1800 B.C.*, p. 17 sq.

⁶⁸ Ibid., p. 18.

⁶⁹ MDP, VI, p. 16.

Танрухуратира, что соответствует указанию генеалогического списка. Танрухуратир был женат на дочери царя Эшнунны, что видно из ее посвятельной надписи⁷⁰. Сын Танрухуратира Идатту II впоследствии обозначается как ишшакку Суз или šar Si-ma-aš⁷¹ «царь Симаша и Элама»⁷¹.

Вероятно, после Идатту II на трон восходит Эбарти, основатель новой династии⁷². Его преемники стали носить титул суккалмаха (sukkalmaḫḫum «великий посланник»). Титул «царь» становится обозначением второстепенного лица в государстве, стоящего ниже суккала. Форма правления этого периода по сути дела не отличается от той формы, которую мы наблюдали выше по отношению к правителям Авана. Как можно было видеть, верховный правитель, прежде чем получить эту должность, выполнял обязанности ишшакку при каком-либо шакканакку или царе. По-видимому, все эти три должности могли существовать одновременно, хотя лишь одновременность ишшакку и шакканакку бесспорна: обе должности временами занимало одно лицо. Таким образом, единовластие не было характерно для Элама. Бросается в глаза двоевластие; порой, может быть, возникало и троевластие. Троевластие особенно выпукло выступает в период правления эламских суккалмахов. Такая форма управления государством, вероятно, могла существовать долго благодаря сохранению в царствующем роде матрилинейного принципа наследования трона, на чем мы остановимся ниже.

Видимо, Эбарти пришел к власти в начале XIX в. до н. э. в результате узурпации, поскольку в генеалогии Шилхак-Иншушинака он не назван ни сыном (šak) правителя, ни сыном сестры (ruhušak), тогда как его предшественники и преемники удостоены соответствующего обозначения. Он первым стал носить титул — царь Аншана и Суз⁷³. Его имя встречается в некоторых част-

⁷⁰ MDP, XIV, p. 24.

⁷¹ Ibid., p. 26.

⁷² Правда, в списке остаются еще два имени — Идаттунапир и Идаттутемпти, но Г. Кэмерон считает их фальшивыми. Вероятно, они правили очень короткое время и поэтому не попали в генеалогии Шилхак-Иншушинака.

⁷³ V. Scheil, *Documents et arguments*, — RA, 26, 1929, p. 1; MDP, XXVIII, № 4.

ноправовых документах⁷⁴. Сам титул показывает, что в это время Элам не мог быть зависимым от Двуречья.

Вероятно, Эбарти правил недолго и после его смерти на престол воссел его сын Шилхаха. Шилхаха стал наиболее крупной фигурой в истории Элама. Впервые с его именем связывается титул суккалмаха. В надписи Ададушу⁷⁵ он назван *sukkalmaḥum adda šar Anšan u Sušim* «суккалмах, отец, царь Аншана и Суз». Его титулатура в некоторой степени совпадает с титулом Эбарти, а именно в той части, где они называются царями Аншана и Суз. Этот титул после Шилхахи заменяется титулом суккалмах Элама, Симаша и Суз и возрождается лишь во второй половине II тысячелетия до н. э.

Скорее всего, Эбарти сначала был правителем Аншана, но впоследствии овладел и Сузами. Очевидно, лишь после этого Шилхаха более уверенно мог называться суккалмахом. В его титулатуре вряд ли можно видеть намек на зависимость Элама от Вавилонии⁷⁶.

Представляет интерес то обстоятельство, что Шилхаха носил еще и титул *adda*. Этот титул носил также эламский род, правивший в Ларсе в южном Двуречье. Например, Кудур-Мабук, сын Шимти-Шилхахи, который отождествляется с Шилхахой⁷⁷, в письменных источниках обозначается как *adda* страны Амурру. Сын Кудур-Мабука Варад-Син (1834—1823)⁷⁸ назван *adda* Ямутбала⁷⁹; им подчинялась Ларса⁸⁰. Хотя они не правили непосредственно на территории Элама, но были представителями эламского правящего рода. Ямутбал находился на северо-западе Элама. Вероятно, эта территория была наводнена амореями (амурру), которые засвидетельствованы также в Сузах в период написания частнопровых документов⁸¹. В данном случае важно то, что по отношению к этим правителям применен элам-

⁷⁴ MDP, XXIII, № 291—292, 295—302, 305; ср. MDP, X, № 4, 7.

⁷⁵ MDP, XXVIII, № 4; V. Scheil, *Documents et arguments*, p. 1.

⁷⁶ W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, p. 8.

⁷⁷ Ср. G. G. Cameron, *History*, p. 70.

⁷⁸ Дата взята у Д. Эдзарда (D. O. Edzard, *Die «Zweite Zwischenzeit»*, S. 185 sq.).

⁷⁹ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 318; F. Thureau-Dangin, *Une Inscription de Kudur-Mabuk*, — RA, IX, 1912, № 3, p. 123.

⁸⁰ Ср. D. O. Edzard, *Die «Zweite Zwischenzeit»*, S. 167 sq.; G. G. Cameron, *History*, p. 75 sq.

⁸¹ См. в III главе раздел «Государственное хозяйство».

ский термин *adda*, который имеет значение «отец». Наличие его в титулатуре царей свидетельствует о сохранении общинных порядков управления отдельными районами Элама. Несмотря на сохранение общинных форм управления в стране, верховным правителем должен был быть сам царь, носивший различные титулы. Г. Кэмерон полагает, что титул *adda* был более почетным, чем «царь», но менее авторитетным, чем «суккалмах»⁸². Не оспаривая последнее мнение, надо отметить, что в условиях самого Элама должность *adda* должна была стоять ниже должности царя, поскольку функция первого могла быть ограниченной (*adda* был связан с общиной), т. е. *adda* в лучшем случае был бы главой городской общины. В иных условиях *adda* и царь по своему положению могли быть равными; *adda* Ямутбала и царь Суз в одинаковой степени осуществляли руководство подопечной им территорией.

Судя по титулу, Шилхаха — выходец из Аншана, где, вероятно, сохранились общинные порядки управления, а глава общинного совета или области носил титул *adda*. Видимо, Шилхаха сначала был *adda* Аншана, а с получением верховной власти сохранил этот титул.

Надо отметить, что *суккалмах*, *суккал* и царь правили одновременно и принадлежали одному роду. Во всяком случае это можно уверенно сказать по отношению к роду Шилхахи. К сожалению, хронология правления эламских царей рода Шилхахи почти до конца II тысячелетия нам неизвестна. Не поддается достоверному восстановлению не только хронология правления эламских правителей периода I Вавилонской династии, не говоря уже о более раннем периоде, но и в последовательности их управления обнаруживаются противоречия.

Последовательность правления царей прежде всего нарушается самими эламскими надписями. До нас дошли «генеалогические» списки Шилхак-Иншушинака⁸³, где он перечисляет имена правителей, которые до него строили храмы. Кроме того, что эти списки не содержат имен всех эламских правителей соответствующего периода, они и не всегда соблюдают точную последовательность в перечислении. Конечно, отсутствие имен не-

⁸² G. G. Cameron, *History*, p. 75.

⁸³ MDP, V, надписи LXXI; XI, надписи XCV—XCVI.

которых правителей может свидетельствовать о том, что эти цари правили короткое время и не успели построить храмы. Но нелегко объясняется тот факт, что в одном случае в списке отсутствует имя Аддахушу, а в других — он упоминается перед Темптихалки и вслед за Кук-Кирвашем. На самом же деле Аддахушу должен был править после Шилхахи. Это подтверждается надписью, в которой он называет свое имя после Эбарти и Шилхахи⁸⁴. В этой надписи Аддахушу именуется себя суккалом Суз и сыном сестры (māg aḥāti) Шилхахи. Аддахушу на посту суккала и в других должностях начал бурную деятельность по строительству храмов. Он даже установил статую справедливости в торговом доме для взимания справедливой цены⁸⁵. Вероятно, выше должности суккала он не поднялся, а если даже поднялся, то его пребывание на посту суккалмаха — великого правителя — было настолько незначительным по времени, что он не успел оставить память об этом.

На какой же период падает правление Аддахушу? На основании документа № 2 из числа так называемых «таблеток эпохи Аддахушу»⁸⁶, в котором имеется фраза MU ša Šu-tu-a-bi «год Шумуаби», а на оттиске печати — имя Аддахушу, Шейль пытался установить синхронизм между этим эламским царем и Сумуабумом (1894—1881), царем Вавилонии⁸⁷. Против этого синхронизма выступали А. Унгнад⁸⁸ и П. Кошакер⁸⁹, которые сомневались в правильности отождествления Шумуаби с вавилонским царем Сумуабумом. М. Рюттен, напротив, этот синхронизм считает правильным и частично на этом основании устанавливает последовательность соответ-

⁸⁴ MDP, XXVIII, 1939, № 4.

⁸⁵ Ibid., № 3, p. 5.

⁸⁶ Ср. также № 21. Документы опубликованы в MDP, X. В № 72: 1, 75:6; 76: об. 2, 3 встречается dimti Addaḥušu. В документах упоминаются «суккал» и «дом суккала» (№ 2, 5, 31, 34, 37, 45 и др.). Некоторые документы датированы периодом царя Ура Амар-Сина (№ 125—126). В ряде случаев упоминается имя Эбарти (№ 4, 7, 40). Поэтому не все таблички относятся к периоду правления Аддахушу.

⁸⁷ MDP, X, pp. 14, 20 sq.; ср. M. Rutten, *Deux fragments de tablettes provenant de Suse au nom de Siwepalarhuḥpak*, — MDP, XXXI, p. 152.

⁸⁸ A. Ungnad, *Untersuchungen zu den Urkunden aus Dilbat*, — BA. VI, 1909, 5, S. 5—6.

⁸⁹ P. Koschaker, *Göttliches*, S. 62, Anm. 2.

ствующих царей⁹⁰. Поскольку среди «таблеток эпохи Аддахушу» имеются такие, которые упоминают имя Эбарти и царя Ура Амар-Сина, то вряд ли он правил позже Кук-Нашура. Он должен был править задолго до него, как, впрочем, это и видно из «генеалогических» списков. Как бы там ни было, поскольку Аддахушу правил при Шилхахе, то он, если наша хронология верна, был действительно современником Сумуабума.

После него, вероятно, к власти пришел Кук-Кирваш, сын Ланкуку, как его обозначает генеалогический список. Но другая надпись дает ему титул суккалмах, суккал Элама, Симаша и Суз и обозначает его как сына сестры Шилхахи⁹¹. Следовательно, его отец был женат на сестре Шилхахи, отсюда и право Кук-Кирваша на трон. Но в документах он отмечается вместе с Балаишшаном (№ 348—349)⁹², который некоторое время правил вместе с Кукусанитом (№ 399). Частноправовые документы, кроме того, позволяют определить последовательность правления тех лиц, которые группировались вокруг Кук-Кирваша. Так, некий Пузур-Мазат фигурирует в документах № 348—349, в которых упоминаются имена Балаишшана и Кук-Кирваша. Значит, Пузур-Мазат еще был жив при Балаишшане и Кук-Кирваше. Пузур-Мазат покупает поле также при Кук-Кирваше и Темсаните (№ 351) и, вероятно, переживает период правления Кук-Кирваша и Кук-Наххунте (№ 352), но его наследников мы застаем уже при Кук-Наххунте и Кук-Нашире (№ 329, 330). Эти документы закрепляют последовательность правлений от Балаишшана до Кук-Нашира. Последнего мы отождествляем с Кук-Наширом, сыном Шилхахи⁹³, тем более что правописание обоих имен одинаково⁹⁴. Обычно затруднение возникает в связи с вопросом: куда можно поместить этих правителей? Как правило, эту группу помещали в конце или ближе к концу хронологической таблицы⁹⁵.

⁹⁰ M. Rutten, *Deux fragments*, p. 152 sq.

⁹¹ MDP, II, 1900, p. 74.

⁹² В дальнейшем см. соответствующие тома MDP, XXII—XXIV, XXVIII.

⁹³ MDP, XXVIII, № 8, p. 11.

⁹⁴ Позже пишется Кук-Нашур.

⁹⁵ G. G. Cameron, *History*, p. 229; W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, p. 16.

Однако это никак не оправдывается, тем более что ни первый, ни последний правитель этой группы документально не связываются с каким-либо другим правителем, т. е. эта группа стоит как бы особняком среди остальных. Обращение к документам создает впечатление, что эта группа в списке должна стоять среди первой половины правителей.

Подобное перемещение в списке оказывается необходимым, если учесть исследование Э. Салонена. Исследуя орфографию частноправовых документов, Э. Салонен выявил там знаки, которые характерны для различных периодов. «Датированные» именами царей документы он разделил на три части: древний, средний и новый языковые периоды. Документы с именами Кук-Кирваша и других отнесены им к древнему периоду⁹⁶. На этом основании мы более уверенно можем переставить эту группу правителей ближе ко времени царя Шилхахи. Эта перестановка подтверждается еще и тем, что Пузур-Мазат упоминается в документах (№ 360, 361, 367), которые содержат фразу MU LUGAL.šu I. PAD.DA. Эта фраза характерна для документов древнего периода.

Исходя из сказанного эту группу правителей следует поместить после Аддахушу⁹⁷. Такая последовательность подтверждается еще и тем, что эти правители были непосредственными сыновьями сестры Шилхахи (см. II главу, раздел «Царская семья»). Среди них лишь Кук-Кирваш засвидетельствован как суккалмах всей страны, а остальные, вероятно, были соответственно либо суккалами, либо царями. Вероятно, Балаишшан при Шилхахе был царем Суз, а Аддахушу — суккалом Суз. После смерти Аддахушу его должность перешла к Балаишшану, а царем Суз стал Кукусанит, которого впоследствии заменил Кук-Кирваш. После смерти Шилхахи, вероятно, Балаишшан стал суккалмахом, а Кук-Кирваш — суккалом; последний впоследствии поднялся до положения суккалмаха, поскольку он был сыном сестры Шилхахи.

В генеалогическом списке за Шилхахой следует сук-

⁹⁶ E. Salonen, *Untersuchungen*, S. 12 sq.

⁹⁷ P. Koschaker, *Göttliches*, S. 49 sq. П. Кошакер также склонен отнести эту группу правителей к более раннему периоду.

калмах Ширукдух, обозначенный как погомок (gihušak) Шилхахи. Термин gihušak соответствует выражению māg aḥāti «сын сестры» (см. ниже). В документах № 418 и 425 Ширукдух упомянут один, а документ № 328 наряду с Ширукдухом записывает «имя» правительницы Суз amta hašduk «мать почитаемая». Мы не думаем, что это та сестра Шилхахи, которая была родоначальницей таких правителей, как Ададушу, Кук-Кирваш и т. д. Она могла быть младшей сестрой Шилхахи, которая стала родоначальницей другой группы правителей. Поэтому не случайно, что последующие правители частично возводят свою генеалогию к сестре Ширукдуха.

Документ № 62 упоминает Ширукдуха и Сивепалархупака. Эта последовательность соответствует генеалогическому списку. Однако документ № 346 вносит изменение в эту последовательность: в нем перечисляются Ширукдух, Симутварташ и Сивепалархупак. Следовательно, Симутварташ правил, вероятно, лишь короткое время после Ширукдуха. Это доказывается тем, что его имя не фигурирует в генеалогическом списке.

Исходя из этого перечисления можно сказать, что в этот момент Ширукдух был суккалмахом, Симутварташ — суккалом, а Сивепалархупак — царем. Это наглядное доказательство существования троевластия в Эламе, хотя временами власть могла находиться в руках только двоих.

В то же время документ № 242 дает вдруг неожиданное скопление имен на оттиске печати: Шилхаха, Ширукдух, Сивепалархупак, Кудузулуш (I). Имеющиеся сведения не позволяют включить в эту группу Шилхаху, а остальная последовательность соответствует другим источникам, но лишь отчасти, поскольку там отсутствует имя Симутварташа. Документ № 200 уже перечисляет лишь двоих — Сивепалархупака и Кудузулуша (I).

Дальнейшая последовательность правителей устанавливается одной надписью, в которой упоминаются имена Ширукдуха, Сивепалархупака, Кудузулуша, Кутир-Наххунте, Темптиагуна и имя Кук-Нашура, в фрагментарной части документа люди которого что-то отнимают⁹⁸, а документ № 406 закрепляет этот синхронизм,

⁹⁸ MDP, IV, p. X.

упомягая Темптиагуна (I) и Кук-Нашура (II). Из числа этих правителей большинство является *māg aḫāti* Ширукдуха, т. е. сыновьями сестры именно Ширукдуха⁹⁹, а не Шилхахи. Но упомянутый здесь Кук-Нашур мог бы и не относиться к этой группе, поскольку в надписи речь идет о том, что люди Кук-Нашура отнимают то, что *a-bi a-bi-ja a-bi ū a-na-ku pē-er-re-eš* «отец отца моего, мой отец и я делаем». Во всяком случае это предполагает близкий синхронизм. Надпись Темптиагуна I позволяет предположить, что он был царем при Лилаирташе¹⁰⁰, а документ № 398: 17—18 подтверждает это.

После того как выявлена последовательность правления этих эламских властелинов, нельзя ли попытаться дать абсолютную датировку времени их царствования? В этом аспекте существенную помощь оказывают документы из Мари¹⁰¹. Эти сведения впервые были использованы М. Рюттен¹⁰². Среди мариийских документов был обнаружен список правителей различных стран, в котором упоминаются имена некоторых эламских правителей наряду с именем Хаммураби, царя Вавилонии. Ниже приводим соответствующую часть этого списка:

Ku-du-šū-lu-uš sukkal Šu-šī-lm^{kt}
 Šu-ul-Ilm-Ku-du-ur šar Šu-šī-lm^{kt}
 Še-ep-la-ar-pa-ak šar An-ša-an^{kt}¹⁰³
 I-ba-al-pi-īl šar Èš-nun-na^{kt}
 Šillī-d Sīn šar Èš-n[un-na]^{kt}
 Ḫa-am-mu-ra-pi šar Bab-Ilī^{kt}

Отметим, что упомянутый Шепларпак — не кто иной, как Сивепалархуппак, который обозначен как царь Аншана, а в другом варианте как суккал Элам. В Кудушулуше легко узнать Кудузулуша, а Шуллим-Кудура,

⁹⁹ Например. Сивепалархуппак (№ 396), Кудузулуш (№ 397), Темптиагун (№ 398).

¹⁰⁰ MDP, IV, p. X; V. Scheil, *Kutir-Nahhunte I*, — RA, 29, 1932, № 2, pp. 67—68.

¹⁰¹ G. Dossin, *Les Archives économiques du Palais de Mari*, — «Syria», XX, 1939, № 2, p. 109.

¹⁰² M. Rutten, *Deux fragments*, p. 151 sq.; cp. W. von Soden, *Sumer, Babylon und Hethiter bis zur Mitte des zweiten Jahrtausends v. Chr.*, Berlin, 1961 (Propyläen-Weltgeschichte), S. 530; W. Hinz, *Elamica*, p. 10 sq.

¹⁰³ В другом варианте он обозначен как *sukkal Elamtim*.

вероятно, следует отождествлять с Кутир-Наххунте¹⁰⁴, так как он правил после Кудузулуша I. Таким образом, между этими правителями Элама и царем Хаммураби устанавливается надежный синхронизм¹⁰⁵. Вероятно, именно об этом Кутир-Наххунте говорится в надписи Ашшурбанапала, когда он сообщает, что «эламит Кутир-Наххунте, не страшась присяги великих богов и слепо полагаясь на свою собственную силу, наложил руки на святилища Аккада и превратил Аккад в прах»¹⁰⁶. В результате этого похода была увезена в Элам статуя богини Нанай¹⁰⁷. Об этом вторжении эламитов в Вавилонию упоминает также царь Шилхак-Иншушинак (ок. 1150—1120). Он говорит о завоевании Кутир-Наххунте и его преемником Темптиагуном тридцати городов, в том числе страны Аккад¹⁰⁸.

При Темптиагуне I в качестве правителя (суккала), как было видно, мог служить Кук-Нашур II, но ни он, ни Кук-Нашур I не поднялись до должности суккалмаха. В генеалогических списках Шилхак-Иншушинака Кук-Нашур в одном случае назван до Темптихалки (MDP, XI, надпись XCV) как *kuhušak* Шилхахи, в других случаях он следует за Темптихалки (MDP, V, надпись LXXI; XI, надпись XCVI), но уже в качестве *kuhušak* Танули, который, судя по частноправовым документам, правил до Темптихалки. Если сопоставить все это с ранними документами № 282—283, то можно констатировать, что этот Кук-Нашур (III) ничего общего не имеет с предыдущими. Вероятно, Кук-Нашур II умер или погиб вскоре после смерти Темптиагуна I.

¹⁰⁴ Вероятно, упомянутого в Библии Кедор-Лаомера можно отождествить с Кутир-Наххунте, поскольку и он является современником Хаммураби (ср. D. Franz u.a., *Das Zeitalter Abrahams*, — «Der Alte Orient», 29, 1, 1931, S. 13 sq.).

¹⁰⁵ В марийских документах упоминается о том, что царь Зимри-лим пошел на помощь Эламу («Archives Royales de Mari», VII, 1957, № 91—96, p. 32; VIII, 1958, № 60, 66). Этот царь был современником Хаммураби. Имя эламского царя не указывается.

¹⁰⁶ M. Streck, *Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige*, — VAB. VII, Leipzig, 1916, T. II, p. 178 sq.; ср. S. 58 sq.

¹⁰⁷ Судя по надписи Ашшурбанапала, богиня Нанай находилась в Эламе в течение 1635 лет. Но это не может соответствовать действительности. В свое время В. В. Струве отказался использовать эту справку писцов Ашшурбанапала для установления хронологии (см. В. В. Струве, *Датировка I Вавилонской династии*, стр. 16 и сл.). См. также W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, p. 13.

¹⁰⁸ V. Scheil, *Kutir-Nahhunte I*, p. 72 sq.

После этого мы встречаем другую группу правителей. Вероятно, после упомянутых выше на престол воссел Тата, который правил немного раньше, чем Темптиагун II. Между ними вклинивается личность Аттамерхалки. Посмотрим, что говорят документы о них и их преемниках. В документе № 383 Илишахегал выходит замуж за Иншушинакмубаллита, причем они проходят «перед эдиктом Таты и Темптиагуна (II)», а в документе № 379 некий Гамил-Адад дарит своей супруге имущество и велит выделить для Илишахегал, дочери своей, серебро, видимо, в качестве приданого. Казалось бы, Аттамерхалки предшествует Тате. Однако это не так, ибо упомянутый факт может свидетельствовать о том, что эдикт был издан лишь двумя правителями из трех. То, что Илишахегал в обоих документах одно и то же лицо, видно из упоминания имени ее будущего супруга Иншушинакмубаллита среди свидетелей в документе № 379. Здесь некая Белтани, о которой речь пойдет ниже, получает имущество от супруга. Тот же Иншушинакмубаллит участвует в качестве свидетеля в документе тяжбы № 391, в котором упоминается суккал Тата и Темптиагун (II). Далее Иншушинакмубаллит упоминается в документах № 204—205 в качестве писца при Темптиагуне (II) и Кук-Нашуре (III).

К этой группе правителей имеют отношение также документы, в которых встречается имя Белтани. В документе № 335 (ср. № 336—337) Белтани делит имущество с тремя женщинами при Танули, суккале¹⁰⁹ и Темптихалки. То, что Белтани и в этом и в других документах — одно лицо, доказывается наличием имени Дамкии в том же документе № 335, а имени его отца Аних-Шушу в № 379¹¹⁰, где Белтани получает от мужа имущество. Отсюда вытекает, что правители, упомянутые в документе № 335, а именно Танули и Темптихалки, во с тремя женщинами при Танули, суккале¹⁰⁹ и Темптиагуном, упомянутыми в № 379, 383, 391 (ср. также № 204—205). Кук-Нашур (III) упоминается впоследст-

¹⁰⁹ В этом же документе немного ниже (стк. об. 9—10) Танули обозначен без титула суккал. Это позволяет считать, что указание на титул не было обязательным.

¹¹⁰ О родословии Аних-Шушу см. L. de Meyer, *Une famille*, p. 12 sq.

вии при Танули, суккале (№ 206), но при Танули, суккалмахе его место занято Темптихалки (№ 7, 9, 173), который перечислен рядом с Танули даже тогда, когда он назван суккалом (№ 177, 186) или упомянут без титула (№ 20, 113, 171, 247). Отсюда вытекает, что Кук-Нашур (III) выдвигался на верховную должность очень медленно. Впоследствии он упоминается наряду с Темптихалки (№ 208, 209), Кутир-Шилхахой (№ 65, 210), но вдруг исчезает и уступает место Темптирапташу (№ 10, 117, 133, 169, 212—214) и Сиртуху (№ 18, 212). Но далее он упоминается на первом месте, а за ним следуют Сиртух (№ 137), Кудузулуш II (№ 32, 36—38, 67, 86, 160, 195 и др.).

На основании сказанного можно установить следующую последовательность: Тата, Аттамерхалки, Темптиагун II, Танули, Темптихалки, Кутир-Шилхаха, Кук-Нашур III¹¹¹, Темптирапташ, Кудузулуш II.

Время правления Кук-Нашура III устанавливается сравнительно легко благодаря дарственной записи, принадлежащей этому правителю: документ датирован первым годом Аммисадуки (1646—1626), царя Вавилонии¹¹².

Продолжительность правления эламских суккалмахов неизвестна. Она устанавливается более или менее произвольно. Обнаруженные синхронизмы с царями Вавилонии и сопоставление частнопрововых и других документов позволяют в некоторой степени отойти от произвольного определения годов правления суккалмахов, но не помогают нам полностью обосновать их абсолютную хронологию. Хотя Дж. Кэмерон¹¹³ в своей работе, посвященной истории Ирана, дал предварительную датировку времени правления эламских царей периода частнопрововых документов, но его датировка в основном не опирается на фактический материал. К тому же у Кэмерона между Кудузулушем I и Кутир-Наххунте существует хронологический пробел, составляющий примерно 68 лет.

¹¹¹ Фактически же он может обозначаться как Кук-Нашур I, поскольку его предшественники, носившие это же имя, никогда не возвышались до должности суккалмаха. Здесь перечисляются только те, кто стал суккалмахом.

¹¹² A. Ungnad, *Untersuchungen*, S. 3.

¹¹³ G. G. Cameron, *History*, p. 229; ср. F. König, *Geschichte Elams*, S. 36; M. Rutten, *Deux fragments*, pp. 152—167.

Но, как было видно выше, Кудузулуш I и Кутир-Наххунте правили одновременно.

Хронологии и последовательности правления эламских суккалмахов посвящена также недавно опубликованная работа В. Хинца¹¹⁴; его положения приводят к выводам, которые отличаются от той хронологии и последовательности правления эламских суккалмахов, которую мы предлагаем ниже. Хронология Дж. Кэмерона дана по Фотерингему — Лэнгдону. Поэтому необходимо пересчитать даты правления эламских суккалмахов периода I Вавилонской династии по хронологии Струве — Смита, которая основана на новейших данных и которую применяет также В. Хинц. Ниже приводим примерную хронологию правителей Элама, переведенную в упомянутую систему, надеясь, что будущие находки и изыскания внесут новые уточнения в этот список¹¹⁵. Конец династии Эбарти — Шилхахи остается в темноте. Около 1595 г. I Вавилонская династия пала. С приходом касситского царя Агума II в Вавилонии установилось господство касситов. Мы не знаем, распространялась ли их власть и на Элам. Однако касситы засвидетельствованы в Эламе позже. Надписи сообщают о завоевании Суз и Элама касситским царем Куригальзу II (1345—1324)¹¹⁶. Это дает возможность считать, что касситы смогли осуществить господство над Эламом лишь при правлении Куригальзу II. Дальнейшая политическая жизнь страны до восхождения на престол Пахиришшана (1330—1310), вероятно, сына Игехалки (1350—1330), остается неясной. При преемниках Пахиришшана Аттаркиттахе

¹¹⁴ W. Hinz, *Elamica*, pp. 1—12; ср. также W. Hinz, *Das Reich Elam*, S. 150.

¹¹⁵ Кроме списков Шейля, которые опубликованы в различных томах MDP, см. еще MDP, X, p. 15; G. G. Cameron, *History*, p. 229; F. König, *Geschichte Elams*, S. 36; M. Rutten, *Deux fragments*, pp. 166—167; W. Hinz, *Elamica*, p. 12; W. Hinz, *Das Reich Elam*, S. 150. Конечно, в этих списках имеются точки соприкосновения там, где свидетельства документов и надписей бесспорны, но есть и много расхождений. Особенно расходится абсолютная хронология. В наш список включены также некоторые ранние правители Симаша, как они даны в генеалогическом списке. Дата для Ширукдуха теперь подтверждается синхронизмом с Шамши-Ададом I, царем Ассирии. См. статью J. Laessle в сб. «Festschrift B. Landsberger», Chicago, 1965, S. 189 sq.

¹¹⁶ MDP, XXVIII, № 9, p. 12.

Таблица хронологиш

Дата правления (примерная)	суккалмах	суккал (Элама и Симаша)	царь или суккал Суз
2005	Хутрантепти	Идатту I (Идатту-Илшушинак)	Хумпаншимти
1985	Идатту I	Танрухуратир	
1960	Танрухуратир		
1935	Киндатту	Идаттунапир	Идаттутепти
1925	Идатту II (Идаттунапир?)	Идаттунапир	Идаттутепти
1905	Эбарти		
1894	Шилхаха		Алдахушу
	Шилхаха	Балаишшан	Кукусанит
1874	Балаишшан	Кук-Кирваш	Темсанит
1868	Кук-Кирваш		Кук-Наххунте
1840	Кук-Наххунте		Кук-Нашур (I)
1825	Ширукдук		Амма-хашдук (царяца)
	Шарукдук	Симутварташ	Сивепалархуп- пак
1790	Симутварташ	Сивепалархуп- пак	Кудузулуш I
1788	Сивепалархуппак	Кудузулуш I	Кутир-Наххунте
1762	Кудузулуш I	Кутир-Наххунте	Темптиагун I
1748	Кутир-Наххунте	Ллаирташ	Темптиагун I
1734	Ллаирташ	Темптиагун I	Кук-Нашур (II)
1724	Темптиагун I	Тата	Кук-Нашур (II)
1704	Тата	Агтамерхалки	Темптиагун II
1680	Агтамерхалки	Темптиагун II	
1668	Темптиагун II	Танули	Кук-Нашур (III)
1652	Танули		Темптихалки
	Танули	Темптихалки	Кук-Нашур (III)
1646	Темптихалки	Кук-Нашур (III)	
	Темптихалки	Кутир-Шилхаха	Кук-Нашур (III)
1632	Кутир-Шилхаха	Кук-Нашур (III)	Темптирапташ
	Кутир-Шилхаха	?	Сиртух

Дата правления (приблизительная)	суккалмах	суккал (Элама и Симаша)	царь или суккал Суз
1628	Кук-Нашур III Кук-Нашур III	Кудузулуш II	Сиртух Кудузулуш II
1615	Темптирапаш		
1600	Кудузулуш II		
1595	Конец I Вавилонской династии		
1345—			
1324	Куригальзу, касситский царь		
ок. 1330	Пахиришшан		

(1310—1300) и Унташ-напирише (1275—1240) в Эламе, видимо, наступило спокойствие. Последний царь был занят строительной деятельностью. О следующем царе — Унпатар-напирише (1240—1235) известий не сохранилось. Зато Китен-Хутран (1240—1210?) в отличие от своих предшественников стремился распространить свое влияние на Вавилонию, и это ему удавалось¹¹⁷.

Такова политическая история страны после падения династии Авана. Каков же был государственный строй этого периода? В этот период мы сталкиваемся с новыми обозначениями правителей Элама. Хотя происхождение этих новых терминов или титулов было различным, но все они в условиях Элама относились к царствующему роду. Впервые несколько титулов одновременно носит Шилхаха, сестра (или сестры) которого впоследствии становится родоначальницей новой династии.

Шилхаха называется не только суккалмахом, но и, как было показано, адда и царем Аншана и Суз. Это обстоятельство доказывает, что титул адда могли носить также суккалмахи, которые одновременно считались царями (*šarru*). Таким образом, все три должности могли быть сосредоточены в лице одного правителя. Но, как правило, слово адда в титулатуре последующих

¹¹⁷ Подробно см. W. Hinz, *Das Reich Elam*, S. 92—100.

эламских правителей больше не встречается. Вероятно, впоследствии титул *adda* стал применяться в своем прежнем значении, обозначая только главу сельской общины. В частнопроводных документах встречается термин *atar*, который можно отождествить с *adda* и носитель которого участвует в разборе спорных дел. Об этом речь идет в следующей главе, но здесь можно отметить, что *atar* = *adda* был представителем управления сельской общины.

Сравнительно высокой должностью после должности с титулом *adda*, если его носил не царь, была должность лица, носившего титулы *gē'ū immān Sušim* «пастырь населения Суз» или *gē'ū Inšušinak* «пастырь божества Иншушинака». Такой личностью был Аддахушу¹¹⁸. Кроме этого правителя, никто не носит эти титулы. На основании этого факта можно сказать, что Аддахушу сначала был назначен правителем Суз в качестве *gē'ūm* «пастыря», лишь после этого он стал суккалом. Иначе и не могло быть, ибо титул царя носил сам Шилхаха, а вакантным оставался титул *gē'ūm*, а впоследствии и титул *sukkal*, который также отсутствует в титулагуре самого Шилхахи. При последующих правителях эта система восхождения на высокую должность фактически изменяется и остаются лишь три наиболее значительные должности — царь, суккал, суккалмах.

В титуле Аддахушу имеется намек на то, что его избрало божество. Может быть, титул «пастырь населения Суз» указывает на то, что он избран населением Суз на эту должность. Однако для категорического утверждения, что на подобные должности лица избирались собранием населения Суз, нет других оснований. Если бы даже дело обстояло именно так, то главную роль все же должны были играть родство с Шилхахой по женской линии и «воля божества». Это в определенной

¹¹⁸ MDP, XXVIII, № 23, стк. 1—2. Правда, он называется также суккалом (*sukkal u ibbir Sušim*; V. Scheil, *Inscriptions d'Adda-Bakši*, — RA, XXVI, 1929, p. 1). Но одно не исключает другого, тем более что, как увидим ниже, члены царствующего рода передвигались от низшей должности до высшей. Что касается слова *ibbir*, то, может быть, оно эламское, соответствующее аккадскому *gē'ūm*, или его следует отождествить с аккадским *ibgi* «друг». Полный текст гласит: «Аддахушу, пастырь населения Суз, любимый слуга Иншушинака, сын сестры Шилхахи» (ср. MDP, XXVIII, № 5—6, стк. 1—4; G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 164).

степени подтверждается строительной деятельностью Аддахушу и его заботами о храмах и населении Суз.

Как отмечалось, правители Элама ранее обозначались как *šarri* «царь». Но в период, когда в Двуречье правили цари I Вавилонской династии (1894—1595), носитель этого титула был в Эламе второстепенным правителем. В этот период верховным правителем Элама был *sukkalmaḥḥum* «великий посланник» или *sukkal* «посланник». Судя по письменным источникам, первым суккалмахом был Шилхаха¹¹⁹, сын Эбарти (1905—1894)¹²⁰. Этот термин также заимствован из Двуречья. В период III династии Ура люди, носившие титул суккала, были высокими чиновниками¹²¹. Правители III династии Ура осуществляли какое-то господство над Эламом, где, несмотря на это, правили местные цари. Вероятно, еще тогда эти местные правители назывались суккалами. Даже после разрушения и гибели III династии Ура, чему способствовали также эламиты, правители Элама продолжали носить этот титул. Если предположить, что титул суккалмаха (так же как суккала) получил распространение в Эламе благодаря тесным политическим связям с III династией Ура, то все же совершенно невозможно считать, что так титулованные цари были простыми служащими, которых можно было смещать с их поста в любых обстоятельствах. Эти титулы могли носить только представители эламских правящих родов.

Относительно эламских суккалов существуют различные мнения. Согласно Шейлю, суккалмах был, с одной стороны, министром царя Суз, с другой — великим министром вавилонского сюзеренства. Далее Шейль выдвигал мысль, что царь Суз был местным правителем, провинциальным царьком¹²². Против первого мнения гово-

¹¹⁹ См. V. Scheil, *Inscriptions d'Adda-Bakšu*, p. 5 sq.

¹²⁰ Хронологию правления эламских царей и суккалмахов см. в упомянутой выше таблице. Сам Эбарти в надписи Аддахушу назван *šarri* (= LUGAL), а Шилхаха — суккалмахом Аншана и Суз (см. MDP, XXVIII, № 4, стк. 1—5).

¹²¹ Ср. Ch. Jean, *L'Elam sous la dynastie d'Ur*, p. 12 sq.; И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*, стр. 69; Г. А. Меликишвили, *Наури-Урарту*, I, стр. 122, прим. 1. Однако при правлении Шу-Сина в Уре также существовала должность суккалмаха (см. A. Goetze, *Sakkanakkus*, p. 9).

¹²² MDP, XXII, стр. II.

рит тот факт, что при перечислении имен правителей в документах суккал предшествует царю. Уже одно это обстоятельство опровергает мнение Шейля о подчинении суккала царю. Что касается вавилонского верховенства, то о нем не существует каких-либо ясных сведений¹²³. Господство Двуречья в Эламе рухнуло с падением III династии Ура, и вряд ли наличие титула суккалмах может свидетельствовать о постоянном подчинении Элама Вавилонии.

Иное предположение выдвигает Ф. Кёниг¹²⁴, согласно которому суккалмах был высшим сакральным царем и как таковой представителем главного бога. Обращая внимание на эти мнения, П. Кошакер считает, что великий суккал (суккалмах) Элама был верховным правителем и господствовал над нижестоящими царями, относящимися к его же роду¹²⁵. Кошакер там же отмечает, что титул суккал указывает только на отношение представительства и не объясняется на основании внутреннего устройства Элама.

Но вряд ли суккалмах был представителем главного бога. В известной степени это можно сказать и по отношению к суккалу и царю. «Пастырь населения Суз» Аддахушу также считал себя избранником главного божества. Суккалмах как правитель заботился о храмах, но это не значит, что он считался представителем божества в государственном аппарате. Этого не было, поскольку суккалмах на этот пост продвигался с должности царя Суз.

Вообще начальный период возникновения понятия «суккал» ясно не устанавливается, поскольку отсутствуют соответствующие данные. Но мы не ошибемся, если появление этого термина отнесем к периоду существования тесных связей Элама с III династией Ура, хотя в этот период и чуть позже еще сохранялись титулы

¹²³ Ср. F. König, *Geschichte Elams*, S. 26 sq.; P. Koschaker, *Göttliches*, S. 75.

¹²⁴ F. König, *Geschichte Elams*, p. 26. Примерно того же мнения придерживается Дж. Кэмерон. Он отмечает, что в титуле выражалось отношение правителя к богу. Исходя из этого, он переводит данный титул «божественный посланник», «ангел» (см. G. G. Cameron, *History*, p. 71 sq.; ср. R. Mayer, *Die Bedeutung Elams*, S. 210; ср. также Г. А. Меликишвили, *Наури-Упару*, I, стр. 122 и сл.).

¹²⁵ P. Koschaker, *Göttliches*, S. 78.

ишшаку и шакканакку. Вероятно, наряду с ними применялся также титул суккалмаха, и он сохранился потому, что в какой-то степени соответствовал внутреннему устройству страны.

Наиболее полным титулом был *sukkalmaḥḥum sukka-lamtim Simaš u Šušim*¹²⁶ «великий суккал, суккал Элама, Симаша и Суз». Исходя из этого можно сказать, что суккалмах нередко одновременно был и суккалом, но не всегда¹²⁷, что суккалмах не был просто формальным представителем божества, а стоял во главе всей страны, и, естественно, на нем лежала вся полнота власти. Это подтверждается и следующим фактом. В частноправовых документах титул суккалмаха всегда называется перед титулом царя: *Kutir-Šilḥaḥa sukkalmaḥḥum u Temptigartaš šar Šuši* (№ 10, 133) «Кутир-Шилхаха, великий посланник, и Темптирапаш, царь Суз». В другом случае (№ 65) Кутир-Шилхаха назван просто суккалом. Приведенные данные позволяют констатировать, что царь Суз, так же как суккал, подчинялся суккалмаху, хотя суккалмах иной раз одновременно мог носить и титул суккала. Если титул в упомянутом перечислении сопоставить с титулом периода второй половины III тысячелетия, а именно «ишшаку Суз и правитель (šakka-pak-ku) Элама» (его мог носить как один человек, так и два разных), то увидим, что должность суккалмаха по положению соответствовала должности правителя Элама, а царь (или суккал) Суз равнялся энси города Суз, но функции последних, естественно, могли совпадать лишь отчасти. Таким образом, в период написания частноправовых документов не наблюдается какого-либо существенного отличия от ранее существовавшей формы правления. Как раньше шакканакку или царь, так позже суккалмах были верховными правителями всего Элама.

Вероятно, частые военные столкновения Элама с Двуречьем усилили процесс образования в Эламе государст-

¹²⁶ MDP, V, надпись LXXVIII, стк. 3—7; G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, pp. 164—166; G. G. Cameron, *History*, p. 71 sq., p. 229.

¹²⁷ По данным частноправовых документов, должности суккалмаха и суккала не всегда занимал один и тот же человек. Существовал также суккал только Суз (см. G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 166). Таким суккалом некоторое время был Темптиагуи и тот же Аддахушу. Один раз упоминается суккал Симаша без указания на имя носившего этот титул (см. MDP, XXVIII, № 515).

венной власти, к которой «стихийно сложившиеся группы одноплеменных общин в результате своего развития пришли сначала только в целях удовлетворения своих общих интересов (например, на Востоке — орошение) и для защиты от внешних врагов»¹²⁸. Еще не успела разьединиться и обособиться власть жреца и гражданского и военного правителя, как началась консолидация и мобилизация сил внутри страны против внешних нашествий. Впервые упомянутые в шумерских источниках военные столкновения несомненно являются продолжением более ранних отношений, не отразившихся в источниках. Список царей Авана к тому же показывает, что до Пузур-Иншушинака в стране правили еще одиннадцать царей, начало правления которых примерно падает на середину III тысячелетия до н. э. Самые ранние столкновения Элама с Двуречьем засвидетельствованы в XXVI в. до н. э. На этом основании появление царской власти в Эламе можно отнести к середине или даже к первой половине III тысячелетия до н. э.

При Пузур-Иншушинаке — насколько можно судить по соответствующим данным источников — наблюдаются почти все признаки централизованной власти. Этот царь участвует в проведении каналов, предпринимает завоевательные походы, заботится о храмах и т. д.¹²⁹ Одновременно нося титул жреца (энси), он, вероятно, вовсе не руководил лично религиозными и храмовыми церемониями, а считался жрецом номинально, поскольку занимался строительством храмов, способствовал увеличению храмовой собственности тем, что дарил храмам трофеи и пленных, захваченных на войне, фактически же он был верховным правителем страны.

Все это делает вероятным, что храмовое хозяйство было отделено от царского, а государственная власть как верховный орган управления страной лишь прояв-

¹²⁸ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1948, стр. 139.

¹²⁹ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 156. В частности, говорится о проведении им канала города Сидари. Вероятно, при этом, так же как в Ассирии, труд общинников использовался на строительных и ирригационных работах. В Ассирии сам царь в качестве представителя общины нес на строительстве первую корзину с кирпичами (см. И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, Л., 1949, стр. 27).

ляла заботу о храмах и способствовала их расцвету. Только эта функция, которая была характерна также позднейшим правителям, была присуща суккалмаху, который в то же время являлся фактическим главой государства.

Перечисленные выше в хронологической таблице правители были суккалмахами, суккалами и царями Элама. Естественно, время правления царя в известной степени совпадает с периодом, в течение которого правит тот или иной суккалмах или суккал. Как видно из частноправовых документов, царь постепенно поднимался до должности суккала или суккалмаха¹³⁰. По какому принципу происходило это возвышение — мы не знаем. Относительно этого можно высказать предположение, более или менее подкрепленное имеющимися данными. При возвышении от «пастыря» или царя Суз до положения суккала или суккалмаха всего Элама за основу бралась специфически эламская форма наследования трона, которая осуществлялась по женской линии. Какой же принцип существовал при этом? Ведь к женской линии могли относиться многие представители правящего рода. Да и не всякий царь поднимался до положения суккалмаха. Ф. Кёниг¹³¹ полагал, что из их числа суккалмахом становился член царской семьи «по старшинству», который в позднее время и считался великим царем с местным титулом «царь Аншана и Суз». Однако о «старшинстве» не может идти речь хотя бы потому, что в отдельных ветвях правящего рода, восходящих к женской линии, могли быть несколько «старших», которые равным образом отстаивали бы свои права на соответствующую должность. Наследование трона по старшинству, конечно, имело место, но это не было правилом. Сын, который наследовал отцу на престоле, обычно назывался *šak hanek* «любимый сын». Таким сыном был Шилхаха. Во многих случаях правитель просто назывался сыном (*šak*)¹³². Когда правитель находился в родстве с одним из предыдущих правителей, то он обозначал себя *ruhušak* «потомок» или *mār aḫāti* «сын сест-

¹³⁰ Например, Темпихалки поднимается от царя до суккалмаха. То же самое можно сказать по отношению к Кук-Нашуру (III), Кудузулушу II и т. д.

¹³¹ F. König, *Geschichte Elams*, S. 26.

¹³² Ср. надписи: MDP, V, надпись LXXI; XI, надпись XCVI.

ры»¹³³. В этих случаях отсутствуют какие-либо указания на старшинство, а имеется иногда указание на то, что он был любимым сыном, ибо последнее при престолонаследовании могло играть большую роль¹³⁴.

Нам известно несколько стадий восхождения до положения суккалмаха: *adda* или *gē'ūt*, царь, суккал и, наконец, суккалмах. Тогда остается единственная альтернатива для выяснения принципа продвижения до состояния суккалмаха. Вероятно, назначение на эту высокую должность в государстве происходило не по старшинству, а по авторитету. Если переход на такую должность не совершался по очереди (ибо есть случаи, когда лицо, обозначенное как царь, никогда не становилось суккалмахом¹³⁵), то остается единственное предположение, что суккалмахом становился наиболее авторитетный среди представителей царского рода.

Поскольку возникает вопрос об авторитете, то можно склониться к заключению, что должность суккалмаха, а соответственно и суккала, была выборной. При этом выборность суккалмаха нельзя понимать в том смысле, что в выборах могли участвовать все от мала до велика. Лицо, претендующее на место суккалмаха, должно было быть из царствующего рода, а именно — принадлежать к потомкам по женской линии отдаленного или сравнительно близкого царского предка. Соблюдался ли этот порядок наследования трона во всех случаях? Судя по генеалогии Шилхак-Иншушинака, до Эбарти прави-

¹³³ О наследовании трона по женской линии и применении при этом соответствующих терминов речь пойдет ниже, в главе III, в разделе «Царская семья».

¹³⁴ В эламской гражданской семье наследство иной раз переходило к «любимому сыну». И никакого намека на старшинство не сохранилось (см. главу III, раздел «Домашняя община»). Согласно Кэмерону (G. G. Cameron, *History*, p. 72), суккалмах выбирал суккала из младших по возрасту, ибо при таком выборе суккалмах удерживал бы власть без особого риска.

¹³⁵ Это ясно видно из частноправовых документов. В. Шейль (MDP, XXII, p. III) по этому поводу замечает, что один суккалмах мог видеть смену многих царей Суз, ни один царь Суз не мог сразу замещать выбывавшего суккалмаха, но мог служить при двух суккалмахах. Дж. Кэмерон (G. G. Cameron, *History*, p. 71 sq.) отмечает, что после смерти суккалмаха суккал Элама и Симаша сам становился суккалмахом, а суккал Суз, который часто был известен и как царь Суз, продвигался до должности суккала Элама и Симаша.

ла другая ветвь царствующего рода, ибо позднее правители возводили свое происхождение не далее, чем к сестре Шилхахи, сына Эбарти. Исходя из этого и учитывая наличие других древних правителей, которые не попали в списки Шилхак-Иншушинака, можно сказать, что в истории Элама правили и сменяли друг друга несколько родов. Это подтверждается и списком правителей Авана и Симаша — областей Элама. Более ранние правители, в том числе Луххишшан, Пузур-Иншушинак и Идатту I, вероятно, наследовали трон по женской линии, поскольку в списке царей Авана предшественником Луххишшана был Киккусиметемпти, который не является отцом своего преемника, предшественником Пузур-Иншушинака — некий Хита, который не был отцом Пузур-Иншушинака¹³⁶, а Идатту I обозначен как *guhušak* Хутрантемпти. Поэтому можно высказать предположение, что в этот ранний период истории Элама должность правителя должна была быть выборной. По-видимому, на это может указывать и титул *adda* «отец», который характерен для периода существования народного собрания. Но выборы в народном собрании фактически считались подчиненными воле богов, и в этот период народное собрание вряд ли могло влиять на выборы правителей иначе, чем чисто формально, поскольку последние должны были так или иначе принадлежать к определенному царствующему роду.

Таким образом, мы приходим к тому, что должность правителей Элама, конкретно суккалмаха и суккала, была выборной, но в пределах определенного рода.

Во второй половине II тысячелетия понятие о суккалате исчезает. Во всяком случае собственно эламские надписи об этом ничего не говорят. Но порядок наследования власти, существовавшей до этого времени, в определенной степени сохраняется. Обычно цари возводили свою генеалогию к Шилхахе (эламские надписи) и его сестре (аккадоязычные документы), а позже к другим правителям. Естественно, потомки Шилхахи по женской линии в количественном отношении множились из поколения в поколение. Среди них-то и должны были происходить выборы. Но, получив власть, царь стремился за-

¹³⁶ Отцом Пузур-Иншушинака был Шимпи-ишхук (см. G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 154).

крепить правление государством за своей семьей. Поэтому наследование трона по женской линии не всегда соблюдалось. Эламские надписи показывают, что царя на троне заменял также его сын, правда уже после падения династии суккалмахов.

Начиная с правления сына Халлутуш-Иншушинака I (1205—1185) Шутрук-Наххунте I (1185—1155), который положил конец касситской династии в Вавилонии (ок. 1157 г.) и вывез оттуда статую Маништусу, стелу Нарам-Сина и кодекс Хаммураби, начинается новый политический подъем в Эламе. Его сын и преемник Кутир-Наххунте I (1155—1150) продолжал строительную политику своего отца. Завоевательная политика Шутрук-Наххунте I была продолжена Шилхак-Иншушинаком (1150—1120). Он значительно расширил территорию Элама. Его преемник Хутелудуш-Иншушинак (1120—1110) был вынужден к концу своей жизни уступить господствующее положение над южным Двуречьем Вавилонии. В своих надписях все эти правители называют себя сыновьями своих предшественников. В этот период верховным правителем всего Элама был царь, обозначаемый эламским термином *supki*.

Дальнейшая история Элама остается в темноте, пока не наступает время правления новоэламских царей (VIII—VI вв.). В этот период Элам находится в тесном союзе с Вавилонией и ведет совместную борьбу против Ассирии. С Хумпанникаша I (742—717), воевавшего против ассирийского царя Саргона II (722—705), начинается история этого периода. Его преемник Шутрук-Наххунте II (717—699), оставивший надписи на эламском языке, известен как завоеватель. Его сверг и сел на трон Халлутуш-Иншушинак II (699—693), потерпевший сильное поражение от Синаххериба (705—681). На эламский трон тогда воссел Кутир-Наххунте II (693—692). Надпись ассирийского царя Синаххериба¹³⁷ (705—681) упоминает, что сидящего на эламском троне Кутир-Наххунте заменил его брат Хумпануммена (692—687), а в другом случае — Умманигаша сменил на троне «сын его сестры» Иштархунди (Шутрук-Наххунте III). Это единственный случай упоминания «сына сестры» в I ты-

¹³⁷ F. Delitzsch, *Assyrische Lesestücke*, Leipzig, 1912, V, 3—4; F. Delitzsch, *Die babylonische Chronik*, Leipzig, 1906, col. I, 40, S. 9.

сячетелии. Но события, происходившие в Эламе при ассирийском царе Ашшурбанапале (669—631), говорят о том, что порядок наследования трона по женской линии более не был общим правилом, а попытки возродить его терпели неудачу.

Ряд походов в Элам предпринимает Ашшурбанапал. В одном из этих походов, убив эламского царя Теумана (663—653), он разрушает Сузы, сажает на престол сына предшествующего царя Ургаку (675—663) Умманигаша (=эл. Хумпанникаша), а его брата Таммариту назначает царем в Хидалу¹³⁸. Таммариту, свергнув Хумпанникаша, садится на трон Элама¹³⁹. Когда в 648 г. Ашшурбанапал совершил поход в Элам, то царь Умманалдасу (=эл. Хумпанхалташ) сидел в городе Мадакту¹⁴⁰, а Умбахабуа — в Буpile¹⁴¹.

Как видно из анналов Ашшурбанапала, ряд знатных родов в Эламе претендовал в это время на царский престол. Во время другого его похода царь Элама Умманалдасу сидел в Мадакту, а потом обосновался в Нагиту, но одновременно резиденцией другого царя, а именно Па'э, был город Буpile¹⁴². Между претендентами на эламский престол возникали раздоры, которые использовались Ассирией для утверждения своего господства в Эламе. Ашшурбанапал первый поход предпринимает против Умманигаша и Таммариту в 652—648 гг. до н. э.¹⁴³, однако этот поход не принес Эламу полного разрушения. Гибель независимого Элама наступает в 639 г., когда Ашшурбанапалу удается разрушить и разграбить Элам: города Сузы, Мадакту, Халтемаш были полностью разграблены.

¹³⁸ Город локализовали на среднем течении Каруна, в 40 милях от Маламира (G. G. Cameron, *History*, p. 165, п. 26). В. Хинц (W. Hinz, *Zu den Persepolisichen Tafelchen*, S. 250 sq.) локализует его в районе современного Бехбехана.

¹³⁹ S. Langdon, *Ashurbanipal*, III, стк. 136—139; IV, стк. 1—4.

¹⁴⁰ Локализуется около Деррен-Шахр на равнине Сайнмарре (ср. G. G. Cameron, *History*, p. 165, п. 25).

¹⁴¹ S. Langdon, *Ashurbanipal*, V, стк. 15—20. Буpile, вероятно, была расположена ближе к Персидскому заливу.

¹⁴² M. Streck, *Assurbanipal*, Leipzig, 1916, *Annalen*, V, 10—20; VII, 51—55.

¹⁴³ Ашшурбанапал предпринял против Элама войны в 652—648 гг., 646—645 гг., 642 и 639 гг. (см. M. Streck, *Assurbanipal*, p. CDLXVII).

Ассирийское господство над Эламом продолжалось недолго. В конце VII в. сама Ассирия находилась на грани гибели. Вскоре после смерти Ашшурбанапала (ок. 631 г. до н. э.) объединенные силы Мидии и Вавилонии разгромили Ассирийскую державу: в 614 г. был взят Ашшур, в 612 г. пала Ниневия и город был разграблен мидийскими и вавилонскими войсками. Полное уничтожение Ассирийской державы наступило в 605 г., когда последние ассирийские отряды были разбиты в битве при Каркемише.

Обычно полагали, что после похода Ашшурбанапала на Элам в 639 г. эта страна была лишена самостоятельности и была подчинена Ассирии. Однако если восстановить историческую картину после 639 г. согласно ныне имеющимся данным, то можно изменить существующее до сих пор мнение. Так, надписи Ашшурбанапала о разрушении Элама повествуют следующее: после длительной борьбы с различными эламскими царями Ашшурбанапал предпринимает последний поход на Элам. В результате этого похода Элам был разрушен и разграблен, население было уведено в плен. Но эламские цари, например Таммариту, Умманалдасу и Па'э, не погибли, а добровольно признали власть Ашшурбанапала¹⁴⁴. Как можно заключить из последующих данных, Сузы, Хидалу, Бупила, которые называются царскими городами, не были разрушены полностью, хотя подверглись грабежу. Во всяком случае жизнь в этих городах не погасла. Предпосылки для дальнейших волнений в Эламе сохранились. Чтобы исключить всякую возможность восстаний, Ашшурбанапал должен был поступить так, как поступили его предки, или так, как поступили мидяне и вавилоняне при взятии Ашшура и Ниневии, где жизнь совершенно была прекращена. Ашшурбанапал этого не сделал, и искра, которая могла и должна была в будущем разгореться, не была уничтожена. Возможно, что в Эламе в это время правили местные цари, которые признавали ассирийское верховенство. Но после смерти Ашшурбанапала (631 г.) обстоятельства должны были изменить существующую политическую ситуацию. В 626—625 гг. власть в Вавилонии была захвачена Набопаласаром. Образование самостоятельного Вавилон-

¹⁴⁴ M. Streck, *Assurbanipal*, VII, 9—56.

ского царства, которое всегда, борясь против Ассирии, находилось в союзе с Эламом, должно было быть одобрено эламитами. Сразу же после своего вступления на трон Набопаласар отправил в Сузы статуи эламских богов, в свое время похищенные ассирийцами и находившиеся в Уруке¹⁴⁵. Этим актом Вавилония старалась привлечь на свою сторону Элам и тем самым возобновить традиционный союз для борьбы против Ассирии. Это показывает, что Элам к этому времени уже был независимым от Ассирии и, по-видимому, управлялся местным царем.

Ассирийский царь, не желая терять Вавилонию, предпринимает меры для ликвидации власти Набопаласара. Вавилонская хроника рассказывает о неуспешном наступлении ассирийских войск, причем в сохранившихся частях хроники больше нет упоминания о Сузах, но и мидийские войска, которые сыграли роковую роль в уничтожении и ликвидации ассирийского владычества, упоминаются лишь в 615 г. В дальнейшем главную роль в военных действиях играют мидийские и вавилонские войска.

Упоминание о царе Элама, воевавшем с Вавилонией, появляется лишь в 9-м году правления Навуходоносор II (596—595)¹⁴⁶. К этой войне, видимо, относится речь Иеремии об Эламе (XLIX, 34—39) времени правления Седекии (597—586) в Иудее. Вавилонский царь не продолжает войну с Эламом, а свои взоры обращает на запад, в район Средиземного моря.

Начиная с новоэламского периода и вплоть до падения Элама тексты дают эламским царям титул *sunki* (акк. *šaggu*) «царь». Ассирийцы их прямо называют царями Элама. Форма правления, которая была характерна для более раннего периода, а именно суккалат, уже исчезает. Наследование власти по женской линии уже не играет главную роль, поэтому отпадает нужда в применении нескольких титулов. Власть переходит от отца к сыну и, вероятно, лишь при отсутствии последнего или в силу его несовершеннолетия на трон восходил брат

¹⁴⁵ D. J. Wiseman, *Chronicles of Chaldean Kings (626—556 B.C.)*, London, 1956, p. 70.

¹⁴⁶ Сохранились начало и конец знака, обозначающего Элам. Здесь не может быть ошибки, ибо никакая другая страна не обозначалась идеограммой NIM (*ibid.*, стк. 17 и 20, стр. 72).

царя. Это в свою очередь приводило к раздорам между эламскими царями. Как видно из обстоятельств походов Ашшурбанапала, к этому времени в Эламе не было централизованной власти одного лица. В различных городах одновременно существовали отдельные правители, каждый из которых объявлял себя царем Элама. Именно отсутствие постоянной сосредоточенной в одних руках централизованной власти не позволяло Эламу подняться до уровня таких мировых держав того времени, как Ассирия, Вавилония, Мидия. В Эламе существовал монархический строй, но периоды раздробленности страны ослабляли Элам, сводили на нет мобилизацию всех людских сил этой страны против иноземных вторжений. Несмотря на эти политические неудачи, своеобразная по своей истории страна пережила многие могущественные державы Передней Азии.

• Глава II

ТИПЫ ОБЩИНЫ И ОБЩИННОЕ ХОЗЯЙСТВО

Относительно типов общины и об общинном хозяйстве, существовавшем в Эламе, основные сведения можно извлечь из частнопровых документов. Хотя эти документы относятся в основном к первой половине II тысячелетия до н. э., в то же время они позволяют в определенной степени отнести возникновение того или иного явления к более ранней эпохе.

Естественно, документы дают сведения не по всем проблемам так называемого общинного хозяйства, но содержат данные, позволяющие судить о сельской общине и домашней общине.

Судя по документам, Элам проходил почти все характерные для многих стран этапы развития. Эламское общество так же испытало тот этап, когда люди были объединены в общины с коллективным землевладением или, как иногда их называют, в земледельческие общины. «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»¹.

То, что засвидетельствовано для сельской общины Элама, уже относится к периоду существования классового общества, рабовладельческих отношений.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 27, 1935, стр. 695.

Сельская община

, Вопрос о сельской общине, как и многие другие рассматриваемые в работе стороны и проблемы социально-экономической жизни Элама, до сих пор не был предметом специального исследования. Этот вопрос не интересовал исследователей, поскольку основное их внимание было направлено по другому руслу. Но это не главная причина, а скорее следствие. Основная причина заключалась в том, что буржуазные ученые, которые первыми стали изучать Элам и до сих пор продолжают это изучение, смотрели на Элам (а также и на другие древние общества Востока) как на общество феодальное. Подобная ошибочная методологическая концепция приводила к тому, что многие моменты, имеющие важное значение для социально-экономической истории, выпадали из их поля зрения или попросту механически объявлялись присущими феодальному обществу.

В Эламе существовала сельская община, но о характерных для нее формах коллективного землевладения прямых сведений нет. Именно через эту стадию должно было пройти общество до того, как образовалось и развилось государство. Несмотря на то что наличие государства в Эламе в первой половине III тысячелетия до н. э. не может быть подвергнуто сомнению, определенные виды коллективного землевладения сохранялись в стране долго.

Когда Пузур-Иншушинак перечисляет захваченные им местности, которые, судя хотя бы по названию Хухнура, частично были расположены в Эламе, то естественно в них видеть сельские или городские общины. Они обычно обозначались по-аккадски термином *ālu*, который первоначально, вероятно, означал сельскую общину², хотя в это время *ālu* является и городом и поселением. Каждая такая организация имела своего бога-покровителя. В эламском пантеоне имеется множество названий божеств, причем, по-видимому, каждое божество исторически принадлежало к определенной конкретной общине (*ālu*). Например, божество Рухуратир характерно для района Хухнур³, Киририша — богиня

² И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, стр. 18.

³ Современный Маламир (W. Hinz, *Elamica*, S. 19—20).

Лияна. Культ некоторых божеств Элам воспринял из Месопотамии⁴.

В надписи Сивепалархупака⁵ бог Иншушинак называется *te-im-ti a-li-im-e*, т. е. «властелином города», если отождествить последнее слово с аккадским *ālu*⁶. Фактически имя самого божества восходит к названию города: Иншушинак (=NIN Sušinak) и передает значение «властелин Суз». Божество Иншушинак засвидетельствовано также в качестве «царя Суз» (№ 242). Таким образом, божество Иншушинак исторически было покровителем Суз. Его имя перечисляется среди богов в договоре Нарам-Сина с эламским царем. Следовательно, он еще во второй половине III тысячелетия засвидетельствован в пантеоне Элама. Термин «властелин *ālu*» должен иметь определенные исторические корни. Если принять это выражение, которое является самым ранним упомянутым эпитетом Иншушинака, в его древнем значении, то можно заключить, что Иншушинак был властелином только Суз, т. е. божеством данной земледельческой общины. Вероятно, действительно не было общины без бога, следовательно, в древности не было земли без бога⁷.

В тот период, когда божество считалось покровителем той или иной сельской общины, ему отводилось специальное святилище, впоследствии — храм. С разложе-

⁴ Ср. G. Hüsing, *Die Götter Elams*, — OLZ, VIII, 1905, S. 385—390; C. F. Jean, *Noms Divins Sumeriens*, — RA, 28, 1931, № 4, pp. 179—194.

⁵ M. Rutten, *Deux Fragments*, pp. 162—163.

⁶ М. Рюттен слово *a-li-im-e* оставляет без перевода, М. Пезар (MDP, XV, p. 48 и № 7) эквивалентом этого слова считал *hal* «страна». Однако Иншушинак лишь позже стал считаться божеством всей страны, поскольку в договоре Нарам-Сина его имя стоит на шестом месте. Слово *ālu* в различных графических формах встречается позже в эламских надписях Унташ-Хумпана, Шутрук-Наххунте I, Шилхак-Иншушинака (опять в эпитете бога Иншушинака) и соответствующим определением было переведено «вышгород», «акрополь» (см. A. Poebel, *The Acropolis of Susa in the Elamite Inscriptions*, — AJSL, vol. 49, 1933, № 2, pp. 125—141). Шейль, Хюзинг, Кёниг и другие также переводили *ālu* как «город». В надписи Шутруру это слово передается идеограммой *ālu* (=URU). Все это подтверждает, что в нашем контексте *alime* — заимствованное аккадское слово, причем *-te* является, видимо, эламским суффиксом, образующим отвлеченные имена.

⁷ В. В. Струве, *Община, храм и дворец*, — ВДИ, 1963, № 3, стр. 34.

нием общинной земельной собственности расширялась территория храма, увеличивался состав его движимого и недвижимого имущества. Чем больше такая община попадала в тиски разрушения, тем быстрее храм отделялся от общинной организации и приобретал самостоятельность. Храм божества, прежде неотъемлемая часть сельской общины, становился обособленным от нее, отдельной хозяйственной единицей, диктующей свои законы.

Вероятно, уже в рабовладельческий период получают правовую форму «правила» (*kubussūm*) храма. Храм и храмовое хозяйство уже не могли управляться организацией всей общины: они выделились из ее состава. Земельные владения сельской общины постепенно подвергались дроблению, индивидуализации, а храмовое хозяйство крепло, поскольку оно поддерживалось царской властью. В период правления Пузур-Иншушинака и позже храмовое хозяйство засвидетельствовано как обособленная организация, а во II тысячелетии оно имеет в Сузах крепкий экономический фундамент.

Вероятно, еще в сравнительно древнюю пору сельская община района Суз делилась на несколько частей, т. е. ее земли были расположены в нескольких близлежащих местностях. Эти местности в частноправовых документах и таблетках эпохи Аддахушу обозначены следующим образом: BAL URU.DAG, BAL IGI.URU.KI, BAL GAL, BAL GU.LA.

Прежде чем дать значение этих идеограмм, что не представляет особой трудности, необходимо выяснить значение слова BAL, которое в шумерском означало «очередь», «оборот», «служебный год»⁸. Такое же значение оно имело в аккадской передаче (акк. *palū*), обозначая эпонимат того или иного должностного лица. В фрагменте словаря, относящегося к периоду I Вавилонской династии, BAL передает значение четырех аккадских слов, в том числе *pa-lu-ū-um*⁹. Но значение «очередь» для этого слова в наших текстах невозможно хотя бы пото-

⁸ A. Deimel, *Sumerisches Lexikon*, Roma, 1934, S. 24; Ср. И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*, стр. 141.

⁹ G. Dossin, *Un Nouveau Fragment de Vocabulaire de la Première (Ire) Dynastie Babylonienne*, — *RA*, 21, 1924, № 4, p. 179.

му, что оно предшествует не имени собственному, а территориальному обозначению.

В. Шейль слово BAL раньше связывал с понятием времени¹⁰. Впоследствии он справедливо стал считать, что BAL является словом, имеющим значение «район»¹¹. П. Кошакер соглашается с подобным толкованием, но выдвигает свою концепцию, меняющую значение BAL. Он пишет, что процедура забития колышка, которая должна была происходить в BAL, допускала лишь локальное применение¹². Толкуя встречающееся в документах BAL З^{КАМ} не как «третий район», а «в трех районах», П. Кошакер приписывает этим районам также названия месяцев, предшествующие соответствующим BAL и фактически обозначающие время заключения сделки, т. е., согласно его мнению, эти названия месяцев сугубо локальные и относятся к тем районам (BAL), которым они предшествуют, поскольку в шумерское время отдельные города имели собственные календари¹³. Наконец, объявляя BAL центром города, П. Кошакер удивляется, что он обозначается порядковым числительным «3» и что колышек забивается также на BAL¹⁴. Но, во-первых, документы не дают никакого повода считать, что дело о забитии колышка слушается в BAL'e, как полагает П. Кошакер; во-вторых, речь идет не о трех районах, а о третьем районе, как правильно понял В. Шейль. В-третьих, названия месяцев совершенно никакого отношения к BAL не имеют, а применяются по всей стране и частично заимствованы из Двуречья¹⁵. В-четвертых, BAL — это район, где были расположены земли общины, а в данных конкретных случаях земельные участки жителей Суз. Поэтому колышек забивается не на BAL, а на земле, расположенной в BAL. Все это видно из содержания документов.

Таким образом, BAL (акк. *palū*) в частноправовых документах и документах эпохи Аддахушу может иметь значение только «район». Что касается идеограмм, свя-

¹⁰ MDP, X, p. 17 sq.

¹¹ MDP, XXII, p. 16, n. 4; ср. E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 160.

¹² P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 99.

¹³ Ibid., S. 99, Anm. 2, 4.

¹⁴ Ibid., S. 106, Anm. 2.

¹⁵ S. Langdon, *Babylonian Menologies and the Semitic calendars*, p. 43 sq.

занных с BAL, то им также можно найти эквиваленты в аккадском языке:

BAL URU.DAG ¹⁶ = pala šubat āli	«район жилищ поселения»
BAL IGI.URU. KI = pala maḥar āli	«район перед поселением»
BAL GAL = pala raba	«большой район»
BAL GU.LA = pala Gula	«район (богини) Гула»

Судя по этим определениям, термин ālu обозначал территорию всей сельской общины. Она в свою очередь делилась на несколько частей: территорию расположения жилищ членов ālu, где были также приусадебные участки; территорию вне поселения, но прилегающую к нему, где в основном, возможно, были расположены земли ālu; территорию большого района, где также, вероятно, были сосредоточены земельные участки ālu¹⁷; наконец, территорию богини Гула, которая также находилась внутри данного ālu. Вероятно, последняя была из числа земель, когда-то отведенных общиной храму богини Гула, которые и сейчас сохранили свое прежнее название. Хотя в Эламе существовала храмовая земля, но ее принадлежность конкретно этой богине не засвидетельствована¹⁸.

Все это показывает, что земельные угодия сузской общины были расположены по территориальному принципу. Вероятно, значение «очередь» для palū вернее отнести к более раннему периоду, когда земли внутри общины подлежали периодическому делению. Это предположение в известной степени могут подтвердить встречающиеся в документах деления районов. В документах имеются palū^{1КАМ}, palū^{2КАМ}, palū^{3КАМ}, т. е. «район 1», «район 2», «район 3», что в более древнем смысле должно было означать «очередь (передела) 1».

¹⁶ См. А. Deimel, *Sumerisches Lexikon*, S. V; фактически эта идеограмма понималась также в значении «квартал (города)»; см. В. Landsberger, *Materialien zur sumerischen Lexikon*, V, Roma, 1957, № 79, S. 15.

¹⁷ Согласно Шейлю, BAL GAL «пустынный», т. е. необитаемый район, IGI.URU.KI — «центр города», URU.DAG — «стык города» (MDP, XXII, p. 16). Э. Кюк (E. Ciq, *Les actes*, p. 54) со ссылкой на В. Шейля дает соответственно значения: «город», «предместье» или «пустынный».

¹⁸ Богиня эта, вероятно, принадлежала шумерскому пантеону, где она и засвидетельствована (см. С. F. Jean, *Noms Divins Sumeriens*, p. 183).

«очередь (передела) 2», «очередь (передела) 3». Первые два района встречаются очень редко, а последний район упоминается сравнительно часто. По-видимому, это сохранившиеся названия групп жребиев внутри территориальных общин, теперь разложившихся на соответствующие районы поселения. Поэтому эти территориальные деления общины обозначены словом *palū* «очередь». Возможно, каждая местность по очереди выдвигала должностного лица — эпонима, который в течение определенного времени возглавлял общинную организацию. В рассматриваемый период отсутствуют реальные следы коллективной собственности сельской общины с присущей ей формой периодического деления земель и коллективной формой владения недвижимостью, поскольку налицо индивидуализация земельных участков.

В частноправовых документах, когда речь идет о разделе, купле-продаже, аренде и т. п., наряду с вышеупомянутыми выражениями, показывающими район расположения недвижимости, отмечается также местонахождение объектов, подлежащих разделу или отчуждению. Для наглядности мы приведем два примера. В документе № 202 имеется следующая клаузула (стк. 18—20): *eḳlu ib-ba-qa-ar-ma i-na a-li ū še-ri-šu šā i-šu-ū ū i-ga-aš-šu-ū sikkatu šā Sin-im-gur-an-ni maḥ-ša-at* «Если поле будет потребовано, то на *ālu* и *šegu* его (на все), что он имеет и (чем) владеет, колышек Синимгуранни будет забит». Здесь конкретное название недвижимости отсутствует, но понятно, что владения другой стороны находились в *ālu* и *šegu*. Для показа конкретного названия можно привести пример из документа № 45: 22—24: *Ē.DU.A ib-ba-qa-ar-ma i-na Ē.DU.A šu-ub-ti-šu ū palē 3^{КАМ} sikkatu ma-aḥ-ša-at* «Если дом будет потребован, то на дом-жилище его и третий район колышек будет забит». Из документа неизвестно, где находится дом, но в третьем районе определенно была расположена земля. Третий район мог находиться в *šegu*. Из этих примеров вытекает, что сама сузская община делилась в основном на две части: на *ālu* и *šegu*. Первое, как мы видели, включало понятие всей территории с жилищами и строениями, с соответствующими земельными участками. Второе — фактически степь, широкие поля, не входящие в пределы самого поселения, но, вероятно, включающие земли некоторых *palū*.

Таким образом, деление районов на две части, а именно на ālu и ṣēgu, свидетельствует об имевшихся категориях земель данной общины. Выше мы видели, что земли сузской общины могли находиться в самом поселении и вне его: в каком-то большом районе, в пронумерованных районах, перед поселением. Вероятно, ālu в упомянутом выражении содержало в себе понятие сельской общины в целом, с ее обрабатываемыми земельными угодиями и жилищами. Что касается ṣēgu, то оно имеет значение «степь», «пустыня», вероятно, частично заброшенная, невозделанная земля. Поскольку оно противопоставляется ālu, то надо полагать, что посредством ṣēgu первоначально обозначали те земли, которые находились за пределами территории собственно поселения общины, т. е. частично целину или заброшенную землю, частично неорошаемые или непригодные для посева земли; ṣēgu могло содержать все эти понятия. Но в тот период ṣēgu также обрабатывалось, что видно из наличия там недвижимости. Поскольку это так, то можно полагать, что ṣēgu уже включало земли определенных районов вне ālu.

Хотя ālu в районе Суз в период написания этих документов, т. е. в начале II тысячелетия, да и несколько раньше, уже не обозначает сельскую общину с присущими ей атрибутами, но упоминание этого термина в связи с определением места нахождения недвижимости по районам несомненно показывает, что в этих местах когда-то существовала такая община, теперь разложившаяся и раздробленная на домашние или большесемейные общины. Теперь община в целом не выступает уже как коллективный владелец земли.

Отсутствие соответствующих материалов не дает возможности судить о наличии земледельческой общины в других пунктах Элама. О существовании такой общины с характерными для нее атрибутами свидетельствует, возможно, лишь документ № 181 и то косвенно. В этом документе речь идет о займе ячменя, причем занимает его группа людей, состоящая из семи человек. Количество занятого ячменя составляет 12 гур. Далее в документе отмечается (стк. 9—17): amēl āl Ma-da-at aḥ-ḥi meš i-na araḥ šā-ba-ti šā palī URU.DAG wa-ar-ki ku-bu-us-sé-e šā mārēmeš Šu-šī-im^{kl} ù sù-uk-ki-sù-uk-ki il-ḳú-ú i-na e-bu-ri-im 12 GUR šē'am ḳa-ḳa-dam-ma ú-ta-ar-

ги «(У) ... людей общины Мадат—братьев в месяце шабате (из) района жилищ поселения, согласно правилу граждан (букв. сыновей) Суз и (по) эдиктам¹⁹ (царей), взяли. С урожая 12 гур ячменя — только основной заем (т. е. без процентов) — они должны вернуть».

Заем берется с возвратом без процентов. Значит, он был предоставлен в качестве помощи и община Мадат не была кредитором, дающим продукты для извлечения прибыли. Следовательно, здесь *ālū*—община, которая могла находиться поблизости от Суз. Заем предоставляется в районе жилищ Суз, поэтому за основу берутся обычаи этого города, а также указы правителей. Таким образом, около района Суз или в самих Сузах еще сохранились коллективные объединения. Эти объединения, судя по названию *āl Madat*, могли охватывать целое поселение, может быть малое по величине. Члены этого поселения объединяли свое хозяйство по принципу «братства», что видно из выражения *aḥḥū* «братья». Как увидим ниже, *aḥḥū* не обязательно включает понятие кровного родства. Посредством заключения договора о «братстве», наоборот, нередко объединялись люди, не связанные между собой узами родства. А в данном случае это объединение охватывало целое поселение. Вероятно, в широком аспекте *aḥḥū* можно принять за общинную организацию.

В более позднее время — начало I тысячелетия — *ālū* дарит храму земли (надпись Шутруру). Естественно, под *ālū* здесь можно понимать общину, поскольку лишь она была правомочна дарить общинные земли. Возможно, что эта земля была выделена для храма общинной организацией, которая, опираясь на обычаи, могла отторгнуть часть земель домашних общин. Об этом приходится говорить на основании некоторых фактов, извлеченных из таблесток эпохи Аддахушу.

В этих документах зафиксирована выдача скота, вероятно, для жертвоприношения, причем указывается также район, например «перед поселением» или «жилища поселения». Скот предназначается для храмов богов Иншушинака, Симута, для суккала²⁰ и т. д. Мо-

¹⁹ О значении этого слова см. Ю. Б. Юсифов, *Эламское sugir*, — «Палестинский сборник», 13, 1963, М.—Л., стр. 14.

²⁰ MDP, X, № 1, 2, 11, 14, 65. В последнем случае получателем является жрец.

жет быть, каждый район должен был по очереди обеспечить храм или дом суккала скотом. В одном частно-правовом документе (№ 143) четверо должны обеспечить храм ячменем по 2 ка в день в течение десяти дней. Это можно рассматривать как род натурального налога. Но в предыдущих случаях личные имена отсутствуют. Значит, какой-то орган осуществлял сбор или предписывал регулярную передачу скота в соответствующие инстанции. Этот орган, вероятно, решал также другие правовые вопросы, регулировал нормы отношений, устранял и решал споры, возникавшие между сторонами. Скорее всего этим органом была общинная организация, общинное управление, которое, несмотря на распад коллективного землевладения, продолжало свое существование.

В этой связи интересен документ № 321—322, в котором разбирается судебное дело относительно земли, принадлежащей некоему Ахухуту²¹. В этом документе нас интересует следующая фраза (стк. 21—25): *te-pírír [ù da]-a-a-nu ha-aš-šà ki-pa-ru mārēmeš [Šu-ši]²²-im ma-a-du-tu it-ti te-pírír [ù da]-a-a-ni iz-zi-zu-ú-ma ri-iš makkuri iš-šu-ú-ma*.

Прежде чем дать перевод отрывка, необходимо выяснить значения некоторых слов. В этом отрывке имеется несколько неясных слов. Первое — это *tepír*. В. Шейль не дал ему какого-либо объяснения и отождествил его со словом *ibbir*²³, которое встречается в надписи Ададушу и значение которого также еще не установлено. Это слово, как было отмечено, восходит к аккадскому *ebritum* «друг» и имеет аналогичное значение. Во всяком случае оно ничего общего не имеет со словом *tepír*. Какова же функция лица, носившего этот титул? Из контекста, по-видимому, вытекает, что лицо, обозначенное словом *tepír*, не может относиться непосредственно к судебной власти, поскольку вслед за ним перечислены *dallānū* «судьи». В отличие от последнего слово *tepír* эламского происхождения; его можно отождествить с новоэламским *tepi/tipi* «записывать». Следовательно,

²¹ Об этой тяжбе см. ниже раздел «Усыновление и прием в братство».

²² Лакуна восстанавливается на основании строки 35.

²³ MDP, XXII, p. 170; MDP, XXVIII, p. 8; ср. RA, 23, 1926, p. 36 sq., где это слово переводится как «писец».

terig, где -г суффикс действующего лица, является обозначением того, кто записывает, т. е. писца²⁴.

В частноправовых документах писцы (акк. *ṭurṣaḡgu*) нередко составляют сделку и выступают в качестве свидетелей. Но, видимо, это были частные писцы. В отличие от них лицо, обозначенное эламским словом *terig*, являлось, вероятно, представителем общинного управления. Это была административная должность, замещаемая скорее всего по назначению. Судя по порядку перечисления, *terig* «писец» по занимаемой должности стоял выше, чем судьи, поскольку через руки первого проходила вся письменная документация.

В приведенном отрывке после слова *dajjāpū* следует *ḥašša*, значение которого также неизвестно. Шейль и последующие исследователи не дают этому слову никакого объяснения. Согласно В. Хинцу, это слово может иметь значение «правитель»²⁵. В новейших словарях ему дано общее значение «эламский чиновник»²⁶. Однако понятия «правитель» и «чиновник» скорее связаны с государственной администрацией, нежели с управлением сельской общины. Издатели словаря, по-видимому, склонны отождествлять *ḥašša* с аккадским *ḥanšā* «пятьдесят»²⁷. Контекст показывает, что *ḥašša* был должностным лицом, которое присутствовало при судебных процессах, при решении дел, относящихся к той или иной конкретной местности. Скорее всего должность *ḥašša* связана с общинной организацией, так как государственный чиновник фигурировал бы в начале списка.

Значение слова *kīraḡu*, занимавшего предпоследнее место в перечислении, также остается неясным. В. Хинц это слово понимает как «мэр»²⁸. До обнаружения новых данных слово *kīraḡu* можно было бы условно переводить как «староста (?)». Во всяком случае и того, кого называли *kīraḡu*, по тем же соображениям логичнее считать

²⁴ Достоинно внимания, что в «*The Assyrian Dictionary*» (Н, 1956, р. 142) слово *terig*, хотя и под вопросом, переведено «(дворцовый) писец». В. Хинц (*W. Hinz, Persia c. 1800—1550 B.C.*, р. 20) дает для этого слова значение «канцлер».

²⁵ W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, р. 20.

²⁶ «*The Assyrian Dictionary*», Н, р. 142; W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, 4, 1962, S. 334.

²⁷ W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, 4, 1962, S. 318; «*The Assyrian Dictionary*», Н, р. 81.

²⁸ W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, р. 20 sq.

лицом, занимавшим определенное служебное место в управлении общины.

В свете сказанного упомянутый выше отрывок следует перевести: «писец и судьи, ḥašša, староста (?) и сыновья Суз многочисленные²⁹ рядом с писцом и судьями встали и затем начало имущества подняли».

Таким образом, эти лица были представителями общинной организации. Но не одни они решали те или иные вопросы. Рассмотрение дел происходило, как видно, в присутствии «сыновей Суз многочисленных», что можно принять за народное собрание. Это напоминает ту форму управления, когда при решении важных дел собирались все «от мала до велика»³⁰. Наличие в этот период органа, напоминающего народное собрание, свидетельствует о том, что демократический порядок разбирательства земельных дел все еще не потерял свою силу и существовал как пережиток форм управления сельской общины.

Возвращаясь к документу № 321—322, следует отметить, что в строке 47 двое из упомянутых представителей сузской общины перечисляются среди свидетелей: rān At-kal-šu ḥa-aš-ša rān "Inšušinak-ka-šī-id ki-ra-gū «Перед Аткалшу, хашша, перед Иншушинаккашидом, старостой». Здесь имена двух должностных лиц, участвовавших в процессе, конкретно указаны. Это может свидетельствовать о том, что как хашша, так и староста являлись постоянными представителями данного района в управлении общинной организации. Судя по тому, что лицо, обозначенное как хашша, стоит на первом месте, можно полагать, что его полномочия были шире, чем полномочия второго. Иначе говоря, вероятно, староста (?) был представителем одного квартала городской общины, а хашша мог возглавлять несколько кварталов. При этом мы исходим из того факта, что в документе № 288 (стк. 1—5) перечисляются оба эти термина, но старостой (?) является другое лицо: a-na At-kal-šu ḥa-aš-ša ū Ne-en-ne-e ki-ra-gu i-na pi-i-ka-a iḫ-ba-a «Аткалшу, хашше, и Ненне, старосте (?), согласно слову твоему сказали» (далее жалоба об имуществе — фраг-

²⁹ А не «другие», как переведено в «The Assyrian Dictionary», Н, р. 142.

³⁰ См. И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, стр. 19.

ментарный текст). Таким образом, в обоих случаях Аткалшу упоминается на должности хашша, при котором служили два старосты (?) — Иншушинаккашид и Ненне. Отсюда можно сделать вероятный вывод, что хашша фактически был главой нескольких кварталов, следовательно, главой группы старост (?). По-видимому, жалобы соответствующих подопечных районов подавались сначала низшим инстанциям, которые доводили их до общинной организации. Если же жалоба была незначительной и ее решение не требовало присутствия большого круга представительных лиц, то она рассматривалась только самими хашша и старостой. На это указывает упомянутый выше документ № 288. Это мнение частично подтверждается также данными, которые приводятся ниже в другой связи.

Вообще не совсем ясно — где происходило рассмотрение исков, возбуждавшихся членами общины. Поскольку каждый район или квартал имел своего представителя в общинном совете, то, видимо, и дела соответствующих районов рассматривались в том же районе. Например, судя по Законам Хаммураби (§ 142), дело мужа и жены должно было рассматриваться в ее районе (*ina bābtī-ša*). Да и в тяжёбом документе № 320: об. 2 упоминается выражение *māgē^{meš} bābtī* «сыновья района». Фактически народное собрание (*māgē Šušim*) должно было состоять из объединения *māgē bābtī*. Вероятно, каждые *māgē bābtī* выбирали своего старосту, а несколько районов (*bābtu*) выдвигали в общинный совет своего хашша. Квартальный совет, если можно так назвать *māgē bābtī*, возглавлялся старостой, а несколько старост подчинялись хашша. Наряду с другими упомянутыми лицами они являлись, возможно, членами совета старейшин.

Нам известно, что спорные дела решались также при храмах. Подобный факт зарегистрирован в документе № 325 (стк. 26—27): *rān 22 šī-bu-tu di-ni-šu-nu i-na kirī* ³¹*Samaš* ³¹*ra-gi-is* «Перед 22 свидетелями их дело

³¹ Данная идеограмма обозначает также эламского бога солнца Наххунте. Видимо, в частноправовых документах под Шамашем подразумевали бога Наххунте. Однако поскольку документы написаны на аккадском языке, то мы всюду придерживаемся чтения Шамаш, несколько не сомневаясь в том, что данное божество могло быть эламским Наххунте.

в саду Шамаша решено». Мы не знаем, почему судебное дело в данном случае решается при храме, но можно предположить, что из-за недостатка доказательств, например отсутствия соответствующего документа, правильность того или иного иска проверялась клятвой. В этом отношении примечателен документ № 393, в котором несколько человек поднимаются с иском на некоего Икишуни, говоря (стк. 8—10): E.DU. A a-bu-ni a-na a-bi-ka ú-ul id-di-im-mi řur-ra-ka sà-ar-ra-at-mi «Дом отец наш твоему отцу-де не давал. Твой документ-де подделан». Как видно, берется под сомнение подлинность самого документа. Для того чтобы установить истину, надо было произнести клятву, что и сделал ответчик (стк. 14—19): i-na bit ¹¹Inanna ^mI-ki-řu-ni KA-a-am it-ma um-ma řu-ma at-ta ¹¹Inanna lu ti-di řur-pi sà-ar-ti la e-pu-řu ú řur-ra an-pi-ta a-bi lu-zi-ba-am-ma ^mI-ki-řu-ni it-ma-ta «В храме богини Инанны Икишуни клятвой поклялся, говоря: „Ты, Инанна, воистину ведаешь, (что) документ поддельным я не сделал и документ этот отец мой воистину мне оставил“. Икишуни поклялся».

Данный случай позволяет дополнить приведенную выше мысль о том, что при отсутствии каких-либо доказательств в решении того или иного иска обращались к посредничеству храма³²; этим способом устанавливалась истина, поскольку другой аргумент — подлинность документа — ставился под сомнение. К тому же при решении этого дела участвуют «многочисленные люди» (a-wi-lu-ú ma-du-tu). Среди свидетелей и вообще в документе отсутствует упоминание о членах совета старейшин. В качестве свидетеля выступает жрец (ra-ři-řu) храма (стк. 24—26). Следовательно, процесс вели люди общины и храм.

Однако это не значит, что старейшины не принимали участия в тех судебных процессах, которые подлежали рассмотрению при храмах. В документе № 320 идет спор о земле. Там отсутствует упоминание какого-либо документа (в смысле «титула имущества»), свидетельствующего о принадлежности данного объекта той или другой стороне. Вероятно, поэтому суд происходит при храме, поскольку необходима была клятва (стк. 11—12):

³² Клятва богом для установления истины предусматривалась также в Законах Хаммураби (§ 23), если дело вела община.

pān Zu-ūh-ḥu-ti te-pīr^lr [ù] At-ta-ḥa-aš-du-uk dallānim i-na
^{G1}škirī 11Šamaš da-a-a-nu-sú-ni i-pu-šu-mī «Перед Зуххути,
 писцом и Аттахашдуком, судьеи, в саду бога Шамаша
 свой суд совершила». Таким образом, судебные процес-
 сы происходили при храмах тогда, когда чувствовался
 недостаток в доказательствах. И в этом случае в су-
 дебных разбирательствах участвовали соответствующие
 представители общинной организации и население.

Упомянутые представители общинной организации
 вместе со жрецами перечисляются в надписи на кирпи-
 че, принадлежащем царю Суз Темптиахару, который,
 по-видимому, правил в конце II тысячелетия до н. э.³³
 В надписи речь идет о посвящении статуи богу Иншу-
 шинаку, а в интересующей нас части соответствующие
 слова перечислены в следующем порядке (стк. 7): ḥa-
 aš-ša ki-ra-gu rašišu gabū maššar É.DÜ.A ù rašiš
 [É.DÜ.A] «хашша, староста (?), великий жрец, хранит-
 ель³⁴ храма (букв. дома) и жрец храма (букв. дома)».
 Текст вообще трудно поддается объяснению, поэтому
 мы не знаем, какую цель преследовал царь, перечисляя
 эти должности. Но в свете сказанного выше важно, что
 административно-судебные лица ālu перечислены до
 крупнейших деятелей храма в посвячительной надписи,
 где все, казалось бы, должно быть иначе.

Вряд ли можно утверждать наличие сельской общи-
 ны в этот период. Однако в документе № 321—322 упо-
 минаются земли, которые, вероятно, когда-то обрабаты-
 вались сообща и прежде принадлежали сельской общине
 в целом. Приведем соответствующий отрывок (стк. 25—
 31): ù ṭur-pa-ti ša Dam-ki-ja ša makkuri ša A-ni-ih-Šu-ši-
 im a-bi-šu eklētītl.meš É-DÜ.A.meš ù iškira ša e-be-er-ta ù
 ù-ga-ar Šu-ši-im i-na niš Ta-a-ta ù Te-im-ti-a-gu-un mDam-
 ki-ja it-ti mA-mur-nu-ūr-šu a-ḥi-šu zi-zu me-e-šú-ú du-[up]-
 ru-gù «...и документ Дамкии относительно имущества
 Аних-Шушу³⁵, отца его: поля, дома и сад, что за пе-

³³ Имя его встречается также в документе № 248, происходя-
 щем из «Маламира». Шейль датировал его 1000—800 гг. до н. э.
 (MDP, IV, p. 167).

³⁴ Переводят также в смысле «настоятель» («*The Assyrian Dic-
 tionary*», H, p. 142).

³⁵ О генеалогии его рода см. L. de Meyer, *Une famille susienne*,
 p. 12 sq.

реправоѣ и на пашне Суз, при жизни³⁶ Таты и Темти-агула Дамкия с Амуртуршу, братом своим, разделили, (а именно) разложили, раздвинули»³⁷.

Здесь наиболее интересно выражение, которое показывает существование земель, находящихся в общине Суз и вне ее, т. е. по ту сторону реки. Последние, вероятно, входят в состав *ṣētu* или же находятся вне сузской территории вообще. Что касается выражения *ugār Šušim*, то оно фактически должно равняться пашне *ālu*.

То, что *ugāru* не обозначает административную территорию Суз, ясно вытекает из приведенного контекста. *Ugār Šušim* означает всю обрабатываемую территорию города (городской общины) Суз. Однако наличие термина *ugār Šušim* еще не свидетельствует о сохранении присущих сельской общине форм коллективного землевладения, ибо, как видно, земельные участки на этой территории уже были индивидуализированы. Если в соседней Вавилонии подобные земли могли принадлежать также царю и храму³⁸, то в Эламе мы сталкиваемся с фактом, что в *ugār Šušim* существуют только частные владения, принадлежащие той или иной домашней общине³⁹.

Представляет также значительный интерес продолжение приведенного выше отрывка из документа № 321—322: 32—40: *ṭup-pa-ti šā zi-zu-ú-ti a-ta-ar te-pír^{lr} ù da-a-a-nu ub-lu-ni-im-ma te-pír^{lr} da-a-a-nu ù māre^{meš} Šu-ší-im ma-a-du-ti pi-l ṭuppātiti šā zi-it-ti iš-mu-ú-ma te-pír^{lr} ù da-a-a-nu le-ú-šu-nu šā Lu-ú-lu ù A-ni-lh-Šu-ší-im māre^{meš} Dam-ki-ja iš-ku-ni-ú-ma* «Документы о дележе *atar*, пашец и судьи принесли и затем пашец, судьи и многочисленные сыновья Суз слова документов о наследственной доле

³⁶ Впервые для *piš* значение «жизнь» предложил Тюрю-Данжен. Это значение наиболее правильное, что и подчеркнул еще М. Сан-Николо (RLA, II, 1933, р. 305); см. также А. П. Рифтин, *Старовавилонские юридические и административные документы*, М.—Л., 1937, стр. 22; G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, Oxford, 1955, р. 395; E. Salonen, *Untersuchungen*, S. 134.

³⁷ Об этих глаголах см. раздел «Распад домашней общины».

³⁸ Ср. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, Oxford, 1952, р. 152.

³⁹ В связи с тязбой *ugār Šušim* упоминается также в документе № 320: об. 7. И здесь речь идет о владении домашней общины.

услышали, и затем писец и судьи победу (над) Лулу и Аних-Шушу, сыновьями Дамкии, установили».

В этом отрывке впервые появляется должность *atar*, которая более не встречается в документе. Должностное лицо *atar* упоминается лишь в связи с принесением документа, свидетельствующего об имевшем когда-то место разделе отцовского наследства. Судя по тому, что эта должность перечислена первой, можно говорить о высоком общественном или служебном положении лица, обозначенного как *atar*. Вероятно, *atar* был главой совета старейшин; его можно отождествить с *adda* (= *atar*), который, возможно, имел те же самые функции.

Дальнейшие события происходят без упоминания лица *atar*, но это не значит, что последний не присутствовал в этом процессе, а значит, что *atar*, как видно из контекста, появился только в связи с оглашением содержания документа о наследственной доле и довел ее до сведения писца, судей и народного собрания, в компетенции которых по сути дела находилось вынесение решения по рассматриваемому делу. Как видно из контекста, *terig* не был простым канцелярским писцом, а занимал очень высокую должность, и, вероятно, коллегия судей подчинялась ему. Видимо, *terig* был нотариусом с большими полномочиями, значительной фигурой в управлении сузской общины.

Таким образом, решение по тому или иному делу, как отмечалось, принималось с участием «сыновей Суз». В документе № 393 по поводу одной тяжбы при храме собирается население; документ передает это следующим образом (стк. 11—12): *a-wi-lu-ú ma-du-tu iz-zi-zu-ma da-a-a-pi-us-sú-pi i-pi-šu-ma* «Многочисленные люди встали и затем суд свой совершили». Подобные факты, как говорилось, можно толковать как народное собрание, в компетенции которого было вынесение того или иного решения. Это решение, по-видимому, не могло быть отвергнуто каким-либо органом общины или царем. В одном из документов (330: 25—27) речь идет о разделе наследства, но отмечается, что впредь царь и судья не будут принимать по этому делу нового иска; правда, там нет упоминания о народном собрании, но зато фигурирует судья, который относился, как мы считаем, к числу членов совета старейшин.

Как видно, народное собрание общины в Эламе не

исчезло с ликвидацией коллективной собственности на землю. То же самое можно сказать по отношению к Вавилонии. Об этом говорят многочисленные случаи, но для наглядности можно указать на одно письмо Хаммураби, адресованное управляющему царским хозяйством Шамашхасиру⁴⁰. В письме упоминается, что некий Иби-Адад пожаловался царю, что «поле дома отца моего, которое от дней давних мы держим, Шеп-Син „глухой“, сын Абилтума, потребовал у меня» (стк. 6—8). Далее он продолжает (стк. 9—11): *m.* *Šamaš-ḥa-ši-ir a-lum ù ši-bu-tum iz-zi-zu wa-ar-ka-at eklim^{im} šu-a-ti ip-gu-su-ta* «Шамашхасир, община и старейшины встали (собрались) и дело поля этого решили». Здесь для нас важно то обстоятельство, что и в Вавилонии в решении спорных дел участвовали члены общины (поселения) (*ālu*), возможно равные эламским «сыновьям Суз» или «многочисленным людям», и члены совета старейшин⁴¹, подобные эламским старейшинам, занимавшим должности *terig*, *atar* и т. д. Хаммураби не пытается идти против решения общины. Мало того, в Законах (§ 23) рассмотрение уголовных дел он возлагает на *ālu* и главу общинного поселения — рабианума, который, по-видимому, обычно назначался царем⁴².

На основании приведенных выше данных можно сказать, что и в Эламе, где форма управления сельской общины сохранилась наиболее полно, царская власть, видимо, не могла аннулировать решение общинной организации и в решении спорных вопросов, касающихся только граждан, она также полагалась на общину, на общинный суд.

Управленческий аппарат сельской общины, а в применении к Сузам — городской общины должен был носить демократический характер. Иными словами, лица, входившие в этот орган, должны были быть выборными. По-видимому, судьи должны были периодически пере-

⁴⁰ F. Thureau-Dangin, *La correspondance de Hammurapi avec Šamaš-Ḥiṣir*, — RA, XXI, 1924, № 1—2, p. 33, n. 40.

⁴¹ О них см. H. Klengel, *Zu den šibūtum in altbabylonischer Zeit*, — «Orientalia», vol. 29, NS, fasc. 4, S. 357 sq.

⁴² См. И. М. Дьяконов и Я. М. Магазинер, *Законы Вавилонии...*, — ВДИ, 1952, № 3, стр. 209, 230; о судопроизводстве в Вавилонии см. A. Walther, *Das altbabylonische Gerichtswesen*, — «Leipziger Semitistische Studien», VI, 4—6.

избираться. Среди них, если исходить из характера работы, лишь должность писца (*terir*) могла существовать сравнительно долго или вне срока, поскольку он должен был быть грамотным. Находясь в управлении общинной организации, он, видимо, в то же время был представителем государства. Писец, обозначенный термином *terir*, занимал одно из ведущих мест в совете старейшин. Судя по документам, писцы играли определенную роль также в правовой жизни. В частноправовых документах применительно к земельным участкам иногда употребляется выражение *šiddat* (*šimdat*) *ṭuršarri* «указание» или «распоряжение писца». Подобные распоряжения, носившие характер постановления или закона, в соседней Вавилонии обычно принадлежали царю⁴³. Этот факт позволяет характеризовать писцов, выступающих в государственном аппарате и в органе сельской общины, как наиболее важных должностных лиц, распоряжения которых — будь то по государственной или общественной линии — имели обязательную силу. Вероятно, сказанное в какой-то степени может свидетельствовать о принадлежности писцов к бюрократической царской среде, откуда они назначались в городскую общину.

Но самым главным среди должностных лиц общин, вероятно, был *atar* (*adda*), судя по тому, что он назван первым. Все эти должностные лица были старейшинами с различными функциями.

Следует отметить, что так называемые цари Сима-ша — эламской области, находившейся на Востоке, вдали от постоянного театра военных действий, фактически были главами сельских, или территориальных, общин. Во всяком случае разложение там земледельческой общины по сравнению с центральной частью Элама, наступило относительно поздно. Это особенно ярко отразилось в титулатуре Шилхахи, звучавшей как *ad-da LUGAL Anšan* и *Sušim*⁴⁴ «отец-царь Аншана и Суз»⁴⁵.

⁴³ О *šimdat šarrim* ср. В. Landsberger, *Die Babylonischen Termini für Gesetz und Recht*, — «Symbolae... Paulo Koschaker», Leiden, 1939, S. 225 sq.; D. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 17 sq.; F. Kraus, *Ein Edikt des Könige Amnišaduqa von Babylon*, Leiden, 1958, S. 239 sq.

⁴⁴ MDP, XXVIII, 1939, цилиндр Адлахушу, стк. 5—6, стр. 8.

⁴⁵ П. Кошакер (P. Koschaker, *Göttliches und weltliches Recht*, S. 78) выражение «отец-царь», вероятно, понимает как «высший царь».

Такой титул свидетельствует о том, что эти два термина не исключают друг друга. Если еще Шилхаха называется adda, то его предшественники, которые в списке царей Симаша названы царями (šarḡu), должны были, по всей вероятности, быть также главами сельских, или территориальных, общин. Титул adda носил Шилхаха и члены его рода, правившие в соседней области⁴⁶. Если в Эламе речь при этом идет о правителях (поскольку Шилхаха носил к тому же титул суккалмаха и царя), то в Вавилонии носители подобных титулов не имели отношения к управлению страны в целом. Там встречается титул AB.BA URU «отец города», носителей которого относили к числу членов коллегии старейшин города⁴⁷. Однако и здесь речь идет о главе общины, который, видимо, не имел ничего общего с правителем государства.

На основании сказанного можно предположить, что так называемые цари Симаша выполняли функцию adda, но вместе с тем сосредоточивали в своих руках военную и светскую власть. Обстановка постоянных войн выдвинула глав крупных городских общин на передний план и создала условия для образования верховной власти, умеющей защищать членов общины от внешних нашествий.

Следы демократической формы управления, выраженные в выборности правителей Элама, долго существовали и в государственном аппарате. Как было показано, такие должности государственного аппарата, как суккалмах, суккал и царь, были выборными, что можно объяснить устойчивостью традиции управления, которая была характерна для общины. Разница в том, что в общине, вероятно, в выборах участвовали все члены общины, т. е. народное собрание, а в государственном управлении объектом и субъектом выборов были только члены определенного рода.

Таким образом, на основании имеющихся данных мы попытались воссоздать картину жизни сельской об-

⁴⁶ В Амурру и Ямутбале правили люди из его рода. Например, Кудур-Мабук носил титул adda (F. Thureau-Dangin, *Une Inscription de Kudur-Mabuk*, — RA, IX, № 3, 1912, p. 123, col. 1, 7—9).

⁴⁷ См. H. Klengel, *Zu den šibūtum in altbabylonischer Zeit*, S. 357 sq.; там же (S. 358, Anm. 1) приводится титул «adda Урука», что аналогично с указанным нами титулом.

щины в далеком прошлом и в период, современный изучаемым нами документам, с ее соответствующими традициями и пережитками, с ее формой управления и порядком возглавления. Но сельская община как организация коллективной земельной собственности с присущей ей формой землевладения в период написания частноправовых документов была разрушена. Особенно ясно это будет видно в следующих разделах, когда мы непосредственно обратимся к документам.

Что же привело к распаду сельской общины, в частности характерных для нее земельных отношений?

Прежде всего — имущественная дифференциация, появившаяся в сельской общине. Имущественные различия внутри общин в известной степени были порождены сношениями с внешним миром, вследствие чего наступает разложение общин⁴⁸, т. е. в ускорении распада земельных отношений сельской общины определенную роль играли внешние факторы. Элам очень рано втянулся в международную торговлю, что ускорило производство для обмена. «Чем больше продукты общины принимают товарную форму... тем глубже подрывается старое общинное землевладение, тем быстрее община идет навстречу своему разложению»⁴⁹. Проникновение семитов в Сузы и другие пункты Элама должно было привести к захвату и отторжению земель местной общины. Во II тысячелетии в Сузах мы уже встречаем семитов, которые стали проникать в Элам еще в III тысячелетии. Хотя Сузы и были столицей эламских правителей, там продолжала свое существование общинная форма самоуправления. Лишь в этом отношении пережитки первобытной общины выдержали испытание временем.

Тем не менее некоторые вопросы, связанные с деятельностью общинной организации, остаются темными. Велось ли рытье каналов на территории городской общины Суз, если да, то на какие средства? Какова была вообще хозяйственная и правовая деятельность органов городской общины в этот период? О ее строительной и хозяйственной деятельности мы почти ничего не знаем, да и вряд ли в то время, когда существовало два крупных хозяйства — государственное и храмовое, была су-

⁴⁸ См. Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1948, стр. 139.

⁴⁹ Там же, стр. 151.

щественная необходимость в органах городской общины. Тем более эта необходимость сводилась к нулю, раз не было коллективного землевладения, раз община не выступала как земельный собственник. Но органы общины в строительном или хозяйственном плане могли проявлять кое-какую инициативу. Эта инициатива органов городской общины могла выражаться в том, чтобы привлечь граждан на строительные или хозяйственные работы в храмовом и царском хозяйствах, организовать регулярное обеспечение храмов скотом и сельскохозяйственными продуктами для жертвоприношения и т. д.

Как было видно, имеется сравнительно много данных о правовой деятельности общинной организации. Она регулировала спорные дела и правовые тяжбы, но при этом управление общины опиралось на мнение всех членов *ālu*. Вот здесь-то сохраняется та форма управления, которая постоянно, во все времена сопровождала сельскую общину.

Вряд ли, судя по имеющимся документам, можно говорить о существовании коллективной собственности общины в районе Суз, а может быть, даже во всем Эламе, так как страна в целом уже давно, еще в III тысячелетии, вступила в сношения с Месопотамией. Такие области, как Барахше, Аван, Адамдун, Симаш, Аншан, и другие часто упоминаются в письменных источниках Двуречья. По-видимому, процесс разложения общины происходил по всей стране уже в III тысячелетии, но общинную специфику, выраженную в коллективном землевладении, одни районы потеряли раньше, а другие позже. Вследствие этого роль основной хозяйственной единицы переходит к домашним общинам, рассмотрение которых начинается со следующего раздела.

Домашняя община

Из частноправовых документов можно извлечь более или менее полные сведения о домашней общине. Документы главным образом регистрируют семейноправовые отношения, специфические формы приема в семейнообщинный коллектив, т. е. в домашнюю общину (усыновление и братство), формы передачи и приобретения права собственности в пределах домашней общины, наследования и т. д. Именно в этом основном для до-

машней общины аспекте будет рассмотрена эта организация, иначе говоря, будут разбираться семейно-имущественные отношения. Поэтому нам пришлось привлечь для этой цели все документы, которые так или иначе относятся к семейным делам и показывают наличие в семье коллективного владения. В этом отношении данные документов разделены на три части по следующим темам: усыновление и прием в «братство», гражданская семья и царская семья. Естественно, здесь нельзя было пройти мимо тех случаев, когда документы, относящиеся к этому кругу вопросов, содержали сведения и о частном землевладении.

Усыновление и прием в «братство». Обычно в Эламе, как свидетельствуют документы, право передачи собственности принадлежало только главе семьи — отцу. Он был главой домашней общины, был, как мы увидим ниже, вправе дарить имущество или лишать детей наследства. Иной раз после его смерти единая хозяйственная семья распадалась и имущество разделялось между наследниками. Обычно в разделе участвовали родные дети как мужского, так иногда и женского пола. В таком разделе усыновленные, вероятно, не участвовали, так как они, по-видимому, всегда принимались в коллектив с правом на определенную часть имущества, что, как правило, предусматривалось в договоре. Но в Эламе, как в Аррапхе и Угарите, эта передача собственности осуществлялась наряду с усыновлением также и путем принятия в «братство».

Занимаясь данным вопросом, П. Кошакер, к сожалению, не смог выявить суть договора о «братстве» и считал, что в аһһүту сохранился след, который ведет к более древнему периоду, когда семья управлялась властью брата, причем этот вывод в основном опирается на данные, характеризующие царские семьи⁵⁰. Но и эти сведения сами по себе не дают повода для подобного предположения. Фактически П. Кошакер для аһһүту «братства» привел в качестве примера два документа (№ 3 и 286) и еще данные документов тяжбы (№ 321—322) без комплексного изучения остальных документов, хотя и эти немногие документы не получили достаточно

⁵⁰ P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 60.

полного разбора⁵¹. Он признает, что при aḥḥūtu мы имеем дело с патриархальной семьей, но вместе с тем он считает, что дело при этом сводится к юридическому акту назначения наследника⁵². Далее П. Кошакер высказывает мысль, что в сузских документах тщетно искать фратриархат, напротив, кажется, там уже имеется патриархат и право наследования принадлежит сыну⁵³. Под патриархатом П. Кошакер имеет в виду патриархальную семью. К сожалению, высказанная им вскользь мысль о патриархальной семье в связи с aḥḥūtu не основывается на разборе документов, а опирается в основном на аналогии, извлеченные из документов Аррапхи. При этом его интересовала лишь правовая сторона данного вопроса, и фактически он не занимался и не пытался заниматься вопросом о домашней общине в Эламе. Ныне имеющиеся документы позволяют по-иному осветить функцию aḥḥūtu и вместе с тем внести определенную коррективу в бытующий взгляд на эламское aḥḥūtu, которое не может быть рассмотрено вне домашней общины. Прежде всего обратимся к документам⁵⁴ об усыновлении и приеме в «братство».

О собственно усыновлении свидетельствует единственный документ (№ 1), в котором некий Силлисулулэрсети усыновляет Рихуа и назначает ему долю. Из текста нельзя установить размер этой доли, которая передается под видом подарка (стк. 1—9): "Šilli-Šulūl-erṣeti i-na tú-ba-ti-šu i-na na-ar-a-ma-ti-šu "Ri-ḥu-a a-na ma-ru-ti il-ḳè ḳiṣat āli ù šēri-šu eḳlu [E].DÜ.A ù kirām a-na Ri-ḥu-a ma-gi-šu i-di-iš-šu «Силлисулулэрсети по доброй воле своей, по любви своей⁵⁵ Рихуа в качестве сына взял. Подарок (в) поселении и степи своей, (а именно) поле, дом и сад Рихуа, сыну своему, он отдал». Усыновитель дарит усыновленному поле, дом и сад, т. е., ве-

⁵¹ Ibid., S. 46 sq.

⁵² Ibid., S. 47.

⁵³ Ibid., S. 60.

⁵⁴ Документы изданы в MDP, XXII—XXIV, XXVIII.

⁵⁵ Вслед за Шейлем Э. Кюк (RA, 28, 1931, № 2, p. 50) фразу «по доброй воле своей, по любви своей» понимал так, что усыновитель действовал в полном здравье и по своей собственной воле. По сути дела это верно, но не вполне точно передает содержание фразы. Слово ṭubbātu — множественное число от ṭubbu «добро», «благодетельность», «милость», а слово paḡ'amātu означает «любовь», «благодарность»; на последнее обратил внимание еще П. Кошакер (OLZ, 35, 1932, № 5, S. 321).

роятно, все имущество, которое находилось в поселении и за его пределами, причем все это передается под видом подарка и при полном согласии со стороны усыновителя, иначе говоря, по его доброй воле. Разумеется, как отметил еще Э. Кюк, это условие договора преследует цель устранить всякую возможность оспорить его под предлогом недобровольности⁵⁶. Следует добавить, что в данном случае необходимо было согласие именно усыновителя, поскольку он был владельцем передаваемой собственности. Естественно, Рихуа, т. е. усыновленный, получает и право собственности на указанную недвижимость.

К сожалению, начало клаузулы, в которой речь идет о гарантии против будущих претензий, разбито и установить, против кого она направлена, невозможно. Сохранились только стк. 11—14: [Ri-ḫu]-a-a [ú-ul ma]-ru ú-ul pa-di-šū i-ḳā-ab-bu-ú-ma a-na me-e i-la-ak-ma «(Кто) „Рихуа не сын, не отдано ему“ скажет, (тот) в воду пойдет» (и далее следует обычная клаузула наказания богами и царем). Судя по документам дарения, где в подобных клаузулах встречаются арлш «сын-наследник», māgu «сын», mārtu «дочь», можно полагать, что эта клаузула была направлена против родных детей усыновителя, но неясно, имеются ли в виду дети, обеспеченные наследством, или еще необеспеченные. Непонятным остается, казалось бы, и другое — почему он усыновлял постороннего, тогда как он мог оставить свое имущество опять-таки своим детям, если предположить, что таковые у него были и даже были обеспечены, или своей супруге, и почему в договоре отсутствует условие, связанное с обязанностью усыновленного содержать усыновителя? Ведь имеются случаи, когда подарок делается супруге или дочери, чтобы та обеспечила старость отца (№ 285). В Вавилонии усыновление кроме прочих целей преследовало цель продолжения рода и поддержания заупокойного культа⁵⁷ или же в других случаях, вероятно, делалось для приобретения лишней

⁵⁶ E. Cuq, *Les actes juridiques susiens*, p. 50.

⁵⁷ Усыновленный принимался в дом как полноправный член семьи с определенными имущественными правами. В случае нарушения сделки усыновленный забирал свою долю (см. M. Schorr, *Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts*, Leipzig, 1913, № 10, S. 24). Усыновленные обычно получали наследственную долю (*ibid.*, № 13—22, 26—42). В случае нарушения сделки усыновитель мог потерять имущество (*ibid.*, № 8, S. 22).

рабочей силы⁵⁸. Но под видом усыновления происходила также продажа имущества, например в Аррапхе⁵⁹. Однако в Эламе купля и продажа недвижимой собственности происходила свободно и, как видно из документов, никакой закон не запрещал ее. В данном случае разница между отчуждением путем продажи и передачей усыновленному собственности заключалась в том, что с продажей недвижимости продавец терял право собственности совершенно, а при передаче собственности в связи с усыновлением переход собственности, вероятно, происходил только со смертью усыновителя и к тому же на усыновленного возлагались определенные сыновние обязанности по отношению к усыновителю, например обязанность содержать его при жизни, а после смерти поддерживать культ его родовых богов. Судя по упомянутой клаузуле, которая могла быть направлена против наследников усыновителя, можно полагать, и что усыновленный был принят на правах сына, и что он был принят в качестве рабочей силы. Фактически всякое усыновление есть пополнение хозяйства рабочей силой, невзирая на то, передается ли усыновленному определенная доля или нет. Обычно «не сын, ему не дано» могли сказать, как видно из документов дарения, лишь дети. Да и сам усыновитель мог бы оспаривать это дарение. Отсюда вытекает, что между усыновителем и усыновленным относительно передачи собственности не существовало никаких разногласий, поскольку отсутствует характерная для вавилонских документов фраза *a-na a-bi-šu ú-ul a-bi at-ta i-ka-bi-ma*⁶⁰ «Отцу своему „не отец ты“ скажет», вложенная в уста усыновленного. Кроме того, усыновленному передается все имущество, находящееся в поселении и вне его. Отсюда вытекает, что усыновленный фактически становился единственным наследником усыновителя.

⁵⁸ В одном случае говорится: если усыновленный скажет усыновителю, что он не отец ему, то его должны отдать за серебро: если же, наоборот, усыновитель скажет, что усыновленный не сын ему, то первый теряет дом и утварь (M. Schorr, *Urkunden*, № 9, S. 22—23). Вероятно, здесь усыновлен человек как рабочая сила, но он получает долю в случае нарушения сделки усыновителем.

⁵⁹ E. A. Speiser, *New Kirkuk Documents relating to Family Laws*, — AASOR, X, 1930 (1928—1929), p. 9 sq. Там же рассматриваются различные формы усыновления.

⁶⁰ M. Schorr, *Urkunden*, № 9, 11—12, S. 22.

К сожалению, лишь один этот документ свидетельствует об усыновлении, поэтому судить всесторонне об этой форме дарения невозможно. Но передача собственности производилась и в других формах. Для этой цели в Эламе осуществлялся прием в «братство». Элам пошел по другому пути, чем соседняя Вавилония; если там передача собственности осуществлялась только посредством усыновления, то в Эламе получил широкое распространение именно договор о «братстве».

Так, в документе № 3 зарегистрирован факт приема в «братство» (стк. 1—4): *mIlu-šu-ba-ni i-na tū-ba-ti-šu i-na na-ar-[a-ma-ti-šu] mA-tu-ú-ta a-ḥa-at a-bi-šu a-na aḥ-ḥu-ú-ti i-ké-šī* «Илушубани по доброй воле своей, по любви своей Атуту, сестру своего отца, в братство принял».

В данном случае речь идет о приеме в «братство» тетки, т. е. родственницы, которая, вероятно, по существующим в Сузах правилам (это видно из самих же частноправовых документов) не могла быть непосредственной наследницей ни своего брата, ни его сына, который ее усыновлял. В противном случае не было бы никакой необходимости в заключении специального договора, который закреплял права тетки на имущество своего племянника. Из объяснения Э. Кюка⁶¹ вытекает, что этот прием в «братство» был совершен потому, что Атута была родственницей Илушубани и, естественно, должна была получить право на имущество своего племянника. Э. Кюк не пытается понять социальные причины, которые привели к заключению этого договора. Однако ясно, что заключение договора было предпринято в обход существовавших правовых норм, поскольку непосредственными наследниками отца могли быть только его дети. Поэтому объяснение права тетки только наличием родственных связей противоречит засвидетельствованным наследственно-правовым нормам⁶². Поскольку

⁶¹ E. Cuq, *Les actes juridiques susiens*, p. 52.

⁶² По сути дела и П. Кошакер не дает объяснения этому факту, пытаясь установить — как могло развиваться *aḥḥūtu* вместо *māgūtu* «усыновления» (см. P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 46—52). И. Клима воздерживается от конкретного объяснения, но считает, что тетка получает подобное право потому, что она родственница отца и что здесь могли играть роль также другие семейные и социальные причины (см. J. Klíma, *Untersuchungen zum elamischen Erbrecht*, — АО. 28, № 1, 1960, S. 47, Anm. 235).

тетка в возрастном отношении, видимо, была старше своего племянника, то, казалось бы, Илушубани должен был стремиться стать наследником тетки. Однако следующая фраза свидетельствует об обратном (стк. 5—7): a-na makkuri ašar āli^{ki} ū šēri bu-šī ba-šī-ti šā^{m.SAL}A-tu-ti^m Ilu-šu-ba-ni ū-ul šu-ḥu-<uz> «На имущество, что в поселении и степи (вне поселения), владения, принадлежащие Атуте, Илушубани не имеет права». Таким образом, после приема в «братство» Атута сохраняет право собственности на свою недвижимость. Следовательно, прием в «братство» был совершен не для того, чтобы Илушубани стал наследником своей тетки, ибо передача имущества была односторонней. Более того, Атуте предоставляется еще и другое право, которое позволяет ей завладеть имуществом своего племянника, принявшего ее в «братство» (стк. 7—12): makkur ašar āli^{ki} ū šēri eklam kirām ū E.DU.A ekel IM.AN.NA ū šī-ḳf-ta šā Ilu-šu-ba-ni a-na-a^{SAL}A-tu-ti na-di-iš-šī «Имущество, что в поселении и степи, (а именно) поле, сад и дом, поле, орошаемое дождем⁶³, и (поле с) искусственным орошением, принадлежащие Илушубани, Атуте отдано». Отсюда вытекает, что прием в братья был совершен не в пользу принимавшего и не из-за взаимной выгоды, ибо Илушубани передавал свое имущество, следовательно, и право собственности сестре своего отца. Значит, здесь не имелось в виду сохранение и задерживание распада родового имущества. Если бы это было так, то логически и Илушубани должен был бы участвовать во владении имуществом тетки. Здесь же подчеркивается зависимость, вытекающая из договора, племянника от своей тетки. Возможно, эта зависимость была результатом существовавших между Атутой и отцом Илушубани отношений. В связи с этим возникает множество вопросов, которые трудно разрешить. Например, разве не было бы проще, если бы Илушубани подарил соответствующее имущество своей тетке, поскольку она была родственницей ему? Но в таком случае Илушубани мог бы оказаться вне этой семейной общины, что, вероятно, не

⁶³ Шейль предполагает значение «сухое, безводное» (aride). П. Кошакер (OLZ, 35, 1932, № 5, S. 321) правильно указывает, что здесь имеется в виду поле, для которого достаточен дождь и нет необходимости в ирригации, и предлагает перевод «Regen(IM-)feld».

было в интересах тетки, да и самого Илушубани. Следовательно, прежде всего aḥḥūtu является объединением самих людей, а не только их имущества. В aḥḥūtu участвовали обе стороны, хотя одна из них становилась владелицей всего имущества. Что же тогда оставалось делать другой стороне? По всей вероятности (поскольку нет других объяснений), зависимая сторона участвовала в этом объединении как рабочая сила, однако на правах «брата» — без права на недвижимость, но, очевидно, с определенным правом на производимые продукты. Почти к аналогичному выводу приводит и другой документ.

В документе № 286 Нур-Иншушинак принимает в «братство» некоего Анаилмааткала. Этот документ отличается от предыдущего рядом признаков. В этом документе прямо отмечается, что прием был совершен в целях овладения имуществом приемного брата: a-na ga-še-e takkuri-šu (стк. 3) «для приобретения имущества его»⁶⁴. Подобное указание отсутствует в документе № 3, хотя и там по сути дела имеется в виду передача собственности. В документе № 3 отсутствует также выражение pi-šu ba-al-[tu Ša-ap-ta-šu] ba-al-ṭa-ṭu (стк. 1—2) «уста его живы, губы его живы»⁶⁵. Как полагает П. Кошакер⁶⁶, это выражение подчеркивает телесное и духовное здоровье, в частности способность приемного брата к нормальной речи. И. Клима также считает, что данное выражение указывает на дееспособность приемного брата⁶⁷. Из документа вытекает и то, что в данном случае (№ 286), возможно, речь идет о уже немолодом человеке, который, может быть, в силу своего преклонного возраста и отсутствия детей отдавал себя на попечение другого лица, более богатого. Рассмотрим факты. Лицо, принимающее в «братство», Нур-Иншушинак, очень часто выступает в качестве арендато-

⁶⁴ И. Клима (J. Klíma, *Untersuchungen zum elamischen Erbrecht*, S. 48) дает перевод «с целью присоединения к своему имуществу». Целесообразно переводить «для приобретения», поскольку основное значение глагола gašū «владеть», «приобретать».

⁶⁵ Выражение соответствует русскому «в здравом уме и в твердой памяти», что является указанием на способность давать отчет в собственных поступках; это выражение характерно для завещаний.

⁶⁶ P. Koschaker, *Keilschriftforschung*, — OLZ, 35, 1932, № 5, S. 321; P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 46.

⁶⁷ J. Klíma, *Untersuchungen zum elamischen Erbrecht*, S. 47.

ра⁶⁸. Арендатором же мог быть и бедный, чтобы как-нибудь содержать свою семью, но, судя по документам, чаще богатый, в руках которого находилось больше рабочей силы. Судя по тому, что Нур-Иншушинак часто и у разных лиц арендует поля, его можно отнести к категории зажиточных людей. Один раз (№ 268) он арендует поле у Анаилимааткала, которого, как мы видели, он затем принял в «братство» для овладения его имуществом⁶⁹. Договор и закрепляет за Нур-Иншушинаком право владения недвижимостью принятого в «братство». Как и № 3, документ № 286 четко и ясно отмечает права каждой из сторон (стк. 6—14): a-na makkur āli-šu ū šēri eḫli É.DU.A ū kirī bu-ši ba-ši-ti ma-li ma-šú-ma⁷⁰ šà A-na-ili-ma-at-kal ^mNu-[-úr]-¹¹Inšušinak šu-ḥu-uz i-za-az a-na makkur āli-šu ū šēri eḫli É.DU.A ū kirī šà Nu-úr-¹¹Inšušinak ^mA-na-ili-ma-at-kal ū-ul šu-ḥu-uz «На имущество поселения его и степи, а (именно) поле, дом и сад, владения, сколько он имеет, которые принадлежат Анаилимааткалу, Нур-Иншушинак имеет право (и) может делить⁷¹. На имущество поселения его и степи, (а именно) поле, дом и сад, принадлежащие Нур-Иншушинаку, Анаилимааткал не имеет права».

Как видно из условия, в данном случае прием в «братство» был совершен для того, чтобы принявший в «братство» мог завладеть имуществом приемного брата в отличие от упомянутого выше случая, когда, наоборот, принимавший в «братство» лишается своего имущества⁷². Однако принимавший в «братство» в доку-

⁶⁸ № 230, 244, 250, 254, 257, 259—260 и сл.

⁶⁹ И в Ассирии иной раз обедневшее лицо передавало себя под патриархальную власть богача со своим полем и домом (см. КАЈ, № 6); ср. И. М. Дьяконов, *Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства*. — ВДИ, № 4, 1952, стр. 231.

⁷⁰ Шейль читает ma-li-is-su-ma и переводит «в целом», а Кошакер предлагает читать ma-li ma-šú-ma со значением «сколько есть в наличии» (Р. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 46, п. 6). Судя по другим документам, фразу можно переводить «сколько имеет».

⁷¹ Шейль полагал, что izāz означает «он отвечает, является ответственным». Но такой перевод филологически не оправдан и, как отметил П. Кошакер, не дает никакого юридически удовлетворительного значения, поэтому он справедливо переводит «может делить» (см. Р. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 46, Anm. 6).

⁷² Мнение Э. Кюка (RA, 28, 1931, № 2, p. 51), что прием в брата имеет цель передать принимаемому владения принимающего, правильно лишь по отношению к документу № 3.

менте № 286 может также делить имущество, вероятно, между своими наследниками, а не наследниками Анаилимааткала, о которых нет никакой речи в документе. В таком случае Анаилимааткал вошел в хозяйство Нур-Иншушинака с правом на производимые продукты, но был обязан работать в хозяйстве. Как бы там ни было, Нур-Иншушинак в этом случае получает как право пользования, так и право собственности на это имущество.

Касаясь обоих документов, Э. Кюк определил их как «способ передачи собственности вообще и безвозмездно»⁷³. П. Кошакер, соглашаясь с этим определением, еще добавлял «на случай смерти»⁷⁴. Однако вряд ли передача была совершена на случай смерти, по крайней мере это совершенно неприемлемо по отношению к документу № 3. А по отношению к документу № 286 это мнение частично верно, поскольку там подчеркивается еще сохранившаяся дееспособность владельца имущества, но только частично, ибо, как показывает документ аренды (№ 268), Нур-Иншушинак еще раньше возделывал поле принятого в «братство» Анаилимааткала, поэтому последний, вероятно, из-за отсутствия своих детей или рабочей силы, которые могли бы обрабатывать землю, передает имущество тому, кто был способен возделывать его землю. Фактически, мы опять сталкиваемся с тем, что договор «братства» был заключен для приобретения рабочей силы ценой передачи земледельцу недвижимости. Так что в обоих случаях принимавшие в «братство» были, видимо, обязаны выполнять также работу по хозяйству.

Фактически различия между случаями, описанными в этих документах, нет, хотя по своему содержанию они, казалось бы, противоположны. В обоих случаях дело сводится к завладению или к участию во владении собственностью. Причина — имущественное неравенство. Следствие в первом случае — закабаление родственника, во втором — лица, не имеющего средств производства и людей для обработки земли. Поэтому предположение

⁷³ E. Cuq, *Les actes juridiques susiens*, p. 51 sq.

⁷⁴ P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 46; И. Клима (J. Klima, *Untersuchungen zum elamischen Erbrecht*, S. 46) соглашается с таким определением.

о том, что в этих случаях наследство передается ближайшему родственнику, является необоснованным⁷⁵.

В обоих документах предусматриваются различные наказания за нарушение договора, в том числе как телесное наказание, так и денежный штраф⁷⁶. Само заключение договора о приеме в «братство» совершалось по определенному «правилу». Этот факт отражен только в документе № 3: 13—14: arkī ku-bu-us-šé-e šà¹ In-šušinak ik-bu-sú] aḫ-ḫu-ti iḫ-[ḫa-zi]⁷⁷ «За правилом, принадлежащим богу Иншушинаку, они следовали (и в) братство он принял ее». В сущности здесь важно то, что в договоре упоминается «правило» храма Иншушинака, согласно которому было заключено «братство». Из этого вытекает, что прием в «братство» совершался не произвольно, а опирался на какой-то узаконенный, в данном случае храмом, обычай⁷⁸. По-видимому, «правило» храма Иншушинака предусматривало использование труда одной из сторон (или обеих) в хозяйстве, что и вытекает из общего содержания документа № 3, иначе участие Илушубани в «братстве» не объясняется, пос-

⁷⁵ И. Клима (J. Klíma, *Untersuchungen zum elamischen Erbrecht*, S. 46), по-видимому, склоняется к тому, что в этих случаях назначался наследник из числа ближайших родственников.

⁷⁶ Соответствующие клаузулы в документах имеют следующее содержание—№ 3: 18—20: niš¹ Inšušinak ú¹ Iš-me-ka-[ra-ab] šà Ib-ba-la-ka-tu ri-[ta-šu] ú¹ li-šà-šu I-na-ki-sú «Жизнью Иншушинака и Ишлекараба (они поклялись): кто нарушит, руку его и язык его отрежут»; № 286: 15—18: šà Ibbalakat-ma 20 MA.NA kaspat I-ša-kkal ú¹ ki-di-en¹ Inšušinak li-pu-ut I-na a-wa-at III ú¹ šarri II-II-II-I «Кто нарушит, 20 мин серебра отвесит, а защита Иншушинака (его) поразит; по слову бога и царя пусть явится». В первом случае предусматривается телесное наказание, а во втором штраф и ответ перед богом и царем, что может указывать на неравное общественное положение условителей и усыновленных.

⁷⁷ Восстановление наше. Оно основано на содержании клаузулы. И. Клима (J. Klíma, *Untersuchungen zum elamischen Erbrecht*, S. 47), затрагивая эту фразу, последнюю часть оставляет без объяснения, а первую часть переводит: «согласно правому правилу бога Иншушинака должны освободить...», но отмечает, что клаузулу можно понимать в том смысле, что документированная правовая сделка здесь характеризуется суммарно (das beurkundete Rechtsgeschäft summarisch charakterisiert wird). Однако об освобождении здесь речь не идет.

⁷⁸ Об этом же свидетельствует документ тяжбы № 321—322 относительно имущества приемного брата. Там стороны при заключении договора о «братстве» опирались на правила храма (см. ниже).

кольку он мог бы недвижимость подарить своей тетке, что было бы более безопасно для последней.

Другую сторону отношений в коллективе «братьев» отражает документ № 425, который, однако, не был затронут ни одним из упомянутых выше исследователей⁷⁹. Документ начинается так (стк. 1—2): Pu-zu-zu ù Ib-ni-Eg-ga at-ḥu-ú «Пузузу и Ибни-Эрра побратались»⁸⁰. Это значит, что они объединились в «братство» для ведения совместного хозяйства. О том, что здесь речь идет о заключении договора о «братстве», может свидетельствовать записанная в документе клаузула штрафа и телесного наказания в случае расторжения сделки (стк. 22—26): a-wi-lum a-na a-wi-li-[im] ú-ul a-ḥi at-ta i-qa-bu-ma 10 MA.NA kasram išakḫal ri-ta-šu ù li-šà-šu i-na-ki-sù «Если человек человеку „не брат мой ты“ скажет, 10 мин серебра заплатит, руку его и язык его отрежут». Возможность заявления «не брат мой ты» показывает, что они до договора были чужими, т. е. вели обособленное хозяйство, и только этот договор закрепил между ними «братство». Кроме того, термин awēlum, который относится к ним обоим, показывает, что они принадлежали к числу свободного населения Элама и не были зависимыми. Наличие клаузулы о взимании штрафа и наказании в случае нарушения сделки показывает, что aḥḥūtu — это не временные отношения между объединившимися лицами, а постоянные, и оспаривание этого объединения привело бы не только к штрафу и

⁷⁹ Ни Э. Кюк, ни П. Кошакер не могли затронуть этот документ (данные которого внесли бы существенное изменение в их концепции) потому, что он был опубликован лишь в 1939 г. одновременно в двух изданиях: MDP, XXVIII, 1939, № 425; V. Scheil, *Fraternité et solidarité à Suse, au temps de Sirukduh*, — «Symbolae... P. Koschaker», pp. 106—107. Но он не использован также и в работе И. Климы (J. Klíma, *Untersuchungen*, S. 46—50), где речь идет о документах «братства», которые рассматриваются автором как передача на случай смерти; эта точка зрения, которая восходит к П. Кошакеру, как было видно, не вяжется с характером и содержанием документов в целом.

⁸⁰ То есть они объединились в форме «братства». Шейль at-ḥu-ú переводит «суть братья». Однако они лишь в силу договора становятся братьями, почему здесь и нельзя было применить выражение «в братья принял», ибо, как увидим ниже, они оба вступают в «братство» на равноправных началах. Форма в тексте — 3-го л. множественного числа перманзива породы I₂, выражающая взаимность при вступлении и дальнейшем пребывании в некоем состоянии.

телесному наказанию, но и, видимо, к распаду этого хозяйства. Поэтому стороны при заключении договора о «братстве» стремились предусмотрением различных клаузул сохранить это объединение как можно дольше.

Здесь в отличие от предыдущих случаев прием в «братство» совершается не в одностороннем порядке, а обе стороны входят в это объединение с одинаковым правом владения и одинаково должны нести ответственность за хозяйство. Документ отмечает это объединение следующим образом (стк. 2—7): *i-na makkuri ša Pu-zu-zu Ib-ni-Er-ra i-ša-am ù ma-da-am i-ra-ši i-na makkuri ša Ib-ni-Er-ra Pu-zu-zu i-ša-am ú ma-da-am i-ra-ši* «В имуществе, принадлежащем Пузузу, Ибни-Эрра немного или много приобретет; в имуществе, принадлежащем Ибни-Эрре, Пузузу немного или много (т. е. все) приобретет».

Как явствует из этого, права ни одной из сторон не ущемляются, и они получают одинаковое право владения недвижимостью. После того как документ отмечает объединение имущества, следует фраза (стк. 8—13): *Pu-zu-zu bušām kaspam li-ir-ši-ma [Ib-ni-Er-ra i-za-az-sùm [Ib-ni-Er-ra bušām kaspam li-ir-ši-ma Pu-zu-zu i-za-az-súm* «(Если) Пузузу имущество (и) серебро приобретет⁸¹, то Ибни-Эрра должен с ним делить, если Ибни-Эрра имущество (и) серебро приобретет, то Пузузу должен с ним делить». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этой фразе речь идет лишь о движимой собственности, о доходе, который должен поступить в их совместное владение. Этот случай показывает еще раз, что «братство» было заключено не в целях овладения имуществом одного в пользу другого, а что в этот союз вошли два равноправных лица. Они создали

⁸¹ Перевод Шейля такой: «Если Пузузу в натуре или серебре заработает...», что по смыслу дает примерно такое же значение. Фактически можно было бы перевести и так: «Пусть Пузузу имущество (и) серебро приобретает...», как видно выше из документа № 286, формула *izāz* может означать право дележа между наследниками, поэтому, вероятно, можно толковать и так «(Если) Пузузу имущество приобретает, то Ибни-Эрра может его делить (между наследниками)» и так далее, т. е. они явятся совместными собственниками не только имущества, уже наличного к моменту заключения договора, но и того, которое может быть приобретено любым из них в будущем. Данный вывод напрашивается в любом варианте нашего толкования.

общность хозяйства с одинаковым правом владения и собственности. Этот конкретный факт нас знакомит с до сих пор неизвестной стороной «братства». Достаточно было этого факта, чтобы более ясно представить себе объединения с заключением договора о «братстве» и понять их суть. Формальное толкование «братства» лишь как передачи имущества на случай смерти исключало из состава этого важного для хозяйства объединения социальные и экономические моменты.

При установлении хозяйственного сообщества объединенная недвижимость каждой из сторон должна была быть в равном размере. В случае обнаружения разницы в размере полей предполагалась доплата. Так, в том же документе (№ 425) говорится (стк. 18—21): 10 šiklī kaspat Ib-ni-Ēr-ra a-pa Pu-zu-zu eklam a-šī-mī i-di-pi-ta at-ḥu-zu i-ga-am Pu-zu-zu «(что) 10 сиклей серебра Ибни-Эрра Пузузу (за) поле в (счет) цены отдал и они были взяты, Пузузу (этим) остался доволен»⁸².

Как видно, они согласились вести совместную работу в объединенном хозяйстве, а 10 сиклей были уплачены за разницу в размере полей, которая возникла при установлении сообщества.

Этот документ не просто констатирует факт «братства», но и позволяет сделать ряд других важных выводов. Данное объединение можно рассматривать как искусственно образованную домашнюю общину, состоящую из лиц, которые не были связаны между собой узами родства. В сохранении и продолжении существования домашнего общинного хозяйства, если оно еще не распалось на индивидуальные хозяйства, основную роль играло наличие родственных связей между членами домашней общины. И поэтому, объединяясь, эти лица заключают союз «братства», что должно было быть гарантией против быстрого распада общины. Хотя мы знаем много случаев, когда происходил распад домашней общины посредством раздела, продажи ее имущества, документ № 425 показывает, что общины в одном месте распались, но в другом месте возникали и тем самым

⁸² Перевод Шейлем этого отрывка совершенно неприемлем. Он переводит: «За 10 сиклей серебра, (цена) поля, которое Ибни-Эрра у Пузузу купил. Его брат в расчете с Пузузу». О купле поля, как видно из текста, нет никакой речи, а-šī-mī никак не может значить «купил»; а (па) šī-mī означает «в цену»,

сохраняли стабильное состояние эламского общества. Ведь процесс распада общин в Эламе наблюдается уже с начала II тысячелетия и, вероятно, имел место еще в III тысячелетии до н. э. Если бы этот процесс продолжался именно в сторону полного распада и разрушения, то вполне хватило бы одного и даже половины тысячелетия, чтобы от домашней общины не осталось никакого следа. Между тем во II тысячелетии и позднее они продолжают свое существование. Это показывает, что происходил и обратный процесс, т. е. возникали новые объединения, новые домашние общины в пределах той или иной территории, что было вызвано экономической необходимостью. Объединение нескольких семей приводило к экономическому укреплению данной домашней общины, создавало стимулы для обогащения ее членов — отдельных семейно-брачных ячеек и задерживало процесс индивидуализации хозяйства, что не могло бы иметь места, если бы они — эти объединившиеся семейные ячейки — вели обособленное хозяйство. Домашняя община оставалась формой коллективного управления хозяйством, формой, экономически выгодной.

Однако иногда и искусственно созданные, но вызванные жизненной необходимостью общины не были способны на долгое существование не потому, что в них не было кровного родства, а потому, что с самого начала своего возникновения они покоились на шаткой основе. В них, хотя производство и было общим и коллективным, потребление, раздел дохода были частными. Каждая хозяйственная единица в этом объединении получала продукты и серебро в свои руки (№ 425). Это было началом появления имущественного неравенства, что на определенной ступени накопления богатства должно было неизбежно привести к распаду домашней общины.

Дополнительные сведения к данным документа № 425 дает № 365, который можно причислить к документам, частично свидетельствующим о «братстве». В этом документе некий Ириб-Син покупает поле у четверых продавцов (стк. 6—9): ^m·¹¹Iš-tar-na-da ^mI-gi-gi ^mAt-ta-ḫu-pe-ši-ir ù ^mI-ri-ib-Sin a-na I-ri-ib-Sin iz-zi-iz-sú «Иштар-нада, Игиги, Аттахупешир и Ириб-Син Ириб-Сину предоставили его». В тексте имеется два Ириб-Сина, но ниже в документе указывается, что покупатель Ириб-Син является сыном Нур-Бабу, поэтому это разные лица.

Для нашей цели представляет интерес продолжение текста (стк. 10—17): eḫlu an-nu-ú šā 4 an-nu-tu a-na I-ri-ib-Sin mār Nu-úr-Ba-bu a-na 9 šiklī kaspim a-na pa-ṭa-ri id-du-nu-ú-ma ib-ba-ḳar-ma i-na mī-im-ma āli^{ki} ù šēri^{ki} ša Wardi-I. U.U. i-šu-ú Wardi-U.U ù I-ri-ib-Sin aḥ-ḥu-ú «(Если) поле это, которое эти четверо Ириб-Сину, сыну Нур-Бабу, за 9 сиклей серебра как выкуп отдали, будет потребовано, (то) во всем, что в поселении и степи, которые Варди...⁸³ имеет, Варди... и Ириб-Син братья».

Здесь перед нами предстает любопытный факт. Ириб-Син в действительности выкупает поле, которое находилось у четырех продавцов как залог, если судить по термину paṭāgu «выкуп», «освобождение», что обычно обозначает заложенное имущество. Тогда присутствие имени Варди, который нес ответственность в случае нарушения, становится ясным: он бывший хозяин выкупаемого поля. Но в документе имеется клаузула против претензий, которая в таком виде ни в одном из документов не встречается. Согласно этой клаузуле, при предъявлении претензии по поводу выкупленного поля Ириб-Син рассматривается как совладелец недвижимости Варди, т. е. они становятся «братьями», что подразумевает общность хозяйства, и общность хозяйства в данном случае не с обоюдными обязанностями⁸⁴. Этот факт сталкивает нас не только с объединением хозяйства на равноправных началах, поскольку объявляется общность имущества в одностороннем порядке, так как одна из сторон передает недвижимость другой, но и с тем, что aḥḥūtu, служа в ранний период различным целям и различным назначениям, в основной своей сути создавало новую хозяйственную общность.

Таким образом, из сказанного вытекает, что под «братством» (aḥḥūtu) следует понимать общность хозяйства, домашнюю общину, основные члены которой, с одной стороны, имели равные права на недвижимость

⁸³ Мы затрудняемся дать какое-либо удовлетворительное объяснение идеограмме I.U.U. Видимо, это идеографическое написание какого-то глагола.

⁸⁴ П. Кошакер (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 229) толкует этот случай как имущественную связь, упоминая, что кредитор вступает в имущественные связи с ответчиком и таким образом приобретает долю из этого имущества.

и доходы, полученные от этого хозяйства, с другой—фактическое право владения и распоряжения могло принадлежать только одному, а другое лицо лишь формально пользовалось правом владения, но должно было, вероятно, выполнять хозяйственные работы для того, чтобы получить хотя бы право присвоения или потребления продуктов этого хозяйства.

О последнем особенно свидетельствует документ № 321—322, который был предметом обсуждения всех исследователей, кто касался вопроса об aḥḥūtu. Однако дело почти не двинулось дальше констатации содержания документа. П. Кошакер затрагивал этот документ для того, чтобы показать, что в случае смерти того, кто принял в «братство» постороннего, принятое в качестве брата лицо получает свою долю, даже если умерший имел сыновей, т. е. здесь все равно брало верх право сообщества — «братства»⁸⁵. Более осторожно к этому документу подошел Л. де Мейер в своей недавно вышедшей статье, посвященной установлению генеалогии рода Эмбубу, отца Аних-Шушу, отмечая, что время и причины возникновения этого «братства» от нас ускользают⁸⁶.

Действительно, без детального анализа документа и сопоставления с данными, имеющимися уже в нашем распоряжении, нельзя выдвигать сколько-нибудь достоверные суждения о том, на каких правах было заключено «братство», которое вызвало между братьями описанный в документе № 321—322 спор. В этом документе двое сыновей Дамкии обращаются в суд с претензией по поводу имущества Бели, отец которого Ахухуту когда-то был принят в «братство» Дамкией. Как можно судить по содержанию документа, эта тяжба, вероятно, возникла после смерти родителей сторон. Документ начинается так (стк. 1—8): aš-šum makkur āli^{ki} ū šēri eḫli É.DU.A ūlš^{ki} kirī eḫel I GUR^{to, a, an} zēri palī 3^{KAM} šā A-ḥu-ḥu-ti i-ku-lu-ú-ma [a-na] Be-li-i ma-ri-šu i-zi-bu-ú [A-ni-iḥ]-Šu-šu ū Lu-ú-lu [mārēmeš, Dam-ki]-ja [a-na Be-li-i] mār

⁸⁵ Доказательство этого он видит в № 321—322 (см. P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 49 sq.; ср. J. Klima, *Untersuchungen*, S. 48; J. Klíma, *Zur Entziehung des Erbrechts*, S. 133 sq.; W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, p. 20).

⁸⁶ L. de Meyer, *Une famille susienne du Temps des sukkalmahhu,— «Irāniqa Antiqva»*, vol. I, Leiden, 1961, p. 17.

A-ḥu-ḥu-ti [it-te-b]u-ú-ma «Относительно имущества поселения и степи, поля, дома и сада, поля в 1 гур площадью в третьем районе, которым Ахухуту пользовался и затем Бели, сыну своему, оставил; Аних-Шушу и Лулу, сыновья Дамкии, на Бели, сына Ахухуту, поднялись (с претензией)». Отсюда вытекает, что поле в 1 гур принадлежало самому Ахухуту, который и оставил его своему сыну Бели. Здесь нет никакого указания на то, что это поле как-то связано со сделкой о «братстве». То же самое подтверждают слова детей Дамкии (стк. 9—12): um-ma šu-nu-ú-ma makkuḡu šà A-ḥu-ḥu-ti [abu šà] ^mBe-li-i ni-nu ni-ka-al-mi «Вот что (говорят) они: „имуществом Ахухуту, отца Бели, мы-де пользуемся“». Значит, единственное право, на которое ссылаются сыновья Дамкии, это то, что земля находилась в их совместном пользовании. Но Бели, возражая, говорит (стк. 14—15): um-ma ^mBe-li-i-ma ^mDam-ḡi-ḡa māḡ A-ni-ḡḡ-Su-šī-im a-na aḡ-ḥu-ti il-ḡé-šū-ú-ma «Вот что (говорит) Бели: „Дамкия, сын Аних-Шушу, в братство его (т. е. Ахухуту) принял“». (Далее отмечается правило храма, согласно которому совершался прием в «братство»). Отсюда также не видно, на каких правах Ахухуту был принят в «братство», хотя, по уверению сыновей Дамкии, они пользовались спорным имуществом совместно. Но совместное пользование без заключения соответствующего договора о «братстве» не давало права собственности никому из них.

Те или иные лица могли объединить свои хозяйства, но хотя в таких случаях земля становилась общей и обработка ее происходила совместными усилиями, тем не менее не возникало коллективного права на это объединенное хозяйство. Обычно в этих случаях указывалось, что они (i-ku-lu-ma) совместно кормились землей, но нет указания, что они вошли в это объединение в результате заключения договора о «братстве». В самом деле, утверждение сыновей Дамкии подчеркивает лишь право совместного пользования, что не дает еще им основания требовать землю Ахухуту в собственность. Как видно из высказывания сыновей Дамкии и самого Бели, есть основание считать, что Ахухуту был принят в «братство» Дамкией без какого-либо имущества. Это подтверждает и дальнейший ход процесса.

Согласно претензии сыновей Дамкии, суд приступа-

ет к разбору дела⁸⁷, причем поднимается документ об истории земли Дамкии (стк. 24): *gi-iš takkurī iš-šu-ú-ta* «Начало (т. е. титул) имущества подняли». Из этого документа выясняется, что Дамкия разделил имущество своего отца Аних-Шушу со своим братом Амурнуршу. Действительно, подобный раздел был произведен между Дамкией и его братом Амурнуршу, что засвидетельствовано в документе № 170, причем, как видно из документа, недвижимость, состоящая из полей (*eḫlu*), была разделена поровну⁸⁸, и Дамкия получил свою долю (*iškātu*) в различных местах. К сожалению, район расположения этих земель не указывается, тогда как спорная земля в № 321—322 была расположена в третьем районе. Поскольку суд начинает дело с рассмотрения титула имущества, то надо полагать, что под выражением *ni-ni ni-ka-al-mi*⁸⁹ («мы-де пользуемся») сыновья Дамкии подразумевали, что спорное поле было составной частью их наследства, перешедшего к ним от отца. Иными словами, оно должно было быть их родовым имуществом, поэтому-то суд поднял соответствующий документ об их имуществе, чтобы найти какое-либо свидетельство, оправдывавшее претензии сыновей Дамкии. Ознакомившись с делом, суд, по-видимому, не нашел никакого доказательства правоты сыновей Дамкии. Следовательно, Дамкия при принятии в «братство» Ахухуту не передал ему никакого имущества. Тогда должно было

⁸⁷ Как было показано в разделе «Сельская община», в подобных разбирательствах наряду с представителями общины принимало участие также собрание населения Суз (*mārē Sušim*).

⁸⁸ Л. де Мейер (L. de Meyer, *Une famille susienne*, p. 13) на основании строки 14 № 170 считает, что Дамкия имел право старшинства и одна часть земли является его предпочтительной долей. Однако строка 14 и сл. разбита, и делать такой вывод невозможно; см. также раздел «Распад домашней общины», где говорится об этом документе.

⁸⁹ По мнению Мейера (L. de Meyer, *Une famille susienne*, p. 19, п. 2), глагол *akālu* в строке 4 этого документа представляет трудность и вообще должен показывать следующую эволюцию: после смерти Ахухуту Бели получил поле в 1 гур в наследство. Дамкия не возражал. Когда Дамкия умер, его сыновья считали себя вправе потребовать поле. Это объяснение не учитывает ни характер *ahhūtu*, ни содержание документа. Спорное поле не принадлежало Дамкии, иначе суд признал бы иск его детей правильным. Может быть, Бели действительно поле получил еще при жизни Дамкии, а может быть и наоборот, Дамкия умер, а после этого Ахухуту завещал свою землю Бели. Так что оба предположения допустимы.

иметь место обратное, т. е. Ахухуту должен был войти в этот коллектив со своим имуществом. Однако и этого не было, поскольку, как видно из вышеупомянутых форм «братства», суд не внял сыновьям Дамкии и опроверг их претензии потому, что принятие в «братство» должно было означать либо одностороннюю передачу собственности, либо же объединение хозяйства обеих сторон. Если бы хоть одно из них имело место при приеме Ахухуту в «братство», то суд и собрание населения нашли бы соответствующее решение. Однако суд, по-видимому, установил, что при приеме в «братство» Ахухуту не объединил никакого имущества с Дамкией и, вероятно, вошел в этот коллектив без него, и поэтому суд утвердил право Бели, сына Ахухуту, на оспариваемое поле площадью в 1 гур. Согласно П. Кошакеру⁹⁰, этот документ якобы показывает раздел имущества Дамкии между его сыновьями и сыном приемного брата Бели. Однако документ не говорит ни о каком компромиссном решении, да и поле вовсе не принадлежало Дамкии. В документе записано (стк. 43—46): [ᵐA-ni]-iḥ-Šu-Šu ù Lu-ú-lu-ú iṭ-ru-du... eḳel 1 GUR^{ia, a. an} zēri palī 3^{KAM} šà A-ḥu-ḥu-ti a-bi-šu ú bi-bu-ú-ma a-na Be-li-i ma-ri-šu id-di-nu «Авих-Шушу и Лулу прогнали... поле в 1 гур площадью в третьем районе, принадлежащее Ахухуту, отцу его, они очистили (от претензий) и затем Бели, сыну его, отдали».

Таким образом, данные документа № 321—322 позволяют констатировать, что Ахухуту был принят в «братство» без какого-либо имущества. Когда Ахухуту был принят в «братство», его сын, вероятно, был несовершеннолетним, естественно, он не мог владеть имуществом отца. Ахухуту был принят в «братство» без передачи или объединения его собственности, которую он оставлял в качестве наследства своему несовершеннолетнему сыну, но и он не возражал, чтобы этим имущест-

⁹⁰ П. Кошакер (P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 49 sq.), вероятно, видя противоречие в собственном предположении, там же добавляет, что во всяком случае Бели, согласно строке 45, получает другое поле. Но, как видно из приведенного отрывка, Бели получает то самое поле, вокруг которого возник спор. Но чуть ниже (S. 50) П. Кошакер опять подчеркивает, что документ № 321—322 является разделом имущества Дамкии на основании aḥḥūtu между его сыновьями, с одной стороны, и Бели—с другой. Но все это никак не вытекает из содержания документа.

вом пользовались, а не владели сыновья Дамкии. Лишь после его смерти это поле перешло к Бели в виде наследства, которое никак не могло фигурировать в договоре о приеме в «братство» и не имеет никакого отношения к сделке о «братстве», ибо в ходе процесса сказано, что оно перешло к Бели от отца, что не было бы возможным, если бы над этим полем осуществлялось коллективное владение на основании договора. Договор о «братстве», может быть, позволял сыновьям Дамкии пользоваться доходами с этого поля, однако отсюда еще не вытекало, что они могли предъявить право собственности на него, так как Ахухуту был принят в этот коллектив без собственного имущества. И поэтому суд поднимает документы об имуществе Дамкии и признает иск необоснованным или нарушающим правила «братства». При таком объяснении становится ясно, почему суд не придавал значения тому, что Дамкия и Ахухуту состояли в «братстве», если *aḥḥūtu* означает прием в имущественное сообщество. Эти сомнения П. Кошакер рассеивает тем, что приписывает договору *aḥḥūtu* создание права на долю для усыновленного после смерти усыновителя⁹¹. Но из содержания этого и других документов об *aḥḥūtu* это вовсе не вытекает. Право на долю или вообще право на что-то возникает с момента заключения договора о «братстве». Это подтверждают рассмотренные выше документы. Что касается Бели, то он получил поле, по праву принадлежавшее ему. О наличии у его отца Ахухуту поля при приеме в «братство» документ ничего не говорит. Не было и обратного, т. е. Дамкия не передавал ему никакой собственности. Все это позволяет предполагать, что прием в «братство» в данном случае был совершен с целью использования труда Ахухуту в хозяйстве принимавшего его в братья. Такое предположение косвенным образом подтверждается также данными документов № 3 и 286.

Таким образом, посредством *aḥḥūtu* в Эламе приобреталась и рабочая сила со стороны, что было доступно благодаря наличию обедневших семей, не способных собственным трудом обрабатывать свои земли. Эта система объединения хозяйств, по-видимому, долго сохранялась, хотя и под другим видом, что было причиной

⁹¹ P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 50.

относительно слабого развития рабства в Эламе⁹². «Стихийно сложившееся разделение труда внутри земледельческой семьи давало на известной ступени благосостояния возможность присоединить к семье одну или несколько рабочих сил со стороны»⁹³. Конечно, войны могли обеспечить рабочей силой страну, если бы они были успешными для Элама. Но так как успех их носил эпизодический характер, то одним из способов обеспечения хозяйства рабочими руками был прием в «братство»⁹⁴.

Однако ни усыновление, ни прием в «братство» не совершались стихийно. При заключении договора о «братстве» стороны нередко руководствовались определенным правилом, которое зафиксировано также в документе № 321—322: 16—18: i-na ku-bu-us-sé-e šà aḥ-ḥu-tam aḥ-ḥu-tam ù ma-ru-tam ma-ru-tam šà¹ Inšušinak ù¹¹ Iš-me-ka-ra-ab ku-bu-us-sa iš-ku-nu-ú-ma «Согласно правилу, по которому братство (есть) братство, а усыновление (есть) усыновление, как боги Иншушинак и Ишмекараб в качестве правила установили». Следовательно, в данном случае, так же как в документе № 3, храм выступает в качестве учреждения, на установки которого опирались стороны. Но в документе № 3 о формуле усыновления ничего не говорится, и упоминается, судя по величине и месту лакуны, только одно божество, видимо, Иншушинак. Отсюда, возможно, вытекает, что правила приема в «братство» принадлежали храму Иншушинака, а правила усыновления — храму Ишмекараба. Усыновление, вероятно, не было характерно для Элама и противоречило традициям страны, где должно было преобладать aḥḥūtu. Поскольку «братство» приводит, в частности, к объединению хозяйства, образованию до-

⁹² По свидетельству Николая Дамасского (фраг. 66, 1—3), в Мидии существовал обычай, согласно которому бедняк нанимался к богатому в качестве раба для выполнения хозяйственных работ (С. Muller, *Fragmenta historicorum graecorum*, III, Paris, 1896). Впервые на это обратил внимание И. М. Дьяконов (*История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 335); ср. также Ю. Б. Юсифов, *Термины для рабов в Эламе, Мидии и Ахеменидской Персии*, — ВДИ, 1961, № 4, стр. 34.

⁹³ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1948, стр. 168—169.

⁹⁴ По сути дела и другие формы «братства» помимо прочего предполагают объединение рабочих рук в хозяйстве и увеличение их числа.

машней общины и стороны опираются именно на правила храма, то не исключено, что эти общины в какой-то степени находились под защитой храмов.

Конечно, корни усыновления и приема в «братство» восходят к более древнему периоду, когда еще существовали первобытнообщинные отношения. Когда перестали убивать военнопленных, то их принимали в коллектив как рабов общины. С появлением имущественной дифференциации усыновление, стало быть, и прием в «братство» стали отражать условия новой стадии развития общества. Посредством усыновления впоследствии не столько объединялись отдельные хозяйства, сколько под видом объединения происходило, как отмечено, поглощение имущества одного в пользу другого. Прием в «братство» преследовал почти те же самые цели. Принимать в «братство» — значило установить родство. В родовой общине наличие кровнородственных связей между ее членами было обязательным условием существования рода. Лишь образование сельской общины, которая «была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»⁹⁵ (К. Маркс), вносит разлад в это древнее правило.

«Братство» начинает оформляться в сельской общине особенно тогда, когда разрушается коллективная форма землевладения и ее место занимает землевладение домашних общин, где опять родство выступает как связующее звено. Для объединения равноправных хозяйств не могло применяться усыновление, поскольку в нем проявляются отношения подчиненности или зависимости усыновленного сына от отца, патриархальной главы семьи. А обоснование общности хозяйства на началах «братства» в первое время означало равноправие членов данной общины. П. Кошакер предполагает, что первоначально монархическое руководство общностью заменилось руководством старшего брата, позже коллегиальным режимом братьев, и на этой стадии оформилось «братство»⁹⁶. Из этого отвлеченного высказывания можно понять, что существовало коллегиальное руководство братьев в стадии, когда оформилось «братство». Но когда это было — остается неизвестным. Что подра-

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 27, стр. 694.

⁹⁶ P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 51.

зумеается под коллегияльным режимом братьев? Вероятно, П. Кошакер имеет в виду общность хозяйства. Мысль П. Кошакера, очевидно, прояснится, когда мы заглянем в другой раздел его работы, где он пишет, что мы можем доказать наличие домашней общины во всех областях клинописного права, ибо там могут быть установлены следы фратриархата. Действительно, существование домашней общины можно доказать также на основании других клинописных источников. Во всяком случае, П. Кошакер о домашней общине в Эламе высказывается бегло⁹⁷, его основное внимание направлено на то, чтобы показать существование «фратриархальных» семей. Но сама мысль о том, что общество прошло стадию фратриархата, является ошибочной. Так называемые «фратриархальные» семьи — это те же самые патриархальные семьи, только ответственность за продолжение существования домашней общины и сохранение ее целостности возлагается на братьев, которые являются сыновьями патриарха, т. е. прежнего главы большой семьи, ныне умершего. «Братство» прежде всего предполагает равноправие глав составляющих его семей, а другие функции договора о «братстве», очевидно, появились уже в период, когда происходило имущественное расслоение в общине. Но искусственная форма договора о «братстве» только потому и возможна, что существовали «естественные» братства, не нуждавшиеся для своего существования ни в каких договорах, а обусловленные только тем, что домашняя община не делилась после смерти отца. Все искусственные «братства» — только подгонка под форму действительно существовавших домашних общин братьев.

Таким образом, в Эламе, по крайней мере как показывают упомянутые, единственные в своем роде документы, существовали следующие формы приема в «братство»⁹⁸: 1) принимается в «братство» лицо (напри-

⁹⁷ П. Кошакер (*ibid.*, S. 70) предполагает имущественную общность, поскольку в Сузах многие люди часто вместе располагают землей (ср. P. Koschaker, *Randnotizen*. S. 231—232).

⁹⁸ Прием в «братство» (*ahūtu*) был распространен также в Аррапхе и Угарите, причем в Аррапхе могли приниматься в этот коллектив и ранее отделившиеся кровные братья (*JEN*, № 87, 204). Как справедливо отмечает Н. Б. Янковская, под «братством» имеется в виду не кровное родство, поскольку они и без того были родными братьями, а только введение принимаемого лица в совместное вла-

мер, родственница), владеющее определенным имуществом, сохраняющее право собственности на свою недвижимость (и движимость) и получающее такое же право на имущество принимающего, причем последний лишается подобного права на свое имущество; 2) принимается в «братство» лицо, владеющее определенным имуществом, но лишаящееся исключительного права собственности на свое имущество (или распоряжения собственностью) после приема в «братство», к тому же не получающее никакого права на имущество принимающего; 3) посредством «братства» образуется товарищество, т. е. возникает новая домашняя община, куда входят две равноправные стороны с одинаковым правом владения собственностью⁹⁹ и с аналогичным правом распределения, и, наконец, 4) принимается в «братство» лицо, не передающее никакого имущества и не получающее такового, в целях выполнения различного или определенного вида работ в хозяйстве принимавшего в «братство». Суммируя сказанное, следует отметить, что «братство» прежде всего является домашнеобщинной формой ведения хозяйства; это основное назначение «братства». А другие его виды являются различными вариациями, восходящими к первоначальной форме.

Гражданская семья. До сих пор мы рассматривали семейные отношения, существовавшие между лицами, не связанными друг с другом узами кровного родства (кроме одного случая, где это родство не является существенным признаком), но составлявшими еди-

дение «братьев» (Н. Б. Янковская, *Из истории хурритского общества по материалам юридических документов из Аррапхи*, — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады советской делегации», М., 1960, стр. 9 и сл.). Однако внутри этого объединения происходит имущественное расслоение, когда один брат беднеет и отдает свою долю другому брату (там же).

⁹⁹ В некоторых текстах встречаются случаи, когда продаваемая несколькими лицами недвижимость принадлежала коллективу, образованному, по-видимому, по принципу «братства» (в таких случаях между сторонами могли отсутствовать кровнородственные связи); иначе говоря, эти тексты подтверждают, что до отчуждения недвижимости была образована домашняя община, члены которой обладали совместными правами собственности. О коллективной продаже недвижимости см. Ю. Б. Юсифов, *О частном землевладении в Эламе во II тысячелетии до н. э.*, — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады советской делегации», М., 1960, стр. 6.

ный хозяйственный коллектив в силу договора об усыновлении или «братстве». Передачу собственности можно было бы осуществить иным путем, например посредством дарения, но само дарение, вероятно, было сопряжено с определенными трудностями. Казалось бы, племянник мог подарить имущество своей тетке или одно лицо — другому независимо от родства, но в таких случаях даритель терял не только право собственности, но и право пользования этим имуществом. Дарения вне пределов семьи не встречаются. Как показывают многочисленные случаи, законными наследниками отца считались лишь его дети. Хотя при этом воля патриархальной главы семьи играла определенную и даже решающую роль, передача имущества чужому посредством дарения, вероятно, не допускалась. Даже брат или сестра не могли претендовать на имущество друг друга, если речь не шла о наследстве после отца. Для того чтобы придать передаче собственности постороннему лицу законность, стороны прибегали к договору о «братстве», который устанавливал между ними определенную степень родства с вытекающими отсюда последствиями.

В семье же, где члены ее были связаны ближайшими узами родства, т. е. были детьми одного отца и одной матери, распределение и передача собственности происходили, видимо, согласно существовавшим обычаям или царским законам. Как правило, отец — глава семьи — обладал правом собственности на семейное имущество, следовательно, и правом его распределения. Если отец при жизни не оставлял завещания, то имущество семьи делилось между его детьми вне зависимости от пола, о чем свидетельствуют документы раздела. Мать в этом дележе не участвовала, во всяком случае, документы об этом ничего не говорят. Это показывает, что мать вообще не входила в группу родичей-наследников и наследниц.

Поскольку жена не могла претендовать на наследство, то супруг нередко передавал ей свое имущество, т. е. дарил, по-видимому, на случай смерти, наделяя ее определенными преимущественными правами. Ознакомление с документами дает нам ясную картину жизни такой семьи, рассказывает об отдельных сторонах взаимоотношений в ней, о границах ее имущественных прав. Для того чтобы иметь наглядное представление об этом,

необходимо привести данные документов более или менее полно.

В документе № 131 речь идет о дарении поля и т. п. супруге (стк. 1—11): eḳlā ḳā-ḏu sī-ka-ti-šū palī GU.LA itā Gu-ga-lu-ti É.DU. A mu-ša-ab-ša ḳā-ḏu e-nā-ti-šū ʿskirā ū eḳel zēr... itā eḳel illi e-ri-ḳūḳa-ḏu alpē¹⁰⁰ Wa-ar-ḏu a-na E-ri-iš-ti a-ša-ti-šū i-ḳi-iš i-di-iš-ši «Поле вместе с колышком¹⁰⁰ его в районе Гула, по соседству с Гугалуту, дом — жилище ее вместе с утварью¹⁰¹, сад и поле площадью... по соседству с полем бога¹⁰², телегу вместе с быками — Варду (все это) Эришту, своей жене, подарил (и) отдал».

Как видно, глава семьи передает своей супруге все, что необходимо для ведения хозяйства. Здесь упомянуто поле, размер которого не сохранился, и поле, на котором забит колышек. Нам уже известно, что обычно колышек забивался в том случае, если должник не уплачивал долг в срок и хозяин колышка предъявлял вещное право на соответствующее имущество должника¹⁰³. В данном случае Варду не был должником, ибо не мог бы он передавать жене поле, которого лишился. В дарении фигурирует именно такое поле, которое досталось Варду от должника¹⁰⁴, не сумевшего погасить долг свое- временно. Казалось бы, странно, что муж, передавая свое имущество супруге, забывает позаботиться о своих детях. Однако следующая фраза (стк. 11—12): zu-ū-gum

¹⁰⁰ Как видно из содержания долговых документов, колышек забивался на поле неоплатного должника. По-видимому, здесь речь идет о поле, на котором забит колышек Варду, иначе он не смог бы его дарить.

¹⁰¹ Шейль переводит слово eḳātu в тексте как «родник», а в примечании — «домашняя утварь». Последнее значение верно, ибо eḳātu — множественное число от ipātu «утварь».

¹⁰² В. Шейль справедливо отмечает, что речь, видимо, идет о храмовой земле. Специальные работы о храмовой собственности в Эламе отсутствуют, но предварительные наброски сделаны нами в статье: Ю. Б. Юсифов, *Купля-продажа недвижимого имущества и частное землевладение в Эламе*, — «Кlio», Berlin, № 38, 1960, S. 5 sq. Наличие храмовой собственности предполагает, очевидно, и присутствие в храмах специальных рабов, выполнявших работу в хозяйстве (см. главу III, раздел «Храмовое хозяйство»).

¹⁰³ См. Ю. Б. Юсифов, *Эламские долговые документы из Суз*, стр. 50 и сл.; см. также главу IV «Частное хозяйство».

¹⁰⁴ Ср. также P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 104, Anm. 3.

ša i-ba-kà-gu-šī-ta a-na me-e li-li-ik-ta «Посторонний, который потребует у нее, пусть в воду пойдет» — показывает, что у Варду не было других наследников, в противном случае вместо zīgum «посторонний человек», «неприятель» в документе записали бы māgu «сын» или arlu «сын-наследник». Вероятно, не случайно вставлено сюда слово «посторонний». По-видимому, кто-то другой мог оспаривать эту передачу. Из документа вытекает, что таким лицом, которое могло предъявить претензии к супруге Варду¹⁰⁵, был бывший хозяин поля, на землю которого забит колышек. Таким образом, мы видим, что супруг дарит своей жене движимость и недвижимость из-за неимения наследников. Следовательно, и по отношению к Эламу верно то положение, что жена не могла наследовать своему мужу и в том случае, если у них не было детей. В этих случаях передача имущества жене оформлялась письменно в виде дарения.

При наличии детей отец мог оставить своей супруге определенную долю таким же порядком. Так, Пур-Адад подарил своей жене поле и сад (№ 378), площадь которых в общей сложности составляет 50 ка. Далее он же как глава семьи дает распоряжение о дальнейшей судьбе этой недвижимости (стк. 8—10): a-na ĥu-ub-ti i-ta-di a-na a-li-ik ar-ki [i-ta-ad-di-in] «На ĥubtu оставил (и) она идущему после (нее) может отдать»¹⁰⁶.

Значение слова ĥubtu не совсем ясно. Еще П. Кошакер затруднялся дать ему какое-либо объяснение и оставял его без перевода (поле — ĥubtu)¹⁰⁷. Примерно так же обстоит дело с этим словом и ныне¹⁰⁸. То, что под словом ĥubtu подразумевается земля или отношение к земле, понятно. Но при внимательном взгляде остается неясным — почему эта земля или отношение к ней называется ĥubtu? В Законах Хаммураби встречается аналогичное слово, но оно относится к украденному пред-

¹¹⁵ В документе предусматривается телесное наказание и кара богов. Начало фразы выглядит так (стк. 14—16): i-na ri-i Wa-ar-di 11ša-zī tu-ĥa-šū II-Im-ĥa-aš «Согласно слову Варду, бог Шази его тема пусть пролзыит».

¹⁰⁶ «The Assyrian Dictionary», II, p. 242 переводит: «Он его отложил в качестве участка ĥubtu, она может дать его наследнику».

¹⁰⁷ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 100, Anm. 6.

¹⁰⁸ «The Assyrian Dictionary», II, p. 242.

мету¹⁰⁹. Но подобное значение совершенно не подходит к нашему случаю. Вероятно, основное значение слова *ḥubtu* вовсе не связано с земельным участком, да и конструкция фразы и контекст позволяет прийти к такому заключению. Может быть, слово *ḥubtu* имеет какое-то отношение к термину *ḥubuttatu* «беспроцентный заем» или *ḥubtu* «добыча»? Конечно, муж супруге оставлял землю не как заем или добычу, но судя по тому, что эта земля впоследствии переходила к наследникам, можно сказать, что она была оставлена супруге для кормления, на пожизненное пользование. В этом аспекте слово *ḥubtu* по своему значению или применению приближается к указанным терминам, но не может быть отождествлено с ними¹¹⁰. Однако исход в этих случаях один — временное, но образующее собственность приобретение.

В одном из документов (№ 406) встречается сходное условие без слова *ḥubtu* (стк. 6—10): *a-di ba-al-ṭa-at i-ka-al-ma...*¹¹¹ *a-ša-ag ta-ra-a-tu i-na-di-in* «Пока жива, будет пользоваться... (после нее сыновья ее завладеют); когда захочет, отдаст». Отец, как видно, передает имущество супруге для пожизненного пользования, поскольку указано, что она должна отдать его своим сыновьям, тому, кто ей будет по душе. В ряде случаев на земле, предоставленной матери, забывается колышек (№ 66, 67), следовательно, подобная земля выбывает из коллективного пользования¹¹². Таким образом, слово *ḥubtu* обозначает не самую землю, а форму пользования или распоряжения ею; эти значения настолько переплетаются, что отделить их друг от друга не представляется необходимым.

Общее содержание документов показывает, что мать могла владеть землей, переданной ей супругом, лишь временно, иначе говоря, пожизненно, но с правом распоряжения, а после нее земля переходила к ее детям, су-

¹⁰⁹ Встречается два раза в связи с ограблением (см. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, § 22—23, pp. 20—21).

¹¹⁰ Вероятно, образованы от глагола *ḥabātu*. О значении глагола см. «*The Assyrian Dictionary*», II, p. 9 sq.

¹¹¹ Этот отрывок ниже приводится полностью, поэтому здесь опущена соответствующая фраза, но дан ее перевод в скобках.

¹¹² Эти случаи вовсе не противоречат нашему толкованию, поскольку в них речь идет о продаже, а колышек забывается в случае нарушения сделки на землю, находящуюся в частном распоряжении (*ḥubtu*).

дя по документу, к наследникам, хотя они и лишены права пользования землей при жизни вдовы. Если вдова решалась отдавать поле одному наследнику в обход других, то таким человеком должен был быть один из ее детей, поскольку применяется термин *ālik arki* «идуший после». Можно ли толковать это как «старший в в роду»? Для этого нет оснований. Вероятно, само выражение надо понимать иначе, а именно «идуший за (нею)». Ниже мы увидим, что иногда отец дает супруге наказ о передаче имущества тому сыну, кто окажет ей почет. Следовательно, в данном случае не может быть и речи о передаче имущества старшему. Примечательно, что в документе № 406 отсутствует термин *ālik arki*. Наша интерпретация этого термина как «идуший за (нею)» обнаруживает полное сходство с упомянутым наказом отца. Это обстоятельство гарантировало сохранение недвижимости в роде. Следовательно, выражение *ālik arki* подразумевает того, кто находится при матери, и вследствие этого получает наследство. Такой сын, конечно, был уже обеспечен, имущество матери же доставалось ему сверх нормы. Но отсюда вытекает также то, что мать единолично могла распоряжаться этим имуществом.

Следует ли отсюда, что после смерти главы семьи мать не переходила на иждивение к сыновьям, поскольку ей выделялась определенная доля? Документ допускает двойное толкование: первое — как дети, так и мать получают определенную долю, вернее, им назначается (или сыновьям еще до этого назначена) соответствующая доля, но доля сыновей конкретно не обозначена; второе — доля матери обозначалась раздельно для того, чтобы дети в будущем не могли претендовать на нее, сославшись на то, что отец оставил им недвижимость для совместного пользования. Судя по выражению *tāgi*, дети еще были несовершеннолетними, поэтому им определяется совместная доля. В связи с этим снова необходимо возвратиться к терминам *ālik arki* и *ḥubtu*. Глава семьи отмечает, что доля матери предоставлена в ее распоряжение (*ḥubtu*). Следовательно, если кто-либо отделится от совместного хозяйства с матерью, то он не получит ничего из ее доли. Но если же кто-либо будет вести работу в совместном хозяйстве, объединяющем долю матери с его долей, то он получит материн-

ское наследство. Поэтому фактически выражение *ālik arki* могло бы относиться ко всем детям, ведущим общее с матерью хозяйство. Цель главы семьи ясна — он хотел заинтересовать детей наследством матери и тем самым не только обеспечить ей помощника, иначе говоря, рабочую силу, но и задержать распад домашней общины. Если же после смерти матери распад домашней общины становился неизбежным, то общее хозяйство делилось между детьми поровну¹¹³.

Есть случаи, когда отец — глава семьи — все имущество и право распоряжения им передает супруге. В этом отношении представляет интерес документ № 379, в котором некий Гамил-Адад дарит супруге, вероятно, движимость и недвижимость (стк. 3—4): *ma-na-aḥ i-di-šu ú [mi]-im-ma šà i-šu-ú ú [i]-ga-aš-šu-ú* «труды (т. е. доходы) своих рук и все, что он имеет и (чем) владеет». Глава семьи так обосновывает свое решение (стк. 7—9): *aš-šum it-ti-šu i-na-ḥu du-la i-li-[ku] na-di-iš-ší* «так как вместе с ним трудилась, работу несла, отдано ей». Таким образом, это имущество было нажито совместным трудом, и поэтому глава семьи передает его своей супруге. Конечно, этим самым он хотел также избежать будущих претензий со стороны своих же детей, независимо от того — были они обеспечены или нет, и оградить свою супругу от таких претензий. Общее содержание документа позволяет предположить, что дети еще не были обеспечены. И. Клима также предполагает, что в период составления документа дети были несовершеннолетними¹¹⁴. Эту мысль, по-видимому, может подтвердить следующая клаузула из этого документа (стк. 10—15): *ma-am-ma-an i-na m[a-ri-šu ú] ma-ra-ti-šu šà ú-ul [ḫi-iš-ki] ú-ul na-di-ik-ki i-ka-ab-bu-ma a-na É.DU.A-šà ú-ul i-gu-ub-ma NIG. KU-šu ú-ul i-ka-al* «Если кто-либо среди сыновей и дочерей „не подарено тебе, не отдано тебе“ скажет, то в дом ее не должен входить и пищу ее не должен есть». Эта клаузула в какой-то мере обнаруживает сходство с шумерским законом, где говорится, что если сын скажет матери «ты не моя мать», то он дол-

¹¹³ Согласно Законам Хаммураби (§ 165), уже обеспеченный подарком сын после смерти отца получал равную долю при дележе имущества.

¹¹⁴ J. Klíma, *Entziehung des Erbrechts*, S. 131.

жен быть изгнан из общины и дома ¹¹⁵. В Эламе же оспаривание дарения отца, как видно, влекло за собой изгнание из дома. Но неизвестно — лишился ли виновный наследства. По-видимому, он после смерти матери мог предъявить претензию на свою наследственную долю. Этим лицом мог быть и уже обеспеченный наследник.

Завещание главы семьи предоставляет матери детей право распоряжения переданным ей имуществом. Перед нами встает семья, в которой господствуют патриархальные отношения. Главенство же матери полностью зависит от воли отца. Именно по воле отца мать осуществляет «патриархальную» власть над несовершеннолетними детьми, иной раз и совершеннолетними.

Передавая все имущество супруге, а вместе с тем и «патриархальную» власть, отец в то же время обязует детей выделить определенную сумму для своей дочери (стк. 23—25): *mimma kaspat i-na bi-ri-šu-nu a-na Ili-šà-hé-gál*] a-na a-ḥa-ti-šu-nu i-na-an-di-nu «Какое-либо серебро (деньги) между собой Илишахегал, сестре своей ¹¹⁶, они должны выделить» (собственно «дать»). Как вытекает из документа, Илишахегал также ничего не получает, но отец обязует сыновей совместно обеспечить ее движимым имуществом. При сопоставлении этого места с документом № 383, где некий Иншушинакмубаллит женится на дочери ¹¹⁷ Гамил-Адада, выясняется, что серебро должно было быть выделено для дочери в качестве приданого. Обычно дочь в отличие от жены могла участвовать в разделе отцовского имущества. Своим решением отец фактически лишил ее права участия в дележе отцовского имущества, вероятно, потому, что она выходила замуж в другую домашнюю общину.

¹¹⁵ См. И. М. Дьяконов, *Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства*, — ВДИ, 1952, № 3, стр. 212.

¹¹⁶ Речь идет о дочери Гамил-Адада и его жены, т. е. о сестре их сыновей.

¹¹⁷ Имя написано в форме *I-li-šà-hé-in-ga-al*. Речь идет об одном и том же лице. Отец вынужден был выделить ей приданое по случаю замужества. Вероятно, она была старшей. По Законам Хаммураби (§ 183), дочь, получившая приданое, не могла больше претендовать на отцовское имущество. В Эламе господствовало то же правило. Дочь уносила с собой то, что ей было предназначено. Об этом браке документ записывает следующее (стк. 10—13): *m. 11 Inšušinak-mu-bal-lit-ū I-li-šà-hé-in-ga-al i-na na-ra-a-mi i-na ṭi-iḥ sū-uk-ki-e šà Ta-ta ū Te-im-ti-a-gu-ūp in-na-aḥ-zu* «Иншушинакмубаллит и Илишахенгал по любви перед эдиктом Таты и Темптиагуна поженились».

Предоставляя супруге право распоряжения имуществом и оговариваясь об обеспечении дочери, глава семьи проявляет заботу также об остальных детях (стк. 17—22): ...ú-ul i-ka-ab-bi na-si-iḫ du-up-pu-úr ma-ru ša pa-la-aḫ-ša i-pu-šu ma-aḫ-ri-ša uš-ša-ab ma-pa-me bilat i-di-ša i-ra-aš-ši «(Кто)...¹¹⁸ не скажет, (тот) отвергается (и) должен быть отстранен; сын, который почет ей оказал, перед нею пребывает, всеми доходами ее рук завладеет». П. Кошакер, видимо, на основании этой клаузулы считает, что мать могла свободно распоряжаться подарком в кругу своих детей¹¹⁹. Однако здесь речь идет не о подарке, а о праве распоряжения, которое вытекало из воли отца¹²⁰. Но здесь применимо мнение П. Кошакера о том, что некоторые случаи дарения супруге следует рассматривать как совершаемые для продолжения домашней общности с детьми¹²¹. По-видимому, эти меры, в частности, были предприняты главой семьи для того, чтобы после его смерти единство хозяйства не распалось и домашняя община продолжала бы свое существование. Однако документ отмечает (стк. 39—40): a-šar ta-ra-a-tu a-na a-li-ik ar-ki i-ta-ad-di-in «Когда захочет, идущему за ней может отдать». Отсюда вытекает, что она может отдать имущество тому из сыновей, кто будет ей по душе¹²². Но таковыми, как вы-

¹¹⁸ Начало этой клаузулы разбито. Видно, что отвергается то лицо, которое не признает права матери. Исходя из значений глаголов *pašāru*, *darāru*, мы здесь переводим их соответственно в смысле «отвергнуть» (перманзив, I порода), «отстранить» (перманзив, II порода). Последняя форма глагола в стандартном контексте часто встречается в документах раздела. Перевод П. Кошакера «быть законченным» не подходит ни по контексту, ни по общему значению глагола *darāru*, который имеет значение «удалять, отстранять» также и в старовавилонских документах (ср. F. Thureau-Dangin, *La Correspondance de Hammurapi avec Samsar-ḫašir*, — RA, XXI, № 1—2, 1924, p. 29, № 36-15).

¹¹⁹ P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 232.

¹²⁰ Аналогичное положение, когда сыновья должны были чтить свою мать, чтобы получить имущество, наблюдается также в Угарите (см. М. Л. Гельцер, *Материалы к изучению социальной структуры Угарита*, — ВДИ, 1952, № 4, стр. 37).

¹²¹ P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 232.

¹²² Законы Хаммураби (§ 150) отмечают, что подаренное мужем жене имущество (поле, сад или дом) его дети не могут требовать после смерти отца. Мать же вправе отдать имущество любимому сыну. Об этом же свидетельствуют наши документы, но в наших документах понятие «любимый» могло охватывать всех детей, по-

ще было объяснено, могли быть все дети. Если и предусматривается, что мать может передать имущество тому, кто завоеует ее доверие, то это не значит, что все имущество переходило к одному в ущерб интересам других детей. В данном случае, вероятно, имелось в виду главенство одного из них в семье для сохранения ее единства в домашней общине.

Привлекает к себе внимание и то обстоятельство, что среди дарений встречается движимое имущество. Например, в документе № 131 наряду с землей дарится также крупный рогатый скот (стк. 8—11): e-ri-ku qa-du al-pemeš Wa-ar-du a-na E-ri-iš-ti a-ša-ti-šu i-ki-iš i-di-iš-ši «Телегу вместе с быками Варду Эришту, супруге своей, подарил, отдал ей». Об этом документе уже шла речь выше. В нем дарится также поле с колышком, а наказание за возбуждение претензии направлено против постороннего человека. Выше было сказано, что у этих супругов детей не было. Кому же оставалось все это имущество после смерти жены? Судя по фразе (стк. 30): [a]-ša-ar ta-ra-a-tu ta-na-di «Когда захочет, может оставить», можно сказать, что право передачи имущества было передано супруге, и она, поскольку у нее отсутствуют прямые наследники, могла оставить его любому, кто согласился бы вести ее работу по хозяйству.

Земля с рабочим скотом передается супруге также в документе № 282 bis (стк. 13—21); l šumbu qa-du al-pemeš ù 20 (ka)zēr¹²³ kirī a-na Ku-ku-ni-ti aš-ša-[ti-šu]i-na ni-iš Kute-er-Na-ḥu-di ù Te-im-ti-a-gu-un i-di-iš-šī ù i-ki-iš-šī «1 повозку с быками и сад в 20 ка площадью... Кукуниту, супруге своей, жизнью Кутир-Наххунти и Темптиагуна (покаявшись), он отдал ей и подарил ей». В этом случае еще предусматривается, что (стк. 22—24) a-na ḥu-ub-ti li-id-di a-ša-ar ta-ra-a-tu li-id-di-in «Пусть в распоряжение оставляет; куда захочет, пусть отдает»¹²³. В данном случае глава семьи предоставляет суп-

скольку речь идет о необеспеченных детях. Иной раз документы ясно дают понять, что после смерти вдовы имуществом завладеют ее дети (№ 406: 7—8): [wa-ar]-ki-ša māre^{meš} šā i-ra-aš-šu-ú «После нее сыновья ее завладеют», причем здесь также оговаривается, что получит тот (или те), кто заслужит ее доверие (стк. 9—10).

¹²³ «The Assyrian Dictionary», H, p. 242, дает перевод: «Она может отложить его в качестве ḥubtu — земли, (или) она может дать его кому захочет».

руге право дальнейшего распоряжения имуществом. Факт передачи хозяйственного транспорта в руки жены преследует цель закрепить за женой право ведения хозяйства. Уже этот юридический акт делал членов семьи зависимыми от матери. Поэтому надо думать, что все это совершалось для того, чтобы, во-первых, обеспечить одинокую вдову, если у нее не было детей; во-вторых, сохранить существование семьи под главенством матери. Но и это имущество, оставленное матери для пользования, т. е. для собственного содержания и обеспечения своих детей, в конце концов переходило ближайшим наследникам, если они имелись. Следовательно, раздел имущества мог наступить также после смерти матери, если к этому времени все дети не образовали отдельные семейные ячейки.

В документе № 406 Синраби дарит супруге своей какое-то имущество (название не сохранилось). Далее отмечается (стк. 3—5): *i-na ʕi-iḥ sū-uk-ki-im [šà] Te-im-ti-a-gu-up [ù Ku]-uk-¹²⁴Na-šū-úg i-ki-iš* «Перед эдиктом¹²⁴ Темптиагуна и Кук-Нашура подарил». Естественно, условие, предусмотренное в документе, было взято из эдикта упомянутых правителей. В чем же заключалось это условие? Документ сообщает об этом следующее (стк. 5—10): *[a-di ba]-al-ṭá-at i-ka-al-ma [wa-ar]-ki-ša māgēmeš-ša [i-ḡa]-aš-šū-ú [a-ša-ar] ta-ra-a-mu [i-na-di]-in* «Пока она жива, будет пользоваться, а после нее сыновья ее завладеют. Когда захочет, может отдать» (очевидно, в пределах круга сыновей). Это условие не обнаруживает противоречия с предыдущими. И там, и здесь доверие или любовь ставится на первый план, причем наследниками были все сыновья. В документе № 402 прямо говорится, что имущество (сохранилось лишь «1 раб») должны получить трое наследников. Конечно, не всегда удается отличить акты, в которых предусматривается продолжение индивидуального семейного хозяйства, от актов, которые вносят разъединение в общее землевладение в пределах домашней общины. Но это вовсе не мешает видеть в этих хозяйственных объединениях домашнюю общину, которая по воле отца существовала под руководством матери. Опять-таки главенство матери за-

¹²⁴ См. Ю. Б. Юсифов, *Эламское sugir*, — «Палестинский сборник», вып. 11, 1964, стр. 14.

висело от воли отца. Да и иное главенство не могло возникнуть, поскольку именно мать и отец составляли старшую группу в данной семье. Но это не было правилом. Смотря по обстоятельствам, главенство в семье могло переходить также к одному из сыновей, о чем соответствующие данные можно извлечь из документов.

В документе № 138 сын оставляет матери имущество, которое после ее смерти должно перейти к ее детям, а именно к другому сыну и дочери этой женщины. В данном случае, как и полагает Э. Кюк, речь идет лишь о передаче матери права пользования¹²⁵, но после смерти матери должно было возникнуть право на наследство со стороны других отмеченных в документе двух детей. Отсюда вытекает, что право распоряжения имуществом находилось в руках сына, который обеспечивает мать, брата и сестру свою, и в этом смысле главенство в семье принадлежало ему. К сожалению, такие случаи единичны.

Есть данные, что имущество, подаренное дочери или матери, в конечном итоге переходит к сыну. В документе № 403 некий Синраби дарит Нинуе дом и поле, купленные у других лиц, причем их родственные связи не отмечаются. В документе говорится (стк. 9—11): a-di ha-la-ti-šz ta-kà-al-ma wa-ar-ki-ša I-šur-i-lí i-ra-aš-ši «Пока она жива, будет пользоваться, а после нее Ишурили завладеет». Кем они приходятся друг другу? Вероятно, здесь Ишурили и Нинуа — брат и сестра. К этому склоняет тот факт, что в документе № 402 тот же Синраби дарит раба другому лицу, вероятно своей супруге: ...l wardum¹²⁶... Sin-ra-[bi] a-na Nu-úr-[...] i-di-in a-di ba-la-[ti-ša] ta-kà-al-[ma] wa-[ar-ki-ša] 3 [ap-lu-ša]¹²⁷ i-ra aš-šu-ú ap-lu-um šà la i-pa-la-[ah]-ši-ma i-na É.DU.Á. ú-ul šu-[hu-uz] «Одного раба... Синра[би] Нур[...] отдал. Пока она жи[ва], будет пользоваться, [и затем] по[сле нее] три [ее сына — наследника] завладеют. Сын-наследник, который не окажет ей почтения, на дом не имеет пр[ав]»¹²⁸. Сопоставление этих двух документов позво-

¹²⁵ E. Cuq, *Les actes juridiques susiens*, p. 55; ср. P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 231.

¹²⁶ Начало документа разбито. Сохранилось лишь это слово.

¹²⁷ Восстановление Шейля; оно соответствует последующей строке.

¹²⁸ ul šuhūz, собственно, означает «не будет введен во владение».

ляет предположить, что двое из трех наследников были упомянуты в № 403. Отсюда к тому же вытекает, что эти наследники были обеспечены отцом, а мать временно (пожизненно) пользовалась рабом. Кроме того, на основании этого единичного факта можно сказать, что в домашней общине могли быть и рабы¹²⁹, которые тоже передавались по наследству, но не за пределы домашней общины, в данном случае — семьи¹³⁰. Даже если мать что-либо дарит дочери, то это имущество в конце концов остается сыну-наследнику, может быть, потому, что других детей не было или переданное отцом в распоряжение матери имущество считалось неотъемлемой частью наследства сыновей.

В документе № 404 отмечены два дарения. Некая Анупиша дарит своим дочерям, а именно Синнури и Пилили, свое имущество, которое она принесла из дома своего отца, но в конце каждого дарения соответственно записаны имена сыновей этих женщин. В документе говорится (стк. 1—5): *makkura ša a-bi-i-ša ša A-nu-pi-i-ša a-na ma-ga-ti-ša a-na Sin-nu-ri ta-kiš ú [t]a-di-in* «Имущество отца своего, которое Анупиша дочери своей — Синнури подарила и отдала»¹³¹. В данном случае мать распоряжается тем имуществом, которое она принесла из отцовского дома. Далее устанавливается наказание за претензию, но отмечается любопытное условие (стк. 10—13): *dinum ša i-na kittim i-di-nu-[ši-i]-ma apal É.A.NI li-ig-šu-ú* «(По) судебному решению, которое по справедливости присудят (в) ее (пользу), сын-наследник рода (или дома) ее (или его) пусть владеет». Клаузула не совсем ясна. Почему это дарение должно было быть предметом претензий? Ясно, что клаузула обращена в будущее, следовательно, данное имущество когда-либо могло быть кем-то потребовано. Если сравнить этот документ с № 399, который рассматривается ниже, то можно выдвинуть следующее предположение: Анупиша дарит отцовское имущество своим дочерям, у которых бы-

¹²⁹ В Вавилонии передача рабов — нередкое явление (см. М. Schorr, *Urkunden*, № 202, S. 283, sq.; В. Meissner, *Assyrische Studien*, S. 50, 61), причем и здесь получал наследство тот, кто оказывал уважение матери.

¹³⁰ Это мнение особенно подтверждает отрывок из эламского закона, о чем подробно речь пойдет ниже.

¹³¹ Дарение Пилили также оформлено аналогичной фразой.

до по одному сыну: I-gi-ib-Sin māru šà Sin-nu-ri «Ириб-Син, сын Синнури» (и Белшуну, сын Пилили). Связь упоминаний этих сыновей с текстом отсутствует, но она устанавливается благодаря общему содержанию документа и тому, что мы извлекаем из № 399, где сын вдовы оставляется вторым мужем фактически без наследства. Поэтому надо полагать, что дочери Анупиши были вдовами, и клаузула направлена против их будущих супругов. Поскольку у них были дети и мать опасалась, что дети могут быть оставлены без наследства, мать констатирует, что какие бы претензии ни были, в конечном итоге имущество должно перейти к сыну-наследнику. Следовательно, дочери в данном случае являются формальными владелицами дедовского имущества, а фактически оно должно было перейти к внукам дарящей.

Как видно, в некоторых случаях речь идет об индивидуальных семьях, но даже и тогда наследство, переданное дочери, остается в итоге сыну, особенно, если предусматривается замужество дочери. Дочь при замужестве могла получить долю от мужа, что видно из документа № 380. В этом документе некий Эннам дарит своей супруге Ададнури свою наследственную долю (zittu), состоящую из 20 ка сада. Судя по клаузуле в строке 10—13: a-šà-ta-am šà-ni-ta-am i-ḥa-az-ma lškirā-am an-na-am ¹³²Adad-nu-ri i-ta-ba-al «(Если) жену вторую возьмет, то сад этот Ададнури заберет»¹³², в таких случаях дочь могла принести в дом супруга то, что ей полагалось при замужестве, а остальное она должна была оставить в доме отца, если там имелись наследники. Если же она была вдовой с ребенком, то при вторичном замужестве последний получал имущество своей матери, которое должно было принадлежать ему, согласно условиям, предусмотренным в документе.

В документе № 374 отец дарит Дакату, дочери своей, имущество (NIG), большой дом (É.DU.A gabū), поля (eklētu) и сады (kirētu). Штрафная клаузула защищает дочь от посторонних претензий (стк. 5—6). Характерно, что здесь отсутствует слово «наследник», которое вставлено только на полях документа, но оно является продолжением текста (стк. об. 9—10 и на полях): ekel paī IGI. URU. KIù É.DU.A šeḥru (?) ap-lu šà i-te bu-

¹³² О переводе см. также E. Salonen, *Untersuchungen*, S. 164.

та li-ir-iš¹³³. «Поле района перед поселением и малый дом (?) сын-наследник, который поднимется (с претензией), пусть потребует». В данном случае отец почти все свое имущество оставляет дочери. Вероятно, его сын уже был обеспечен. Во всяком случае, эта клаузула обращена в будущее, и поэтому трудно понять — о каком наследнике идет речь. Но если учесть приведенные выше сведения, то надо полагать, что под arlu подразумевается обеспеченный сын, который мог бы овладеть определенной частью имущества сестры в случае ее замужества.

Как было видно, отец передавал свое имущество, поле и все остальное только дочери. То же самое мы наблюдаем в документе № 285, в котором некий Иншушинакшеми перед смертью (досл. «судьбой», šimti-šu) дарит имущество своей дочери Нарубту (стк. 1—14): m.ii Inšušinak-še-mi pi-šu ba-al-tú šà-ap-ta-šu ba-al-tú i-na ra-ni ší-im-ti-šu makkur-šu alki-šu ú še-er-šu ekla É.DÙ.A ú 1škirā ekel 100 k̄ata.a.an zēr palī ЗКАМ šà itti SALTe-pi-ir-ti ú SAL.ii Inšušinak-na-da i-ka-lu i-na ra-ni ší-im-ti-šu k̄i-ir-ba-na šà ra-ni ú wa-ar-ki iḫ-pi-ma a-na SALNa-gu-ub-ti ma-ar-ti-šu id-di-iš-ši «Иншушинакшеми—уста его здоровы, губы его здоровы—перед смертью своей имущество свое, (что) в поселении его и степи его, (именно) поле, дом и сад, поле 100 ка площадью в 3-м районе, которым вместе с Тепирту и Иншушинакнада пользуется, перед смертью своей комок глины спереди и сзади разбил и затем Нарубту, дочери своей, он отдал».

Это фактически документ завещания с условием о содержании старика, поскольку он составлен перед смертью (šimti-šu). При этом расторгается договор¹³⁴, согласно которому поле находилось в совместном владении трех лиц. Мы видели, что совместное владение могло осуществляться путем заключения договора о «братстве» (№ 325). Оно могло существовать также между родственниками без договора. Как бы там ни было, эта

¹³³ Должно было быть lirsī «овладеет», «приобретет». Вероятно, ошибка писца.

¹³⁴ Особый обряд разбивания комка глины. Очевидно, он был нужен в связи с отсутствием законных наследников или, скорее, с лишением их наследства. Разбить комок глины спереди и сзади — значит лишить наследства родственников по нисходящей и восходящей линиям. k̄irbāpu — не документ, а комок глины, очевидно, взятый с данного поля и служащий символом поля в целом.

общность земли была образована пожизненно без передачи по наследству, следовательно, без перехода права собственности в руки Тепирту или Иншушинакнада по типу соответствующей формы «братства», поскольку Иншушинакшеми мог сам распоряжаться своей долей. Именно исходя из этого права отец был в состоянии передать имущество своей дочери, расторгнув прежний договор. Но неизвестно, был ли положен в основу этого объединения принцип «братства» или нет.

Передавая имущество дочери, Иншушинакшеми выдвигает единственное условие, чтобы та обеспечила взамен его старость и после смерти устроила ему похороны¹³⁵. П. Кошакер полагает, что даритель не имел других детей, по крайней мере ни одного сына, поэтому свое имущество передает дочери¹³⁶. Однако этому противоречит клаузула (стк. 17—20): i-na ar-li te-bi šà ú-ul ma-ag-tu al-ta i-qa-ab-bu-ú a-na me-e i-la-ak «(Кто) среди сыновей-наследников поднимется¹³⁷, который „не дочь ты“ скажет, тот в воду пойдет». Как правило, наследниками могли быть сыновья. Наличие термина arlu в тексте уже может свидетельствовать о том, что у завещателя были и другие дети¹³⁸, но он оставлял имущество дочери, чтобы та обеспечила его старость¹³⁹.

Выражение ina arli tēbi имеется также в документе № 287, где зарегистрирован подарок матери сыну. Объект дарения в документе не сохранился, но предусматривается наказание (стк. 3—9): i-na ar-li te-bi-i-[ma] šà a-na Ku-ki-ja ú-ul na-di-ik-ki i-qa-[ab-bu] a-na me-e i-la-

¹³⁵ В тексте говорится (стк. 15—17): ba-al-tá-ku-ma a-ka-la ta-[na-di]-i-na mi-ta-ku-ma ki-is-pa ta-ka-s[i-ip] «Пока я жив, она едой должна (меня) обеспечить, а умру — приношение должна устроить». Kisru обозначает жертвоприношение по случаю смерти. Kisru приносилось как богам, так и людям, и вообще соответствующий глагол первоначально обозначал «разламывать на куски» и специально «оставлять остатки пищи для мертвого» (см. J. Morgenstern, *The Doctrine of Sin in the Babylonian Religion*, — «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft», Bd 10, № 3, 1905, S. 115 sq.).

¹³⁶ P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 232.

¹³⁷ Досл. «при наследнике поднимающемся».

¹³⁸ Уже И. Клима ставил под сомнение предположение П. Кошакера и высказывал мысль, что сыновья ранее либо были обеспечены отцом, либо лишены наследства (см. J. Klima, *Zur Entziehung des Erbrechts*, S. 131).

¹³⁹ Подобные случаи были также в Вавилонии, когда даритель обеспечивался ежемесячно зерном, маслом и серебром (см. M. Schorr, *Urkunden*, № 206, S. 287—288, № 216, S. 300).

ak-ma i-na me-e lu-li-i ¹⁴⁰Šà-zi ka-aḫ-ḫa-as-sú lim-ḫa-aṣ i-na a-wa-at ili ù šarri li-ší «(Кто) среди наследников поднимется, который Кукие „не отдано тебе“ скажет, в воду пойдет; из воды если поднимется, (бог) Шази голову его пусть разобьет, на суд бога и царя пусть он выйдет». Естественно, здесь речь идет не об ордалии, а о наказании за нарушение завещания. Отсюда вытекает, что были другие дети, возможно и более широкий круг родичей, против которых направлена угроза наказанием, и что другие дети, возможно, были обеспечены отцом, а мать передавала сыну — вероятно, тому, кто оказывал ей почет, — подарок из своего имущества, которое могло к ней перейти от супруга или было принесено из отцовского дома. Но в документе № 137 отмечается совершенно обратное: мать лишает сына ранее подаренного имущества и передает его Илатишу — дочери своей, отнюдь не единственному ребенку ¹⁴⁰. Конечно, нельзя полагать, что эти дети, которые в будущем могли оспаривать решение матери, находились под ее опекой ¹⁴¹, так как обеспечение всех детей явно не входило в ее компетенцию. Это можно видеть хотя бы из документа № 379. Мать владела правом распоряжения своим имуществом, принесенным из дома ее отца, и имуществом, переданным ей супругом, которое переходило к тому, кто выполнял заветы отца по отношению к его супруге. Обычно дети обеспечиваются отцом ¹⁴², который являлся единственным правомочным лицом в этом отношении, поскольку он был главой патриархальной семьи. Но мать распорядилась семейным имуществом тогда, когда это право передавалось ей по воле отца.

В двух документах (№ 381—382) некая Иштаярту передает свое имущество Алахату, дочери своей. Эти документы интересны тем, что, даря имущество дочери, мать гарантирует ее от претензий наследников и наслед-

¹⁴⁰ Опять судя по клаузуле (ст. 13—17): ma-am-ma-an i-na ap-li te-bi šà a-n[a] I-la-ti-šu ú-ul na-di-in i-ḫa-ab-bu a-na me-e i-la-ak... «(Если) кто-либо среди наследников поднимется и „Илатишу не отдано“ скажет, (тот) в воду пойдет...».

¹⁴¹ Так понимает этот случай И. Клима (J. Klíma, *Entziehung des Erbrechts*, S. 132).

¹⁴² Поэтому И. Клима (*ibid.*) совершенно справедливо замечает, что мать могла отнять то имущество, которым она обеспечила сына раньше, а на имущество, которое досталось сыну от отца, она не имеет права.

ниц по нисходящей и восходящей линиям. В одном случае дается следующее (№ 382: 4—13): ekel 100 (ka) zēr^{ta. r. an} zēr palī 3[KAM] palū URU.DAG palū GAL ū palū IGI.URU. Kī ekla IM.AN.NA ū šī-kī-ta mi-im-ma šà a-bi i-zi-ba-am-ta E.DŪ.A ū bu-úr-ta šà al^{ki} ū-šī a-na SALA-II-a-ḥa-tu-ma-ar-ti-šà id-di-iš-šī «Полз в 100 ка площадью в третьем районе, в районе жилищ поселения, большом районе и районе перед поселением, поле дождевого орошения и искусственного орошения, все, что отец мой оставил мне, дом и колодец, которые в поселении Суз, Алиахату, дочери своей, (она) отдала». Здесь мать дарит своей дочери имущество, которое ей досталось от отца в наследство, или свое приданое, что практиковалось среди населения Суз¹⁴³. На это имущество могли претендовать все дети, но право распределения принадлежало только матери. То, что у нее были другие дети, по-видимому, уже обеспеченные отцом, показывает клаузула в стк. 14—18: ma-am-ma-<an> i-na ar-li-šà šà i-te-ba-am-ta ū-ul na-di-in-ki i-ka-ab-bu-ma a-na me-e i-la-ak-ma «Кто среди наследников ее поднимется и „не дано тебе“ скажет, (тот) в воду пойдет». Этот документ был составлен против наследников по нисходящей линии, которые могли предъявить претензии к наследству. В документе № 381 то же самое лицо завещает¹⁴⁴ упомянутой дочери свое имущество (стк. 5—8): makkura šà al^{ki}-šà ū šēri-šà ekla bīta ū kirā a-na A-la-ḥa-tu ma-ar-ti-šà ta-ad-di-iš-šī «Имущество, что в поселении ее и в степи ее, (именно) поле, дом и сад Алахату, дочери своей, она передала». Хотя здесь не указано родовое происхождение недвижимости до ее передачи, следующая клаузула показывает, что она тоже принадлежала отцу Иштаарту (стк. 9—13): ma-am-ma-an i-na aḥ-ḥi-šà ū aḥ-ḥa-ti-sà šà a-na^{SAL} A-la-ḥa-tu ū-ul na-di-ik-ki i-ka-ab-bu-ma a-na mee i-la-ak-ma «кто-либо среди братьев ее и сестер ее, кто Алахату „не отдано тебе“ скажет, (тот) в воду пой-

¹⁴³ Ср. хотя бы документ № 200, где засвидетельствована передача части имущества отцом дочери, это имущество впоследствии передавалось только по женской линии до его отчуждения (см. Ю. Б. Юсифов, *Купля-продажа недвижимого имущества...*, стр. 11).

¹⁴⁴ i-na ra-ni šī-im-ti-šà «Перед смертью (судьбой) своей, причем там же (стк. 3) имеется фраза, свидетельствующая о дееспособности завещательницы: pi-šà ba-al-ḫū ša-ar-ta-šà ba-al-ḫā-tu «Уста ее здоровы, губы ее здоровы».

дет». В данном контексте не имеются в виду братья или сестры обеспеченной дочери, как полагают¹⁴⁵, а речь идет о братьях и сестрах матери¹⁴⁶.

Этот документ был составлен против родственников по восходящей линии, которые, естественно, могли бы предъявить претензии по поводу родового (отцовского) имущества, фигурирующего, судя по документу № 382, среди наследства. Таким образом, мать свободно распоряжается своим имуществом, полученным в доме отца. Но отсюда следует и другой вывод: женщина при замужестве получала и недвижимое имущество, поэтому-то клаузула направлена против ее братьев и сестер. Здесь даже не может быть и речи о том, что она владела имуществом отца потому, что не было сыновей. Наоборот, она унесла из отцовского дома свою наследственную долю, которую она получила, может быть, в результате дележа наследства. Таким образом, дочь в Сузах пользовалась равными правами на имущество домашней общины и этим имуществом она могла распоряжаться по своему усмотрению: могла дарить брату при замужестве или взять с собой в дом супруга. Здесь, вероятно, определенную роль играло также имущественное положение домашней общины. Если домашняя община была бедна, то соответственно дочь заранее получала приданое, если же домашняя община была состоятельной, то дочь пользовалась равными правами при разделе наследства. Или же, если дочь при жизни отца не получала приданое, то после его смерти она принимала участие в разделе имущества.

Брат мог явиться с претензией по поводу имущества другого брата или наследника своего брата. Документ

¹⁴⁵ См., например, J. Klíma, *Zur Entziehung des Erbrechts*, S. 132. Anm. 15. П. Кошакер (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 232, Anm. 1) так же понимает текст, и далее замечает, что они более не обозначаются наследниками, может быть, потому, что уже лишены наследства. Однако не было смысла дважды составлять завещание или документ о передаче, чтобы лишить наследства одних и тех же лиц. Да и текст не позволяет сделать такой вывод.

¹⁴⁶ В документе № 382 написано: *apli-š ā*; в № 381 — *ahhi-šā ū ahhāti-šā*. Энклитическое местоимение *-šā*, как видно, в обоих документах относится только к матери, следовательно, в первом случае речь идет о ее наследниках, во втором — о братьях и сестрах, т. е. о родственниках по восходящей линии. Поэтому упомянутые предположения о том, что в обоих случаях речь идет о детях матери, являются несостоятельными и необоснованными.

№ 330 свидетельствует о подобной ситуации (стк. 1—5): I-bi-II'labrat a-na takkur Тап^{an}-ú-li ù ar-lu-ti-šu a-na māg Pu-zur-Ma-za-at it-bé-šu-nu-ší-Im-та «Иби-Илабрат относительно имущества Танули и наследства его к сыновьям Пузур-Мазата (с претензией) поднялся». Конечно, уже это показывает, что Иби-Илабрат находился в родственных отношениях с Пузур-Мазатом, поэтому он претендовал на его наследство. Хотя в приведенной выше фразе отсутствует намек на их родственные связи, но дальше перечисленная недвижимость обозначается как (стк. 13) ar-lu-ut a-bi-šu «наследство отца его»¹⁴⁷. Родовое наследство, как записано в документе, состоит из (стк. 8—12): 100 MARUN immerē 1 GUR 210 (ka) zēr-šu eḫel palī URU.DAG i-na Šà-tu-un-nu É.A.NI É.GAL pá-pá-ḫu-um ù bitum mi-it-ḫa-gu-um ù 5 GUR šē'am «100 штук (?) баранов, 1 гур 210 ка площадью поля в районе поселения в Шатунну, его дома: большой дом, святилище и (расположенный) напротив дом и 5 гур ячменя».

В данном случае речь идет об имуществе домашней общины. Наряду со скотом, полем и даже большим домом и так далее перечисляется рараḫum «святилище»¹⁴⁸. Поскольку святилище упоминается среди наследства, то мы вправе предположить, что оно находилось в пределах домашней общины, причем еще не разделенной, и являлось местом отправления культа родовых богов. Иби-Илабрат предъявляет свои права именно после смерти главы домашней общины (стк. 6): wa-ar-ki Pu-zu-ur-Ma-za-at «После Пузур-Мазата». Претензии Иби-Илабрата удовлетворяются (стк. 14—18): I-bi-II'labrat ar-lu-ú šà Pu-zur-Ma-za-at II-ba-šu ú-ṭe, bu ar-lu-sú-nu zi-za-at ga-am-ga-at «(В отношении) Иби-Илабрата наследники Пузур-Мазата сердце его ублагодворили; наследство их разделено, кончено».

Все изложенное показывает, что до появления иска хозяйство было общее, поскольку там наряду с недвижимостью упоминается скот и зерно, но примечательно, что отсутствует упоминание о деньгах; по-видимому, денежные средства находились в частном владении каж-

¹⁴⁷ То есть отца Пузур-Мазата, как можно понять из текста Иби-Илабрат претендует на родовое имущество.

¹⁴⁸ Подобные святилища существовали также в Вавилонии. Ср. например, pa-ra-ḫi ¹¹Na-bi-um «святилище Набу» (S. Smith, *Miscs I Ianeu*, — RA, 21, 1924, № 1—2, p. 79).

дого из членов домашней общины. Это подтверждается сведениями о «братстве», приведенными выше. Если и говорится, что «наследство разделено», то под этим подразумевается, вероятнее всего, определение доли в общине, но не распад ее, поскольку ни размер, ни местоположение разделенной недвижимости не указаны. Оспаривается только порядок главенства и распоряжения коллективным достоянием, и каждый из членов домашней общины имел свою семью и своих наследников (стк. 19—24): I-bi-IIIabrat ù ar-lu-šu e-II ar-II ša Puzur-Mazat di-nam ù a-wa-tám ù-ul i-šu-ú «Иби-Илабрат и наследники его к наследникам Пузур-Мазата претензий и (судебного) дела не имеют»¹⁴⁹.

То же самое происходит в документе № 329: 1—4: Bēl-šu-na-šī-ir a-na Puzur-II Ma-za-at it-be-e-ma a-na ar-lu-ti-[šu] «Белшунасир на Пузур-Мазата поднялся относительно наследства его». Этот документ относится примерно к тому же времени, что и предыдущий¹⁵⁰. Оба иска возникли одновременно и, вероятно, против главы домашней общины, где были объединены родственники по нисходящей и восходящей линиям. Объект претензии в этом документе иной, чем в № 330 (стк. 5—9): ki-ma eḫli ù iṣ [kirī] ù immerē^{H.A} ù É.A.NI 2¹/₃ MA.NA kaspat ki-ma aḫi ar-lu-ti-šu ga-[mi]-ir-šī-na i-ra-am-ma il-ḫè «Вместо поля и сада и баранов и дома его 2¹/₃ мины серебра, как брату, (в качестве) наследства окончательно установлено¹⁵¹; он удовлетворился и взял». Из выражения ki-ma aḫi видно, что это наследство находилось в общем владении братьев, один из которых после смерти другого предъявляет свои права, тогда как в первом случае (№ 330) движимость и недвижимость обозначены как ar-lu-abī «наследство отца». Иби-Илабрат претендовал на

¹⁴⁹ Отмечается наказание за нарушение сделки и есть оговорка, что спор об этой передаче не подлежит рассмотрению (стк. 25—31): aššum ar-lu-ti-šu šagrat ù da-a-na-am ù-ul i-ma-aḫ-ḫa-ar i-ba-la-kā-at-ma I biltam kaspat išaḫḫal ri-ta-šu ù li-ša-šu i-na-ki-sú «Относительно наследства его к царю и судье не следует обращаться, (кто) нарушит (условия), I талант серебра заплатит, руку его и язык его отрежут».

¹⁵⁰ В обоих случаях упомянуты имена правителей Элама Кук-Наххунте и Кук-Нашира.

¹⁵¹ В тексте здесь стоит местоимение женского рода -šīna, хотя речь не идет о женщинах, да и странно, что оно следует за глаголом.

святилище и большой дом, владение которыми возлагало бы на него основную ответственность возглавлять родовое хозяйство. Белшунасир же претендовал на долю владения в неразделенном большесемейном хозяйстве, где движимость, особенно денежные средства, могли находиться в личной собственности члена домашней общины. Здесь также имеется клаузула об отказе от будущих претензий (стк. 14—18): ¹¹Bēl-šu-na-šī-ir ù ar-lu-šu [a]-pa ar-li [ša Puzur]-¹¹Ma-za-at ù-ul i-te-bu «Белшунасир и наследники его на наследников Пузур-Мазата не поднимутся»¹⁵².

В документе № 331 Удуду, Ибибелшу и Пур-Адад, видимо, выступают с претензией против некоего Адматили относительно его наследства, состоящего из «1 мины 5 сиклей серебра и 5 сиклей gāriku» (стк. 1—2). Примечательно, что они забирают все (стк. 8—10): ar-lu šà Ad-ma-at-i-[li] kaspat an-na-am le-e-ku-ú «Наследники Адматили серебро это взяли».

Поскольку объектом спора является опять серебро, то можно считать, что в данном случае мы имеем дело с домашней общиной, где недвижимость не была подвергнута делению и дроблению, однако на денежные средства предъявлялось право частной собственности. В отличие от предыдущих случаев претенденты были сыновьями главы семьи, что видно из следующей клаузулы (стк. 11—16): di-na-am ù a-wa-ta-am e-li ar-li šà Tan-ú-li na-gi Ad-ma-at-i-[li] ú-ul i-[šu]-ú «Претензии и дел против наследников Танули сыновья Адматили не имеют».

Таким образом, в документе № 331 объектом претензии является только серебро, что в какой-то мере подтверждает мысль о том, что мы в данном случае имеем дело с домашней общиной, где наряду с общинным, коллективным владением недвижимостью существовала частная собственность на продукты земледелия, на денежные доходы, подобно тому, что было засвидетельствовано в документе № 425, где путем «братства» объединялось хозяйство, а доходы должны были делиться между приемными братьями. В связи с этим представля-

¹⁵² Клаузула о нарушении договора почти аналогична клаузуле в № 330 (стк. 19—24): šà i-ba-la-ká-tù i biltam kaspat išakkal gi-ta-šu-nu ù li-ša-šu-nu i-na-ki-sú «Кто нарушит, 1 талант серебра заплатит, руки их и язык их отрежут».

эт интерес случай, когда уже разделенное отцовское имущество братья снова объединяют (№ 20: 6—13)¹⁵²:
 ...ù A-ḥi-im i-zu-zu-ma i-tu-ru bu-ša-šu-nu ù makkur-šu-nu
 ù mi-im-ma ša it-ti aḥ-ḥi-šu-nu ik-šu-du-šu-nu-ti eklam É.
 DÙ.A ù lskirāa i-na niš Tan-ú-li ù Te-im-ti-ḥal-ki [Ú]-za-lu
 ù Sin-mu-ša-lim [lš-t]e-ni-iš ig-mu-ru «...и Ахум раздели-
 ли и затем снова вернулись, владение свое и имущество
 свое и все те (вещи), которые они вместе с братья-
 ми захватили у них: поле, дом и сад, при жизни Тан-
 ули и Темпихалки, Узалу и Синмушалим вместе окон-
 чательно восстановили». Почти то же самое происходит
 в другом случае (№ 340, стк. 4—9): mi-im-ma ma-ku-ra-
 am ša Sin-i-din-na-am a-bu-šu-nu i-zu-zu-šu-nu-ti-im ù šu-
 nu i-tu-ra-ma wa-ar-ki a-bi-šu-nu i-zu-zu is-ka-at ma-ru-ti
 aḥ-iš ig-mu-ru «Все имущество Синидиннама, отца их,
 (они) разделили и затем они снова вернулись и после
 (смерти) отца своего разделили, доли сыновние по-братс-
 ки окончательно восстановили». Оба случая (№ 20 и
 340) можно рассматривать как объединение хозяйства,
 вернее — сохранение его в том виде, в каком оно су-
 ществовало при жизни отца. Определение сыновней до-
 ли (iškāt māḡūtī) не говорит о выделении кого-либо из
 общего хозяйства, а свидетельствует лишь об установ-
 лении доли, следовательно, и доли дохода для каждого
 в неделимом хозяйстве, поскольку не указаны ни раз-
 мер, ни соседи, ни местоположение недвижимости.

Эти факты свидетельствуют также о возникновении
 новых домашних общин путем объединения хозяйства
 братьев-родственников. Поскольку они были ближайши-
 ми родственниками, постольку и отсутствует договор о
 приеме в «братство». Отсюда вытекает, что договор о
 «братстве» обычно составлялся между людьми, не свя-
 занными между собой узами родства, вернее между те-
 ми, кто не мог претендовать на имущество соответствую-
 щей стороны. Фактически мы в этих случаях имеем де-
 ло с типичной домашней общиной родственников, что
 может соответствовать aḥḥūtu без договора.

Таким образом, упомянутые случаи (№ 20, 329—331,
 340) свидетельствуют о сохранении коллективного вла-
 дения недвижимостью после смерти главы семьи. В пре-
 делах общины каждый из ее членов владел индивиду-

¹⁵² Начало документа разбито, но заметны следы двух имен.

альной наследственной долей; но поскольку земля была неразделенной, то размер такой земельной доли не обозначался. Однако каждому из членов общины, особенно тем, кто владел земельной долей в общине, принадлежало право частной собственности на движимое имущество¹⁵⁴, но право распоряжения им принадлежало главе семьи. Объединение хозяйства, как было сказано, происходило также посредством договора о «братстве». Но поскольку в документах № 20 и 340 стороны были братьями, то не было необходимости в заключении подобного договора, хотя в Аррапхе заключалось «братство» также между родными братьями, если они вели до этого раздельное хозяйство.

В период дошедших до нас частноправовых документов «братство» имеет определенные социально-экономические корни и носит семейно-общинный характер при патриархальных отношениях в семье¹⁵⁵. Быть принятым в «братство» еще не означало стать наследником. Посредством договора о «братстве» та или иная сторона могла лишиться своего собственного отдельного имущества или же обе стороны могли объединиться на равноправных коллективных началах. Вопреки мнению П. Кошакера¹⁵⁶ эламское *aḥḥutu* не заключается для

¹⁵⁴ Многочисленные документы свидетельствуют о случаях раздела как движимого, так и недвижимого имущества. Размер поля часто не указывается. У нас нет никакого основания толковать все эти случаи только как определение доли в едином, неделимом хозяйстве. Не исключена возможность, что среди них имеются и такие случаи, когда речь идет об определении доли в домашней общине. Но в подавляющем большинстве — это раздел единого хозяйства, распад домашней общины, поскольку там все это происходит путем метания жребия, принесения присяги, следовательно, утверждается право собственности на недвижимость каждой из сторон.

¹⁵⁵ П. Кошакер, говоря о «фратриархате», смешивает две разные вещи: 1) права братьев в условиях материнского рода (Хаяса); 2) совместное хозяйство «неразделенных братьев» — фактически патриархальная домашняя община, где глава — основатель ее — умер. Никакого «фратриархата», отличного от матриархата и патриархата, не существовало.

¹⁵⁶ P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 47 sq. Неправильно понимая документ 321—322, он пытается далее провести знак равенства между усыновлением и приемом в «братство», и в результате этого приходит к тому, что правовое назначение наследника осуществлялось путем приема в «братство» (S. 51). Но характер документов показывает, что посредством договора о «братстве» происходила передача собственности, которая могла принадлежать одному приемному брату, либо другому, либо обонм, что было показано выше.

того, чтобы назначить наследника. Разбор документов, в частности, показал, что прием в «братство» совершался не для определения наследника, а чтобы, передав собственность, вести совместно семейно-общинное хозяйство и т. д. Причиной этому служило не право одного из приемных братьев быть наследником, а имущественное расслоение. Другой целью приема в «братство» было пополнение хозяйства рабочей силой, объединение хозяйства различных лиц. В эламской семье право наследования движимости и недвижимости принадлежало всем членам домашней общины по нисходящей и восходящей линиям, но в малой семье только по нисходящей. Мать получала наследство или подарок только по воле главы семьи. Это имущество передавалось ей в пожизненное пользование. Передачу его она должна была осуществить соответственно воле главы семьи. Но в кругу своих детей мать могла свободно распоряжаться тем имуществом, которое было принесено ею из отцовского дома. Только в этих рамках можно говорить о самостоятельной роли матери в хозяйстве. В эламской семье периода дошедших до нас частноправовых документов существовала патриархальная власть отца, которому принадлежало право собственности и все отсюда вытекающие последствия — право дарения или лишения имущества и т. д. Несмотря на это, после смерти отца, когда главенство в семье в известный период переходит в руки брата, может быть «любимого сына» или «идущего за ней», домашняя община продолжает свое существование, но с определенным правом владения каждого отдельного члена общины. Дети всегда обладали правом наследовать отцовское имущество.

Признавая право детей наследовать отцовское имущество и ссылаясь на документы № 44 и 51, Э. Кюк (RA, 28, № 2, p. 52) в то же время пишет, что брат считался наследником сестры¹⁵⁷, а последняя в свою очередь была наследницей брата. Это обстоятельство

¹⁵⁷ В Вавилонии брат мог получить имущество сестры, но лишь при выполнении ряда условий, например, если брат оказывает почтение и уважение сестре, то он получает ее наследство (см. В. Meissner, *Assyrische Studien*, — «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft», Bd 10, H. 4, 1905, S. 55). В одном случае дочь получает имущество от отца и матери, но может оставить тому брату, кого полюбит, т. е. кто будет ей по душе (*ibid.*, S. 61). Но в Эламе подобных отношений мы не наблюдали. Во всяком случае, факт этот в

могло возникнуть при определенных ситуациях; но на основании данных документов утверждать наличие подобного наследственного права не представляется возможным. В документах речь идет о продаже недвижимой собственности, которая находилась в совместном владении брата и сестры; это нередкий случай в практике населения Элама. Так, в документе 44:9—12 говорится: is-ka-at ¹¹Adad-ba-ni ša itti naditi ¹¹Adad-du-um-ki a-ḥa-ti-šu i-šu-ú itti Da-mi-iḫ-¹¹Inšušinak māṛ ¹¹Adad-ba-ni m.¹¹Иабрат-а-би i-šà-am «Долю Ададбани, которой вместе с жрицей Ададдумки, сестрой своей, он владел, у Дамик-Иншушинака, сына Ададбани, Илабратаби купил». В документе № 51: 4—10 сказано: is-ka-at SALŠa-bi-ti māṛat ¹¹Adad-ba-ni ša itti aḥ-ḥi-šà i-šu-ú itti SALŠa-bi-ti m.¹¹Иабрат-а-би i-šà-am «Доля Сабиту, дочери Ададбани, которой вместе с братьями своими она владела, у Сабиту Илабратаби купил». Согласно законам Липит-Иштара, царя Исина (XIX в. до н. э.), дочь, будучи жрицей, могла жить в отцовском доме как наследница (§ 22). Да и по Законам Хаммураби дочь-жрица имеет право на долю из имущества отца (§ 178—182). В § 178 Законов Хаммураби, в частности, говорится: «Она может пользоваться полем, садом и всем, что дал ей отец, пока жива; давать их за серебро и уплачивать ими другому она не может; ее наследственная доля принадлежит только ее братьям». На основании сказанного становится ясным содержание наших документов. Доля сестры-жрицы перешла к брату, вероятно, по воле завещателя или согласно существующему обычаю. То, что в одном случае продавцом является брат, а в другом — сестра, вовсе не говорит о наличии общего права на владение отцовским имуществом, что отразилось в документе № 21¹⁵⁸. Это просто указывает на существование коллективного владения граждан, которые между собой были связаны узами родства. Но имущественная дифференциация приводила к тому, что коллективные владения, существовавшие в виде домашних общин, распались и сосредото-

дс документах не зарегистрирован. Да и передача имущества брату опять-таки осуществляется сообразно с предусмотренной в документе волей родителей.

¹⁵⁸ В этом документе Сабиту вместе со своими братьями и сестрой участвует в дележе отцовского имущества. Судя по жеребьевке, она получает равную долю.

точилились в руках наиболее сильных семей. Иной раз подобные семьи принимали под свою патриархальную власть лиц, одувившихся перед опасностью разорения.

Имеется любопытный документ (№ 399), который раскрывает нам другую область семейных отношений. Ввиду его важности мы приводим текст полностью:

1. ʾSin [. . .] aš-šum w[a-ar-ka-su] a-na Ta-ri-ri mār[ti-šu] i-di-[iš-šf-lm] 5. Šu-gu-gu it-ba-am-ma um-ma Ta-ri-ri a-na Šu-gu-gu at-ta-ma mu-[ti] 10. at-ta-ma ma-ri at-ta-ma ap-lī ù At-ta-ḥu-bi-ti-ir i-ra-am-ka-ma i-pa-la-aḥ-ka-ma 15. É ku-ru-us-sú-um ni-iš Ba-la-iš-ša-an ni-iš Ku-ku-ša-ni-ti ù ni-iš na-pl-ri-šā Ta-ri-ri 20. a-na Šu-gu-gu it-ma Šu-gu-gu a-na šarri ù ni-iš illi 25. ip-la-aḥ-ma É i-pu-uš $\frac{2}{3}$ MA.NA 5 šiklī kaspaḥ ŠU.TI.A Ta-ri-ri 8 šiklī At-ta-ḥu-bi-ti-ir 30. 30 GUR ŠE a-na Ta-ri-ri Šu-gu-gu i-di-ln	1. Син [. . .] относительно [его наследст]ва, (что) Тарири, дочери [своей], отд[ал], 5. Шугугу предъявил иск (букв. поднялся). Вот что (сказала) Тарири Шугугу: «Только ты муж м[ой], 10. только ты сын мой; только ты наследник мой; а Аттахубитир полюбит тебя и почтит тебя». 15. (В) доме разума (?) жизнью Бзлаишшана, жизнью Кукусанита и жизнью бога своего Тарири 20. для Шугугу пжлялась. Шугугу царю и жизни бога 25. оказал почтение и доч построил (сделал); $\frac{2}{3}$ мины сиклей серебра взяла Тарири, (а) 8 сиклей Аттахубитир. 30. 30 гур ячменя для Тарири Шугугу отдал.

В этом документе некий Шугугу предъявляет иск на приобретение имущества Тарири, дочери Син[...], который оставил наследство этой дочери. По-видимому, предъявляя иск по поводу имущества Тарири, Шугугу исходил из того соображения, что упомянутое в документе третье лицо, а именно Аттахубитир (стк. 12, 29)

мог бы претендовать на наследство. Отсюда вытекает, что Аттахубитир находился в родственных отношениях с Тарири¹⁵⁹, но о степени этого родства документ ничего не говорит. Отношение же Шугугу к Тарири ясно: она называет его своим мужем, сыном и наследником (стк. 9—11). Все эти три понятия сосредоточены в одном лице — в лице Шугугу. На этом основании мы могли бы утверждать, что в эламской гражданской семье существовали такие отношения, когда мать и дети могли находиться в брачных связях. Но эта формулировка может указывать на другое, что кажется более вероятным. Отнеся к Шугучу слова «ты мой муж, ты мой сын, ты мой наследник», Тарири тем самым оставляет Аттахубитира вне наследства. Кто же был Аттахубитир? Ясно, что он не брат Тарири, поскольку брат так или иначе должен был получить свою долю из отцовского имущества. Из фразы «Аттахубитир полюбит тебя и почитит тебя» видно, что он был по возрасту гораздо младше Шугугу, поэтому он должен был считать его старшим. Скорее всего Аттахубитир был сыном Тарири, родившимся от другого брака. Об этом свидетельствует выражение «ты мой муж, ты мой сын, ты мой наследник», поскольку Тарири этим самым дает намек на то, что в действительности Аттахубитир был ее сыном и наследником. Шугугу был, очевидно, вторым мужем Тарири¹⁶⁰, которая, называя его своим сыном и наследником, передает ему права Аттахубитира, как главе семьи. Отсюда вытекает, что вдова имела право распределять имущество, доставшееся ей от отца или от первого мужа. Хотя сын Тарири был фактически первым наследником ее, но мать, исходя из своего права, по сути дела оставила его без наследства. Вот почему мать, передавая имущество дочери, делает оговорку о правах внука (№ 404), тем самым она лишает свою дочь права по-своему распоряжаться этим имуществом при вторичном замужестве: оно должно было принадлежать только внуку. Но

¹⁵⁹ В. Шейль отмечает, что Аттахубитир, вероятно, был близким родственником Тарири.

¹⁶⁰ И. Клима (J. Klima, *Untersuchungen zum elamischen Erbrecht*, S. 49) предполагает, что Шугугу протестовал против решения своего тестя передать имущество Тарири, тогда как, мол, Шугугу считал, что наследство образует составную часть приданого его жены и как таковое принадлежит ему. Но не об этом речь в документе. Там все делается для того, чтобы оставить Аттахубитира без наследства.

в данном случае внук лишается права собственности. Поэтому Шугугу отказывается от своей претензии на имущество жены, поскольку жена все обещает ему, взамен чего Шугугу выделяет ей и ее сыну определенную долю: большую сумму серебра и значительный запас зерна.

Почти аналогичная система существовала в Ассирии. В среднеассирийских законах имеется особая статья относительно имущества вдовы (§ 28): «Если вдова вошла в дом человека и принесла с собой своего сына-младенца (?) и он вырос в доме взявшего его, но таблички об усыновлении его не было написано, то он не получает наследственной доли в доме вырастившего его и не отвечает за долги, а получает надел, согласно своей части в доме своего родителя». Приведенный выше эламский частноправовой документ по своему содержанию отчасти соответствует данным ассирийского судебного кодекса и позволяет выявить положение вдовы и ее ребенка в доме второго мужа, положение, которое не засвидетельствовано для Элама, кроме как в этом одном случае.

Судя по содержанию документа № 399, вдова могла распоряжаться имуществом, на которое в будущем мог претендовать ее сын. Независимо от того, принадлежало ли имущество отцу Аттахубитира или деду его, отцу матери его, оно могло перейти к Аттахубитиру, поскольку других детей у Тарири пока не было. Скорее всего, это имущество Тарири принесла из своего отцовского дома. Как мы видели, отцовский дом в лице матери передавал имущество дочери с той оговоркой, чтобы оно в конечном итоге принадлежало внуку. По аналогии со среднеассирийским судебником, Шугугу должен был усыновить Аттахубитира, тогда последний получил бы что-то, но Шугугу предпочел сам получить это наследство с выделением определенной части Аттахубитиру.

После того как мы ознакомились с содержанием документов, регистрирующих дела домашней общины, следует остановиться на одном документе, в котором, хотя и во фрагментарном виде, сохранился сузский закон о землевладении и наследовании. Шейль в момент издания этого документа (№ 395) характеризовал его как собрание «юридической фразеологии». Против такого определения содержания данного документа возражал

П. Кошакер¹⁶¹; он считал, что речь идет не о собрании юридических речений, которые следуют друг за другом без какой-либо связи, а, вероятно, о распределении полей и усадеб. По-видимому, он склонен был предполагать, что этот документ является сборником правовых предписаний. В дальнейшем Г. Драйвер и Дж. Майлз определили данный документ как сузский земельный закон¹⁶². Именно такое впечатление остается после ознакомления с ним. Это отрывок эламского закона. В документе № 395 записана та часть закона, которая относилась к землевладению и наследованию.

Этот документ был найден вместе с рассмотренными частнопровыми документами, следовательно, он также относится к периоду правления царей I Вавилонской династии. Обычно его датировали периодом правления в Вавилонии царя Аммисадуки¹⁶³, однако некоторые соображения, по-видимому, позволяют отнести его к более раннему периоду. В документе № 348 сохранилась соответствующая формула датировки (стк. 14—17): [šatti B]a-la-iš-ša-an [ù Ku-uk]-Kir-wa-aš kittam ù me-ša-ra-am uš-zi-zu-ta «[Год, (когда) Б]алаишшан [и Кук]-Кирваш справедливость и истину установили».

Поскольку *mēšāgi* является действительно законом, что видно из собрания Законов Хаммураби¹⁶⁴, то, как и полагал П. Кошакер¹⁶⁵, можно думать, что эти цари издали какой-то закон. Из дальнейшего изложения неясно, связывает ли П. Кошакер отрывок закона (№ 395) с именами этих эламских правителей. Но так как имеется свидетельство, что Балаишшан и Кук-Кирваш издали какой-то закон, не исключена возможность, что данный фрагмент (№ 395) является частью собрания их законов. Во всяком случае, пока этот закон можно условно связать с их именами.

Период правления этих царей также нуждается в

¹⁶¹ P. Koschaker, *Göttliches*, S. 67.

¹⁶² G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, pp. 314—317; Клим (J. Klima, *Le droit élamite*, pp. 295, 296) также склонен видеть в нем сборник предписаний или постановлений.

¹⁶³ MDP, XXIV, № 395, p. 94; XXII, pp. IV—V; G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, p. 314.

¹⁶⁴ Cp. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 20 sq.

¹⁶⁵ P. Koschaker, *Göttliches*, S. 67; Cp. J. Klima, *Le droit élamite*, pp. 296—301.

уточнении. До сих пор В. Шейль и другие исследователи помещали их после Кук-Нашура, который был современником вавилонского царя Аммисадуки. Однако эта последовательность, как было показано выше, ныне неприемлема. Рассматривая сузские частно-правовые документы, Э. Салонен делит время их составления на три периода: древний, переходный и новый, — а документ № 395 помещается среди тех, которые относятся либо к древнему периоду, либо к переходному (?) ¹⁶⁶. Согласно классификации Э. Салонена, документы, в которых встречаются имена Балаишшана и Кук-Кирваша, также относятся к древнему периоду ¹⁶⁷. Это обстоятельство позволяет поместить этих правителей после Шилхахи, основателя династии суккалмахов, и вместе с тем считать, что документ № 395 был написан именно при них.

В свое время еще П. Кошакер на основании встречающихся в документе № 395 глагольных форм *ilekķe* «получит» или *ul ilekķe* «не получит» предполагал ¹⁶⁸, что речь идет о группе лиц, которые принимают участие в распределении полей и усадеб или же которых отстраняют от участия в распределении. Однако это мнение не соответствует действительности. Здесь речь не идет о распределении полей между отдельными группами лиц, а о правах владения согласно закону. Хотя Драйвер и Майлз соглашались с определением П. Кошакера, они добавляют, что случай далек от ясности, и вообще считают любую интерпретацию текста невозможной ¹⁶⁹. И. Клина пишет, что весьма поврежденный формуляр этой таблетки не позволяет точно определить подлинный характер и цель составления документа ¹⁷⁰. Несмотря на это, он считает возможным получить некоторую информацию из него и в связи с этим приводит данные соответствующих строк, но также воздерживается от анализа этих данных.

Для нашей цели большой интерес представляют строки 11—14 лицевой стороны и строки 5—9 оборотной стороны документа № 395. В строках 11—14 закона написано *11 šum-ma mārat Su-šī a-ḫi-iz 12 É.DU.A šà ERĒ*

¹⁶⁶ E. Salonen, *Untersuchungen*, S. 24—30.

¹⁶⁷ *Ibid.*, S. 12 sq.

¹⁶⁸ P. Koschaker, *Göttliches*, S. 67.

¹⁶⁹ G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, p. 315.

¹⁷⁰ J. Klima, *Le droit élamite*, p. 295.

ú-ul i-le-ek-ke¹⁷¹ 13ù Ê.DÙ.A šà SAL¹⁴ [ù-ul] i-le-ek-ke «Если он (человек)¹⁷¹ женится на дочери (гражданке) Суз, то дом раба он не может взять и дом женщины не может взять»¹⁷². Казалось бы, фраза действительно бессмысленна и совершенно не может быть удовлетворительно интерпретирована. Драйвер и Майлз в связи с этим ставили вопрос — почему человек должен взять или хочет взять усадьбу раба и кто этот раб¹⁷³? И. Клима подчеркивает, что здесь (стк. 11—14) запрещают мужу сузианки получить дом с участком, принадлежащий рабу или его жене, а wardu (=ERĒ) действительно обозначает раба¹⁷⁴. Таким образом, те, кто затронул эти строки, признают, что речь идет о доме раба.

Приведенный выше отрывок свидетельствует о наследстве гражданки Суз в момент ее замужества. Пока она находится в составе домашней общины, она пользуется иными наследственными правами, чем когда покидает домашнюю общину, т. е. выходит замуж; тогда закон предусматривает для нее другое право, а именно она не может забрать с собой дом раба и дом SAL. Очевидно, до издания этого закона, если кто-либо женился на сузианке, тот получал дом раба и дом SAL. Во всяком случае отрывок позволяет предполагать, что подобные порядки существовали, и против них-то и была направлена эта статья закона. Резонно здесь повторить вопрос, поставленный И. Климой в другой связи¹⁷⁵, а именно: идет ли в этом случае речь о гражданах Суз или об иностранцах, которые собирались жениться на сузианке? Вероятно, имеется в виду любой человек, поскольку фактически закон касается имущественного положения сузианки в момент ее замужества.

В вавилонских документах этого периода имеется любопытное сведение аналогичного содержания. Мы имеем

¹⁷¹ Слово awilum встречается в строке 3, и оно помещено Шейлем также в лакуне строки 15.

¹⁷² Ср. также перевод G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, p. 317.

¹⁷³ Ibid., p. 314.

¹⁷⁴ И. Клима (J. Klima, *Le droit élamite*, p. 295) отмечает также, что юридическое положение сузского раба отличается от положения вавилонского раба, так как последний в эту эпоху не мог быть собственником недвижимости. И. Клима о положении сузского раба судит лишь по этому отрывку.

¹⁷⁵ Ibid., p. 295 sq.

в виду документ № 183, который опубликован М. Шорром¹⁷⁶. Соответствующее место этого документа различными исследователями было понято по-разному, а интересующий нас термин был истолкован иначе, поскольку ему не находили аналогий в других документах. В этом документе в качестве доли некой Ламассу, которая обозначена как жрица (*kulmašitu*), дочери Упи-магира, определяется дом, одна рабыня и разные предметы, но дальше приводится интересующая нас фраза (стк. 8—13). Ряд слов этой фразы приводится в нашем чтении: $\text{g}\ddot{u}\text{m}^{\text{um}}$ *mu-tum i-ḥa-zu-ši* $\text{g}\ddot{b}\ddot{i}\text{t}$ *amtim [i]t-ti-ša* *i-ša-ab-ba-at-ma* a-na *bīt mu-ti-ša* i-ir-ru-ub ar-lu!-sa \ddot{u} *war(ad)-ka-sa ša aḥ-ḥi-ša-ma*. Прежде чем дать перевод текста, посмотрим существовавшие объяснения и переводы.

Выражение *bīt amtim [i]t-ti-ša* «дом рабыни вместе с ней» не всеми читалось и понималось правильно. Б. Майснер, впервые обработавший этот документ, оставил без чтения слова *bīt amtim* (стк. 9), а вместо *[i]t-ti-ša* читал *mu-ti-ša*, видимо, по аналогии со строкой 10, где имеется это слово, и перевел «она должна... своего мужа взять»¹⁷⁷. Колер и Унгнад это выражение переводили: «она возьмет свое недвижимое имущество»¹⁷⁸, тем самым они правильно определили значение фразы и иначе поняли слово, которое М. Шорр читал *bītam amtam [m]u-ti-ša* и переводил: «дом (и) рабыню муж ее должен взять»¹⁷⁹. Однако при чтении поврежденного слова как *mu-ti-ša* получается перевод грамматически неправильный, ибо это падеж объекта, а не субъекта, и выражение имеет смысл «своего мужа», как и понимал В. Майснер. При чтении же этого слова как *it-ti-ša* интерпретация М. Шорра получает подтверждение, но идеограммы, прочитанные им как *bītam amtam* с добавлением союза «и», можно читать и как *bīt amtim*, тогда не требуется никаких дополнений и выражение следует перевести «дом рабыни». Подобное чтение подтверждается приведенным выше отрывком эламского закона. Этот документ и закон как бы взаимно дополняют друг друга и позво-

¹⁷⁶ M. Schorr, *Urkunden*, S. 253.

¹⁷⁷ B. Meissner, *Assyrische Studien*, S. 65.

¹⁷⁸ J. Kohler und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, III, Leipzig, 1909, № 57, S. 22.

¹⁷⁹ M. Schorr, *Urkunden*, S. 253.

ляют выявить до сих пор неизвестные имущественные отношения, существовавшие в домашней общине.

Учитывая сказанное, отрывок из вавилонского документа № 183 следует переводить: «В день, когда муж возьмет ее (замуж), дом рабыни с собой она (может) взять и в дом своего супруга она (может) войти. Наследство ее и то, что после нее (останется), принадлежат только ее братьям».

В связи с этим М. Шорр объясняет, что в случае брака наследственная доля жены переходит в пользование мужа, а после ее смерти — к ее братьям. Однако вряд ли братья после замужества сестры могли претендовать на ее имущество после смерти, поскольку она создавала свою семью и лишь ее дети от этого супруга могли быть ее прямыми наследниками. Законы Хаммураби вообще предусматривают возвращение приданого замужней женщины в дом отца, но лишь в том случае, если она умерла в доме мужа, не оставив детей (§ 163). Законы Хаммураби предусматривают приданое также для жрицы, которое братья не могут потребовать от нее, а она может отдать тому, кому захочет, если, конечно, на это имеется письменное разрешение отца (§ 179)¹⁸⁰. Правда, братья могли получить наследство сестры в том случае, если она жила в одном с ними хозяйстве и не имела наследников, но в нашем отрывке, как мы считаем, речь идет о той доле, которая остается в общине отца после замужества женщины. Вавилонские документы частично подтверждают это. В одном случае дочь получает от отца и матери поля, трех рабынь и т. д. Далее говорится (стк. 30—31): *i-na aḥ-ḫi-ša a-na ša ta-ra-mi-ú ar-lu-sa i-na-di-in* «Среди братьев своих, кого она любит, (тому) наследство свое отдаст»¹⁸¹. В этих случаях речь идет о том имуществе, которое, несмотря на то что оно выделено сестре, находится в

¹⁸⁰ В Законах Хаммураби сделана оговорка, что если жрица получила приданое, но отец не предоставил ей полного распоряжения, то после смерти отца братья получают ее поле и сад с тем, чтобы обеспечить ее едой и т. д. (§ 178).

¹⁸¹ См. В. Meissner, *Assyrische Studien*, S. 61; но последнюю часть фразы Майснер понимает так: «Свою долю ребенку может завещать». Однако речь идет не о наследнике (*arlu*), а о наследстве (*arlūtu*). Ср. также документ на стр. 55, где брат может наследовать сестре при выполнении этого же условия.

совместном с братьями хозяйстве. Разница только в том, что здесь она может передать его только одному «любимому» брату, а там наследство остается всем братьям. Надо сказать, что дочь в семье также получала определенную долю из наследства, но когда уходила из этого хозяйства, то брала с собой то, что полагалось ей при замужестве, если это предусматривалось в дарственной записи. Воля отца и здесь играла определенную, даже решающую роль, что подчеркивается также Законами Хаммураби (§ 178—179). И поэтому, согласно документу № 183, уходя из дома, дочь берет в качестве приданого, соответственно воле отца, «дом рабыни», а остальная часть наследства остается в семье братьев.

Наша интерпретация выражения *bit amtim* как «дом рабыни»¹⁸² подтверждается еще и тем, что оно упоминается в связи с замужеством так же, как эламский «дом раба». Это нельзя считать случайным совпадением. Однако в Вавилонии дочь забирала с собой дом рабыни, надо полагать, вместе с рабыней, в Эламе же, напротив того, она не имела права взять его.

Теперь вернемся к упомянутой статье закона и обратимся к частнопроводным документам. В рассмотренных нами документах мы не находим никакого намека на то, что существовал «дом раба», который передавался или не передавался дочери или ее супругу. Однако в одном случае (§ 402) зарегистрирована передача раба (*wardu*), который дарится супруге, а после ее смерти раб должен перейти к трем ее сыновьям. Данный случай обнаруживает сходство с упомянутой статьей закона в том, что раб в конечном итоге остается в хозяйстве наследников отца, так же как «дом раба» должен был остаться в домашней общине, из которой уходила гражданка Суз. То, что рабы владели домом, могут подтвердить и другие факты, извлеченные из документов. В двух случаях рабы, обозначенные как *ṣiḥāgu*, получают серебро и продукты питания (№ 310, 358)¹⁸³. Этот факт еще более уверяет в том, что рабы жили обо-

¹⁸² Конечно, в данном контексте вполне можно было бы читать и *bitam amtam*, если бы не отсутствие союза между этими словами и не эламская аналогия, которая заставляет более уверенно склоняться к чтению *bit amtim*.

¹⁸³ Если судить по Законам Хаммураби (§ 7), раб мог иметь движимое имущество, но в то же время находился под патриархаль-

собленно от своих хозяев, но находились под их патриархальной властью.

Другая часть упомянутого отрывка закона устанавливает, что гражданка Суз не должна брать также «дом SAL» при замужестве. Кого же подразумевает закон под словом SAL? Конечно, это не дочь главы семьи, поскольку ее называют «гражданкой Суз» (*mārat Šuši*). Это и не какая-нибудь другая родственница, поскольку *mārat Šuši* имела право лишь на долю своего семейного имущества. Тогда, казалось бы, слово SAL может подразумевать мать выходящей замуж гражданки Суз. Однако так только может показаться на первый взгляд. Судя по сохранившимся частям, закон не касается имущества матери. Да и как мы видели из содержания частнопровых документов, мать распределяла имущество согласно воле отца. Как было видно, дочь по воле отца или матери получала также недвижимое имущество (№ 285, 374, 381—382, 403—404 и др.), но, судя по содержанию документов, братья не должны были претендовать на это имущество. Братья могли получить принадлежащее сестре имущество в том случае, если она покидала отцовское хозяйство и выходила замуж, или это имущество получал тот брат, который был ей по душе и вел ее хозяйство, что видно из другой части закона, о чем речь пойдет ниже. Исходя из сказанного, *É.DU. A šà SAL* нельзя толковать как «дом матери». Содержание данной статьи закона показывает, что под *É.DU. A šà SAL* следует понимать «дом рабыни», следовательно, под словом SAL издатель закона, вероятно, понимал *GĒMĒ* (akk. *amtu*). То, что могли существовать также «дома рабынь», в определенной степени подтверждается приведенным выше вавилонским текстом. Если статья приводит «дом раба» [*É.DU.A šà wacdim* (= *ERĒ*)], то она логически должна была выразить и свое отношение к «дому рабыни» (*É.DU.A šà amtim*). Таким образом, в упомянутой статье закона речь идет о том, что при замужестве гражданка Суз не имеет права взять себе своих рабов или рабынь вместе с их домами или имуществом. Все это остается в отцовской до-

ной властью главы семьи. Ср. также § 15 Законов царя Эшнунны, из которого может явствовать наличие кое-какой движимости у раба. О семье раба дворца и мушкенума см. Законы Хаммураби, § 175—176.

машней общине. Отсюда и вытекает, что в хозяйстве домашней общины рабская сила имела огромное значение и вообще в ней была бóльшая нужда по сравнению с Вавилонией, где рабское хозяйство могло составлять неотъемлемую часть приданого дочери. Как же в этом аспекте обстоит дело в Сузах?

Как мы видели из разобранных документов, отец обязует своих детей выделить сестре своей серебро (№ 379:25), вероятно в качестве ее приданого, поскольку она в дальнейшем выходит замуж за некоего Иншущинакмубаллита (№ 383), который в документе № 379 при завещании-дарении ее отца фигурирует среди свидетелей, видимо, как ее будущий супруг. Казалось бы, соблюдается соответствующая статья закона и дочь получает лишь серебро. Однако это не совсем так. Если дочь при жизни отца получала приданое, то этим она и довольствовалась, а если такого обеспечения не было, то после смерти отца она получала свою наследственную долю¹⁸⁴. Дочь могла иметь и недвижимое имущество, доставшееся ей при разделе отцовского имущества¹⁸⁵. Более того, она кое-что получала в доме мужа. Об этом свидетельствует уже рассмотренный выше текст документа № 380:1—15. Для наглядности приведем соответствующую часть полностью: *iskirū 20 (ka) zēr-šu iṣ-ṣi [ū ma-di] zittu En-nam itā Nu-úr-a-tum šà(?) atappi šeḥri En-nam a-na 11[Adad]-nu-ri a-ša-ti-šu i-di-ši-i[m] i-ki-iš-[š]i-im En-nam 11Adad-nu-ri i-zi-ib-ši a-ša-ta-am ša-ni-ta-am i-ḥa-az-ma 1iskirām an-na-am 11Adad-nu-ri i-ta-ba-al* «Сад, в 20 ка площадь его, малый [или большой]—наследственная доля Эннама, по соседству с Нуратумом, что у малого канала; Эннам (его) Ададнури, супруге своей, отдал, подарил. (Если) он вторую жену возьмет, то сад этот Ададнури заберет». Из этого явствует, что супруга в доме мужа могла получать определенную долю из состава его недвижимости. Сад, переданный и подаренный жене, является наследственной долей (*zittu*) Эннама. В случае развода Эннам терял свою недвижимость. Почти такое же положение, когда развод предполагал выделение мужем жене определенных

¹⁸⁴ Ср. также Законы Хаммураби, § 180, 181, 182, в которых речь идет о наследственной доле жриц после смерти их отца.

¹⁸⁵ См. раздел «Распад домашней общины».

средств, можно наблюдать и в соседних странах¹⁸⁶. Таким образом, мы видим, что жена, вступая в дом супруга, оказывалась под его патриархальной властью, но это, с другой стороны, предполагало, что в обязанности мужа входило содержание жены и обеспечение будущего ее и детей из его движимого, а то и недвижимого имущества. Поскольку мужчины, следовательно главы патриархальной семьи, играли основную роль в хозяйстве, то рабы в конечном итоге закреплялись законом за ними.

Однако дочь и в доме отца могла владеть недвижимостью. Во-первых, об этом позволяют говорить документы № 374, 381—382, 399 и другие, которые регистрируют передачу имущества дочери и, видимо, права собственности на него. Более того, при разделе наследства она получала равную долю наряду с братьями (№ 16, 21, 168). Во-вторых, это доказывается другой статьей того же закона (№ 395: об. стк. 5—9).

Этот отрывок частично был восстановлен В. Шейлем, а в дальнейшем восполнен Драйвером и Майлзом. Приведем текст с их восстановлениями: „[mārat šu]-šī ma-ak-ku-úg a-bi-ša „[i-šu]-ú¹⁸⁷ „[mārē meš-ša]¹⁸⁸ DUMU.ÚŠ¹⁸⁹ a-bi-šu-nu i-šu-ú „[ša i-na É-ša]¹⁹⁰ wa-aš-bu „[É.DÙ.A ša]¹⁹¹ SAL i-le-eḱ-ḱè. Драйвер и Майлз этому отрывку дают следующий перевод: «[Дочь С]уз [будет име]ть имущество своего отца [(и) ее сыновья] будут иметь на-

¹⁸⁶ Например, в Ассирии: если муж покидал жену, то он выделял ей определенную сумму. В Малой Азии, согласно староассирийским текстам, муж давал обязательство не брать жену в другой стране (см. В. Hrozný, *Über eine Unveröffentlichte Urkunde vom Kültepe ca. 2000 v. Chr.*), — «Symbolae... Paulo Koschaker», S. 108—111). В другом случае документ отмечает, что супруг вторую жену не возьмет, а если же возьмет, то одну мину серебра заплатит (см. G. Eisser und J. Lewy, *Die altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe*, Leipzig, 1930 [MVAG, 33], 1). Ср. также Законы Хаммураби, § 138—139, где предусматривается выделение супруге определенной суммы и передача ей приданого, принесенного из отцовского дома. Так что развод с женой предполагал (или, вернее, требовал) выделения ей определенной суммы.

¹⁸⁷ Восстановление строк 5—6 принадлежит Шейлю.

¹⁸⁸ Восстановление Драйвера и Майлза. У Шейля: {...U}.

¹⁸⁹ У Шейля: TUR.ÚŠ(?).

¹⁹⁰ Восстановление принадлежит Драйверу и Майлзу, Шейль ничего не дает.

¹⁹¹ У Шейля: [bīta,, ša]. Дополнено Драйвером и Майлзом.

следство их отца; (сын), [который] живет [в ее доме], возьмет [усадьбу] женщины».

Касаясь этого отрывка, И. Клима отмечал, что если восстановление текста верно, то в этой части речь идет об урегулировании наследственного положения сузианки¹⁹². Восстановление в целом кажется правильным, но отдельные детали, которые в определенной степени меняют смысл текста, нуждаются в уточнении. Восстановление «гражданка Суз» верно, судя по сохранившейся части знака и по тому, что это выражение встречается также и на лицевой стороне документа № 395. Из первой строки приведенного отрывка вытекает, что сузианка, иначе говоря, дочь главы семьи может получить в качестве наследства имущество отца, следовательно, до издания этого закона подобный порядок наследования нарушался, т. е. дочь постепенно исключалась из числа наследников, а закон возвращает ей ее прежние наследственные права.

Таким образом, общий смысл фразы таков, что дочь может получить наследство отца так же, как и другие его дети. Именно таков должен быть смысл и строки 7, которая неверно переведена и восстановление которой вызывает сомнение. Начало этой строки Драйвер и Майлз дают в таком виде: [DUMU.MEŠ-ša] DUMU. UŠ и переводят «ее сыновья наследство...»¹⁹³. Но DUMU. UŠ не означает «наследство», а имеет значение «сын-наследник» (akk. arlum=DUMU.NITAḤ). Поэтому предшествующее этому слову восстановление отпадает как неверное. Восстановление Драйвера и Майлза к данному случаю не подходит также потому, что в законе речь идет о наследственных правах не ее сыновей, поскольку сыновья ее всегда пользовались подобным правом, а, вероятно, ее братьев. Это мнение подтверждает также сам текст, где написано DUMU.NITAḤ (=aral) a-bi-ši-ni «наследник(и) отца их». Какое же слово могло стоять в лакуне? Здесь можно предложить два восстановления; в обоих случаях общий смысл фразы совпадает: первое — в строке 5 оборотной стороны имеется слово таккиги, которое, видимо, могло повторять-

¹⁹² J. Klíma, *Le droit élamite*, p. 296.

¹⁹³ G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, pp. 316—317.

ся в лакуне строки 7; второе — в лакуне могло стоять слово [u aḥḥūmeš-ša] «братья ее». Общий смысл отрывка заставляет нас вставить в лакуну одно из этих слов. Судя по особенностям семейного права, нужно принять второе восстановление. В результате этого восстановления соответствующая часть отрывка (стк. 5—7) должна быть истолкована так: гражданка Суз имеет такое же право на имущество отца, как братья, наследники их отца¹⁹⁴. Именно такой вывод и понимание отрывка напрашивается, когда в качестве вспомогательного материала привлекаются также частноправовые документы. Судя по частноправовым документам, дочь получает равную долю при дележе отцовского имущества, на которое она приобретает право собственности и которое могла даже отчуждать (ср. № 21, 51). Следовательно, дочь вместе со своими братьями, как дети одного патриархального главы семьи, т. е. отца, участвуют в разделе наследства отца, более того, статья специально узаконивает долю дочери в общем наследстве.

После сказанного можно пересмотреть восстановление лакун в строках 8—9, которые могут быть заполнены сравнительно легко. Строка 8, как мы видели, была восстановлена [ša i-na Ē-ša] «[кто в доме ее]»; это не противоречит общему смыслу отрывка, но здесь можно предложить другое возможное восстановление, а именно: [ša it-ti-ša] «[кто вместе с нею (живет)]». Такое восстановление подтверждается еще и тем, что в частноправовых документах наследует матери тот, кто находится при ней. Следовательно, кто в доме гражданки Суз живет, тот получает [Ē.DU.A ša] SAL. В данной части (стк. 9) восстановление опять кажется сомнительным, поскольку оно является буквальным повторением строки 13 лицевой стороны закона. Но там это выражение упоминается в другой связи, а здесь слово [...]SAL связано со свободным лицом. Учитывая характер отрывка в целом, мы предлагаем следующее восстановление: [ma-ak-ku-ša] SAL «[имущество] женщины». Вероятно, в этом отрывке слово SAL, включая понятие женщины, имеет в виду имущество прежде всего сестры, которая еще не

¹⁹⁴ Если принять первое восстановление, то отрывок может быть истолкован примерно так же: гражданка Суз имеет такое же право на имущество отца, как и другие наследники отца.

вышла замуж, но живет вместе с братьями. Из разбора частнопровых документов мы видели, что имущество матери получал тот, кто оказывал ей уважение или был любим ею, т. е. жил при ней и помогал ей в хозяйстве. То же самое закон, видимо, предусматривает для брата, что мы наблюдали выше в вавилонских документах, когда брат получал наследство сестры в том случае, если он был любим ею, иначе говоря, если он принимал участие в ее домашних делах. Из этого отрывка к тому же вытекает, что если после смерти женщины (матери или сестры, не вышедшей замуж) оставалось имущество — движимое или недвижимое ¹⁹⁵, то его получал тот, кто постоянно пребывал в ее доме.

Исходя из сказанного, строки 5—9 оборотной стороны документа № 395 можно восставить и перевести следующим образом: *„[marat šu]-ši ma-ak-ku-úr a-bi-ša „[i-šu]-ú „[ú aḥḥumeš-ša] apal a-bi-šu-ni i-šu-ú „[ša it-ti-ša] wa-aš-bu „[ma-ak-ku-ra ša] SAL i-le-eḳ-ḳè «[Гражданка С]уз имущество отца своего [может иметь], [так же как братья ее], [а именно] наследники отца их, имеют. [Кто вместе с ней] живет, [имущество] ¹⁹⁶ женщины может взять».*

Таким образом, установки закона относительно наследственно-правового положения женщины в Сузах почти полностью совпадают с теми данными, которые извлекаются из содержания документов, следовательно, документы в своей основной массе, вероятно, написаны после издания этого закона. Потому-то отнесение данного закона к периоду правления первых суккалмахов Элама, конкретно Балаишшана (1874—1868) и Кук-Кирваша (1868—1840), получает еще одну поддержку.

Появление подобного закона не было случайным ¹⁹⁷. Он был направлен против попыток ликвидировать право дочери на получение наследства отца. Закон не появился бы, если бы в Эламе отсутствовали условия для

¹⁹⁵ Слово *takkur* в частнопровых документах часто передает значение всего имущества, не исключая и недвижимости. Например, *takkur ša āli u šēri* «(недвижимое) имущество, которое в поселении и степи».

¹⁹⁶ Можно было бы поместить в лакуне слова *[ar-lu-tam ša]...* «[наследство, принадлежащее]»...

¹⁹⁷ Остальная часть закона настолько фрагментарна, что делать какие-либо выводы невозможно.

этого. А эти условия, вызвавшие издание подобного закона, существовали в царских семьях. Сестра Шилхахи, первого суккалмаха Элама, дочь Эбарти, царя Элама, в документах засвидетельствована как родоначальница правящей царской династии. Лишь ее дети, которые называли себя сыновьями сестры правителя, имели право на престол. И этот порядок наследования существовал до конца правления династии суккалмахов, до появления на исторической арене касситов. Поскольку царская власть в определенный период отдавала предпочтение наследованию по женской линии, то это в какой-то степени должно было отразиться в законах, направленных на восстановление или сохранение прав женщины-дочери. Здесь мы сталкиваемся с попыткой сохранить разновидность того порядка наследования, который пустил наиболее устойчивые корни в царском роде. Но жизнь в свою очередь вносила коррективы в подобный порядок наследования. Если царская власть на первый план ставила право наследования по материнской линии, то среди населения Суз мы наблюдаем обратное, а именно патрилинейный принцип, но с определенным обеспечением наследственно-правового положения женщины.

Царская семья. О семейных или наследственно-правовых отношениях в царской семье можно судить на основании эламских надписей и частноправовых документов, вернее, на основании употребления существующих терминов родства. Они в известной степени напоминают отношения, которые существовали в материнской родовой общине. Черты матриархата перешли в рабовладельческую формацию и видоизменились в соответствии с новыми условиями. К сожалению, процесс изменения отношений, существовавших в материнской родовой общине, не прослеживается, и мы оказываемся лишь перед последней стадией этого процесса, т. е. стадией, ведущей к исчезновению тех преимуществ, которыми пользовалась женщина в царских семьях. В царских семьях сохранилось то, что почти изжило себя в эламском гражданском обществе. Передача права на престол осуществляется по женской линии. Наличие этого признака уже само по себе, вероятно, свидетельствует о том, что эта страна когда-то находилась на матриархальной стадии развития.

Следует отметить, что царские семьи были консервативными, и существовавшие в них условия нельзя механически перенести в гражданское общество¹⁹⁸. Если в гражданском обществе мать или дочь пользуются какими-то имущественными правами, то это нельзя безоговорочно отнести к числу пережитков матриархата, так как подобное явление было нормой для всякого древнего общества. А поскольку всякая норма имеет свои корни, то в данном случае они могли восходить к древнейшим отношениям, претерпевшим большие изменения в ходе долголетнего развития.

Для нашей цели прежде всего необходимо остановиться на характерной, засвидетельствованной в эламской царствующей семье форме обозначения династической или, скорее, родовой принадлежности. Согласно аккадским документам, относящимся к Эламу, эламские правители обозначаются как *mār aḥāti* правившего предка, а эламские надписи в данном случае применяют термин *guḥšaḳ*.

Первое выражение, т. е. *mār aḥāti*, буквально значит «сын сестры». А. Унгнад отмечает, что этот термин не означает «племянник», а скорее его следует понимать как «потомок»¹⁹⁹. Второе выражение, а именно *guḥšaḳ*, также переводилось как «потомок»²⁰⁰. Ф. Кёниг, вкладывая в него правовое понятие, придает ему значение «сын, который является законным с материнской и отцовской стороны»²⁰¹. Хотя термин *mār aḥāti* не является точным переводом эламского *guḥšaḳ*²⁰², он наиболее реально

¹⁹⁸ На это обстоятельство обратил внимание еще П. Кошакер (P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 60).

¹⁹⁹ A. Ungnad, *Untersuchungen zu den Urkunden aus Dilbat*, S. 5 sq. Однако Унгнад не ставит перед собой задачу разобрать причину возникновения подобного обозначения. Этим занимались Ф. Кёниг и П. Кошакер, мнения которых будут приведены ниже.

²⁰⁰ Так понимал его еще В. Шейль (MDP, V, p. V sq.).

²⁰¹ Ф. Кёниг (F. König, *Mutterrecht und Thronfolge*, S. 536; F. König, *Geschwistererhe*, S. 225) уже для ряда случаев принимает значение «потомок» (от одной женщины-родоначальницы).

²⁰² Признавая несовпадение значения этих терминов, П. Кошакер со ссылкой на Ф. Кёнига и А. Угнада в конце концов их отождествляет (P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 54 Anm. 3). Так или иначе, они считают, что этот термин обозначает законного потомка более отдаленного предка. Однако Ф. Кёниг (F. König, *Geschwistererhe*, S. 224 sq.), объявляя свою первую статью устаревшей, склонен в некоторых случаях обозначать термин *guḥšaḳ* как «сын сестры».

передает существующие отношения в царской семье. Появление термина *māg aḥāti* нельзя считать случайным, ибо, как мы увидим ниже, он точно отражал существовавшую тогда форму наследования трона, а не передавал понятие «потомок» вообще. Сопоставление имеющихся данных показывает, что термины *guhušak* и *māg aḥāti* по своему значению соответствуют друг другу и передают одно понятие.

Отметим, что первым царем, к сестре которого возводили свою генеалогию последующие правители, был Шилхаха. Непосредственно «сыном сестры» Шилхахи в надписях назван Аддахушу²⁰³, который засвидетельствован как правитель не выше должности суккала Суз. Но в эламской надписи Аддахушу назван *guhušak* Шилхахи²⁰⁴. Ширукдук также назван как «сыном сестры» (*māg aḥāti*)²⁰⁵, так и *guhušak*²⁰⁶ Шилхахи. Это сравнение показывает, что термины *māg aḥāti* и *guhušak* по своему значению совпадают.

При этом они обозначают именно сына сестры, а не какого-либо другого наследника. Сказанное подтверждается следующим фактом. В надписях Кук-Кирваш назван «сыном сестры» Шилхахи²⁰⁷. Но в генеалогическом списке он называется сыном (*šak*) Танкуку. Отсюда вытекает, что эламские термины родства *šak* «сын» и *guhušak* не были тождественны: первый обозначал просто сына, а второй, если исходить из аналогии с аккадским *māg aḥāti*, — сына сестры, т. е., как и полагал Ф. Кёниг, потомка по женской линии²⁰⁸, но не обязательно отдаленного, а во многих случаях, напротив того, ближайшего, как мы увидим ниже.

²⁰³ MDP, XXVIII, 1939, pp. 8—9; № 3, p. 5. В. Хинц этот факт объясняет тем, что Шилхаха назначил своего «сына сестры» Аддахушу правителем Суз потому, что он не имел своего собственного сына (W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, p. 8). Однако вряд ли можно с этим согласиться, ибо наследование трона, судя по терминологии, вообще шло по женской линии.

²⁰⁴ MDP, V, надпись LXXI; MDP, XI, надпись XCVI.

²⁰⁵ V. Scheil, *Siruktuh-Sirtuh*, — RA, 33, 1936, p. 152.

²⁰⁶ MDP, V, надпись LXXI; MDP, XI, надпись XCVI.

²⁰⁷ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 164.

²⁰⁸ Ф. Кёниг (F. König, *Mutterrecht und Thronfolge*, S. 532) заключает, что слово *guhu* должно иметь значение «потомок матери», точнее, «потомок законной супруги». Ср. F. König, *Geschwisterehe*, S. 224 sq., где *guhušak* уже толкуется им как непосредственный приемник.

В одной надписи Ададушу называет до себя Эбарти и Шилхаху²⁰⁹, следовательно, он сел на трон Суз при Шилхахе. После него, вероятно, взошел на престол Кук-Кирваш, поскольку он обозначен как сын сестры Шилхахи; он поднялся до положения суккалмаха. Затем верховным правителем Элама становится Ширукдух, с сестры которого начинается новая линия правящей династии. Впервые при его правлении мы узнаем об атма hašduk, что буквально может означать «мать почитаемая»²¹⁰. При правлении Ширукдуха атма hašduk засвидетельствована в качестве правительницы Суз (№ 328 : 18). Судя по другим надписям атма hašduk — не имя собственное, а обозначение матери, имя которой в данном случае не упомянуто.

Впоследствии Сивепалархуппак²¹¹, Кудузулуш²¹² и Темптиагун²¹³ называют себя сыном сестры не Шилхахи, а Ширукдуха. В генеалогическом списке Шилхак-Иншушинака Сивепалархуппак называется guhušak именно Ширукдуха. Таким образом, одна группа правителей называет себя сыновьями сестры Шилхахи, а другая возводит себя к сестре Ширукдуха. При последнем правиле атма hašduk «мать почитаемая», которая, очевидно, и была не кем иным, как сестрой (или одной из сестер) Шилхахи. Отсюда вытекает, что лицо, обозначенное как атма hašduk, должно было быть родоначальницей нового правящего поколения, так же ее дочь для следующего поколения могла считаться «матерью почитаемой». Например, Сивепалархуппак, будучи guhušak (сыном сестры) Ширукдуха, также упоминает об атма hašduk²¹⁴, которая, очевидно, была сестрой Ширукдуха. Следовательно, с одной стороны, «мать почитаемая» является сестрой предшествующего правителя, с другой — матерью последующих правителей, но и дочь

²⁰⁹ MDP, XXVIII, p. 8; V. Scheil, *Documents et Arguments*, — RA, 26, № 1, 1929, p. 1 sq.

²¹⁰ Шейль отмечает, что в параллельном аккадском тексте это выражение может иметь значение «мать высокочтимая» (MDP, XI, p. 70, п. 6; MDP, VI, p. 24). Ср. W. Hinz, *Elamica*, p. 3, где это слово переводится как «почтенная».

²¹¹ MDP, XXVIII, № 396, p. 39.

²¹² MDP, XXVIII, № 397, p. 39 sq.

²¹³ V. Scheil, *Kutir Nahhunte* 1, p. 68; MDP, XXVIII, № 398:1—3, p. 41.

²¹⁴ M. Rutten, *Deux fragments*, pp. 162—163.

ее могла стать «матерью почитаемой» для следующего поколения правителей.

Как мы видели, документы и надписи обозначают тех или иных правителей как «сыновей сестры» либо Шилхахи, либо Ширукдуха. «Мать почитаемая» Ширукдуха, поскольку он был сыном сестры Шилхахи, была родной сестрой Шилхахи. Будучи сестрой Шилхахи, она считалась родоначальницей новой правящей ветви, которая восходит лишь к ней. Судя по тому, что имелись несколько «сыновей сестры» Шилхахи, которые правили в стране в течение определенного промежутка времени, не исключена возможность, что упомянутая в тексте атта hašduk была лишь одной из сестер Шилхахи. Эта сестра Шилхахи основала новое поколение. Ададушу и Кук-Кирваш, вероятно, были сыновьями не этой, а других сестер Шилхахи, тем более что отец Кук-Кирваша упоминается в надписи, тогда как Ширукдух обозначен только как *guhušak* Шилхахи. Сестра Шилхахи, вероятно младшая, считалась родоначальницей следующего поколения не как мать Ширукдуха, а как мать сестры Ширукдуха, поскольку Сивепалархуппак, будучи сыном сестры Ширукдуха, упоминает о «матери почитаемой», которая несомненно была сестрой Ширукдуха, следовательно, дочерью «матери почитаемой» Ширукдуха. Значит, сестра Ширукдуха становится родоначальницей нового, второго, поколения правителей. Отсюда вытекает, что каждый раз, когда упоминается «мать почитаемая», мы имеем дело с родоначальницей нового поколения. Сказанное позволяет сделать еще вывод, что термины *guhušak* и *māg aḥāti* действительно могли обозначать наследника престола, который должен был быть сыном сестры верховного правителя. Эта сестра должна была быть родной, а не двоюродной или троюродной и тем более не родственницей по нисходящей линии. Этот вывод отражает одну сторону рассмотренных родственных отношений и явно указывает на преобладание в царском роде матрилинейного счета родства.

Кук-Нашур III, будучи суккалом Суз, в документе № 283: 1—3 обозначен как *māg aḥāti* Темптиагуна. Темптиагун I в своей названной выше надписи (RA, 29, № 2, p. 68) тоже упоминал о «матери почитаемой». Если это то же лицо, то важен факт, что Кур-Нашур обозначен как «сын сестры» Темптиагуна I, который в свою

очередь был «сыном сестры» Ширукдуха. В связи с тем что Кук-Нашур называет себя «сыном сестры» Темптиагуна, следует еще раз напомнить, что через определенное время появлялась новая родоначальница, которая должна была быть сестрой верховного правителя. Но мы сталкиваемся с рядом сложностей, когда того же Кук-Нашура, уже в должности суккала Элама и Симаша, видим в роли «сына сестры» Темптиагуна, с одной стороны, и в роли *gihušak* Танули (генеалогические списки) и «сына сестры» и *gihušak* Шилхахи²¹⁵, с другой стороны. Правда, в последнем случае он носит титул суккалмаха верховного правителя Элама. Согласно частноправовым документам, он был правителем при Темптиагуне II (№ 167), Танули (№ 206), Темптихалки (№ 208—209). Может быть, Кук-Нашур III обозначает себя как сын сестры не первого Темптиагуна — того, который упоминал об *amma hašduk*, — а второго? Тогда поколение «матери почитаемой» Темптиагуна I²¹⁶ остается неясным. Вероятно, сестра Темптиагуна II также стала «матерью почитаемой» и Кук-Нашур был именно ее сыном. Тогда становится понятным другое выражение, а именно *gihušak* Танули, которое применяется по отношению к Кук-Нашуру. Это дает повод считать, что Темптиагун II и Танули были братьями, к сестре которых Кук-Нашур и возводит свою генеалогию в одинаковой степени. Но далее он себя обозначает еще и как «сына сестры» Шилхахи потому, что такое родство было более древним и, стало быть, более почетным; слово *gihušak*, означая прежде всего племянника по женской линии, имело также более общее значение — потомок по женской линии. Если добавить к этому еще то, что Кук-Нашур при продвижении на пост верховного правителя встречался с большими трудностями, то причина упоминания его родственных связей с рядом предшествующих правителей, особенно с Шилхахой, станет ясной. Вероятно, таким образом он стремился устранить помехи,

²¹⁵ MDP, XI, надпись XCV; MDP, XXIII, № 282; V. Scheil, *Kutir Nahhunte I*, p. 68; A. Ungnad, *Untersuchungen*, S. 3—4.

²¹⁶ Ф. Кёниг допускает возможность, что Пилки — «мать почитаемая» Темптиагуна I — могла быть его супругой. Он не отвергает также такую возможность, что Пилки была сестрой Шилхахи (F. Köpfig, *Mutterrecht*, S. 542 sq.). Однако все это ничем не может быть подтверждено

стоящие на его пути. Затем его сестра становится родоначальницей нового правящего поколения. Это подтверждает документ № 284: 1—2, в котором Сиртух, будучи царем Суз при Кук-Нашуре III, называет себя «сыном его сестры»²¹⁷. Тем самым мы опять приходим к тому выводу, о котором было сказано выше, а именно, что в каждом новом поколении имелась новая родоначальница, которая была сестрой соответствующего правителя предшествующего поколения.

Но факты, относящиеся к Кук-Нашуру, показали, что термин *guhušak* мог обозначать также более отдаленного потомка. Однако это значение вторичное. Кук-Нашур III, будучи непосредственным сыном сестры (*māg aḥāti*) Темптиагуна II и *guhušak* Танули²¹⁸, в то же время называл себя отдаленным потомком (*guhušak*) Шилхахи, естественно, по женской линии. В генеалогическом списке имеется еще один случай, который может говорить о том, что термин *guhušak* уже в эпоху правления суккалмахов мог обозначать также всякого потомка, будь то внук, правнук или любой другой наследник престола по женской линии: Темптихалки обозначается как *guhušak* Шилхахи. В Бехистунской надписи слово *guhušak* соответствует древнеперсидскому *parā* «внук», но этот факт показывает лишь, что термин *guhušak* в поздний период уже обозначал дальнего потомка также и по мужской линии.

Таким образом, термины *māg aḥāti* и *guhušak*, как правило, относятся к ближайшему родственнику, и лишь в редких случаях, в переносном употреблении термина,— к очень далекому представителю рода, который был свя-

²¹⁷ В документе Сиртух обозначен также как *māgi pa-ga-a-mi šā SALTE* [...] «сын любимый Те [...]». Женщина Те [...] была сестрой Кук-Нашура. Кроме того, как видно, наследование престола происходило не по старшинству, а путем передачи его любимому сыну. Таким же порядком, как отмечалось, пришел к власти Шилхаха.

²¹⁸ Ср. также V. Scheil, *La division du pouvoir à Suse*, — RA, 25, 1928, p. 33; П. Кошакер (P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 58) допускает мысль, что Темптиагун и Танули могли быть братьями, следовательно, по его мнению, Кук-Нашур имел двух «отцов». Однако это лишь гипотеза, а факты говорят о другом. Темптиагун и Танули действительно могли быть братьями, но Кук-Нашур ясно обозначается как сын их сестры. П. Кошакер в данном случае механически переносит сюда более позднее явление; Наххунте-Уту была супругой двух братьев, поскольку ее сын Хутелудуш-Ишшунияк имел двух «отцов».

зан с первоначальной родоначальницей через ряд поколений. Через определенный промежуток времени определялась новая родоначальница, к которой возводили свое происхождение эламские правители соответствующего нового поколения. Эта родоначальница в свою очередь была в родстве с более древней родоначальницей (сестрой Шилхахи). Хотя почти во всех случаях имя родоначальницы не называется, но само абстрактное упоминание о ней совершенно ясно показывает, что правом наследования трона пользовались те, кто был сыном сестры соответствующего правителя, а в конечном итоге находился в родстве с сестрой Шилхахи. Это родство должно было восходить не обязательно лишь к одной сестре, а возможно, к любой из сестер правителя. Прежде всего об этом позволяет говорить отсутствие упоминания имени сестры. Кроме того, термин *amma hašduk* «мать почитаемая» наглядно подтверждает наше предположение. Мы видели, что в ряде случаев, когда-либо называл себя сыном сестры предшествующего правителя, упоминалась также «мать почитаемая». Отсюда вытекает, что дочь «матери почитаемой» должна была считаться родоначальницей для последующих правящих поколений. Следовательно, таким путем генеалогия по ступеням восходила к первоначальному «колену» по женской линии.

Родство с Шилхахой, так же как с другими правителями, само по себе еще не давало никому право наследовать престол. Это родство непосредственно должно было быть возведено к сестре Шилхахи в первом поколении и к сестрам других соответствующих правителей в последующих поколениях. Сам Шилхаха в генеалогии Шилхак-Иншушинака называется *šak hanek* Эбарти, т. е. «любимый сын» Эбарти²¹⁹. Как увидим ниже, Хутелудуш-Иншушинак также называл себя *šak hanek* «любимым сыном» своих предшественников. Следовательно, Шилхаха наследовал трон потому, что он считался любимым сыном Эбарти, так же как Хутелудуш-Иншуши-

²¹⁹ Ф. Кёниг (F. König, *Mutterrecht*, p. 537; F. König, *Geschwisterhe*, S. 226) переводит «избранный сын» и толкует как «наследный сын». Как бы мы ни переводили это выражение, вероятно, *šak hanek* действительно был наследником. То же самое мы наблюдаем в гражданской семье, где любимый сын мог явиться главным наследником имущества своей матеря.

нак, который по этому же праву наследовал своему отцу. Но Хутелудуш-Иншушинак упоминает об атта hašduk «матери почитаемой», тогда как для Шилхахи она не засвидетельствована. Исходя из того, что в обоих случаях на трон восходит любимый сын, можно предположить, что супруга Эбарти должна была быть атта hašduk для Шилхахи. Дочь этой «матери почитаемой» и была родоначальницей для последующего поколения.

Возникает вопрос: почему генеалогия возводится к Шилхахе, а не к Эбарти? Никто из последующих царей не называет себя сыном сестры Эбарти. Поскольку генеалогия не возводится к Эбарти, то в связи с этим Ф. Кёниг спрашивает, почему Эбарти не женился на своей сестре и не стал основателем династии, и отвечает, что сын-наследник и дочь-наследница должны были еще быть и рождены от одного и того же правящего отца и от одной и той же правящей матери²²⁰. Однако это объяснение слишком схематично. Как мы видели, основную роль в назначении наследника играло не столько отцовство, сколько материнство. Важно было наличие атта hašduk, сын которой становился правителем, а дочь считалась родоначальницей для следующего поколения. Мнение же Ф. Кёнига отрицает сам факт существования до Эбарти матрилинейного принципа наследования, и получается так, что возведение происхождения к «сестре» началось лишь тогда, когда данный род стал правящим, что не представляется вероятным. В генеалогических списках Шилхак-Иншушинака²²¹ Эбарти не называется ничьим сыном, следовательно, он законно никому из предшествующих правителей не наследовал. Поэтому имеются все основания предположить, что фактически он пришел к власти незаконным путем как узурпатор.

Наследование трона, согласно матрилинейному принципу, существовало еще до Эбарти. Это доказывается следующим фактом. В надписи Шилхак-Иншушинака Идатту назван gihišak Хутрантемпти²²², следовательно, если учесть соответствие этого термина выражению māḡ aḥāti, он был «сыном сестры» последнего. Примечатель-

²²⁰ F. König, *Mutterrecht*, S. 537.

²²¹ MDP, V, надпись LXXI; MDP, XI, надпись XCV—XCVI

²²² MDP, XI, надпись XCV—XCVI.

но, что до Идатту родство по мужской линии между последовательными правителями династии Симаша не отмечается, но вслед за Идатту перечисляются в той же надписи Танрухуратир, сын (šak) Идатту, затем Киндатту, сын Танрухуратира. Лишь после Киндатту упомянуто имя Эбарти. Не говорит ли это о том, что Идатту хотел внести изменение в существующий порядок престолонаследия? Судя по тому, что его преемником на троне был его же сын, а сын последнего также наследовал своему отцу, можно признать, что Идатту нарушил существующую традицию матрилинейного принципа наследования. Вероятно, чтобы положить конец этому, Эбарти захватил власть и восстановил древний принцип. Но если он отстаивал соответствующий обычай престолонаследия, то он должен был сам иметь какое-то отношение к правящему роду. Скорее всего он был сыном сестры или женат на сестре какого-либо правителя. Ведь Кук-Кирваш также был сыном некоего Ланкуку, который был женат на сестре Шилхахи. Ланкуку не был царем, но его сын стал им. Эбарти не мог стать законным царем, но чтобы осуществить права своих детей, он захватил власть. Поэтому-то наследование трона по женской линии не могло вновь получить начало от него. Здесь мы сталкиваемся с той борьбой, которая велась между отцовским и материнским принципом в наследовании престола. Следовательно, сделанная при Идатту попытка ввести патрилинейный принцип наследования потерпела неудачу. Судя по тому, что генеалогия возводилась также к Ширукдуху, Темптиагуну, Танули и Кук-Нашуру, можно полагать, что патрилинейный принцип после этого долго не возрождался.

Однако то, что наследником престола считался «сын сестры», вовсе не доказывает укоренившееся мнение, что Шилхаха был женат на своей единственной сестре²²³ и поэтому их дети считались законными наследниками престола. Это может быть гипотезой, но не больше, поскольку при таком единичном случае не было бы необходимости в матрилинейном принципе наследования. Тем более это верно, что в надписях никто не называет себя сыном Шилхахи. Сам факт существования наследования

²²³ F. König, *Mutterrecht*, S. 537; sq.; P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 54 sq.; W. Hinz, *Elamica*, p. 3 sq.

престола по женской линии в условиях патриархальной семьи вообще-то предполагает браки между сестрой и братом, но доказать наличие этого конкретно по отношению к тому или иному суккалмаху невозможно. Может быть, в какой-то период брат женился на своей сестре, чтобы удержать власть за своим родом, что фактически являлось скрытой формой возрождения отцовского права при престолонаследии, но для периода правления суккалмахов это опять-таки является не более как предположением.

Наличие брака между братом и сестрой документально подтверждается лишь одной сравнительно поздней надписью. Именно эта надпись, о которой речь пойдет ниже, дает возможность более или менее уверенно предположить существование браков между братом и сестрой в правящем роде и более раннего периода.

Как мы видели, дети *атта һаšдук* «матери почитаемой» становились законными наследниками, но не потому, что она была матерью правителя, хотя это само по себе имело важное значение, а потому, что она была к тому же сестрой того или иного правителя. «Мать почитаемая» упоминается также в надписях Хутелудуш-Иншушинака, что позволяет предположить престолонаследие по женской линии также для конца II тысячелетия.

На основании аккадского термина *māg aḫāti*, которым себя обозначали цари периода частноправовых документов, и привлечения данных из эламских царских надписей, в частности надписей Хутелудуш-Иншушинака, где этот царь назван одновременно сыном Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинака, Ф. Кёниг²²⁴ и П. Кошакер приходят к заключению, что в эламских царских семьях существовали браки между братом и сестрой. При этом, если П. Кошакера интересует главным образом наследование брата брату на престоле для доказательства фратриархальных порядков в царской семье²²⁵, то Ф. Кёниг затрагивает вопрос о старшинстве сестер, об их законности и даже говорит о браке матери с сыном, причем все

²²⁴ F. König, *Mutterrecht*, S. 536 sq.

²²⁵ П. Кошакер (P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 56) считает Темптиагуна женатым на своей сестре, Ф. Кёниг (F. König, *Geschwisterhe*, S. 227) уже приходит к выводу, что не существует никакого фратриархата.

это изложено луманно и недоказуемо. Посмотрим, что говорят надписи Хутелудуш-Иншушинака.

В одной из надписей²²⁶ он называет себя сыном двоих: mHu-te-lu-du-uš-^{nap}n-šu-ši-na-ak li-ka-me ri-ša-ri me-ni-ir Na-tam-ti-ir a-ak Šu-še-en-ri ša-ak ha-ne-ek mKu-ti-ir-^{nap}Nah-hu-un-te-ir a-ak mŠil-ha-ak-^{nap}n-šu-ši-na-ak-ri tak-ki-me u-me tak-ki-me i-ke šu-tu u-re-me tak-ki-me ru-hu-ša-ak u-re-ne tak-ki-me ru-hu-ra-ak u-re-ne «Хутелудуш-Иншушинак, царством великий, правитель Хатамти и Суз, сын любимый Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинака, ради жизни моей, ради жизни братьев (и) сестер²²⁷ моих, ради жизни сыновей сестер моих, ради жизни дочерей сестер моих (храм построил)». Прежде чем остановиться на терминах родства, отметим, что Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинак перечислены как отцы Хутелудуш-Иншушинака. Судя по другой надписи²²⁸, Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинак являются братьями (i-ke ha-ne-ek u-ri-me «брат любимый мой»), а Шутрук-Наххунте — их отцом (at-ta ha-ne-ek u-ri-me «отец мой любимый»). Таким образом, Шутрук-Наххунте I имел двух сыновей, а именно Кутир-Наххунте II и Шилхак-Иншушинака, которые правили друг за другом и которые считались «отцами» Хутелудуш-Иншушинака.

В связи с этим П. Кошакер замечает²²⁹, что мы здесь имеем дело с правом наследования власти братом. Повидимому, исходя из системы родства П. Кошакер считает Наххунте-Уту, которая в другой надписи Хутелудуш-Иншушинака обозначена как его амма hašduk²³⁰, сестрой обоих братьев²³¹, поскольку якобы последний из братьев мог получить власть благодаря браку со своей сестрой. Однако, если исходить из системы родства по форме māg aḥāti, брат и без женитьбы на своей сестре имел право на власть, ибо он был сыном сестры царя так же, как и его предшественник. Женитьба же на своей сест-

²²⁶ MDP, XI, надпись XCVIII.

²²⁷ Слово šutu понималось Ф. Кёнигом и ныне понимается как «законный» и поэтому он делил детей, братьев и сестер на законных и незаконных.

²²⁸ G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, п. 47, S. 67.

²²⁹ P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 53.

²³⁰ MDP, XI, надпись XCVII, стк. 7—8.

²³¹ P. Koschaker, *Fratriarchat*, S. 52. См. схему порядка наследования.

ре преследовала цель узаконить права его детей на управление государством. К этому, казалось бы, примыкает мнение Ф. Кёнига, заключавшего, что кронпринцессой является та, которая рождена от брака брата и сестры, следовательно, как и можно понять из всего его исследования, он признает наличие брака между братом и сестрой в этом конкретном случае²³². Однако необходимость такого супружества прямо не вытекает из содержания надписей. Даже приведенные данные о наличии у Хутелудуш-Иншушинака двух отцов сами по себе ничего не говорят о подобном браке. Правда, Наххунте-Уту в надписях называется то супругой Кутир-Наххунте²³³, то Шилхак-Иншушинака²³⁴. Отсюда вытекает, что супруга одного из братьев после его смерти перешла к другому брату. Но в лучшем случае, как и заметил П. Кошакер²³⁵, это свидетельствует о наличии левирата в эламской правящей семье. Это одна сторона вопроса. С другой стороны, Наххунте-Уту могла действительно быть сестрой обоих братьев. Обоснование этого мы видим в выражении *атта hašduk*, которое в эпоху правления суккалмахов обозначало, например, сестру Шилхахи и мать Ширукдуха. И здесь, если взять для аналогии эти данные, *атта hašduk* могла быть матерью Хутелудуш-Иншушинака и к тому же сестрой Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинака. Тем самым мы находим частично обоснованное решение и вопроса о существовании брака между братом и сестрой в царских семьях.

Ф. Кёниг и другие исследователи считали наличие такого брака в царских семьях обязательным, поскольку, по мнению Ф. Кёнига, законным наследником трона мог быть только сын, рожденный от этого брака. Мы же исходя из имеющихся данных считаем, что брак между братом и сестрой в правящем роде был возможен и даже наиболее вероятен, так как он был средством передать престол от отца к сыну, но не обязателен, поскольку законным наследником трона мог быть сын сестры предшествующего правителя, сын, который был рожден сестрой царя (или в следующем поколении, его дочерью)

²³² F. König, *Mutterrecht*, S. 538 sq.

²³³ G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, S. 57, Anm. 31.

²³⁴ MDP, III, надписи XLVII, LV, стр. 62, 82.

²³⁵ P. Koschaker, *Fatriarchat*, S. 59.

независимо от того — был ли супругом ее брат или кто-либо другой.

Уже в XIII в. мы сталкиваемся с фактом наследования трона по отцовской линии. Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинак наследовали своему отцу. Хотя в этот период еще сохраняются следы матрилинейного принципа наследования трона, власть все же получает сын царя или сыновья царя по очереди. Судя по надписи Шилхак-Иншушинака²³⁶, ему должен был наследовать на троне другой его брат Симутникатуш, но он, вероятно, умер²³⁷ и на трон воссел Хутелудуш-Иншушинак, который имел двух «отцов», но настоящим его отцом был Кутир-Наххунте. Это вытекает также из надписей Шилхак-Иншушинака, который не упоминает Хутелудуш-Иншушинака среди своих ближайших родных. Ф. Кёниг замечает²³⁸, что в установлении происхождения Хутелудуш-Иншушинака играет роль не отцовство, а материнство, т. е. право его на власть зависело от его матери Наххунте-Уту. Ф. Кёниг там же отмечает, что так как Кутир-Наххунте являлся старшим братом Шилхак-Иншушинака и умер раньше, а Хутелудуш-Иншушинак мог иметь только одного настоящего отца, то таковым должен был быть старший, а молодой был его отчимом, который после смерти Кутир-Наххунте принял племянника в число своих законных потомков. Это мнение в основном соответствует имеющимся данным²³⁹. Дело обстояло следующим образом.

Шутрук-Наххунте был отцом Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинака. После смерти отца Кутир-Наххунте стал царем как сын предшествующего правителя (и, вероятно, сын его сестры и супруги, хотя достоверно мы не знаем — играл ли здесь какую-либо роль матрилинейный принцип наследования трона). Наххунте-Уту была его супругой (и, вероятно, сестрой). После смерти Кутир-Наххунте власть перешла в руки Шилхак-Иншуши-

²³⁶ MDP, III, надпись LV, стк. 30, стр. 84. Упоминается Симутникатуш, а потом лишь Хутелудуш-Иншушинак.

²³⁷ MDP, V, надпись XXVII, столб. III, стк. 1—2, стр. 40; здесь этот брат уже не упоминается, но и Хутелудуш-Иншушинак, который там упоминается, не обозначен никаким термином родства.

²³⁸ F. König, *Mutterrecht*, S. 530 sq.

²³⁹ В Библии старший сын от брака младшего брата со вдовой старшего брата считался сыном старшего брата (Бытие, 38, 6—10).

нака. Судя по надписи (MDP, XI, XCII, стк. 15—16), право его на власть обосновано тем, что он был *gu-hu*²⁴⁰ *ha-ni-ik* ^{SAL}*Pe-ia-ak-ki i-ke ha-ne-ek Ku-ti-ir*-^{nap}*Nah-hu-up-te-ik* «сын любимый Пеяк, брат любимый Кутир-Наххунте». Таким образом, Шилхак-Иншушинак воссел на трон, поскольку он был любимым сыном матери и братом царя — согласно матрилинейному и патрилинейному принципам. Такое право он приобретал, следовательно, потому, что он был сыном некой Пеяк. Независимо от того, кто такая Пеяк, это намек на матрилинейный принцип престолонаследия. Вдобавок ко всему этому он является также «любимым братом» своего непосредственного предшественника. Наххунте-Уту становится также женой Шилхак-Иншушинака. Поскольку она является *amta hašduk* Хутелудуш-Иншушинака, то не исключена возможность, как мы выше пытались доказать, что Наххунте-Уту была сестрой правивших по очереди братьев, но их общей родоначальницей была Пеяк. В таком случае Кутир-Наххунте женился на своей сестре, чтобы основать новое правящее поколение по женской линии. Его на троне заменил Шилхак-Иншушинак. Последний женился на своей сестре не для того, чтобы приобрести право на власть, ибо власть он и так получал как сын Шутрук-Наххунте и любимый сын Пеяк, а потому, что Наххунте-уту, будучи его сестрой, считалась основательницей нового правящего поколения. Хутелудуш-Иншушинак перечисляет двух отцов потому, что они были супругами его «почитаемой матери», т. е. родоначальницы новой женской линии, и по правилу левирата приходились ему отцами. Он был также сыном сестры своих предшественников.

Не случайно, что Хутелудуш-Иншушинак в упомянутой, да и в других надписях говорит о сохранении жизни *guhišak* и *guhīrak*; эти термины, учитывая уже рас-

²⁴⁰ Ф. Кёниг (F. König, *Geschwisterehe*, S. 224) по-прежнему понимает *guhi* как «сын или дочь по материнской линии». Как правило, для обозначения сына имеется слово *šak*. В приведенном тексте *guhi* также может иметь лишь одно значение — «сын». Разница лишь в том, что то же самое лицо по отношению к мужскому родителю было *šak*, а по отношению к женской родительнице — *guhi*. Тогда термин *guhi-šak* — это соединение обоих слов, и он имеет значение «сын женщины». При этом мы исходим не только из его соответствия аккадскому термину *māg aḫāti*, но и из эламского *guhīrak*, фактически в свете сказанного означающего «дочь женщины».

смотренные данные, подразумевают потомков по женской линии. Исходя из сказанного (см. прим. 240) можно полагать, что *guhušak* — это тот, кто впоследствии должен был стать правителем как «сын сестры» предыдущего правителя, а *guhurak* — это будущие основательницы нового поколения, т. е. они становились *amma hašduk* для своих детей. Рассмотренные данные позволяют констатировать, что при этих правителях была сделана попытка возродить древний принцип наследования трона по женской линии. Может быть, это был период борьбы между материнским и отцовским принципом наследования, закончившийся, как видно из общего содержания надписей, победой последнего. Возведение своего происхождения к женской линии в этот период фактически было формальным, поскольку отцовское право ярко бросается в глаза. Да и браки с сестрой, вероятно, не помогли сохранить матрилинейный принцип престолонаследия, поскольку в дальнейшем сплошь и рядом встречается наследование трона только по отцовской линии.

Как было видно, наличие брака между братом и сестрой доказывалось путем косвенного сопоставления отдельных фактов. Прямое доказательство этого мы находим в надписи Ханни (710 г. до н. э.), правителя в районе Маламира, отождествляемого с древним Хухнуром. В ней нас интересует следующая фраза²⁴¹: *tak-ki-me u-me a-ak^{sa} hu-hi-in gu-tu šu-tu ha-ne-ek u-ri-na* «Жизнь мою и Хухин, жены-сестры любимой моей». Слову *šutu* как издатель надписи Шейль, так и впоследствии Ф. Кёниг и П. Кошакер (правда, в другом контексте) давали неверное толкование. Сначала этому слову Шейль дал значение «почтенный», «любимый»²⁴², а после со ссылкой на Г. Хюзинга — «сестра»²⁴³. Однако Г. Хюзинг впоследствии стал его переводить как «законный»²⁴⁴. Ф. Кёниг²⁴⁵ и П. Кошакер²⁴⁶ это слово понимали в та-

²⁴¹ MDP, III, надпись XIV, стк. 6—7; ср. W. Hinz, *Die elamischen Inschriften des Hanne*, S. 112.

²⁴² MDP, V, p. 55, n. 7.

²⁴³ MDP, XI, p. 70.

²⁴⁴ G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, S. 84.

²⁴⁵ F. König, *Mutterrecht*, S. 531 sq. Поэтому Кёниг разделяет наследников на законных (*šutu*) и незаконных (*guhu*), что, естественно, основано на неверном понимании текста; ср. также F. König, *Geschwisterehe*, S. 227.

²⁴⁶ P. Koschaker, *Fatriarchat*, S. 54, Anm. 1.

ком же значении. Šutu, как подсказывают контексты, имеет значение «сестра»²⁴⁷. При таком толковании тексты с этим словом становятся более понятными.

Может возникнуть вопрос: относится ли все выражение *gutu šutu* только к Хухин? Однако это сомнение опровергается очень легко. То, что выражение в целом подразумевает Хухин, видно из присутствующего в фразе местоимения в единственном числе, а именно *u-ri-na* «моя». В противном случае местоимение должно было стоять во множественном числе *u-re-me* «моя». Для наглядности приведем соответствующий отрывок из надписи Хутелудуш-Иншушинака²⁴⁸, который не был приведен выше во избежание повторения: *u Hu-te-lu-du-uš-
napIn-šu-ši-na-ak ša-ak mKu-ti-ir-napNah-hu-un-te a-ak mŠil-ha-
ak-napIn-šu-ši-na-ak-ki-ik li-ka-me ri-ša-ak-ki-ta-ak-ki-me u-
me ta-ak-ki-me SAL.napNah-hu-un-te-U-tu am-ma ha-aš-du-uk
u-ri-me a-ak ta-ak-ki-me i-ki šu-uf u-re-me in-ti-ik-ka* «Я Хутелудуш-Иншушинак, сын Кутир-Наххунте и Шилхак-Иншушинака, царством великий, жизнь мою, жизнь Наххунте-Уту, матери почитаемой моей, и жизнь братьев и сестер моих пусть сохранит (божество Мансат)». В данном тексте *iki šutu u-re-me* стоит во множественном числе, поскольку каждое из этих слов в отдельности передает различные понятия, хотя Ф. Кёниг подобное объяснение считает грамматически невозможным. Однако он не приводит никаких доводов, кроме упомянутого выражения²⁴⁹. Но это выражение очень хорошо согласуется с эламской грамматикой. Как было сказано, местоимение *u-ri-na* — единственное число, поскольку речь идет об одном лице, а *u-re-me* — множественное число, так как оно подразумевает двоих.

Таким образом, выражение *gutu šutu* передает одно понятие, т. е. оно в целом относится к супруге Ханни Хухин. Надпись Ханни показывает, что в правящем роде существовали браки между братом и сестрой²⁵⁰ также и в I тысячелетии. Однако мы достоверно не знаем — нас-

²⁴⁷ W. Hinz, *Elamisches*, S. 286; W. Hinz, *Die elamischen Inschriften des Hanne*, S. 112.

²⁴⁸ MDP, XI, надпись XCVII, стк. 2—8. Ср. также MDP, XI, надпись XCVIII, стк. 3—5; G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, S. 84, Anm. 60.

²⁴⁹ F. König, *Geschwisterehe*, S. 227.

²⁵⁰ На этот факт недавно указал также В. Хинц (W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, p. 6).

колько часто подобный брак практиковался в правящих родах по всей стране. В данном случае подобная практика засвидетельствована в семье маленького правителя, царька горной части Элама. Нам известен еще лишь один случай из I тысячелетия, когда на трон восходит «сын сестры». В вавилонской хронике упоминается, что на эламский престол воссел Иштархунди, «сын сестры» Хумпануммену²⁵¹. Этот случай позволяет констатировать, что матрилинейный принцип наследования трона еще не был целиком вытеснен отцовским и что отголоски борьбы между двумя принципами отражены в упомянутом тексте, относящемся к VII в. до н. э.

Ф. Кёниг, останавливаясь на терминах родства и неверно понимая значение слова *šutu*, выдвигает мысль, что *šak* не просто сын, а тот, который происходит от брака брата и сестры²⁵². Однако это совершенно недоказуемо из-за отсутствия документальных данных, и то, что приводит Кёниг — а он приводит факты, связанные с Хутелудуш-Иншушинаком, — вовсе не подтверждает его мнения. Поскольку существовал брак между братом и сестрой, постольку *šak* был сыном их обоих. Но это не исключает того, что обозначенное как *šak* лицо могло родиться также от иного, не кровнородственного брака. По Ф. Кёнигу же получается, что во всех случаях, когда власть переходит к сыну царя, то этот сын (*šak*) рожден от брака брата и сестры. Это опровергается данными, относящимися также к периоду после XIII в. до н. э. Даже в период правления суккалмахов *šak* не всегда был сыном брата и сестры. Мы имеем в виду случай с Кук-Кирвашом, который был сыном (*šak*) некоего Ланкуку, который, правда, был женат на сестре Шилхахи, но не был братом последнего и поэтому не стал правителем страны.

Касаясь надписи Хутелудуш-Иншушинака, где упоминается «Наххунте-Уту, мать почитаемая моя»²⁵³, Ф. Кёниг отмечает, что Наххунте-Уту занимает в надписи такое место, в которое обычно помещается имя супруги²⁵⁴. В качестве дополнения к этому он приводит тот

²⁵¹ F. Delitzsch, *Die Babylonische Chronik*, Leipzig, 1906, col. I, 40, S. 9.

²⁵² F. König, *Mutterrecht*, S. 531 sq.

²⁵³ MDP, XI, надпись XCVII, стк. 5—7.

²⁵⁴ F. König, *Mutterrecht*, S. 542.

факт, что Темптиагун называет Пилки своей апта hašduk²⁵⁵. Исходя из этих фактов Ф. Кёниг выдвигает мысль, что в данных случаях мать была супругой этих правителей. Такое мнение вряд ли оправдано в данном конкретном случае и поэтому не может быть принято. Мать называлась в надписи на месте супруги потому, что, во-первых, она была жива; во-вторых — и это главное, — она была сестрой какого-либо предшествующего царя, следовательно, она была основательницей нового правящего поколения, а царь мог быть только сыном ее, а не супругом. Царь-сын все равно был наследником трона, поскольку его происхождение соответствовало требованиям существующей системы наследования власти.

Была ли распространена матрилинейная система наследования власти во всех правящих эламских родах? Во всяком случае это, с определенной оговоркой, можно предположить для царей Авана, области Элама. Судя по списку царей Авана, восьмым царем этой области был Луххишшан, имя которого в списке следует за именем Киккусиметемпти. В. Хинц предполагает, что эти два царя были братьями, при этом он ссылается на эламскую систему наследования в позднее время²⁵⁶, вероятно, имея в виду период суккалмахов. Однако особенностью эламской системы престолонаследия было не наследование брата брату, а наследование сына сестры правителя, в собственном смысле этого выражения, своему предшественнику или предшественникам. Все остальное подчинялось этому главному принципу. Поэтому родство упомянутых царей необходимо определить с этой точки зрения. Луххишшан мог быть родственником своего предшественника лишь по женской линии, поскольку имя его отца мы знаем из надписи Саргона. Имя его отца было Хишепрашир (эл. Хишепратеп), который не засвидетельствован как царь. Следовательно, Луххишшан взшел на престол по матрилинейному принципу наследования.

²⁵⁵ MDP, VI, p. 23; V. Scheil, *Kutir-Nahunte I*, p. 68. Относительно Темптиагуна Ф. Кёниг полагает, что он был «усыновлен» Шилххой, но это не вмещается в хронологические рамки, да и ни из чего не вытекает.

²⁵⁶ W. Hinz, *Persia c. 2400—1800 B.C.*, p. 7. При этом В. Хинц исходит из «фратриархальной» системы наследования. Это мнение П. Кошакера, как мы пытались показать, не основывается на данных фактического материала.

Лишь после него засвидетельствовано получение власти его сыном.

То же самое можно сказать по отношению к Пузур-Иншушинаку, который был двенадцатым и последним царем династии Авана. В списке царей ему предшествует Хита, но в другой надписи он назван сыном Шимпнишхука²⁵⁷. Получается так, что он наследовал не своему отцу, а Хите. Это обстоятельство приводит нас к мысли, что Пузур-Иншушинак также находился с Хитой или каким-либо другим царем в родстве по женской линии. Как видно из этих примеров, отцы царей могли не быть царями. Учитывая эти соображения, можно сказать, что наследование власти по женской линии, видимо, существовало также и в том роде, представителями которого были Луххишшан и Пузур-Иншушинак. Из царей Симаша Идатту обозначается как *gihūšak* своего предшественника. Следовательно, он взошел на трон как «сын сестры» предыдущего царя.

То, что по отношению к правителям Авана, отчасти и Симаша, устанавливается на основании косвенных данных, для последующих царей Элама доказывается на основании письменных источников. Во всяком случае престолонаследие по женской линии достоверно установлено по отношению к правителям эпохи суккалмахов, но впоследствии на трон восходил именно сын, а не сын сестры. Однако и сын сестры, если царь женился на своей единоутробной сестре, одновременно был сыном самого правителя. При этом не всегда можно говорить о существовании брака между братом и сестрой: он имел место в том случае, если царь стремился закрепить власть за своими потомками. В любом из этих случаев наследование брата брату не исключается, поскольку оба они были детьми сестры царя или самого царя. Следовательно, все дети имели право на власть, так же как все дети главы домашней общины пользовались одинаковым правом на наследство. Лишь с этой точки зрения можно говорить о «фратернитете» в эламском обществе, но не в том смысле, что все это является какой-то формой наследования или пережитком особой стадии — фратриархата. Фратернитет не был исключительной особенностью престолонаследия, ибо в

²⁵⁷ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 154.

таким случае все правители или претенденты на престол называли бы себя братьями или потомками братьев общей древней родоначальницы, тогда как они названы ее сыновьями. Главным образом на престол мог претендовать тот, кто был рожден от брака с сестрой царя, независимо от того, являлся ли супруг ее братом или другим лицом. Эта система наследования трона в некоторой степени обнаруживает сходство с той, которая существовала в Египте, где из многих царевичей делался наследником и впоследствии царем тот, кто женился на своей единокровной сестре²⁵⁸, средней дочери царя, и с той, которая существовала в Хеттском царстве, где власть мог получить сын сестры царя²⁵⁹.

Наследование власти по женской линии продолжалось долго, но уже к концу II тысячелетия эламские цари определяют свою генеалогию по мужской линии; это превращается почти в правило в I тысячелетии, когда к тому же начинаются раздоры между отдельными царствующими родами. Эти раздоры, вероятно, происходили отчасти потому, что сын стал наследовать отцу, между тем как и другие представители царствующего рода претендовали на престол.

Сопоставление этих сведений с теми, которые извлекаются из отрывка эламского закона и частнопроводных документов, позволяют отметить общие черты между порядками, существовавшими в царском роде и в гражданской семье.

В царском роде явное почтение оказывалось матери и сестре. Отголоски почтения к женщине отразились также в законе. Из частнопроводных документов видно, что дочь могла участвовать в разделе имущества и получать наследство, мать же при жизни осуществляла право собственности и распоряжения имуществом, которое она принесла из отцовского дома, и имуществом, которое было оставлено ей, скажем, как подарок или которое перешло к ней по воле отца или мужа.

²⁵⁸ М. Э. Матье, *Следы матриархата в Древнем Египте*, — «Вопросы истории доклассового общества», М.—Л., 1936, стр. 366; М. Э. Матье, *Миф и сказка Древнего Египта как источник для изучения истории семьи*, — ВДИ, 1963, № 4, стр. 3—11.

²⁵⁹ См. Г. И. Довгяло, *О характере наследования царской власти у хеттов в эпоху Древнего царства*, — ВДИ, 1964, № 1, стр. 23—34.

В большинстве случаев этим имуществом она распорядилась по своему собственному усмотрению. Она возглавляла также домашнюю общину после смерти супруга. Мать царствующего правителя, а именно атта hašduk «мать почитаемая», также могла возглавить царство или во всяком случае часть его и управлять им. Последующие цари всегда отдавали дань уважения атта hašduk.

В данном случае, как было видно, преследовалась также иная цель, а именно подчеркнуть личность матери, дочь которой должна была стать новой родоначальницей, к которой впоследствии возводили бы свое происхождение эламские правители.

Частноправовые документы содержат косвенные данные о борьбе между отцовским и материнским принципами. В этом аспекте нас интересует имя собственное атта hašduk «отец почитаемый». Это лицо в одном частноправовом документе носило титул судьи (dajjanum № 320 : 11). Имел ли он какое-либо отношение к правящему роду, трудно сказать. Но наличие такого имени свидетельствует о том, что в гражданской семье пускало корни отцовское право, хотя авторитет матери после смерти супруга в семье сохранялся. Этот авторитет в царских родах приводил к иным последствиям, а именно к передаче престола по женской линии, но в гражданской семье брало верх наследование по мужской линии, т. е. все дети считались наследниками отца. Правда, управление царством также переходило в руки мужчины, но это было следствием существовавшего порядка наследования, поскольку эти мужчины должны были находиться в определенных родственных отношениях по женской линии, иначе говоря, наследник должен был быть сыном родоначальницы — сестры соответствующего правителя. Так или иначе, мы наблюдаем устойчивое почетное положение женщины в обоих случаях. Принципы же наследования в царском роде и гражданской семье фактически были разные, но те факторы, которые действовали в обществе, т. е. борьба материнского и отцовского права, в конечном итоге должны были привести к победе патрилинейного принципа наследования также в царском роде, что уже имеет место в Эламе в конце II тысячелетия и в I тысячелетии до н. э.

Распад домашней общины

Возвращаясь к домашней общине, мы должны отметить, что раздел общего хозяйства в домашней общине возник не сам собой, а был следствием определенных противоречивых отношений, существовавших в ней. Обычно имущество делилось только после смерти главы семейной общины, т. е. отца. Смерть главы семьи не всегда приводила к выделению членов семьи и прекращению общего ведения хозяйства. Раздел наступал тогда, когда экономическое развитие в домашней общине происходило неравномерно и противоречия доходили до такой степени, что единое хозяйство распадалось. Причиной же распада домашней общины, коллективного владения землей, был частный характер присвоения. Как мы видели выше, в домашней общине появляется имущественное неравенство. Частное присвоение приводило к имущественной дифференциации: это способствовало выделению внутри общины богатых и бедных семей. Вследствие этого богатый родич стремился к отделению или, оставаясь в домашней общине, к эксплуатации обедневших семей.

«От способа производства и обмена исторически определенного общества и от исторических предпосылок этого общества зависит и способ распределения продуктов. В родовой или сельской общине с общей земельной собственностью, с которой — или с весьма заметными остатками которой — вступают в историю все культурные народы, довольно равномерное распределение продуктов является делом само собой разумеющимся; там же, где между членами общины возникает более или менее значительное неравенство в распределении, — это служит признаком начавшегося уже разложения общины. Как крупное, так и мелкое земледелие в зависимости от тех исторических предпосылок, из которых оно развилось, допускает весьма различные формы распределения. Но совершенно очевидно, что крупное земледелие всегда обуславливает совсем иное распределение, чем мелкое; что крупное предполагает или создает противоположность классов — рабовладельцев и рабов... тогда как при мелком классовые различия между занятыми в земледельческом производстве индивидами отнюдь не необходимы, напротив того, самый факт существования

этих различий свидетельствует о начинающемся уже упадке парцеллярного хозяйства»²⁶⁰.

В документах отчетливо отражен этот процесс, они показывают начало и продолжение процесса разделения общих хозяйств.

В одном из документов (№ 6) Абутабу и Уратуба, сыновья Дубубали, делят свое движимое и недвижимое имущество (стк. 1—10)²⁶¹: mА-bu-ṭà-bu ù Ú-ra-tu-ba mā-rēmeš mDu-bu-ub-a-ll i-na ṭú-ba-ti-šu-nu i-na paz-ar-a-ma-ti-šu-nu takkur-šu-nu alkī-šu-nu ù šēr-šu-nu eklam É.DÛ.A ù iškīrām lu-bu-nu-šu-nu ù ma-aš-ra-šu-nu zi-zu me-e-šú du-up-ru-ru ta-a-mu is-qa pa-du. Прежде чем перевести отрывок в целом, необходимо выяснить значения некоторых слов. Большую трудность для понимания представляет выражение zi-zu me-e-šú du-up-ru-ru ta-a-mu is-qa pa-du. Первое слово образовано от глагола zāzu «делить», следовательно, наличие этого глагола показывает, что упомянутые лица разделили свое имущество.

Если наличие глагола zāzu показывало факт раздела, то последующие за ним глаголы должны передавать формы распределения имущества, процесс самого раздела. На этой формуле приходится остановиться более подробно, потому что упомянутое выражение было предметом рассмотрения ряда исследователей. Однако они, на наш взгляд, не внесли полной ясности в этот вопрос. Прежде всего не вполне точно поддаются объяснению глаголы mešū и durrigu. Издатель документов В. Шейль при чтении mēzu переводит его «приобретать»²⁶². Согласно П. Кошакеру, это слово должно было означать «свободен» (ledig) или «в расчете» (quitt)²⁶³. И. Клима в отличие от своих предшественников понимает это слово в значении «удовлетворять»²⁶⁴. Конечно, одно из этих значений подошло бы, если бы не было последующих глаголов. Дело в том, что если бы речь шла о приобретении, расчете, займе имущества или об удовлетво-

²⁶⁰ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1948, стр. 138.

²⁶¹ О разделе речь идет в документах № 4—21; 169—174; 328—341, хотя среди них имеются и факты оспаривания наследства.

²⁶² MDP, XXII, p. 8; В. Шейль в примечании отмечает, что это «приобретение или вхождение во владение».

²⁶³ P. Koschaker, *Keilschriftforschung*, — OLZ, 3, 35, 1932, № 5, S. 321; P. Koschaker, *Göttliches*, S. 56, Anm. 2.

²⁶⁴ J. Klima, *Untersuchungen*, S. 9, Anm. 27

рении претензий, то во фразе отсутствовали бы слова *iška padū* «жребий бросили». Все, что было сказано выше, могло иметь место лишь после метания жребия, да и остальные глаголы также относились бы к самому процессу раздела. Поэтому нет возможности принять ни одно из упомянутых толкований. В аккадском языке *mešū* значит также «класть»²⁶⁵. И в нашем случае форма распределения позволяет дать этому глаголу подобное значение²⁶⁶.

Следующий глагол *durriḡi* также получал различные толкования. Так, В. Шейль переводит «обсуждать»²⁶⁷, П. Кошакер дает значение «чистый»²⁶⁸, а И. Клима — «заканчивать»²⁶⁹. Во всех трех переводах игнорируется основное значение глагола. Форма *durriḡi*, как отмечалось, перманзив от глагола *darāḡi* «отталкиваться», «отстраняться»²⁷⁰. В отличие от предыдущих этот глагол имеет форму второй породы, что придает глаголу каузативное значение, а именно «отстранить»²⁷¹, «отодвинуть», если речь идет о предмете. Значение этого слова особенно ясно устанавливается при ознакомлении с документом № 379, в котором речь идет о дарении (стк. 17—18): ... *ú-ul i-ka-ab-bi na-si-iḡ du-up-ri-úḡ* «(если) ...не скажет, будет отвергнут (и) отстранен». Речь идет об отстранении детей от ведения общего хозяйства, если они ослушаются матери. При переводе всего выражения нельзя пренебрегать основными значениями упомянутых

²⁶⁵ A. Deimel, *Akkadisch-šumerisches Glossar*, Rom, 1937, s.v. Предыдущие авторы читали *mešū* или *mesū*, но лучше всего по контексту подходит значение *mešū*.

²⁶⁶ Хотя в текстах из Мари для глагола с чтением *mešū* принимают значение «чистить», «очищать» (см. «*Archives Royales de Mari*», XV, Paris, 1954, p. 224), конструкция нашей фразы не позволяет принять это значение.

²⁶⁷ MDP, XXII, p. 8.

²⁶⁸ P. Koschaker, *Keilschriftforschung*, S. 321; P. Koschaker, *Göttliches*, S. 56, Anm. 2.

²⁶⁹ J. Klíma, *Untersuchungen*, S. 9.

²⁷⁰ A. Deimel, *Akkadisch-šumerisches Glossar*, S. 78.

²⁷¹ Фон Зотен для формы *durriḡi* причисляет значение «судалить-ся» (W. von Soden, *Grundriss der Akkadischen Grammatik*, Roma, 1952, S. 116, «h»; «*Akkadisches Handwörterbuch*», S. 177). Ср. F. Thureau-Dangin, *La correspondance de Hammurapi*, № 36, p. 29, где встречается тот глагол (стк. 12—15): *aš-šum mā-aš-ša-ri ša l-na tu-uh-ḡi eklim^{lim} ša l-din.^dNa-[na-a] iš-ku-nu du-up-ri-ri-im* «чтобы стражу, которую в середине дня Идди-Нанан он поставил, отстранить (удалить)».

глаголов и нет нужды давать им иные толкования. В предложенных упомянутыми авторами переводах не принимается во внимание характер операции во время дележа. Это должно было бы быть исходной точкой для понимания выражения в целом. Исходя из сказанного выражение следует понимать следующим образом: «(то-то) они разделили. (А именно) положили (долю или символы, составляющие наследство), раздвинули (по долям), поклялись (что раздел осуществлен по всем правилам и они не будут его нарушать) и метали жребий»²⁷².

Тогда и весь отрывок предстает перед нами в ином свете: «Абутабу и Уратуба, сыновья Дубубали, по доброй воле, по любви своей имущество свое, (что в) поселении и (в) степи их, (а именно) поле, дом и сад, бедность свою и богатство свое, разделили, (а именно) положили, раздвинули, поклялись (и) жребий бросили».

Можно догадаться, что раздел был произведен после смерти отца, т. е. главы семьи, и дети были единственными наследниками семейного имущества. Остальные члены семьи братьев—их дети в разделе не участвуют, ибо они не владели правом наследования дедовского имущества или были просто несовершеннолетними. Относительно детей имеется такая клаузула (стк. 10—15): šu-nu a-na aḥ-ma-mi ú mārēmeš-šu-nu a-na aḥ-ma-mi ú-ul i-te-eb-bu ú-ul i-ra-ga-tu šà ú-ul zi-za-ku ú-ul me-ša-ku i-qa-ab-bu-ma a-na [me-e] i-il-la-ak «Они друг на дру-

²⁷² Шейль же объясняет следующим образом: «Речь идет о трех или четырех моментах, которые содержат акты раздела имущества. zīzu „деление“, durrigu „очищение доли“, mēzu „приобретение или вхождение во владение“, tamū „клятва сторон“. В iska nadū, по-видимому, входит способ „присвоения по жребию“» (MDP, XXII, стр. 8). Совершенно непонятно, почему приобретение поля должно было состояться до метания жребия. Факт раздела даже не закреплял за наследниками право вхождения во владение. Лишь после метания жребия они приобретали право собственности. «The Assyrian Dictionary» (D, 1959, p. 104) выражение zīzu durrigu mešū переводит «они разделили (имущество), они удовлетворены, они распутали дело». Однако и этому переводу присущи упомянутые недостатки. Вероятно, прежние авторы исходили из вавилонских текстов, где встречается фраза: ...zi-zu gam-ru li-ba-šu-nu ta-ab ú-ul i-tu-ru-ú-ma «Они разделили, они закончили, их сердца удовлетворены (и они) не придут обратно» (ср. A. Goetze, *Old Babylonian Documents from Sippar*, — JCS, XI, № 1, 1957, p. 152, № 1, стк. 6—7). Но это не является основанием для перевода фразы из эламских документов подобным же образом.

га и сыновья их друг на друга не поднимутся, не предъявят претензию. Кто „не делил я, не положил я“ скажет, в воду пойдет». Хотя дети прямо не участвуют в дележе, но косвенно их права и обязанности предусматриваются в документах. Дети в будущем могли, очевидно, оспаривать этот дележ, поэтому он был произведен согласно составу семьи, т. е. каждая семья получила равные доли. Здесь нет речи о предпочтительной доле какого-либо из братьев.

Нередко отец при жизни дарил имущество своим детям, супруге; здесь до раздела, вероятно, никакого дарения не было произведено. Это видно из того, что сыновья обозначены как mācu, а не термином arlu, который обычно относился к сыну, хозяйствующему отдельно. Отсюда вытекает, что при жизни отца они жили под его опекой, вели общее хозяйство, а после его смерти, разделив движимость и недвижимость, отказались от коллективного ведения хозяйства.

В документе № 11 несколько лиц делят свое имущество (стк. 3—10): makkur-šu-nu āl-šu-nu šēr-šu-nu ra-lu 3KAM-šu-nu eklam Ē.DÛ.A ù iškīram ma-na-aḥ i-dī-šu-nu mi-im-ma šà i-lu a-na a-wi-lu-ti [a-na ra-še-e] id-di-nu lu-bu-un-šu-nu ma-aš-ra-šu-nu zi-zu me-šú-ú du-[up-pu-ru] a-na 11Adad ill-šu-nu ta-mu-[ú] «Имущество свое, (что в) поселении их, степи их, (в) третьем их районе, (именно) поле, дом и сад, труд своих рук, все, что бог человеку (во владение) дал, бедность их и богатство их они разделили, положили, раздвинули, Ададу—богу своему—поклялись».

Из этого отрывка напрашивается несколько выводов. Судя по тексту, подлежит дележу не только недвижимое имущество, что было обычным явлением, но и движимое имущество. Именно так надо понять выражение «труды их рук», т. е. доходы, запасы. Выражение «все, что бог человеку во владение дал» также относится и к движимому имуществу. Двойное понятие содержит также выражение «бедность их и богатство их», т. е. все, что имеется на лицо при разделе. Эти факты свидетельствуют о том, что до раздела в домашней общине существовала коллективная собственность не только на недвижимость, но и на движимость, которая, однако, в ряде случаев могла находиться в частном владении отдельных членов домашней общины.

Следующим интересным моментом является клятва богом Ададом. Судя по выражению «своим богом», можно полагать, что данная семья считала Адада своим родовым богом и поклонялась ему. Видимо, и после раздела они продолжали поклоняться этому божеству.

Вероятно, каждая семья имела свое родовое божество. В одном из документов (№ 330) отмечалось наличие святилища (рараһит) домашней общины, где отправлялись культы, приносились жертвы, видимо, определенному божеству. Если в документе № 11 клянутся Ададом, то в документе № 8 в аналогичном контексте упоминается божество Иншушинак (стк. 1—6): m.UE-a-še-mi ù ʾŠamaš-ba-aš-ti māre^{meš} Gimil-li... makkur ālki ù šērīki zi-zu du-up-ru-gi me-šú-ú ù rān ʾInšušinak ta-mu-ú «Эашеми и Шамашбашти, сыновья Гимилли... имущество поселения и степи разделили, (а именно) раздвинули, положили и перед Иншушинаком поклялись». Иншушинаком клялись и как верховным божеством, но это не исключает того, что данная семья поклонялась именно Иншушинаку как своему родовому богу. Интересно, что в этом случае делится только недвижимость. Этот факт свидетельствует о том, что уже и до раздела в семье появилось частное присвоение продуктов труда. Поэтому нечего было и делить из состава движимости.

Если одни документы отмечают лишь раздел недвижимости, то другие вместе с ней упоминают также движимое имущество. В последнем случае на основании состава упомянутого имущества можно определить экономическое положение данной семьи. В некоторых документах перечисляются конкретные названия движимости, подлежащей делению. Приведем отрывок из текста № 12—13: 7—15: makkur-šu-nu āl-šu-nu ù šēr-šu-nu ekel-šu-nu É.DU.A-šu-nu ù ʾškirā-[šu-nu] lu-bu-un-šu-nu ù ma-aš-ra-šu-nu ma-na-aḥ i-di-šu-nu še-am kaspam ḥurāšam ml-im-ma šà ilu a-na a-wi-lu-ti a-na ra-še-e id-di-nu zi-zu du-up-ru-gi me-šú-ú ta-mu-ú is-qa na-du «Имущество их в поселении и степи их, поле их, дом их и сад их, бедность их и богатство их, труды их рук, ячмень, золото, серебро, все, что бог человеку во владение дал, разделили, (а именно) раздвинули, положили, поклялись, жребий бросили». В этом документе три брата, сыновья Иншушинак-гамилла, делят свою движимость и недвижимость. Среди движимости в отличие от предыдущих случаев упомина-

ются ячмень, золото и серебро, что может свидетельствовать о высоком уровне экономического развития этой семьи. Кроме того, упоминание благородных металлов показывает, что данная семья участвовала в торговле, т. е. имела излишки производства, которые продавались. Этим и объясняется наличие у ней золота и серебра. Товарное производство давало толчок к появлению имущественной дифференциации семей, объединенных в домашнюю общину, что и приводило ее к распаду. Из этого документа опять-таки нельзя установить — получает ли старший лишнюю долю?

Документ № 14 отмечает раздел имущества между сыновьями Курдии. Хотя начало документа частично фрагментарно, но можно определить, что у этого лица было семеро сыновей. Они делят между собой недвижимость и движимость. В числе движимости упоминается, между прочим, крупный и мелкий скот. Это — экономически сильно развитая семья, что видно из перечисленных в документе названий имущества, подлежащего делению. Кроме того, один из сыновей Курдии, а именно Илабратаби, впоследствии появляется как скупщик чужих земель (см. главу «Частное хозяйство», раздел «Купля-продажа»).

Надо отметить, что все семеро сыновей в результате дележа, каждый в отдельности, образуют обособленную семейную ячейку.

В приведенных документах отсутствуют указания на районы расположения участков, которые делятся. Однако в ряде случаев упоминается также район участка. Так, в документе № 16 некий Ирану передает своим детям свои владения, находящиеся в четырех районах поселения, а дети в свою очередь делят эту недвижимость между собой. Приведем соответствующий отрывок текста (стк. 1—16): [m]ir-a-nu i-na řu-ba-ti-[řu i-na na]-ar-a-ma-ti-řu makkur-řu aiki u řer-řu [bu-řa b]a-ři-ta-a-am zēr palī 3 KAM [palī URU].DAG palī GAL u palī IGI.URU.KI [ekel-řu] řkira-řu i-řa u ma-du [eklam I]M.AN.NA u ři-ki-ta [a-na^{SAL}]řu-na-a-a-ú-ti [u In]-zu-zu ma-re-e-řu [i-zi-is]-sú-nu-ři [zēr palī G]AL itā Ma-an-na-řu [zēr palī I]GI.URU. KI itā A-řu-um-ma [zēr palī U]RU.DAG itā A-řu-la-ti [In-zu-zu u] SAL řu-na-a-a-ú-[tu] zi-i-zu [d]u-[u]p-[p]u-ru me-řu-ú [is-ka na]-du-ú «Ирану по доброй воле [своей,

по] любви своей имущество (в) поселении и степи своей, [в]ладения²⁷³, посевные земли в третьем районе, в районе жилищ поселения, в большом районе и в районе перед поселением, [поле свое], сад свой, малый или большой, поле орошаемое и неорошаемое Шунайуту [и Ин]зузу, детям своим, [выделил. Посевные земли в районе б]ольшом по соседству с Маннашу, [посевные земли в районе п]еред поселением по соседству с Ахумом, [посевные земли в районе жи]лщ поселения по соседству с Ахуюту, [Инзузу и] Шунай[ту] разделили, раздвинули, положили, [жребий бро]сили».

Это не простое дарение, а вынужденное выделение недвижимости своим детям. В свою очередь они делят между собой отцовское имущество²⁷⁴. Интересно то, что дележ происходит между братом и сестрой, хотя названы они обобщенно «сыновьями». К сожалению, из документа не явствует — досталась ли сестре равная доля с братом. Так, в документе № 168 брат и сестра делят свое имущество: SALDu-um-mu-ka ù It-ti-lli-ba-li-iṣ mā-ḡemeš mA-pil-llKu-bi i-na ṣu-ba-ti-šu-nu na-ar-a-ma-tú-šu-nu ù al-šu-nu ù šēr-šu-nu bu-ša ù ba-a-ši-ta mi-im-ma ša lli a-na a-wi-lu-ti id-di-nu zi-i-zu me-e-ṣú ta-m[u-ú] du-ur-ru-ru is-ka na-[du-ú] «Думмука (дочь) и Иттиллабалит, дети Апил-Куби, по доброй воле, (по) любви своей, поселение свое и степь свою, имущество и владения, что бог человеку дал, разделили, положили, поклялись, раздвинули, жребий бро[сили]». Поскольку дальше документ разбит, то невозможно установить, кому что досталось. Однако, судя по тому, что не указывается конкретная доля каждого, надо думать о равномерном разделе между братом и сестрой.

В отличие от указанных, документ № 21 отмечает точные районы местонахождения разделенного имущест-

²⁷³ Обычно под словом *bišūt* понимается «движимое имущество» (ср. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 167, 185, 293).

²⁷⁴ Ссылаясь на документ № 10, Э. Кюк отмечает, что иногда передача имущества, т. е. раздел, происходит между отцом и его детьми, сыном и дочерью, матерью и двумя сыновьями (E. Cuy, *Les actes juridiques*, p. 53). Однако в документе № 10 речь идет о дарении и затем разделе этого даренного имущества. Об отношениях же между родителями и детьми в упомянутом плане ничего нельзя сказать. Документ фрагментарен, но сохранились имена матери и сына.

ва (стк. 1—12): m.SALŠa-bi-tu m.SALBa-ni-tu mDa-mi-iḫ-
 IIInšušinak ù Be-el-šu-nu marēmeš IIAdad-ba-ni iš-tu É.DÙ.A
 GAL šu-ba-at a-bi-šu-nu i-zu-zu i-na É.DÙ.Ameš-šu-nu a-
 ħa-ti is-ka id-du-ma i-na É.DÙ.A ša IIilabrat-a-bi mar Ku-
 ur-di-ja wa-aš-bu itā Ku-ka-ti is-ka-at SALBa-ni-ti itā
 SALBa-ni-ti is-ka-at Da-mi-iḫ-IIInšušinak itā Da-mi-iḫ-IIInšuš-
 nak is-ka-at Be-el-šu-nu itā Be-el-šu-nu [is-ka-at SALŠa-bi-
 ti]²⁷⁶ «Сабиту, Баниту (дочери), Дамик-Иншушанак и Бел-
 шуну — дети Ададбани, большой дом — жилище (т. е.
 хозяйство) отца своего разделила; о домах своих дру-
 гих она жребий бросила, и (вследствие этого) около до-
 ма, в котором Илабратаби, сын Курдия, живет, по со-
 седству с Кукагу — доля Баниту, по соседству с Бани-
 ту — доля Дамик-Иншушанака, по соседству с Дамик-
 Иншушанак, — доля Белшуну, по соседству с Белшуну —
 [доля Сабиту]».

Расположение долей рядом друг с другом еще раз
 свидетельствует о единстве хозяйственной жизни до раз-
 дела. Раздел показывает распад домашней общины²⁷⁶,
 причем в разделе сестры участвуют как равноправные
 лица, ибо посредством жеребьевки можно было полу-
 чить только равные доли. В этом аспекте права сестры
 совпадали с правами братьев. Более того, из этих доку-
 ментов вытекает, что старший или любимый сын при раз-
 деле не получал никаких преимуществ²⁷⁷. Однако в дей-
 ствительности случаи выделения любимому сыну боль-
 шего наследства, вероятно, имели место. Как мы видели,
 в документах дарения предусматривается клаузула о
 том, что если кто из сыновей выполнит волю матери, тот
 получит ее наследство. Вероятно, привилегированное по-
 ложение старшего при делении имущества не было ха-
 рактерно для Элама, иначе оно ясно отразилось бы в до-

²⁷⁵ Вероятно, так надо восстановить, ибо и Сабиту участвует в дележе.

²⁷⁶ Видимо, исходя из этого документа, а также № 18, 19, Э. Кюк считает, что большинство актов раздела имеют целью соединение индивидуальных ценностей между братьями (E. Cuy, *Les actes*, p. 53). Однако это мнение основано на недоразумении. В документе № 21, как было видно, производится раздел недвижимости. Вероятно, Э. Кюка ввело в заблуждение расположение долей рядом друг с другом. Раздел никогда не предусматривает соединение ценностей даже с юридической точки зрения.

²⁷⁷ На это обратил внимание также И. Клима (J. Klima, *Untersuchungen*, S. 10).

кументах²⁷⁸. Участие сестры в равноправном дележе согласуется с упомянутой статьей закона (в документе № 395), и этот факт делает невысказанным применение к условиям Элама правила об исключении дочери из участия в разделе наследства.

Как мы видели, во всех этих случаях отсутствуют указания на размер полей. Следовательно, в целом хозяйство остается стабильным, индивидуализируется лишь владение семейными участками. Однако это не празило. Иногда не только район, но и размер полей упоминается в документах. Например, в документе № 166 Хабилкину и Ахия, сыновья Итилриба, делит свою недвижимость, расположенную в поселении у степя (стк. 7—10): 90 (ка) palī iG.URU.KI šà Ha-bil-[k']-ni 94 (ка) palī URU.DAG šà A-ḫi-ia-a 90 (ка) palī GAL be-gu-šu-nu zi-zu me-e-šū du-up-ru-gu is-qa pa-da ù [a-mu-ú] «90 (ка) в районе переџ поселением — (долџ) Хабил[кџ]иу, 90 (ка) в районе жилища поселения — (доля) Ахия, 90 (ка) в большџм районе — между собой (порџвну) они разделили, положили, раздвинули, жребий бросили, а также поклялись». Этот отрывок показывает, что доли должны были делаться порџвну. В документе № 167, напротив того, одному брату достается поле в размере 40+20 ка, а другому—70 ка, следовательно, у одного на 10 ка меньше, чем у другого. Это, вероятно, объясняется местоположением и качеством земли. Кроме того, упомянутые в документе 40 ка были из числа царских земель²⁷⁹. И здесь мы не видим старшего, поскольку раздел был произведен путем жеребьевки.

В документе № 335 четыре женщины делят свою движимую и недвижимую собственность. В тексте нет даже намека на то, что они были связаны между собой узами родства. Но это и не важно, ибо домашняя община, как было видно, могла являться объединением хозяйств неродственных лиц. Интересно то, что здесь владельцами имущества являлись только женщины²⁸⁰, которые, веро-

²⁷⁸ Правда, высказывалось мнение, что в ряде случаев старший брат якобы получал лишнюю долю, см. № 172 (см. L. de Meyer, *Une famille*, pp. 8—19). Об этом ниже.

²⁷⁹ См. главу III, раздел «Государственное хозяйство».

²⁸⁰ Документы № 336 и 337 аналогичны № 335. Раздел производится между теми же лицами. Исходя из этого можно сказать, что на каждую долю составлялся отдельный документ.

ятно, были вдовами. Далее отмечается (стк. 12—14): šu-nu a-na aḥ-ma-mi ú ma-gu-šu-nu a-na aḥ-ma-mi ú-ul i-te-bu-ú «они друг на друга и сыновья их друг на друга не поднимутся». Целью первоначального объединения могло быть отсутствие рабочих рук в семье. Вероятно, дети подрастали, следовательно, каждая семья могла уже самостоятельно обрабатывать свою землю. Данные этого документа не противоречат остальным документам. Женщины выступают в качестве собственников земли, которую они и делят.

В документе № 334 четверо — сестра и трое ее братьев — делят имущество некоего Таддуи (стк. 1—7): ^mSin-ra-bi ^mZi-ni-i-ú ^mSin-iš-ma-an-ni ^mAmat-Er-ra i-na N[G. DU.[A] ša Ta-ad-du-ú-a zi-i-zu du-up-pu-gu «Синраби, Зиниу, Синишманни, Ама-Тэрра из имущества Таддуи разделили, раздвинули». Об отношении последнего к братьям документ ничего не говорит. Вероятно, Таддуа был их отцом. То, что лица, которые участвуют в дележе, были родственниками, видно из следующего выражения (стк. 8—9): a-ḥu e-li a-ḥi-ím mi-ím-ma ú-ul i-šu ²⁸¹. «Брат против брата ничего не будет иметь».

Документ № 328 регистрирует факт раздела между четырьмя наследниками Кубидану, причем делится только его движимое имущество (стк. 1—6): ^mIp-ki-Iš-tar ^mLu-ud-lu-ul-Sin ^mNu-ra-a-tum ^mMāg-ku-bi arlu ša Ku-bi-da-nu ma-ku-ra-šu i-zu-zu «Ипки-Иштар, Лудлул-Син, Нуратум, Мар-Куби, наследники Кубидану, имущество его разделили». Наследники Кубидану обозначены термином arlu. В отличие от māgu «сын», термин arlu относится к обеспеченным детям, что особенно подтверждается и в этом случае. Клаузула aral Ku-bi-da-nu a-wi-lu e-li a-wi-li mi-ím-ma ú-ul i-šu ²⁸² «наследники Кубидану, человек против человека ничего не имеет» показывает, что они больше не должны претендовать на что-либо.

²⁸¹ И. Клима считает, что раздел происходит между тремя сыновьями и одной дочерью Таддуи (J. Klíma, *Untersuchungen*, S. 10). Признак, который дает возможность принимать одного из них за дочь — это имя собственное — Ама-Тэрра «рабыня бога Эрры». Но документ ничего не говорит о родстве Таддуи с участниками дележа.

²⁸² Шейль читает e-li-šu, но оговаривается, что, возможно, надо читать ul išu (MDP, XXIV, p. 2, p. 9). И. Клима (АО, 28/1, p. 9) эту часть переводит «никакой претензии не имеет», хотя и оставляет чтение Шейля.

Однако не всегда раздел происходит гладко. Особенно после смерти главы семьи, если остается какое-либо наследство, на оставшееся имущество предъявляются претензии со стороны неразделенных членов семьи (об этом речь шла выше в разделе «Домашняя община». Здесь мы приведем лишь данные документов).

Так, в документе № 330 некий Иби-Илабрат предъявляет претензию к Танули, сыну Пузур-Мазата, для получения наследственной доли (arlūtu). Хотя в документе не указана родственная связь претендующего на наследство с Танули, но поскольку у Иби-Илабрата существовало подобное право, то можно предположить, что он когда-то был в составе домашней общины Пузур-Мазата. Требование Иби-Илабрата удовлетворяется, и наследство делится, что соответственно отмечается в документе (стк. 17—24): ar-lu-sú-nu zi-za-at ga-am-ra-at I-bi-¹¹ Ilabrat ú ar-lu-šu e-li ar-li Puzur-ma-za-at di-pam ú a-wa-tám ù-ul i-šu-ú «Наследство их разделено, окончательно установлено. Иби-Илабрат и наследники его к наследникам Пузур-Мазата судебной претензии и иска не имеют».

В другом случае (№ 329) некий Белшунасир предъявляет претензии к самому Пузур-Мазату, в результате чего он получает свою долю наследства. В документе № 332 Пузур-Мазат обеспечивает долей двух других лиц. Родственные связи этих лиц, кроме упомянутого Танули, который был сыном Пузур-Мазата, неясны.

В документе № 331 отмечается факт передачи определенной суммы из наследства Адматили трем его сыновьям, несмотря на то что наследство в целом досталось Танули, сыну Адматили²⁸³. Подобные требования возникают лишь после смерти главы семьи, если даже при жизни он обеспечил своих детей. Танули — необес-

²⁸³ В связи с этим документом И. Клима отмечает, что отношение сыновей Адматили к этой оставшейся доле не указывается. К тому же остается неясным — является ли эта сумма остатком имущества Адматили или она выдана сыновьям Адматили, чтобы удовлетворить их требования (J. Klíma, *Untersuchungen*, S. 11). Поскольку в документе иск предъявляется к arlūtu ša Admatili, т. е. к «наследству Адматили», то скорее всего речь идет о разделе наследства, выраженного в деньгах. В документе нет указания на недвижимость. Вероятно, оставшаяся недвижимость переходила к сыну Адматили и лишь денежные средства были поделены между претендентами на наследство.

печенный сын (māgu) Адматили, а остальные трое его детей уже обеспечены (arlu). Поэтому естественно полагать, что Танули жил при отце, после смерти которого возникли претензии других сыновей на наследство.

В связи с этим обращает на себя внимание высказывание Э. Кюка, что раздел может быть произведен отцом при жизни или его сыновьями после его смерти, причем, по мнению Э. Кюка, часть имущества может остаться без раздела²⁸⁴. Таким образом Э. Кюк также отмечает в Эламе уже в период написания частноправовых документов раздел движимой и недвижимой собственности внутри семьи, но не связывает это с общим процессом распада общины, предполагающей коллективное землевладение. Как видно, в основном налицо процесс образования индивидуальных семей в результате таких разделов. Для этих документов характерны еще объединения двух, трех, четырех, реже — пяти, шести, семи, но не более, семейных ячеек. Пока сыновья находятся в доме отца, они являются равноправными членами домашней общины. После выделения из общего хозяйства каждый из них в отдельности образует новую семейную ячейку, если процесс разорения и потери земли не затрагивает их.

Раздел произошёл просто бросанием жребия. В документе № 167 зарегистрирован такой раздел хозяйства (стк. 1—6): Nam-i-šu ū Nu-ri-ja i-na ū-ba-ti-šu-nu i-na na-ar-a-mi-ti-šu-nu i-na eḫlētī¹¹-šu-nu is-qa-am id-du-ú-ma «Илам ишу и Нуря по доброй воле своей, по любви своей на поля свои жребий бросили». В результате этого доля (isqātu) каждого конкретно определяется в том или ином районе, при этом указываются их соседи (ср. также № 170, 172—173).

Представляет интерес документ № 172, который был предметом специального анализа Л. де Мейера. Приведем соответствующую часть этого документа (стк. 1—18): [É.DÙ].A rabū šu-ba-at a-bi-[šu-nu] itā Du-um-mu-ki-ja ū Be-el-šu-nu qa-du la bi-ri is-qa-at mA-ni-ih-Šu-ši É. DÙ.A A-wa-at-ti itā ¹¹Šamaš-na-šir ū itā Be-el-šu-nu is-qa

²⁸⁴ E. Cuq, *Les actes*, p. 53. Там же Э. Кюк отмечает, что раздел, кроме упомянутых лиц, мог быть произведен специальным лицом, называемым māg šipri ša awāte. Но последний выступает лишь в качестве свидетеля.

at m^l-ri-bi-ja É.D.U.A mŠil-li-Adad mu-šú-ú itā 11 Nin-ga is-ka-at mA-ni-ih-Šu-ši mu-šú-ú itā A-mu-ri-ja is-ka-at m^l-ri-bi-ja ḫa-ar-bu itā 11 Nin-gal is-ka-at mA-ni-ih-Šu-ši itā 11 Šamaš-še-mi is-ka-at m^l-ri-bi-ja b[u-ú]r-ta m^l-ri-[bi]-ja a-[na A]-ni-ih-Šu-ši i-ḫe-ge «Дом большой, жилище их отца, по соседству с Думмукией и Белшуну без промежуточной земли — доля Аних-Шушу; дом awattu²⁸⁵ по соседству с Шамашнасиром и Белшуну — доля Ирибли; дом Силли-Адада (и) проход по соседству с (храмом)²⁸⁶ богини Нангал — доля Аних-Шушу; проход по соседству с Амурией — доля Ирибли; пустошь по соседству с Шамашшеми — доля Ирибли; колодец Ирибли для Аних-Шушу должен выкопать». Слово la bi-gi в свое время Шейль читал слитно и давал ему значение «старый»²⁸⁷, отождествляя его с аналогичным однозначным аккадским словом. Этого перевода придерживался также И. Клима²⁸⁸. И действительно, la-bi-gi, если читать его слитно, восходит к аккадскому labāgu «быть старым» и имеет значение «старый». Таково его значение, например, в текстах соседних стран²⁸⁹. Однако в сузских частнопровых документах это слово не может иметь подобного значения, и читать надо la bi-gi. До последних лет это слово в научной литературе не было предметом специального анализа, да и значение его как будто бы не вызывало особых возражений. Лишь недавно Л. де Мейер слово bi-gi стал переводить «колодец», а выражению la-bi-gi, принимая первый слог за отрицание, придал значение «без колодца». Для доказательства последнего толкования он приводит текст документа № 172 и его перевод, а затем заключает, что встречающиеся в этом документе слова b[u-ú]r-tu «колодец» и bi-gi являются синонимами²⁹⁰, однако Л. де Мейер не дает подробного анализа других документов,

²⁸⁵ Л. де Мейер (L. de Meyer, *A propos de l'expression qadu lā bē-ri*, p. 202, п. 3) отмечает, что имя awattu в Сузах неизвестно и, может быть, имеется в виду É.D.U.A a-wi-la-ti = biṭ awilātim «дом госпожи» (букв. «госпож»).

²⁸⁶ Л. де Мейер (L. de Meyer, *Une famille susienne*, p. 12) понимает это слово как «часовня».

²⁸⁷ MDP, XXII, № 172, p. 13 sq.

²⁸⁸ J. Klima, *Untersuchungen*, S. 21.

²⁸⁹ Ср. например, F. Thureau-Dangin, *Notes Assyriologiques*, — RA, IX, 1912, № 1, p. 23; R. Harris, *Old Babylonian Temple Loans*, — JCS, vol. XIV, 1960, № 4, pp. 128, 130.

²⁹⁰ L. de Meyer, *A propos de l'expression qadu lā bē-ri*, p. 202 sq.

содержащих слово *bi-gu*²⁹¹. Именно он впервые увидел в слове *la-bi-gu* отрицание *la* и, следовательно, опроверг принятое до сих пор для этого слова значение «старый». Кстати, его мнение подтверждается тем, что в сузских документах слово «старый» передается в форме *li-ba-gu*²⁹². Этот факт действительно не дает возможности отождествлять *la-bi-gu* с *li-ba-gu*: последнее слово, судя по контексту, явно имеет значение «старый». Что касается слова *bi-gu* в тексте № 172, то оно обозначает промежуточную землю, как мы и перевели выше. (Остальные аргументы даны нами ниже, в IV главе). Поскольку дом находился по соседству с домами других лиц, то между ними был, видимо, какой-то участок, который исключался из этого раздела или же переходил к Ирлбии, поскольку он также получает дом по соседству с Белшуну, но там не упомянуто выражение *qa-du la bi-gi* «без промежуточной земли», тогда как в стк. 3, когда определяется доля Аних-Шушу, указанное выражение следовало за упоминанием Белшуну. Отсюда вытекает, что земля, находящаяся рядом с Белшуну, переходила к Ирлбии, поэтому и нет никакого упоминания о ней в строке 6. Л. де Мейер, ставивший целью восстановить генеалогию рода Эмбубу, отца Аних-Шушу и Ирлбии, полагает, что речь идет об ограниченном разделе имущества, которым владел их отец Эмбубу в определенном месте²⁹³. Однако это мнение явно противоречит содержанию документов, в частности документа № 172:20—25: *ala u [sé]-ra lu-bu-un-šu-nu u <ma>-aš-ga-šu-nu zi-zu me-šú-ú du-pu-gu ma-u-šu-nu a-na aḫ-ma-mi u šu-nu a-na aḫ-ma-mi u-ul i-te-bu ša u-ul zi-za-ku i-qa-bu-ú i-na a-wa-at ili u šarri li-ši* «Поселение и степь, бедность их и богатство их разделили, (а именно) положили, раздвинули. Дети их друг на друга и они сами друг на друга не поднимутся (с претензией): тот, кто „я не делал“ скажет, тот к слову бога и царя пусть выйдет». Хотя Л.

²⁹¹ Более подробное изложение см. в главе «Частное хозяйство», в разделе «Аренда».

²⁹² *rātu ša iši li-ba-gi* «(на) границе (у) старого дерева» (MDP, XXIII, № 234:23).

²⁹³ L. de Meyer, *Une famille susienne*, p. 11. Л. де Мейер предполагает, что этим местом был «большой район» (BAL GAL). Однако текст определяет как место расположения имущества и поселение, и степь, т. е. все районы.

де Мейер рассматривает это как общее условие²⁹⁴, но именно оно показывает, что эти два брата полностью разделили все свое имущество, находящееся в поселении и вне его²⁹⁵. Кроме того, поскольку раздел был произведен посредством жеребьевки («разложили, раздвинули»), то вряд ли можно говорить о том, что один из братьев, будучи старшим, получил предпочтительную долю. В результате раздела один из братьев, а именно Аних-Шушу, получает: 1) дом без промежуточной земли; 2) проход; 3) пустошь. Другой брат, Ирибия, получает: 1) дом (с промежуточной землей); 2) проход; 3) пустошь. Но Ирибия должен был рыть колодец своему брату²⁹⁶. Так что здесь не может быть и речи о том, что кто-либо из братьев получает лишнюю долю, если не считать того, что Ирибии досталась промежуточная земля, поскольку она входила в состав одного жребия. Конечно, один из братьев был старшим, вероятно, таковым был Аних-Шушу, поскольку он перечисляется первым²⁹⁷. Ирибия обязуется рыть для него колодец не потому, что он был младшим. Как правило, каждое хозяйство имеет свой колодец для бытовых нужд. При разделе этот колодец, по-видимому, оказался в доле Ирибии, и поэтому он роет колодец²⁹⁸ другой стороне, т. е. брату. А может быть, Ирибия был связан какими-то неизвестными нам обязательствами по отношению к брату.

Привлекая документ № 170, Л. де Мейер полагает, что один из сыновей Аних-Шушу (упомянутый в документе № 172), Дамкия, получает землю сверх доли²⁹⁹. В этом документе подлежит разделу поле (eḫlu), причем,

²⁹⁴ L. de Meyer, *Une famille susienne*, p. 11.

²⁹⁵ Может быть, другие братья, если они имелись, были обеспечены отцом, и поэтому они не участвовали в этом разделе.

²⁹⁶ Почти те же самые доли для братьев отмечает Л. де Мейер (L. de Meyer, *Une famille susienne*, p. 12 sq.).

²⁹⁷ *Ibid.*, p. 10 sq.

²⁹⁸ К сожалению, эламские документы не дают никаких сведений о разделе арыков и маленьких каналов, которые проходили через земли домашней общины. Скорее всего, они были неделимы. Например, в Вавилонии встречаются факты, когда после раздела канал и арыки оставались в коллективном владении братьев (ср. J. G. Lautner, *Rechtsverhältnisse an Grenzmauern*, — «Symbolae... Paulo Koschaker». Leiden, 1939, S. 77, Anm. 4).

²⁹⁹ L. de Meyer, *Une famille susienne*, p. 15. Там же Л. де Мейер уточняет чтение одного из имен.

как видно из документа (стк. 1—12), дележ производится на равные доли. В строке 13 упоминается *eḫlu šā la-si-mi itā I-ri-bi-ja*, дальше текст фрагментарный, и делать какие-либо заключения о предпочтительной доле не представляется возможным. Если даже видеть в фрагментарной части имя Дамкии, как восстанавливает Л. де Мейер³⁰⁰, все равно речь не идет о предпочтительной доле, а о поле *lāsīmu*, которое принадлежало государству и выдавалось отдельным лицам за службу³⁰¹. Дамкиа получает это поле потому, что он продолжает нести государственную службу. Поэтому предположение, что старший в эламской семье имел право на дополнительную долю, недоказуемо. Наоборот, общее содержание приведенных документов наводит на мысль, что такого права не было, что все дети получали равную долю.

Лица, получившие свою долю в результате раздела, при определенных обстоятельствах, т. е. в случае неполного раздела отцовского имущества, могли предъявить претензию к тому, кто наследовал их отцу. Обычно, как было показано выше, подобные претензии предъявлялись по поводу движимой собственности. Кто же были эти лица, которые после смерти отца претендовали на его имущество? Нам кажется, что общую картину в определенной степени можно воссоздать, опираясь на упомянутые уже документальные данные, и, в свою очередь исходя из общей картины, объяснить детали.

Пока жив глава семьи — отец или один из братьев, который руководил семейным хозяйством после смерти отца (а случаи главенства одного из сыновей над отцовским родом, следовательно, и над общим хозяйством уже были приведены), — до тех пор в семье существовало коллективное владение недвижимостью в зависимости от степени развития имущественного расслоения внутри домашней общины. Это имущество индивидуальной семьи было полностью или частично ее собственностью. Распад единого хозяйства наступал не только после смерти главы семьи, но и при его жизни. По тем или иным причинам дети могли быть обеспечены недвижимостью и получить свою долю при жизни отца. Получая свою до-

³⁰⁰ Ibid., pp. 15—17.

³⁰¹ Подробнее говорится об этом в главе III, в разделе «Государственное хозяйство».

лю, тот или иной сын отделялся от общего хозяйства и организовывал самостоятельную семейную ячейку, которая впоследствии вырастала в домашнюю общину, состоящую из нескольких семей — потомков. Вероятно, в некоторых случаях не было хозяйственной самостоятельности индивидуальных семей. Но и после смерти отца единое хозяйство, состоящее из семей братьев, чаще всего продолжало свое существование. Случаи, когда производится раздел имущества между братьями, иногда можно считать разделом существовавшего и после смерти отца общего хозяйства. Этот раздел наступает не в результате каких-либо случайных ссор. Если даже они и возникали и приводили к распаду общего хозяйства, то за ними крылись социальные и экономические причины. Именно имущественная дифференциация индивидуальных семей, появившаяся в домашней общине, вела к ее разрушению и дроблению.

Вероятно, бывали случаи, когда раздел имущества домашней общины оstarивался и требовался новый пересмотр дела. Несколько эти требования были справедливыми, мы не знаем. Но чтобы они не возникали, в документе предусматривался ряд клаузул. Обратимся к одной из таких клаузул, зафиксированных в документе № 16 (стк. 17 и сл.): [šū-nu a-wa]-ta [a-na aḥ]-ma-mi ú-ul i-šū-ú [šū-nu a-n]a aḥ-ma-mi ú māre^{mes}-šū-nu [a-na aḥ-ma]-mi ú-ul i-ta-[eb-bu-ú šā ú-ul] zi-za-ku ú-ul du-up-[pu-ra-ku ú-ul me]-ša-ku ú-ul ta-ma-ku [i-ka-ab]-bu-ú [a-na me]-e il-la-ak-ma [i-na me-e] lu-li-i i[šā-z]i [ka-aḥ-ka]-as-sú li-im-ḥa-aš [i-na a]-wa-at ili ú ša-ri li-ší [ḥa-at-t]u šā ili ú šarri [i-na k]a-aḥ-ka-di-šū li-iš-šā-ki-in «[О]на претенз[ий] [друг к другу] не имеют. [О]на [и] друг на друга и дети их [друг] на друга не подним[утся]; тот, кто „я не делил, я не раздв[и]нул, я не по[л]ожил, я не клялся“ [скаж]ет, тот [в воду] должен пойти; (если) [из воды] поднимется, бог Шази [гол]ову его пусть разобьет, [на] ответ к богу и царю пусть выйдет, [гнев] бога и царя [на г]олову его пусть будет возложен»³⁰².

³⁰² Эта клаузула не всегда пишется полностью. Иногда приводится только начало клаузулы, и то в измененном виде. Например, в документе № 171 (стк. 8 и сл.) она выглядит так: a-wi-lum a-na a-wi-li-im ú-ul i-te-bu ma-ru-šū-nu a-na aḥ-ma-ḥi-im ú-ul i-ra-ga-mi «Человек на человека не поднимется, сыновья их друг другу не предъявят иск».

Согласно этой клаузуле, раздел признавался окончательным и с юридической точки зрения каждая из сторон получала право собственности на ту долю, которая выпала ей в результате дележа. Если же кто-то требовал пересмотра содержания сделки, ссылаясь на то, что раздел произведен незаконно, то он подвергался наказанию — его бросали в воду. Иначе говоря, его испытывала водой. Вероятно, этот шаг предпринимался для восстановления истины. Но документы явно указывают на то, что испытание водой могло быть также наказанием.

Очевидно, лицо, выразившее впоследствии несогласие с заключенной сделкой, рассматривалось как правонарушитель. Это особенно наглядно показывает другая клаузула, которая обычно писалась в заключительной части документа. Приведем пример из № 167 (стк. 31 и сл.): niš Te-em-ti-a-gu-un sukkalmaḥḥim ù Ku-uk-¹¹Na-šu-úr ša ibba-la-ak-ka-tu ri-it-ta-šu ù li-ša-an-šu i-na-ak-ki-sú 10 MA.N-A kaspi lšakkal ù ki-de-en ¹¹nšušinak il-pu-ut «Жизнью Темитиагуна, великого суккала, и Кук-Нашура (покаялся): кто нарушит (сделку), руку его и язык ему отрежут, 10 мин сиклей серебра отвесит, и защита Ияшушинака его поразит»³⁰³.

На основании наличия множества клаузул, предупреждающих нарушение сделки, можно сказать, что подобные разделы имущества должны были закрепить за каждым участником дележа право собственности на достигающую ему наследственную долю.

Распадающаяся домашняя община создавала предпосылки и условия для образования новых, индивидуальных семей из-за неравного экономического развития, и приводила к обеднению и подчинению им слабых семей. Результатом этого и была продажа земли, отдача ее под заем и т. д.

Следует отметить, что не всегда возможно установить по документам, продолжает ли домашняя община

³⁰³ Глагол *larpātu* «прикасаться», «поражать» стоит в прошедшем времени, хотя сообразно с предыдущими должен иметь форму настоящего-будущего времени. Это не характерно для аккадского языка. В старовавилонских документах в аналогичном контексте этот глагол стоит в презенсе (ср. S. D. Simmons, *Early Old Babylonian Tablets from Hama and Elsewhere*, — JCS, vol. XV, 1961, № 3, p. 81). Вероятно, это результат влияния эламского языка. В эламском языке во избежание скопления глаголов в настоящем времени в одной большой фразе последний глагол ставился в прошедшем времени.

свое существование после раздела или она распадается на индивидуальные хозяйства. Но в ряде случаев, бесспорно, имеет место распад коллективных хозяйств. Распад единого хозяйства нужно понимать как относительный. Распавшиеся на несколько семей хозяйства, каждое в отдельности, образовывали новые объединения по экономической потребности, а не по родству хозяев; пример такого образования — это искусственно воссозданные братства. Разложение домашней общины фактически приводит, с одной стороны, к ее филиации, с другой — к возникновению объединенных хозяйств по образцу кровнородственной домашней общины.

Глава III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ХРАМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Государственное хозяйство

Наряду с упомянутыми выше типами хозяйства во всех странах Передней Азии, в том числе в Эламе, существовал и другой тип хозяйства, а именно хозяйство государственное (царское), основанное на эксплуатации не только рабского труда, но и труда зависимых работников. Само царское хозяйство делилось на две отрасли: сельскохозяйственную и ремесленную, которые, вероятно, существовали обособленно, хотя ремесленник, как держатель царской земли, мог заниматься и обработкой выделенного ему надела. Но он был обязан изготавливать ремесленные изделия и в этом отношении был работником ремесленного хозяйства.

Если о ремесленном хозяйстве I тысячелетия до н. э. дают представление хозяйственные документы из Суз¹, то о земледельческом хозяйстве можно почерпнуть сведения из частнопровых документов².

Как известно, Элам был горной страной. Плодородные долины были расположены между горами. Вода рек Керхи и Карун, прорезавших территорию Элама, использовалась для орошения земель, расположенных на равнине. Такой ландшафт, соединяющий горные массивы

¹ MDP, IX, 1909; Ю. Б. Юсифов, *Эламские хозяйственные документы из Суз*, — ВДИ, 1963, № 3, стр. 201—261.

² MDP, XXII, 1931; XXIII, 1932; XXIV, 1933; XXVIII, 1939. Первоначальные наброски о царском хозяйстве сделаны нами в статье: Ю. Б. Юсифов, *Купля-продажа недвижимого имущества*, стр. 7 и сл.

с равнинами, создавал предпосылки для развития земледелия, с одной стороны, скотоводства — с другой. Государственные земли, вероятно, были расположены в наиболее благоприятных для земледелия местах. К сожалению, те сведения, которые можно почерпнуть из частноправовых документов, относятся лишь к сельскохозяйственной отрасли государственного хозяйства. О скотоводстве почти никаких прямых данных нет.

Государственные земли выдавались отдельным частным лицам. Так, в документе № 289 речь идет о пожаловании царской земли частному лицу (стк.1—2): a-pa Ku-du-ur-¹¹Humpan wardi¹¹-šu i-pu-un-ma 3 GUR zēr eḳli šà ekalli¹¹ «Кудур-Хумпану, слуге своему, оказал милость, и 3 гур площадью поле дворца (ему отдал)».

Поскольку документ неполон, то нельзя быть уверенным, что речь идет именно о подарке. Но эта формула, как увидим ниже, характерна для царских иммунитетных документов. Учитывая это, можно предположить, что земля была выдана Кудур-Хумпану в пользование. Было ли оно пожизненным или временным — сказать точно нельзя. Каков бы ни был характер передачи царских земель, вероятно, в подобных случаях земледельцу не передавалось право собственности; это право сохранилось только за царской властью, а земледелец должен был стать лишь временным владельцем дворцовой земли. Если даже государственная земля выдавалась лицу на неопределенный срок и последнее передавало ее по наследству, все равно в конечном итоге собственником ее считалась царская власть. Сказанное подтверждается нижеследующими данными.

Государственная земля могла находиться в коллективном семейном владении. В этой связи интересен документ № 167, в котором зарегистрирован раздел недвижимого имущества двух братьев, которые до этого раздела вели общее хозяйство (стк. 7—13): eḳel 40 (ka) zēr-šu šà ¹¹iskiri ekallim¹¹ ma-aš-ki-it atap E-te-em-mi ù eḳel 20 (ka) zēr-šu ma-aš-ki-it atappli rabī is-qa-at ^mNu-ri-la eḳel 70 (ka) zēr-šu palī IG¹.URU.ḲI ma-aš-ki-it Da-la-tam-ti is-qa-at ^mlu-la-mi-šu «Поле 40 ка площадью (из) сада дворца, орошаемое каналом Эгемму и поле 20 ка площадью, орошаемое большим каналом, — доля Нурин; поле 70 ка площадью района „перед поселением“, орошаемое каналом Далатамту, — доля Илуламишу». В этом тек-

сте вместо обычного eḫel ekallim записано eḫel šà iškiri ekallim, что, по сути дела, передает то же самое понятие, т. е. в обоих случаях имеется в виду царская земля. Как эта земля попала в состав имущества семьи?

Выше было отмечено, государственная земля выдавалась частным лицам в пользование. Следовательно, можно полагать, что дворцовая земля была выдана отцу этих братьев, который и передал им ее по наследству, или же после его смерти это поле осталось в составе наделов его семьи. Иными словами, братья получили право владения землей. А в данном случае речь идет о разделе недвижимости, в составе которой имеется земля из числа государственных. Один из братьев — Илуламишу получает 70 ка земли, а другому — Нурии достается 20 ка из отцовской земли и 40 ка из государственной. Не говорит ли это о том, что царская земля была лучше, чем собственная земля? Во всяком случае возможность существования такой разницы нельзя оспаривать. Сначала дворцовая земля находилась в совместном владении братьев задолго до раздела недвижимости. Судя по разделу, казалось бы, можно предположить, что дворцовая земля находилась в частной собственности братьев. Однако это не так. Владелец подобной земли, видимо, находился на службе у царя и за службу получал дворцовую землю. Вероятно, сначала их отец был на государственной службе, а после него один из братьев занял его место, хотя земля обрабатывалась общими усилиями членов семьи. Но после распада общего хозяйства она перешла к тому, кто находился на царской службе. Этот факт к тому же показывает, что дворцовые земли, выданные отдельным лицам в пользование, могли быть предметом дележа, передаваться другому лицу, но верховным собственником этих земель была царская власть, поскольку царская земля (eḫel ekallim) выделялась из состава остальной недвижимости, подлежащей дележу. Аналогичные отношения наблюдаются и в соседних странах³.

³ В Вавилонии периода правления Хаммураби частные лица могли владеть и пользоваться царской землей, но право собственности и распоряжения оставалось за царем (см. И. М. Дьяконов, *Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства*, — ВДИ, 1952, № 3, стр. 270). В Хеттском царстве передача подобных земель другому лицу была связана с обязательным несением царских повинностей приобретателем земли (И. М. Дьяконов, *Законы*, стр. 294).

Таким образом, в Эламе существовали повинностные земли, которые выдавались свободным земледельцам за несение службы. Подобные земли могли находиться в коллективном владении и фигурировать в разделе, но и после раздела получивший дворцовую землю должен был выполнять обязательства, связанные с владением этой землей.

Выдача отдельным землевладельцам крупных земельных участков из государственного земельного фонда практиковалась эламскими царями. В одном царском документе зарегистрирована выдача земли сразу двум лицам. В заглавной фразе этого документа, изданного А. Унгнадом⁴, говорится: ^mKu-uk-ka-^{II}Na-še-er sukka-l-mi-[h̄um]⁶ sukka-l Elamtim^{kl} bēl⁶... [Ši-ma-aški Š[u-ši-im^{kl}] māg a-ḥa-ti-šu šà Ši-il-ḥa-ḥa a-na Šu-uk-šu ù Ma-ḥi-ši šà ali^{kl} Ḥu-um-ma-an^{kl} wardi^{meš} i-nu-un-ma «Кук-Нашир, суккалмах, суккал Элама, владыка (?) ...Симаша, Суз, сын сестры Шилхахи, (в отношении) Шукшу и Махису, которые из поселения Хумман, слуг (своих), оказал милость».

Подобная заглавная фраза характерна для всех царских пожалований. Два лица — Шукшу и Махису — получают землю «от Хутукукме до Хутешекина, от Аслрара до Хитпули, от Манхацура до Шумахази» (стк. 7—10). Получатели царской земли, как видно из документа, были жителями поселения Хумман. Выражение ali^{kl} Ḥu-um-ma-an^{kl} само по себе не позволяет определить, идет ли речь об общинной организации, т. е. сельской общине, представителями которой были упомянутые лица, или имеется в виду неорганизованное поселение, разбитое на частные владения. Если бы эти земли дарились сельской общине, то в документе не упоминались бы имена частных лиц — Шукшу и Махису.

К сожалению, документ в остальной части фрагментарен, но кое-какие важные моменты более или менее поддаются объяснению. В строке 15 сохранилась непол-

⁴ A. Ungnad, *Untersuchungen zu den Urkunden aus Dilbat*, — «Beiträge zur Assyriologie», VI, 5, 1909, S. 3—5.

⁵ А. Унгнад отмечает, что это чтение возможно, но в тексте читает sukka-lum šigum]. Однако, вероятно, правильно приведенное выше чтение.

⁶ А. Унгнад читает EN и сомневается в его правильности. Мы предположительно читаем bēlu «владыка».

ная фраза: *du-ul-lam it-ti mārē meš ālki* ?... [*ū-ba-lu-ū*] «(повинностную) работу вместе с сыновьями поселения (такого-то) [должны нести]». Отсюда вытекает, что царская власть устанавливала состав людей, которые должны были выполнять повинностные работы на этих землях. Термин *mārē meš ālki*, собственно говоря, относится к гражданам, общинникам. Приведенная клаузула позволяет заключить, что Шукшу и Махису, которым была передана царская повинностная земля, будут выполнять повинность вместе с гражданами соответствующей общины. Можно полагать, что речь идет о принудительном привлечении населения соответствующих сел или граждан той или иной общины для выполнения повинностей на государственной земле.

В строке 17 имеется фраза: *ma-šu-sú-ni ša-ak-na-[at]* «*mašūtu* их установлено». Ниже для слова *mašūtu* мы даем значение «освобождение от налога, повинностей», «льгота»⁷. Следовательно, владение государственной землей и несение службы имело то преимущество, что суккалмах или суккал освобождал⁸ владельцев подобной земли от налогов, несения других видов повинностей и нарушение кем-либо этой установки правителя влекло за собой наказание богов (стк. 19—23). Таким образом, владельцы государственной земли должны были нести на ней трудовую повинность, но и вместе с тем они освобождались от других видов повинностей и налогов. Одним словом, государство предоставляло землю на льготных условиях.

Суккал выступает не просто как землеустроитель, а является верховным распорядителем государственного

⁷ Далее разбито, хотя А. Унгнад добавляет еще *zu(?)*. Однако, вероятно, в лакуне после названия поселения, если оно стояло там, следовал глагол *wabālu* «нести». Как увидим ниже, слово *dullu* после себя требует этого глагола и передает значение всякой, а не лишь повинностной работы.

⁸ А. Унгнад читает *ba-šu-zu-ni* и переводит «необработанное поле». Но этот перевод не верен и не подходит по контексту. Судя по другим аналогиям из документов, здесь стояло слово *mašūtu* «завещение» (см. ниже).

⁹ В фрагментарном документе № 396 суккал Суз Сивепалархупак назначает своему слуге Кук-Хумпану освобождение (*za-kā-am*). Далее документ разбит, но сохранилось «15(?) баранов(?)», как было установлено Шейлем. Но Шейль, судя по его переводу, считает, что речь идет о должностном лице — *zagu* (см. MDP, XXVIII, p. 39).

фонда. О других категориях государственных земель, которые распределялись суккалом, свидетельствуют документы № 282—283. В начале документа № 283 (стк. 1—8) говорится: mKu-uk-¹¹Na-šu-úr sukkaš Ŝu-ši-im māraḫāti-šu šà Te-im-ti-a-gu-un a-na ¹¹Sin-im-gur-an-ni wardi-šu i-nu-un-ma eḫlētīmeš ú iṣkirātīmeš šà kù-gu-ma-ti šà rē'ēmeš rēdēmeš ú a-mu-úr-ri-i šà a-na šī-mi-im ga-am-ri-im i-šà-mu-ú-ma šú-ul-lu-um II-iš-šà-ki-in «Кук-Нашур, суккал Суз, сын сестры Темтиагуна, Снимгуранни, слуге своему, оказал милость, и полям и садам кормления пастухов, воинов и жителей запада¹⁰, которые по цене полной тот купил, сень (защита) пусть будет установлена»¹¹.

Этот отрывок дает сравнительно новые сведения о самом царском хозяйстве, о категории повинностных земель и т. д. Из этого и сказанного выше мы узнаем, во-первых, что суккал был правомочным лицом не только при пожаловании, но и в установлении льгот, т. е. в освобождении от повинностей, налогов и назначении защиты государственных земель, выданных частным лицам; во-вторых, что земля, пожалованная землевладельцу, могла быть предметом купли-продажи, т. е. отчуждалась, но вместе с отчуждением передавались, вероятно, и обязанности, связанные с несением службы, причем все это подлежало повторному утверждению суккалом. Следовательно, под каким бы видом ни передавалась государственная земля, контроль царской власти над ней существовал; в-третьих, государственные земли выдавались пастухам, воинам и «жителям запада» в пользование за службу. Новый владелец, купивший «поле кормления», видимо, не имел никакого отношения к воинскому, пастушескому и другим видам службы. В тексте ясно говорится, что он купил землю из состава той категории, которая была предназначена для кормления упомянутых людей. Но владелец подобной земли, если он был в состоянии, видимо, выделял специальных людей для несения соответствующей службы. Эти общие выводы подтверждаются как предыдущими, так и нижеследующими фактами.

¹⁰ О категории земель «жителей запада» речь пойдет в соответствующих разделах.

¹¹ К сожалению, продолжение документа разбито, а сохранившиеся части фрагментарны.

В этом случае необходимо пока отметить два момента. Выражение «по полной цене купил» характерно для всех тех частнопровых документов, в которых речь идет о купле и продаже. Следовательно, в документе речь идет о купленном частным лицом поле, которое было из числа надельных земель, предназначенных для воинов, пастухов, «жителей запада» и т. д. Это первый момент.

Второй момент состоит в том, что устанавливается «сень» правителя, т. е. защита со стороны царской власти. Значит, подобные земли никогда не выходили за пределы сферы контроля государства.

В документе № 284 в отличие от предыдущего случая дарственная запись принадлежит царю Суз Сиртуху, «сыну сестры» Кук-Нашура. Документ сохранился плохо, но, в частности, строки 12—14 дают следующее: [a-na Nu-úr-¹¹inšu]š¹²nak [i-di-in]-ma i-ki-iš [m¹³-šu-us-sú] ša-ak-na-at «Нур-Ишущинаку отдал и подарил, освобождение его установлено». Далее (стк. 21—22) говорится: ma-am-ma ha-wi-ir ša ú-ul na-di-[in] i-[ka-bu-ú] «(Если) кто-либо следующий (из царей)¹² „не дада“ скажет...¹³».

Здесь имеется в виду передача в собственность. Несмотря на это, для нового владельца также устанавливается mašutu — освобождение от налогов. Видимо, это и есть та льгота, которая предоставлялась владельцам царских земель. Примечательно, что дарующее лицо — царь¹⁴, а не суккал, и что предупреждение об отнятии имущества направлено против последующего правителя.

Но в тех случаях, когда дарение производится суккалом, подобное предупреждение направляется против царя, что нашло свое отражение в документе № 282, который ввиду его важности приводится ниже полностью: [Ku-uk]-¹¹[Na-šu-úr suk]kal Elamtim¹¹im ù Simaš^{ki} [ma]r aḫati-šu-ša Ši-il-ḫa-ḫa [a-n]a ¹¹Šin-im-gur-an-ni wardi-šu i-nu-

¹² Это выражение восстанавливается на основании другого текста. Здесь ḫawir — не название должности, как полагали; Э. Кюк (E. Cuyq, *Le droit élamite*, p. 155 sq.), по-видимому, отождествляет ḫawir с судебными властями.

¹³ Продолжение разбито; вероятно, следовала обычная формула проклятия.

¹⁴ Имеется свидетельство о дарении суккалом Аддахушу топора своему слуге Эанему (см. G. Dossin, *Bronzes Inscrites du Luristan de la Collection Foroughi*, — «Iranica Antiqua», vol. II, fasc. 2, 1962, p. 157).

un-ma eḫlētīmeš-šu agēmeš-šu eḫlētīmeš rē'emeš wa-at-ta-ri-
a-mu-úr-ri-li ú la-sí-mi šà a-na ší-mi-lm ga-am-ri-lm i-šà-
mu-ma iš-tu Te-im-ti-a-gu-un ku-bu-us-sa-am iš-ku-nu-ú-ma
Ku-uk-¹⁵Na-šu-úr ú-uš-ši-iš-ma ú-ti-ir-šum ma-šu-us-sú iš-
ku-un šú-ul-lu-um ú ku-bu-us-sú-um li-iš-šà-ki-lm ma ma-am-
ma-an eḫlam ú-ul l-ik-ki-lm-šu ḥa-am-da-ga-ar ú ku-um-di-
il-ḫi ú sukkallum mimma ma-am-ma-an a-na ba-bi ú-ul i-šà-
as-sí išepinna-šu ú-ul iš-ša-ba-at šú-ḥa-ru-šu ú-ul us-sa-am-
ba immēri šà-am-mi-šu ú-ul iš-ša-ab-ba-at ma-šu-us-sú šà-
ak-na-at ma-am-ma-an ḥa-wi-lr šà ma-šu-us-sú ú-šà-aḫ-ḫu-ú
šú-ul-la-am ú ku-bu-us-sa-am ú-ma-aḫ-ḥa-ru-šu l-na a-wa-at
¹⁶Ḫumpan ú ¹⁷lnšušinak li-i-ší ḥa-at-tum Ku-uk-¹⁸Na-šu-úr
l-na ḳa-aḳ-ḳa-li-šu li-iš-šà-ki-lm «Кук-Нашур, суккал Элама
и Симаша, сын сестры Шиллахи, Синимгурани, рабу
своему, оказал милость, и затем поля его, воды его,
поля пастухов, воинов, wattārū, „жителей за-
пада“ и lāsīmū—то, что за полную цену (Синимгурани)
купил, после (того как) Темитиагун правило (т. е. за-
щиту) установил, а Кук-Нашур возобновил его, вернул
ему, освобождение (от повинности) его установил. Защи-
та и правило пусть будут назначены (в будущем), и
никто поле не сможет отнять у него: (ни) ḥamdagar, (ни)
kumdilḫi, (ни) суккал; ничего никто к воротам не должен
вызывать¹⁶, плуг его не будет взят, рабы его не будут
уведены¹⁷, бараны травы его не будут взяты¹⁷, (ибо)
освобождение его установлено. (Если) кто-либо из по-
следующих царей¹⁸, который освобождение его взы-

¹⁵ Ср. Ф. Крауз (F. R. Kraus, *Ein Edikt des Königs Ammišaduga von Babylon*, Leiden, 1958, S. 36—37, 57—58) дает значение «выступать против...» на основании вавилонских документов.

¹⁶ «*Assyrian Dictionary*» (E. Chicago, 1958, p. 236) последние две фразы переводит: «его плуг не будет захвачен, его слуги не будут удалены».

¹⁷ Д. Эванс (D. G. Evans, *The Incidence of Labour-Service in the Old Babylonian Period*, — JAOS, vol. 83, № 1, 1963, p. 22, п. 13) из этой фразы неоправданно делает заключение, что царь освобождает должностное лицо от пастьбы стад овец (которые якобы, судя по контексту, были царскими) на своей земле. Во-первых, контекст как раз показывает, что овцы принадлежали должностному лицу; во-вторых, там ни о какой пастьбе нет и речи. Здесь речь идет об освобождении от повинностей.

¹⁸ Перевод ḥawir как «должностное лицо» не оправдывает себя. Вероятно, выражение ḥawir sukkir — целиком эламского происхождения и, как показала Э. Райнер, имеет значение «следующий царь» (см. E. Reiner, *Elamite ḥawir sukkir*, — JCS, № 7, 1957, p. 33 sq.).

щег¹⁹, защите и правилу его будет противостоять, на ответ (к богам) Хумпану и Иншушинаку пусть выйдет, проклятие Кук-Нашура на голову его пусть будет возложено»²⁰.

В этом документе полностью представлено то, о чем говорилось выше. Кроме того, данные этого документа позволяют расширить наши представления о царском хозяйстве, о характере земель и т. д. Из него вытекает, что льгота на эту землю была установлена еще Темптиагуном, а Кук-Нашур лишь возобновил ее и вновь установил, вернее, подтвердил прежний иммунитет, причем нарушать назначенное освобождение от повинностей не должен никто из последующих царей. Однако из дальнейшего видно, что освобождение от повинностей и сборов было только частичным и ряд обязанностей продолжал лежать на владельце. Таким образом, подтверждается высказанная выше мысль, что лицо, которому была предоставлена земля из государственного фонда, пользовалось ею на правах владельца, а не собственника, и что владение подобными землями периодически контролировалось со стороны царской власти.

Какие же еще данные можно извлечь из этого документа? Для того чтобы не быть голословным, к данным этого документа следует привлечь и другие. Это необходимо тем более потому, что в приведенном документе отражены различные аспекты, так или иначе связанные с государственным хозяйством.

Владение землей и водой. В приведенном выше документе имеется выражение *eklētī-šu agē-šu*, которое мы перевели «поля его, воды его». Слово *agē* собственно не «вода», а «разлив» «течение (воды)»²¹. Может быть, под этим словом подразумевается право поль-

¹⁹ Не совсем понятно, от какого глагола образована эта форма. Можно объяснить ее происхождение от глагола *šē'u* «взыскивать» — *uša'u* (*ušaḥḥū*). Тогда *ušaḥḥū* (*uša'u*) можно перевести «взыщет» (т. е. от чего дано освобождение).

²⁰ У Шейля этот текст переведен не полностью, некоторые слова не получили толкования. Первоначальный перевод этого документа см. Ю. Б. Юсифов, *Купля-продажа недвижимого имущества*, стр. 7 и сл.

²¹ Имеет несколько значений, связанных с поступающей водой (см. W. Muss-Arnolt, *Assyrisch-Englisch-Deutsches Handwörterbuch*, Berlin, 1905, S. 13).

зования водами ирригационной системы или бассейнов и цистерн. Может быть, это даже ручьи, родники, расположенные на землях Синимгурани. Фраза «за полную цену купил» может относиться как к этому выражению, так и к тому, где говорится о полях воинов, пастухов и т. д. Но последние в документе отделены от первых. Здесь возникает вопрос, были ли «поля его, воды его» государственными или принадлежали Синимгурани на правах собственности? Если под «водами его» подразумевать его право пользования ирригационной системой, остается непонятным наличие местоимения -šū «его» в этом слове. Оно же фигурирует в «полях его». Уже это обстоятельство дает нам основание «поля его, воды его» считать собственностью самого покупателя. Видимо, Синимгурани владел большими земельными участками и запасами воды. Именно над ними устанавливается защита. В связи с этим упомянутые в документах колодцы, арыки, каналы предстают в ином свете. Обычно эти колодцы, каналы, арыки носили то или иное название по именам собственным, вероятно, именам их нынешних владельцев. Значит, водоемы также могли находиться в частной собственности или во владении. Там, где не было достаточной воды для орошения полей, приходилось рыть каналы, колодцы, водоемы. Конечно, здесь не имеются в виду магистральные каналы, которые могли принадлежать государству, храму, общине. Однако вода в арыки поступала из этих больших каналов. Естественно, владельцы повинностных полей могли пользоваться водами этих больших каналов.

Наделы пастухов и воинов. Как было видно, в приведенном документе имелись поля, носящие название *eḫlētī gē'ē gēdē* «поля пастухов, воинов». Подобные земли обычно назывались *eḫlētī šā kurummati* «поля кормления» (ср. № 283), т. е. эти земли выдавались пастухам, воинам и другим за службу у царя; они продавались и покупались. Аналогичные земельные наделы существовали в Вавилонии этого времени²². То, что было

²² В Вавилонии времени Хаммураби существовало несколько категорий царских земель, одна из которых была *eḫlum kurummatum* «поле кормления», выдаваемое за службу (см. И. М. Дьяконов, *Mušškēnum и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби*, — «Eos», XLVIII, 1, 1956, стр. 42 и сл.).

выдано *gēdum* и *bā'igum* — различным категориям воинов — за службу, не могло отчуждаться, но могло быть отдано в аренду²³. То же самое касается скота, пожалованного воину царем²⁴.

Однако в Эламе, в отличие от Вавилонии, где наделы воинов не подлежали отчуждению, земли, принадлежащие государственному фонду и выданные воинам, могли быть объектом купли-продажи, как и наделы пастухов и других государственных служащих. Однако неясным остается одно — несло ли воинскую повинность лицо, которое приобретало надел из поля кормления, само или для этого оно выделяло специальных людей. Видимо, сам владелец не мог лично нести повинность и воина и пастуха и выполнять прочие обязанности. Очевидно, он должен был либо обеспечить несение этих служб кем-то другим, либо земли переходили к нему вместе с сидевшими на них государственными служащими.

В царском хозяйстве существовали земельные наделы, выделенные для пастухов. Это обстоятельство позволяет предположить, что в государственном хозяйстве были большие стада, для пастбы которых содержались специальные пастухи. Они за свою службу получали царские земли.

Поле людей *амиггū*. Выделение земли для людей, называемых в частноправовых документах *амиггū*, представляет большой интерес. *Амиггū* или, как их обозначали шумеры, *MAR.TU*, буквально значит «жители запада», «западные». Только на этом основании, казалось бы, можно было думать об их западном происхождении, т. е. отнести их к числу кочевых племен, проживавших в Месопотамии и Сирии. Само Двуречье было наводнено племенами *MAR.TU* (*amurrū*). Они появились во второй половине III тысячелетия до н. э. Проникнув в Месопотамию, эти племена вместе с эламитами разрушили державу III династии Ура.

Согласно Ж. Кюпперу, *амиггū* — кочевые семитские племена, происходящие из сирийско-арабских степей²⁵.

²³ F. Thureau Dangin, *La correspondance de Hammurapi*, pp. 51—52, № 69.

²⁴ См. И. М. Дьяконов, *Mušḫēnum*, стр. 48 и сл. Однако наделы, выданные торговцам, жрицам и другим лицам, могли отчуждаться.

²⁵ J. R. Kupper, *Les nomades en Mesopotamie au temps des rois de Mari*, Paris, 1957, p. 149 sq.

И. М. Дьяконов полагает, что это кочевые семитские племена, так называемые «амореи», отчасти родственные евреям²⁶. Д. О. Эдзард считает, что атиггү — бедуйские племена, часть которых после передвижения осела в Месопотамии в местности Джебел-Бишри, а затем через Месопотамию дошла до области восточнее Тигра, откуда проникла в Вавилонию и осела там²⁷. Следовательно, признается, что они были пришлыми и не принадлежали к туземному населению Двуречья.

Как сообщают письменные источники, эти люди не знали домов и городов, не умели возделывать землю²⁸, т. е. были кочевниками и жили в степных районах до того, как проникнуть в Вавилонию. Встречающиеся в документах термины *ugula MAR.TU* «надзиратель амореев», *GAL MAR.TU* «начальник амореев» и другие свидетельствуют не о высоком служебном положении этих племен²⁹, а о том, что они находились под начальством того или иного лица, т. е. были подчинены местным властям. По-видимому, поэтому Ф. Тюрю-Данжен считал, что термин атиггү имеет социальный оттенок, что это наемные войска, которые в первую очередь рекрутировались из бедуинов³⁰. Это мнение подходит к источникам Элама, где «земля амореев» перечисляется наряду с полем воинов. Во всяком случае волна семитских племен, проникших в Вавилонию с запада, дошла до Элама. Уже в Вавилонии термином атиггү только первоначально назывались западносемитские кочевники — амореи, а позже под этим обозначением числились и местные жители, состоявшие в государственных отрядах. Упомянутые выше отряды атиггү, таким образом, не состояли целиком из амореев. Что касается Элама, то можно полагать, что в отрядах атиггү настоящих амореев ко времени написания частнопровольных документов могло уже почти не быть. В. Шейль полагал, что атиггү — это кочевники-амореи, посаженные на землю³¹. Однако более вероят-

²⁶ И. М. Дьяконов, *Амореи*, — ВДИ, 1939, № 4, стр. 60—69.

²⁷ D. O. Edzard, *Die «Zweite Zwischenzeit» Babylonien*, Wiesbaden, 1957, S. 36; ср. L. Matouš, *Einige Bemerkungen zum Beduinenproblem im alten Mesopotamien*, — AO, 26/4, 1958, S. 632.

²⁸ D. O. Edzard, *Die «Zweite Zwischenzeit»*, S. 31 sq.

²⁹ *Ibid.*, S. 37.

³⁰ TCL, I, 18, прим. 2; кн. XXXVIII, 42, S. 8.

³¹ MDP, XXIII, 1932, № 282, прим. 5.

но, что первые волны западных племен — амореев были включены в состав государственных отрядов и что с тех пор определенная категория государственных земель стала называться «полем атиггү». К этому же времени под этим термином мог подразумеваться всякий, служивший в данном типе воинского отряда, причем не обязательно выходец из числа амореев.

Таким образом, одна категория земель, принадлежавших государственному фонду, называлась «полями атиггү». Кроме того, доля члена домашней общины упоминается по соседству (itā) с атиггү (№ 172 : 11), из чего, вероятно, явствует, что им действительно были отведены специальные земли. В документе № 169 (стк. 43) встречается eḫlu šà atar a-ti-úg-gi «поле у канала атиггү». В данном случае канал назван по их имени. Это в свою очередь показывает, что эти племена или отряды участвовали в рытье каналов или что канал проходил по отведенной им территории.

На основании этих фактов можно предполагать, что после проникновения в Элам жители запада — причем позже это название не обязательно обозначает племя амореев, а является общим обозначением либо иноземцев, либо военно-полицейских отрядов, первоначально рекрутировавшихся из амореев, — были использованы в государственном хозяйстве, т. е. были посажены на государственные земли для несения трудовсй, а может быть, и воинской повинности, если иметь в виду, что поле атиггү ставится в один ряд с полями воинов. Примечательно, что эти земли также могли отчуждаться. Вероятно, свободных земель было больше, чем людей, могущих нести повинность на государственных землях.

Поля wattāgu и lāsīmu. Значение этих терминов не вполне ясно. Поэтому прежде чем говорить что-либо о них, следует установить первичное значение этих слов. Дословно wattāgu означает название профессии, образованное от глагола watāgu «быть лишним», «быть сверх чего-либо»³². И. Лаутнер предлагает для этого слова значение «запасной человек»³³. Может

³² Ср. A. Deimel, *Akkadisch-Sumerisches Glossar*, Rom, 1937, S. 38, 100.

³³ J. G. Lautner, *Altbabylonische Personenmiete und Erntearbeiterverträge*, Leiden, 1936, S. 225; ср. J.-R. Kupper, *Les nomades en Mésopotamie*, p. 184.

быть, под словом *wattāru* подразумеваются запасные люди, свободные от службы или войны резерва, которым выдавались земельные наделы, принадлежащие государству.

Слово *lāsīmu* — от глагола *lasāmu* «скакать», «быстро бежать», следовательно, его можно понимать в смысле «бегущий», «скороход»³⁴. Как было видно, поле *lāsīmu*, так же как и поле *wattāru*, перечисляется наряду с землями воинов, пастухов и жителей запада, следовательно, и оно принадлежало царскому земельному фонду.

В документе № 169 речь идет о разделе недвижимости двух братьев. Вероятно, одному из них достается *eḫlu šā la-a-sī-mi itā A-ḫi-im* (стк. 42—43) «поле гонца по соседству с Ахумом» (ср. также № 170 : 13). Выше мы видели, что так называемые земли кормления из состава «поля дворца» могли быть объектом дележа. И в этом случае «поле гонца» также было выдано члену домашней общины, и оно могло быть предметом раздела. Естественно, так же как в Вавилонии, брат, которому досталась эта земля, был обязан нести службу, связанную с владением «полем гонца». Вероятно, он становился гонцом царского хозяйства.

Предоставление подобных полей происходило по особому правилу. В этой связи достоин внимания документ № 206 (стк. 26—27), где имеется фраза: *ag-ki ku-bu-us-sé-e šā at-ta-ri [la]-sī-mi* «Согласно правилу о *wattāru lāsīmu*». В Эламе существовали «правила» храмов, царей и населения. Вероятно, как показывает приведенная фраза, был закон относительно названной категории людей. Нам неизвестно содержание этого правила. Видимо, оно отличалось от других существующих правил. Можно полагать, что по такому правилу заключала договор обедневшая часть населения, которая не имела земли и потеряла членство в общине³⁵. Разорение общинников могло начаться раньше, еще в III тысячелетии,

³⁴ Ср. J.-R. Kupper, *Les nomades en Mésopotamie*, p. 184; П. Косшакер (P. Koschaker, *Göttliches*, S. 41) *wattāru* и *lāsīmu* переводит «курьер», «скороход».

³⁵ Может быть, они были вроде *ubārum* Вавилонии, которые не считались членами общины (ср. И. М. Дьяконов, *Muškenum*, стр. 59), или *ḫarīgu*, которые также не имели земли (ср. Н. Б. Янковская, *Общинное самоуправление в Угарите*, — ВДИ, 1963, № 3, стр. 40, прим. 71. О дискуссии вокруг этого слова см. J. Bottéro, *Le problème de ḫabiru*, — «Cahiers de la Société Asiatique», XII, 1954).

ибо уже тогда жители Элама бродили по Двуречью. Поэтому, когда энси Лагаша Гудеа говорит о приходе в Двуречье жителей Элама и Суз в поисках работы³⁶, то, видимо, имеются в виду именно подобные люди. Для того чтобы не допустить утечки рабочей силы из страны, этим людям были отведены специальные земельные наделы, владения которыми возлагало на них особые обязанности по отношению к царской власти.

П. Кошакер полагает, что (w)attāru и lāsīmu, вероятно, были крепостными, сидящими на чужой земле за ссуду³⁷. Называя этих людей крепостными, он явно путает две различные формации; вряд ли их можно принимать за крепостных. Если они сидят на земле за ссуду, то это кабальные земледельцы.

Таким образом, земля, носившая название по упомянутым категориям людей, принадлежала царскому земельному фонду, поскольку и она относилась к числу «полей кормления», причем эти земли находились в обороте.

Социальное положение людей, обозначенных термином wattāru, не совсем точно устанавливается. Имеющиеся данные указывают на то, что они не были абсолютно бесправными людьми, а были свободными. В результате археологических раскопок найдены документы, относящиеся к дому некоего Аттаруктуха, которого связывают с wattāru — attāru частноправовых документов³⁸. Но так как документы еще не опубликованы, судить о них невозможно.

Поскольку государственные земли были предметом отчуждения, постольку Синимгуранни мог свободно покупать земли из состава «полей кормления». В Вавилонии владелец «поля кормления», вероятно, мог бы приобрести другую землю и причислить ее к «полю кормления»³⁹. Согласно Законам Хаммураби, продажа этих зе-

³⁶ F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, S. 104; А. И. Тюменев, *Государственное хозяйство древнего Шумера*, стр. 160.

³⁷ P. Koschaker, *Göttliches*, S. 41 sq.

³⁸ R. Ghirshman, *Suse. Campagne de fouilles 1962—1963*. — «Arts Asiatiques», X, fasc. I, 1964, p. 5 sq. Таблетки упоминают также Кудур-Хумпана, которому в документе № 289 даруется поле.

³⁹ Ср. F. Thureau-Dangin, *La correspondance de Hammurabi*, p. 44, № 57.

мель запрещалась, но, видимо, разрешалось причислять государственные земли к своим владениям.

В письме № 65 Хаммураби имеется интересный факт, связанный с владением «полями кормления». В этом письме указано, что если такой-то несет повинности у реки Тигр, то нужно отнять у него «поле кормления», расположенное у канала Лагаша.

Отсюда вытекает, что нельзя было владеть повинностными землями в двух различных районах, поскольку владение «полем кормления» предполагало прикрепление владельца именно к данному полю. К тому же можно предполагать, что владение «полем кормления» не было принудительным. Последнее, вероятно, было характерно и для Элама.

Но в Эламе, как мы видели, владение такими полями сопровождалось определенными льготами, предусматривающими освобождение от общинных работ. Вероятно, именно отсутствие людей, желающих нести повинности на царских землях, приводило к отчуждению этих земель, но с обязательным несением службы на государство. Неясно одно — сидели ли люди на тех землях, которые были куплены Синимгуранни и зарегистрированы им перед правителем.

В одном случае (в приведенном выше документе, изданном А. Унгнадом) мы видели, что на государственных землях общинники должны были нести повинностные работы. Но в данном случае такое указание отсутствует. Вероятно, сам Синимгуранни должен был заботиться об обеспечении своего хозяйства рабочей силой. Поскольку указывалось, что его рабов никто не должен увести, постольку надо думать, что он сам нанимал или покупал рабочую силу для своего хозяйства.

Wardum и şuñârum. Сам Синимгуранни, также как другие лица, приобретавшие или получившие в дар государственные земли, в заглавной фразе документов называется wardum. Термин wardum имеет двойное значение — прямое и переносное. В прямом значении этим термином обозначают рабов, бесправных людей, а в переносном — лиц, подчиненных вышестоящим, в том числе царю или деспоту⁴⁰, который выступал единствен-

⁴⁰ Ю. Б. Юсифов, *Термины для рабов*, стр. 46—49.

ным неограниченным властелином всех подданных. Когда суккал говорит, что он «оказал милость своему рабу», то под термином wardum подразумевается не собственно раб, а свободный человек, подданный или служащий царя, и лишь в этом смысле раб суккала. В приведенных документах wardum имеет переносное значение. Исходя из этого можно предположить, что Синимгурани был государственным служащим.

Иначе обстоит дело с *ṣuḥāgum*. Первоначально *ṣuḥāgum* значило «малый», «дитя» и впоследствии приобрело значение «отрок» в смысле «раб», «слуга»⁴¹. В приведенном тексте *ṣuḥāgū* перечисляются рядом с сельскохозяйственным инвентарем, скотом и другим имуществом, что позволяет более уверенно принимать их за рабов. В тексте говорится, что «никто не должен увести отроков его». Ясно, что речь идет о работниках в хозяйстве Синимгурани, о тех, которые могли быть уведены, поскольку были рабами. К тому же, если учесть, что повинностные владения обрабатывались без помощи со стороны государства, то можно утверждать, что эти рабы принадлежали самому Синимгурани, которому передавалась земля. Как над его полями и водой, так и над его рабами устанавливалась царская защита.

Некоторые другие данные также свидетельствуют о наличии у частных землевладельцев рабов. Так, в документе № 313 (стк. 7) отроки — вероятно, рабы — перечисляются среди свидетелей: *pān Ku-ta-a-na ṣu-ḥa-ri-ša pān Ru-pu-uš ṣu-ḥa-ri-ša* «перед Кутаной, отроком ее, перед Рупушем, отроком ее». Это единственный случай для Элама, когда раб выступает в качестве свидетеля, причем по делу своего хозяина. В документе речь идет о разделе какого-то имущества (стк. 19—21): $\frac{1}{2}$ MA.NA $5\frac{1}{2}$, *ṣiḫli kasram* и 2 GUR *šamaššammam ša Warad-Amurri* i-na *ka-ti SALA-li-ja-ú-ti li-ḫú-ma* « $\frac{1}{2}$ мины (и) $5\frac{1}{2}$ саклей серебра и 2 гура сезама, которые Варад-Амурру из рук Алияту взяты». Упомянутые в документе рабы принадлежали этой женщине Алияту. В Вавилонии и Ассирии и в поздний период рабы часто являются свидетеля-

⁴¹ Греческое *παῖς*, эламское *puḫ*, также первоначально означали «ребенок» и с течением времени превратились в термины, обозначающие рабов (ор. Ю. В. Юсифов, *Термины для рабов*, стр. 46 и сл.).

ми и могли иметь свой пекулий⁴². Но не исключена возможность, что процесс образования у раба собственного хозяйства начался в Эламе уже в период написания этих документов. Вероятно, то же самое верно по отношению к Вавилонии. В старовавилонский период рабы могли быть освобождены от рабского состояния⁴³.

В документе № 538 (стк. 3—4) «отроку», т. е., вероятно, рабу (не обозначенному по имени) выдаются натуральные продукты: 1 (қа) šamnum 20 (қа) še'um šu-ḥa-gu-um šà tamkarī «1 ка масла, 20 ка ячменя — отрок торговца (получил)». Конечно, в данном случае эти продукты отрок мог получить для торгового агента, который был его владельцем. Но учитывая тот факт, что низведенные до состояния рабов отроки все же выступали в качестве свидетелей, можно полагать, что эти продукты были выданы именно этому отроку.

О получении отроками — вероятно, рабами — серебра свидетельствует документ № 310 (стк. 16): 2 šiklën šu-ḥa-gu-ú šà m̄Ku-uk-ilPi-ne-gi-ir šà In-bi-i-li-šu ip-kí-da-an-ni «2 сикля рабы Кук-Пинегира (получили), которых Инбилишу поручил мне». В этом случае рабы получают серебро, опять-таки, возможно, для себя. Кроме того, отсюда вытекает, что они были отданы на сторону для выполнения той или иной работы за плату. Видимо, то же самое верно по отношению к рабу торгового агента, который, как мы видели выше, получал сельскохозяйственные продукты.

Таким образом, у частных землевладельцев и у должностных лиц была свои рабы, что еще раз дает возможность подчеркнуть принадлежность упомянутых в документе № 282 «отроков» — рабов самому Синимгурани.

Все это делает вполне вероятным наличие рабов и в царском хозяйстве. Они были в хозяйстве храмов и отдельных землевладельцев и непременно должны были иметься в таком крупном хозяйстве, как царское. Об этом, в частности, свидетельствует одна фраза из эламоязычной надписи Шутрук-Наххунте II (MDP, V, над-

⁴² И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, стр. 63 и сл.

⁴³ P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, Bd VI, Leipzig, 1923, № 1427, 1428, S. 6.

пись LXXXII, стлб. VII, стк. 7—8, стр. 42): ru-hu si-ja-pi-ir a-ak su-uk-kiṛ «Отроки храма и царя». Здесь ruhu и šuḫāgim по своему значению совпадают. Как было сказано, первоначально эти термины имели значение «малый», «дитя» и лишь с течением времени превратились в термины для обозначения рабов; так что выражение «отроки царя» указывает на наличие царских рабов.

В этой связи представляет интерес документ № 411 (стк. 1—6), составленный на шумерском языке: 7 sag nità kù-babbar 1⁶/₈, ma-na 2 gín 16 (gín)-ta 5 dumu-dumu 13¹/₂, gín-ta kù-babbar 1 ma-na 7¹/₂, gín 3 sag nità 16 (gín)-ta kù-babbar 2¹/₂, ma-na 8 gín «7 рабов (букв. „мужских голов“) (за) серебро в 1⁶/₈ мины 2 сикля по 16 сиклей; 5 отроков (рабов)—по 13¹/₂ сикля серебра (что составляет) 1 мину 7¹/₂ сикля; 3 раба по 16 сиклей серебра (что составляет) 2¹/₂, мины 8 сиклей». Примерно по таким же ценам продавались рабы и рабыни в Вавилонии старого периода⁴⁴.

Этот документ принадлежит администрации царского хозяйства. В данном контексте терминами для рабов являются sag-nità и dumu-dumu. И в условиях древнего Шумера эти термины обозначали рабов. Поскольку они оцениваются в серебре, то нельзя сомневаться в их рабском состоянии.

О работниках царского хозяйства дает сведения также документ № 471. Позволим себе привести перевод текста: «2 гур ячменя — Пиллулу и Диккум, 1 гур — Симуттера, сын Симуму, 2 (гур)—Кудада, 240 (ка) ячменя — Амагдамикти, 200 (ка)—Купакра, сын Шамашгамила, 120 (ка)—Анзузу, 150 (ка)—Татта, сын Кулашу, 150 (ка)—Пушера, 90 (ка)—Зялзин, 2 (гур)—Симутир-Кавурух, сын Симут-Хумпана; итого 8 (гур) 50 (ка) гур ячменя, который в районе большом был ссыпан, а затем „сыновья дома“ (maṅē meš biti) подняли и забрали. (Оборотная сторона) 1 гур — Патта, сын Яйа, 200 (ка)—Симуттера, сын Симуму, 200 ка — Диккум, 190 (ка)—Пиллулу, 100 (ка)—Улхишая, 100 (ка)—Кудада, 100 (ка)—Маркук-Илушанип, начальник воинов (raḫi šabē), 60 (ка) ячменя — Теммиамиэникуку, 120 (ка) пшеницы — Татта, сын Кулашу; итого 4 (гур) 120 (ка) гур ячменя вместе

⁴⁴ Ibid., S. 83.

с 120 (ка) пшеницы, что во втором большом районе, «сыновья дома» взыскали и (они) взяли. Итого 12 (гур) 180 (ка) ячменя «сыновья дома» взяли».

Этот документ принадлежит архиву царского хозяйства, ибо в частных хозяйствах такой отчетности не велось. Кроме того, в документе упоминается начальник; вообще же термин *šābē* (ERĒN) мог обозначать как воинов, так и отряды работников.

В документе речь идет о приеме «сыновьями дома» ячменя и пшеницы. Надо полагать, что как «сыновья дома», так и лица, сдающие сельскохозяйственные продукты, были работниками царского хозяйства. Лица, которые сдавали пшеницу и ячмень, вероятно, были из числа пользователей царскими землями и не были рабами.

Что касается термина *māgē bīti* «сыновья дома», то обычно этим термином обозначали рабов (по крайней мере, позже). В этом случае они были рабами и относились к числу рабочего персонала царского хозяйства.

Мушкеним. Эта категория людей также засвидетельствована частноправовыми документами, хотя в них не отразилось отношение мушкенимов к царскому хозяйству. Лишь на основании аналогий из соседних стран можно сказать что-либо определенное о связях мушкенимов с царским хозяйством.

Э. Кюк в свое время давал этому слову значение «полусвободный»⁴⁵. Вероятно, это значение не совсем точно. В частноправовых документах (№ 327; 4, об. 1) мушкенимы названы в качестве свидетелей. И в самом тексте упоминаются мушкенимы. Вероятно, сам документ, из-за фрагментарности которого нельзя уверенно делать какое-либо заключение, посвящен деятельности мушкенима.

Судя по сохранившейся концовке, речь, очевидно, шла о разводе (стк. 7): *[iš-t]u mu-uh-ḥi aššatim it-ta-la-ak-ta* (?) «от жены ушел». Примечательно, что если тяжба касается мушкенима, то и выступали в ка-

⁴⁵ E. Suq, *Le droit élamite*, p. 150. Вообще слово *muškēnum* имеет значение «падающий ниц» (см. И. М. Дьяконов, *Muškenum u povinnostnoe zemlevladienie*, стр. 53; E. A. Speiser, *The muškēnum*, — «Orientalia», XXVI, 1958, p. 11).

честве свидетелей люди того же социального положения. Из этого контекста, однако, нельзя установить, кем они были.

Во всяком случае их нельзя считать членами домашней общины. Если бы это было так, то они хоть раз упоминались бы в документах, относящихся к деятельности домашней общины. Они не участвуют ни в разделе, ни в аренде, ни в купле-продаже.

Одно выражение позволяет более точно определить их социальную принадлежность. В документе № 371 (стк. 2) зафиксировано выражение *atar tu-uš-ke-ni* «канал мушкенумов». Выше мы видели, что существовал также «канал людей запада», людей, которые имели непосредственное отношение к государственному хозяйству. Не говорит ли этот факт о том, что и мушкенумы имели какое-то отношение к царской власти? В Вавилонии времени Хаммураби мушкенумами считались люди, которые были прикреплены к царским землям, т. е. они имели повинностные владения на земле царя⁴⁶. То же самое, вероятно, можно сказать и по отношению к эламским мушкенумам. Из упоминания «канала мушкенумов» можно сделать двоякий вывод — либо канал назывался так, поскольку он проходил в районе расположения земель мушкенумов, либо они участвовали в рытье каналов, вследствие чего каналы принадлежали(?) им. Скорее, как нам кажется, подобные каналы, так же как каналы, проведенные так называемыми «людьми запада», относились, вероятно, к царским владениям. Таким образом, можно заключить, что в числе прочих лиц, по-

⁴⁶ И. М. Дьяконов, *Muškenum*, стр. 61. E. A. Speiser, *The muškēnum*, p. 11 sq. Относительно мушкенумов существует большая литература, которая дает ей разные толкования (см. И. М. Дьяконов, *Muškenum*, стр. 56 и сл.). Мы придерживаемся мнения И. М. Дьяконова, поскольку оно лучше всего подходит к имеющимся данным эламских документов. Да и исследования последних лет также связывают мушкенумов с государственным хозяйством как арендаторов государственных земель (ср. D. G. Evans, *The Incidence of Labour-Service*, pp. 20—26). Ф. Краус (F. R. Kraus, *Ein Edikt des Königs Amīšaduga von Babylon*, S. 36—37) считает их основной массой свободных граждан, что было предметом критики в статье В. Зодена (W. von Soden, *Muškenum und die Mawali des frühen Islam*, — ZA, 22(56), 1964, S. 133 sq.). Последний считает их кочевниками, перешедшими на царскую службу. Л. А. Липпи (*Из истории социальных отношений в Ассирии*, — «Палестинский сборник», III, 1958, стр. 48) принимает значение «покорный».

саженных на повинностные владения государства, были также и мушкенымы.

Mašūtu и ḥamdagar. Последнее слово, о котором речь пойдет ниже, Шейль оставил без перевода. Слово же mašūtu он в тексте тоже оставляет без перевода, но в примечании дает значение «привилегированный налог», возможно, и «повинность» (MDP, XXIII, № 218, прим. 26). Э. Кюк предполагал, что mašūtu, вероятно, «долг, уплачиваемый в казну»⁴⁷. В действительности же этому слову можно дать значение «освобождение от повинностей», «льгота», выводя его из аккадского mašū «забывать», следовательно, mašūtu «забвение»⁴⁸, т. е. освобождение от чего-либо. Однако под освобождением надо подразумевать не полное, а частичное освобождение от несения повинностей, льготные условия, на которых предоставлялась земля. Именно таково значение этого слова в приведенных выше документах.

Некий Иттиилибалит покупает поле (№ 218). Далее в документе отмечается, что если одним из продавцов посеян сезам, то он должен взять и сделать то-то (непонятное место). Вслед за этим говорится (стк. 25—26): šum-ma It-[ti]-ili-baliṭ iṣ-ša-[ba-at]-ki-ma ma-šu-ta i-ṣa-ka-al («Если Иттиилибалит его (сезам) заберут, (то) mašūtu должен платить»). Поскольку речь идет о выплате согласно условиям освобождения (mašūtu), которое устанавливалось правителем, то естественно предполагать, что продаваемое поле было государственным и находилось во временном пользовании частного лица, которое было даже вправе отчуждать его, но при этом передавались и обязанности несения службы. Владея подобными полями, земледelec освобождался от определенных видов повинностей, а за те обязанности, которые оставались у него, он мог внести соответствующую мзду, т. е. выкуп от повинностей. Помимо этого, с полей, предназначенных для посева определенных видов сельскохозяйственных культур, взимался налог в пользу государ-

⁴⁷ E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 159. В остальных местах Э. Кюк приводит это слово без перевода и объяснения, кроме одного случая (*ibid.*, 167), где отмечает, что mašūtu, вероятно, вид десятины, взимаемой государством.

⁴⁸ Ср. W. Muss-Arnolt, *Assyrisch-Englisch-Deutsches Handwörterbuch*, S. 597.

ства. Это мнение, видимо, может подтвердить документ № 234.

В этом же документе встречается слово *ḥamdagar*, которому исходя из контекста можно дать значение «сборщик» налогов, повинностей и т. д. Приведем соответствующий отрывок из текста (стк. 26—32): *eḳla^{1a} ša-maššammat i-sà-pa-ḥ-ma a-na ma-lu re-i^m Iš-me-a-ni ú-ul šu-ḥu-uz kasram šà ma-šu-ti ki-lr-šà ki-i ištēn-ni ar-li šà^m Šamaš-še-miⁱⁱ It-ti-lli-ball-iṭ a-na ḥa-am-da-ga-ar išaḳḳal* «(Если) поле сезамом засеет, на то, чтобы (использовать) для пастьбы скота, Ишмеани не имеет права: серебро льготы (и) налог, как (если бы он был) один из наследников Шамашшеми, Иттилибалит сборщику⁴⁹ должен отвесить». В этом документе речь идет также об отчуждении земли. Покупателем является тот же Иттилибалит, а продавцом — Ишмеани, сын Шамашшеми. Покупая поле, Иттилибалит становится как бы наследником Шамашшеми, т. е. его обязуют платить такой же налог, какой платит каждый из наследников Шамашшеми. Подобные требования, вероятно, предъявлялись только к владельцам царских земель; за пользование этой землей необходимо было также платить серебром за освобождение от несения повинностей. Вообще повинности могли быть и общегосударственными, и все, а не только держатели царской земли, должны были их отрабатывать. Но в данном случае владение государственной землей ограничивало круг повинностей землевладельца. Сле-

⁴⁹ В документе № 289 (стк. 6—7) упоминается земля сборщика повинностей. Очевидно, он также получал ее из царского земельного фонда за свою службу. Слово *ḥamdagar* «сборщик» перечисляется в списке лиц и должностей (№ 440), а в итоге упомянуты 11 *šābē* «11 воинов» (или «мужей»). Хотя «сборщики», таким образом, обозначены как воины или члены отряда работников, но, вероятно, имеются в виду должностные лица царского хозяйства вообще. В документе № 449 (стк. 5) после упоминания поля в конце таблички следует *ḳāt ḥa-am-da-ga-ri* «(в) руке сборщика». В данном случае он получает 1 барана (№ 515; об. 14), 40 одежд (№ 534); *ḥamdagar* и *ga-bāni* выдают 10 синклей серебра (№ 541), *ḥamdagar* фигурирует в списке получателей (№ 534: 4—7). В этом же списке упомянуты суккалы (стк. 2, 3, 6, 7). Вероятно, слово *ḥamdagar* эламское. Последняя часть слова, а именно — *dagar* может быть элементом, обозначающим названия профессий, и может быть отождествлена с поздним *takra* (см. ВДИ, 1963, № 2, стр. 201 и сл.); *ham-*, очевидно, от эламского глагола *hupa-* «взять», «брать». Следовательно, само слово может означать «делающий сборы», «сборщик».

довательно, и покупатель подобных полей либо должен был нести установленную или предусмотренную повинностную работу, либо внести определенную сумму для освобождения от повинности. Но он, помимо всего этого, должен был платить налог (*ki-ir-ša*), если он сеял, например, сезам, чечевицу и т. д. Слово *kiršu* действительно означает «налог». В документе № 125, где речь идет об аренде, говорится (стк. 5—8): *eklam i-i[r-gi-iš] du-ul-la-šu-ni ú-ba-al ki-ri-is-su i-ra-al-ma* «Поле он возделает, повинностную работу должен нести, налог его заплатит». Если в № 125 покупатель обязан нести и *dullu* (повинность) и *kiršu* (налог), то в № 234 вместо повинности он выплачивает *kasram ša mašūti* «серебро освобождения». Таким образом, в документе № 234 речь идет о том, что покупатель помимо внесения серебра для освобождения от повинности должен был платить налог за посев сезама. Нередко в документах аренды упоминается, что поле сдается под посев сезама, гороха и т. д.

Из всего этого можно заключить, что существовали свободные государственные земли, которые нуждались в возделывании и которые сдавались земледельцам для обработки на льготных условиях, давались за службу, причем эти земли могли отчуждаться, сдаваться в аренду и вместе с ними передавались обязанности, связанные с их владением.

Сказанное закрепляет за словом *mašūtu* значение «освобождение» от повинностей, а за *hamdagar* — значение должностного лица, собирающего налог и повинности.

Ṣullum и *kubussūm*. В документе № 282 упоминалось, что «*ṣullum* и *kubussūm* пусть будут установлены», однако отсутствует указание — кому принадлежали *ṣullum* и *kubussūm*. Приведем соответствующую фразу: *ma-šu-us-sú iš-ku-un šú-ul-lu-um ú ku-bu-us-sú-un li-iš-ša-ki-in-ma* «Освобождение (от повинности) его он установил; защита и правило пусть будут назначены». Данные этой фразы не только согласуются с тем, что было сказано выше, но и подтверждают это. Освобождение от повинностей еще не означало, что владелец царской земли не должен был нести никаких обязанностей. Обращаясь к будущим правителям, *суккал* предписывал, чтобы они установили размер взноса за освобождение

дение от повинностей, т. е. все равно *kaspu šà mašūti* владделец царской земли должен был платить. На это указывает фраза «защиту и правило пусть назначат (в будущем)». Ведь на это поле еще Темптиагун установил защиту, а Кук-Нашур лишь возобновил ее. То же самое должны были делать будущие правители. *Šullum* значит «сень», «защита», а *kubussūm* — «след», «шаг», т. е. правило, обычай. Защиту могла установить только царская власть, но правило, регулирующее отношения между людьми, могло возникнуть в различной среде. Существовали различные правила, и согласно с этими правилами заключались сделки. Например, были правила храма Иншушинака (№ 3, 44, 45, 50—51, 53, 103 и др.), граждан Суз, суккала и царя.

То или иное правило царя устанавливалось соответствующим царским указом. Как установлено⁵⁰, эламское слово *sugir* имеет значение «эдикт», «указ» и в форме *sukke* встречается в частнопроводных документах.

Эти эдикты охватывали не только область семейных отношений, ими руководствовались и при заключении сделок о купле-продаже, аренде и займе. В документе № 209 речь идет о продаже участка и отмечается, по какому правилу заключена сделка (стк. 4—7): *ar-ki ku-bu-us-sé-e šà sū-uk-ki-sū-uk-ki šà Te-im-ti-ḥal-ki ù Ku-uk-¹¹Na-šu-úr ik-bu-sú* «Правилу *sukki-sukki*, которое (принадлежит) суккалу Темптихалки и (царю) Кук-Нашуру, они следовали».

Слово *sukki-sukki* образовалось от сложения двух *sukku*. Повторение, вероятно, должно было подчеркнуть принадлежность этого правила двум правителям. В период составления частнопроводных документов в Эламе существовала власть суккала и царя одновременно, поэтому эдикты, изданные от их имени, принадлежали им двоим. Едва ли, как полагает В. Шейль (MDP, XXIII, стр. 26, прим. 14), этим словом передано название местности. Вряд ли прав также П. Кошакер⁵¹, который полагает, что речь идет о группе народностей, может быть, находившихся в независимом положении. Уже тот факт, что *sukki-sukki* принадлежало правителям, исключает подобное толкование. Поэтому *sukki-sukki* в целом нужно

⁵⁰ Ю. Б. Юсифов, *Эламское sugir*, стр. 9 и сл.

⁵¹ P. Koschaker, *Göttliches*, S. 49.

понимать как «эдикт»⁵², в котором было зафиксировано то или иное правило, изданное суккалом и царем.

Таким образом, защита и правило⁵³ устанавливались правителями и существовали в письменном виде. В случае с Синимгуранни защита и правило устанавливались лишь по отношению к нему и его владениям.

Суккал и царь. Как первый, так и второй могли произвести пожалование и выдать иммунитет. В документе № 282 пожалование производится суккалом, Титул царя отсутствует. Как мы знаем, эламские правители обозначались как суккалы и цари; причем оба они правили одновременно, но, вероятно, объем их власти был разным. В документе № 18, да и во всех других случаях, они перечисляются рядом: niš Ku-ši-ir-Si-il-ḫa-ḫa sukka[maḫḫum ù Si]-ir-tuḫ šar Su-ši «клятвой Кушир-Шилхихи, великого суккала, и Сиртуха, царя Суз». Как правило, суккалмах перечисляется на первом месте. Кандидатом на место суккала был царь. О должности суккала (суккалмах) имеются различные мнения, которые мы разбирали выше.

Суккалмах как верховный правитель был правомочен дарить государственные земли и, вероятно, имел непосредственное отношение к храмам.

В эпоху III династии Ура в Двуречье суккал был

⁵² Раньше я высказывал предположение, что, вероятно, sukki-sukki образовалось от повторения, по отождествлял его с sunki «царь» (см. Ю. Б. Юсифов, *Эламские долговые документы из Суз* (II тысячелетие до н. э.), — ВДИ, 1959, № 2, стр. 49, прим. 16). Об установлении значения этих слов см. подробно Ю. Б. Юсифов, *Эламское sugir*, стр. 9—15.

⁵³ О них см. также P. Koschaker, *Göttliches*, S. 38 sq. Может быть, sukki-sukki образовано даже от соединения двух различных слов: *sugir sunki «эдикт царя», что можно было бы отождествлять с вавилонским šimdat šarri. Судя по документу № 206, в котором упоминается: ar-ki ku-bu-us-sé-e šà at-ta-ri [la]-si-mi ù sú-uk-ki-[sú-uk]-ki Ba-bi-li ù Tan^{an}-nu-li sukka-li ù Ku-uk-Na-šu-úr ik-bu-zú «Правилу аттару, ласиму и эдикта царя Вавилона и Танули-суккала, и Кук-Нашура следовали», эдикты вавилонских царей (а sukki-sukki понимать иначе в этом контексте невозможно) были распространены также в Эламе. Это как раз тот период, когда Элам находился в каком-то зависимом положении от Вавилонии, судя по тому, что Кук-Нашур III датировал свой документ годом правления Аммисадуки. Может быть, под sukki-sukki Babil^{ki} подразумевается также эдикт этого вавилонского царя Аммисадуки, современником которого был Кук-Нашур.

интендантом, должностным лицом, которое распространяло царские указы⁵⁴. Обычно «суккал» толкуют как «посланник». Если исходить из этого значения, то можно полагать, что действительно правители Элама первоначально считались посланниками царей III династии Ура, хотя они носили и другие титулы; после приобретения самостоятельности этот титул был сохранен, и суккалмах остался единственным верховным царем. Следовательно, можно говорить о сохранении лишь титула, но не зависимости от Вавилонии, тем более что эламские надписи называют царями и тех правителей, которые были суккалмахами. Суккалмах в Эламе ведал всем государственным хозяйством и в определенной степени считался представителем божества, поскольку в избрании царя воля божества играла большую роль.

Суккал не только устанавливал иммунитет для недвижимости частного лица, но и был вправе отнять его. В этом смысле представляет интерес документ № 397, в котором суккал Суз (даже не всего Элама) конфискует имущество некоего Сеши (стк. 1—10): Ku-du-zu-lu-uš sukkał Šu-šī-im mār ahāti šà Ši-ir-uk-duh mŠé-e-šī warad-su... iš-[kun... mi-l]m-ma alikl ù šerl [šà] Šé-e-šī i-šu-ú [Ku]-du-zu-lu-uš i-šu-[ú] «Кудузулуш, суккал Суз, сын сестры Ширукдуха, Сеши, слугу своего... установил... (далее сохранилось имя этого суккала и слово „скот“). Все, что в поселении и вне его, (что) Сеши имеет, Кудузулуш имеет». Хотя документ в средней части фрагментарен, но конец фразы говорит об отнятии недвижимости, принадлежащей частному лицу, т. е. о включении его имущества в состав государственного. Может быть, речь идет даже об объединении земель суккала с недвижимостью частного лица, который, видимо, не лишается собственности, но из безусловной она становится условной и разделенной с царем. Поскольку далее (стк. 11—13) речь идет об установлении освобождения, то можно полагать, что эта земля теперь стала повинностной и принадлежала государственному фонду. Очевидно, те же самые обязанности, о которых шла речь выше, были связаны с владением и этой землей.

Тематиагун, который также упоминается как суккал Суз, оказывает милость своему слуге и устанавливает

⁵⁴ L. Legrain, *Le temps des rois d'Ur*, Paris, 1912, S. 37.

его mašutu (№ 398). Далее в документе говорится (стк. 11—19): *harrānam ú-ul i-ip-rè-eš atappa ú-ul i-ḫe-er-re ma-am-ma-an a-na ba-bi-šu ú-ul i-ša-as-sí ma-am-ma-an ḫa-wi-ir sù-uk-ki-ir šà ma-šu-us-sú ú-ša-aḫ-ḫu-ma l-pa a-wa-at m.¹¹Li-la-ir-ta-aš ú Te-im-ti-a-gu-un li-ši-i* «Дорогу не должен прокладывать, канал не должен рыть⁵⁵, кто-либо к воротам его не вызовет, кто-либо из последующих царей, если освобождение его взыщет, то к слову Лиларташа и Темптиагуна пусть выйдет». Из этого документа вытекает, что освобождение от повинностей не было полным, а лишь частичным, т. е. он не должен был участвовать в проведении дорог, рытье каналов и так далее, но другие обязанности, связанные с владением повинностными землями, он должен был выполнять, а проклятие направлено против того, кто расширит круг его обязанностей. Значит, mašutu — неполное, а лишь частичное освобождение от повинностей.

Однако, как мы видели из документа № 284, царь также дарил земли, устанавливая иммунитет. Помимо этого в документах встречается *dīmat šarri* (№ 366 : 6) «бург⁵⁶ царя», т. е. жилище и поле, которое было обведено царскими межевыми камнями и, следовательно, относилось к числу царских земель. В документах упоминается также *ugāg šarri* (№ 389 : 15) «возделываемая территория царя». Подобные земли в Вавилонии и Ассирии считались царскими.

⁵⁵ Эванс (D. G. Evans, *The Incidence of Labour-Service*, pp. 24—25) удивляется тому, что суккал дарует освобождение от упомянутых работ получателю царской земли, освобождение от обязанностей, которые были связаны с земельным владением. Однако рытье каналов и тому подобное не имело отношения к владению государственной землей, а являлось общинной повинностью. Судя по термину mašutu, получатель земли приобретал частичное освобождение.

⁵⁶ Ср. Н. Б. Янковская, *Общинное самоуправление в Угарите*, — ВДИ, 1963, № 3, стр. 36 и сл. Этот термин переводили по-разному, в частности «район» (ср. R. H. Pfeiffer, E. A. Speiser, *One Hundred New Selected Nuzi Texts*, — AASOR, vol. XVI, 1936, p. 65 sq.). Этим термином обозначали также патриархальную семью и ее владения, включая жилище (см. Н. Б. Янковская, *Зависимость распоряжения собственностью в Аррахе от особенностей ее общественного строя*, — «Еос», XLVIII, 2, 1957, p. 9). По-видимому, *dīmtu* царя в наших документах, выражая аналогичное понятие, относилось к царскому земельному фонду. Но основное значение *dīmtu* «башня», «укрепленное жилище».

Таким образом, данные, которые дает документ № 282, подтверждаются другими документами. В целом можно с уверенностью говорить, что во II тысячелетии существовало царское хозяйство. Царская земля выдавалась должностным лицам за службу, для несения повинностей, причем служебные земли могли быть предметом дележа, купли-продажи и, вероятно, могли переходить по наследству. Все это было возможно потому, что обязанности несения службы у владельцев государственных земель при отчуждении последних (и передаче другому лицу) сохранялись. Владение царской землей требовало выполнения тех обязанностей, которые были связаны с пользованием этой землей. В Ассирии среднего периода в пределах общины существовали «доли воинов», причем эти доли могли отчуждаться и, вероятно, купившее лицо было обязано нести повинности, лежавшие на предыдущем владельце. У хеттов повинностные поля также отчуждались, при этом передавалось и право несения повинностей⁵⁷. Но в Вавилонии времени Хаммураби повинностное владение, выданное воинам, было исключено из оборота и всякие сделки об отчуждении такого владения считались недействительными (§ 36—38, 41)⁵⁸. Однако некоторые лица, державшие царскую землю, например купцы, жрецы или кто-либо другой, несущий службу, могли продавать свое поле, сад и дом, но покупатель был обязан нести службу, связанную с этим участком (§ 40).

В Эламе, как видно из документов, не было исключения из этого общего правила, характерного для древнего Востока. Конечно, здесь речь не может идти о заимствовании правил пользования государственными землями одной страной у другой. Подобные формы распределения вызывал существовавший уклад хозяйства.

Государственные земли в условиях Элама также выдавались воинам и другим лицам, несущим воинскую службу, пастухам, пасущим царские стада, должностным лицам за службу, «жителям запада», земледельцам, потерявшим свои наделы или даже владевшим таковыми наряду с участком царской земли.

⁵⁷ И. М. Дьяконов. *Законы Вавилонии*, — ВДИ, 1952, № 4, стр. 233—234.

⁵⁸ И. М. Дьяконов. *Законы Вавилонии*, — ВДИ, 1952, № 3, стр. 271.

Общегосударственные царские повинности были обязаны нести все без исключения. Однако приобретающий царскую землю человек освобождался от несения части повинностей, и круг его обязанностей по отношению к выполнению общегосударственных повинностей сужался в соответствии с его должностью как царского служащего. Но владелец этой земли, если был в состоянии, вместо несения своей установленной властями части повинностей уплачивал мзду, называемую «серебром освобождения».

Несмотря на то что государственная земля отчуждалась, она принадлежала государственному земельному фонду и, хотя находилась в обороте, все равно была собственностью царской власти и контролировалась со стороны государства. Целью этого контроля было к тому же обеспечить царское хозяйство рабочими руками.

Категория царских земель имеет много общего с аналогичной категорией в Вавилонии времени Хаммураби⁵⁹. Как было показано, в Эламе существовала: 1) царская земля (*ekel ekallim*), 2) поля кормления (*eklētī šà kurummati*). Оба вида земель могли быть выданы царским служащим, получавшим землю в вознаграждение за службу, и лицам, получавшим землю от царя на условиях, близких аренде, и за это платившим долей урожая или, может быть, деньгами.

Такое было общее положение в государственном хозяйстве Элама во II тысячелетии. Из I тысячелетия нам известны документы ремесленного хозяйства, на основании которых, в частности, можно сделать вывод о том, что в царском ремесленном хозяйстве работали различные категории людей, рабы, так называемые «люди дома», военнопленные, превращенные в рабов, зависимые от царского хозяйства ремесленники и независимые, которые несли трудовую и воинскую повинности⁶⁰.

⁵⁹ Царская земля в Вавилонии делилась на три категории: 1) непосредственно царская земля; 2) надельная земля, выдаваемая за службу; 3) надельная земля, выдаваемая за плату (см. И. М. Дьяконов. *Miškēnit*, стр. 42). То же самое, как видно из наших данных, было характерно для царского хозяйства Элама.

⁶⁰ О царском ремесленном хозяйстве см. Ю. Б. Юсифов, *Эламские хозяйственные документы из Суз*, — ВДИ, 1963, № 2, стр. 209—222.

Вопрос о наличии храмового хозяйства в Эламе до сих пор не только не был исследован, но не был даже поставлен⁶¹. Причиной этому явилось то обстоятельство, что отсутствовали да и сейчас отсутствуют документы, непосредственно относящиеся к архивам храмовой администрации. Хотя таблетки эпохи Ададашу (MDP, X) частично могут быть отнесены к числу храмовых документов, но в них главным образом говорится о скоте, предназначенном для жертвоприношения, и они не дают представления о храмовом хозяйстве. Тем не менее на основании отдельных данных, которые можно извлечь из эламоязычных надписей и аккадских частнопровых документов, отражающих условия Элама, можно воссоздать картину этого типа хозяйства. Собственно эламоязычные надписи, которые будут рассмотрены в данной главе, относятся к периоду после XIII в. до н. э. В них в основном речь идет о строительстве храмов, посвященных тем или иным эламским божествам. Однако только наличие храмов, которые строились эламскими царями, вероятно, уже с III тысячелетия до н. э., еще не дает никакой возможности говорить что-либо о природе храмового хозяйства, о его непосредственных производителях, о рабочем и административном персонале, об имуществе храмов. Плохая изученность эламского языка в течение длительного времени не позволяла да и сейчас не позволяет основательно вникнуть в содержание этих надписей. Поэтому казалось, что в надписях совершенно отсутствуют прямые указания на существование храмовой собственности и храмовых рабов. Однако более тщательное изучение языка этих надписей выявляет весьма неожиданные сведения. Эти сведения в значительной степени дополняют ту картину, которую удается воссоздать на основании частнопровых документов. Хотя по времени эламоязычные и аккадоязычные документы отделены друг от друга несколькими столетиями, по сути дела, этот пробел не имеет существенного значения, ибо за этот период храмовое хозяйство, видимо, не могло претерпеть больших изменений. Упомянутые документы и

⁶¹ Вопрос о храмовом хозяйстве соседних стран также изучен слабо.

надписи, каждая группа в отдельности, рисуют ту или иную сторону храмового хозяйства в Эламе.

Как известно, храмовая собственность появляется очень рано и продолжает существовать при рабовладении. На первом этапе храмовая собственность не была мыслима вне общины, члены которой были обязаны обрабатывать выделенные храму земли, поскольку храмы не имели в своем распоряжении особого рабочего персонала. Лишь в период окончательного обособления храмовой собственности от общинной расширяется хозяйство храмов, появляется рабочий персонал храмов, при этом характер собственности не меняется. Именно этот период документально зафиксирован в древнем Шумере⁶². В Эламе же документы отражают тот период, когда храмовое хозяйство уже существовало самостоятельно.

К сожалению, археологический материал не дает ясного и полного представления об этом типе хозяйства. Первые раскопки Лофтуса, затем Моргана, Меккенема Контено и других не могли дополнить наши знания в этом отношении, хотя соответствующие надписи о строительстве храмов были изданы В. Шейлем. Впоследствии археологические раскопки, произведенные на территории Ирана Р. Гиршманом, дали представление лишь о самих храмах⁶³, которые нередко строились по типу шумерских святилищ с зиккуратом, т. е. ступенчатой башней. Храмы подобного типа имели, судя по реконструкции, до пяти этажей⁶⁴. В обнаруженных надписях встречаются имена богов Иншушинака, Хумпана, Ишкекараба, Киририши, Наххунте, Пинегир⁶⁵ и др. В Чога-Зембиле, в 40 км от Суз, были раскопаны храмы, принадлежащие ряду божеств, например Пинегир, Напратену, Ададу и Шале вместе⁶⁶ и т. д. Самым главным

⁶² Ср. А. И. Тюмев, *Государственное хозяйство древнего Шумера*, М.—Л., 1956, стр. 33.

⁶³ См., например, R. Ghirshman, *L'Archéologie Française en Iran*, — «Revue de l'enseignement supérieur», № 3, 1959, p. 105 sq. (отдельный оттиск).

⁶⁴ R. Ghirshman, *La ziggourat de Tchoga-Zanbil, près Susa*, — «Revue Archéologique», p. 8 (отдельный оттиск).

⁶⁵ «Memoires de la Mission Archéologique en Iran», t. XXXII, 1953, p. 9.

⁶⁶ R. Ghirshman, *Tchoga-Zanbil, rapport préliminaire de la VII campagne (1958—1959)*, — «Arts Asiatiques», VI, fasc. 4, 1959, p. 262 sq.

среди них, по-видимому, был храм бога Иншушинака, хотя цари, вероятно, в одинаковой степени заботились о благоустройстве всех храмов. Упоминание имен этих божеств в надписях и наличие храмов, принадлежащих каждому божеству в отдельности, позволяют заключить, что существовало не одно общее хозяйство, объединяющее все храмы, а, скорее всего, храм каждого божества имел свое отдельное хозяйство. Можно предположить, что эти малые и большие хозяйства могли подчиняться главному центру храмовой иерархии, но мы не знаем, существовал ли такой вообще.

Как правило, эламские надписи понятие «храм» передают словом *sijan*, иногда *sijan-kuk*. По-видимому, эти слова обозначали различные формы строения. Что же могло означать *sijan-kuk*, если *sijan* — это «храм»? Поскольку *kuk* имеет значение «небо», то выражение в целом можно понять в смысле «небесный храм», т. е. высокий или божественный храм. Так как зиккураты — храмы с башнями — строились в несколько этажей, то *sijan-kuk* можно отождествлять с зиккуратом. Видимо, *sijan-kuk* было эламской передачей вавилонского понятия «зиккурат».

Таким образом, археологические раскопки помогают выявить формы храмовых строений. Поскольку существовали храмы, теоретически должно было существовать и храмовое хозяйство. Эламский материал дает возможность сравнительно полно восстановить имущественный и рабочий состав храмов, источники рабочей силы и социальный статус работников храмового хозяйства.

В рассматриваемый период храмы являлись религиозными и политическими центрами общества. Из эламских надписей позднего времени известно, что эламские правители, в том числе упоминаемые в разбираемых частноправовых документах, строили храмы для местных богов. Одним из таких правителей был Кук-Нашур. Надпись на кирпиче царя Аяшапа и Суз Шилхак-Иншушинака (XII в. до н. э.), повествуя о строительстве храма для местного бога Иншушинака, упоминает имя Кук-Нашура: *ú šil-ha-ak-napIn-šu-ši-na-ak ša-ak šu-ut-ru-uk-napNah-hu-un-te-ki-ik li-pa-ak ha-ni-ik napIn-šu-ši-na-ak-ki-ik su-un-ki-ik An-ša-an šu-šu-un-ka mKu-uk-napNa-šu-ur si-ja-an napIn-šu-ši-na-ak-me e-re-en-tu-um ku-ši-iš a-ak mi-šir-ma-na ú šar-ra-ah hi-ši e e-ri-en-tu-um pe-ip-ši-ja-ma ta-al-lu-uh*

a-ak si-la-an ^{parIn-šu-ši-na-ak} pa-pir ú-ri-me a-ha ku-ši-lh
«Я Шилхак-Иншушинак, сын Шутрук-Наххунте, слуга
любимый И. шушинака, царь Ачшана и Суз; Кук-Нашур
храм Иншушинака (из) кирпича построил. И (после то-
го) как он стал обветшалым⁶⁷, я снес (его), имя его
(Кук-Нашура) на кирпиче написал и храм Иншушинаку,
богу моему, я там построил»⁶⁸.

Если этот текст показывает, что цари строили храмы⁶⁹, то из самих документов видно, что храмы были политической силой в стране. Так, при заключении сделки в качестве свидетелей стороны призывают богов и следуют правилам, установленным тем или иным храмом.

Можно предположить, что храмы владели и недвижимым имуществом, иначе говоря, что существовало храмовое хозяйство.

Собственность храма. Имеющиеся данные позволяют констатировать наличие храмовой собственности. В этом отношении представляет интерес документ № 131, в котором речь идет о дарении (стк. 6—7): *!skirū ù eḫel zēri šā bi-bi-ni itā eḫel ili*⁷⁰ «сад и поле посевное... по соседству с полем бога». Даруемое недвижимое имущество находится в частном владении главы семейной общины, и оно зафиксировано в документе как находящееся около границ «поля кормления». Этот факт показывает, что владения домашней общины существовали обособленно, т. е. они не находились в составе «поля бога». Как справедливо заметил В. Шейль⁷¹, под «полем бога» подразумевается храмовая земля⁷². Здесь иное толкование

⁶⁷ W. Hinz, *Elamisches*, S. 299—300.

⁶⁸ См. МДР, II, 1900, стр. X. Ср. также МДР, III, 1901, надпись XLV, где в фрагментарном контексте встречается имя Кук-Нашура. Другие имена из подобных надписей не упоминаются в частных-правовых документах, кроме имени Шилхахи (МДР, III, 1901, надпись XXXII), «сыном сестры» которого называл себя Кук-Нашур (см. № 282).

⁶⁹ В царских надписях иногда вместо поименного указания правителей упоминается слово иргирра «прежиле». За этим общим и отвлеченным обозначением скрываются имена правителей и царей периода частных-правовых документов.

⁷⁰ МДР, XXII, № 131; ср. также МДР, X, 1908, № 102.

⁷¹ МДР, XXII, стр. 143, прим. 7.

⁷² В Египте храмовые земли также обозначались как «земля бога» (см. Е. В. Черезов, *К вопросу о поземельных отношениях в Египте эпохи Древнего царства*, — ВДИ, 1949, № 3, стр. 64).

невозможно. Следовательно, наряду с землей, принадлежавшей домашней общине, частным землевладельцам, существовали храмовые земли, называемые «полем бога». К сожалению, это факт единичный, но безусловно свидетельствующий о наличии храмовых земель.

В ином плане упоминается подобное поле в документе № 451 (стк. 6): 120 (ка) ekel atap ili «120 (ка) поля канала бога». «Канал бога» упоминается также в документе № 452 : 3. Вероятно, и это поле принадлежало храму, поскольку оно было расположено в районе храмового канала. Существование храмовых каналов, видимо, не должно вызывать особых сомнений, тем более что один из таких каналов был проведен еще Пузур-Иншушинаком и посвящен богу Иншушинаку. Поля у этих каналов также, очевидно, должны были быть из числа храмовых земель.

Разумеется, храмовые земли не оставались стабильными и постоянно расширялись, но вряд ли дробились. Каким же путем храмы могли увеличивать свои земельные наделы? Частные землевладельцы это делали посредством закупки земельных участков у землевладельцев, находившихся на стадии разорения, царская власть — путем захвата свободных земель и чужих территорий, может быть, иной раз тоже посредством закупки. По-видимому, храмы не закупали земли. Во всяком случае об этом документы ничего не говорят.

Как и всякий владелец крупного хозяйства, храмы были заинтересованы в дополнительном приобретении и постоянном увеличении состава движимой и недвижимой собственности. Как показывают документы, храмы участвовали в различных сделках, которые в конечном итоге увеличивали состав храмового имущества. В заемной сделке № 179, заключенной между храмом и частным землевладельцем, в частности, говорится (стк. 1—3): 3 GUR še'am kaqqadam itti ¹Samaš û Tà-an-i-lí. ^mMi-da-am-ta il-ké «3 гур ячменя основной ссуды (т. е. не считая процентов) у (храма) бога Шамаша и у Танили Мидамма взял». Как видно, в качестве кредитора выступают некий Танили и бог Шамаш. Под последним подразумевается храм бога Шамаша, и наличие его имени в документе показывает, что заем предоставлен храмом. Что касается Танили, который выступает как посредник между храмом и должником, то он непосредствен-

но был связан с храмом, т. е. был служителем храма, поскольку его имя упомянуто наряду с именем бога. Итак, храмы заключали заемные сделки. Для того чтобы гарантировать возвращение долга, храм получает залог (стк. 6—10): i-na e-bu-ri i-na a-raḥ ¹¹МАḤ še-a-am ù ḥu-bu-la-šu ú-ta-ru [i-na] È.DÙ. A šà itā Be-li-i ù i-na e-g-ši šà i-šu-ú sikkatu mah-ša-at «Во время урожая в месяце мах ячмень и проценты они должны возвратить. (Если не вернет), на дом, который по соседству с Бели, и на возделанную (землю), что имеет, колышек будет забит».

Документ № 182 аналогичен предыдущему: кредиторами являются опять-таки храм бога Шамаша и тот же Танили. Двое берут ячмень в месяце жатвы и должны уплатить долг с процентами после урожая. В отличие от предыдущего случая на дом и хозяйство должника, которые оставлены в залог, «забивает колышек» именно Танили. В документе № 183 речь идет о тех же кредиторах, причем займы выдаются 10 гур ячменя, а должник обязан вернуть 15 гур ячменя. Надбавка составляет ровно половину долга. Обращает на себя внимание тот факт, что в этом случае отсутствует залог. По-видимому, это объясняется тем, что должник был в состоянии погасить долг к сроку и поэтому отпадала необходимость в залоге. Отсюда к тому же вытекает, что те должники, которые закладывали свое имущество, вероятно, не всегда были в состоянии погасить долг к сроку. Именно поэтому от них и требовался залог. Где залог, там должны были быть и случаи невыполнения обязательства к сроку. Поскольку сам факт «забития колышка» есть предъявление вещного права на заложенное имущество в случае неуплаты долга по истечении назначенного срока⁷³, постольку залог, обычно состоящий из дома и поля, переходил в собственность кредитора и в данном случае присоединялся к храмовой собственности. Подобные земли становились, естественно, храмовыми и попадали в число «полей бога».

Храмы увеличивали доходы своего хозяйства не только посредством взимания процентов с должников, но и путем участия в торговых операциях. В документе № 124

⁷³ См. Ю. Б. Юсифов, *Эламские долговые документы из Суз (II тысячелетие до н. э.)*, стр. 50 и сл.

трое лиц берут у храма бога Шамаша и некоего Шамашбани, вероятно представителя административного персонала храма, выступающего в качестве посредника, 5 мин серебра для ведения торговли⁷⁴ (стк. 7—8): i-pa e-re-eb gi-lr-ri-[šū]-ni 60 immēre. א. א שי-bi-it ka-ti 11 Šamaš-ba-ni i-ša-ba-at «[При выходе их в путь 60 овец, владение руки (их), Шамашбани забирает». Упомянутые 60 овец оставлены в качестве залога. При такой форме заклада кредитор пользовался залогом. В документе № 271 храм бога Шамаша совместно с его служителем Варад-Амурру⁷⁵ дают в долг некоему Иттипишу. Далее следует такая клаузула (стк. 5—10): i-ki-ip-ra i-zi-ba-am-ma a-pa ba-ab-ti ū si-ši-it haḡāni um-ma-a-nu ū-ul šu-ḡu-uz kaspat um-ma-na i-ip-ra-al-[ma] né-me-lam ib-ba-aš-šu-[ma] m[a-al]-la aḡ-ma-mi i-zu-z[u] «[Передаст⁷⁶ (ли), оставит (ли), — за убытки и неудобства в пути кредитор не отвечает; серебром кредитора он должен удовлетворить и прибыль, сколько есть, друг с другом они должны поделить». Как видно, за убытки и дополнительные расходы, связанные с отъездом в целях торговли, храм-кредитор не несет ответственности и их возмещение целиком ложится на должника, участника товарищества⁷⁷.

Таким образом, храм — это религиозное учреждение — финансирует отдельных лиц⁷⁸, выдает в долг на-

⁷⁴ Совместное ведение торговли обозначается как товарищество. В тексте стоит ана ḡarriṭi букв. «для товарищества».

⁷⁵ Ср. также документ № 273, где храм и Варад-Амурру вновь выступают как совместные кредиторы. Во всех этих случаях фактически речь шла о храмовом имуществе, а эти лица лишь представляли храм при заключении сделки.

⁷⁶ Собственно говоря, глагол kēri означает «доверять (кому-нибудь)», «поручать». Здесь речь идет о том, что против передачи займы или на хранение другому лицу храм не возражает, но и не несет никакой ответственности.

⁷⁷ В соседней Вавилонии не только прибыль, но и убыток делились поровну. Во всяком случае Законы Хаммураби содержат такой пункт: «Если человек дает человеку в (порядке) товарищества серебро, — прибыль или убыток, который будет, они должны перед богами разделить поровну» (§ 99). Несмотря на это, в Законах имеется и более суровый пункт: «Если он не наживет прибыли там, куда отправится, то шамаллум (агент) должен отдать тамкару (купцу) взятое серебро вдвойне» (§ 101). Это является предупреждением на случай обмана со стороны должника.

⁷⁸ Подобная функция характерна не только для Элама. Храмы старовавилонского времени также являлись центрами финансирования (R. Harris, *Old Babylonian Temple Loans*, — JCS, vol. XIV,

туральные продукты и серебро, участвует в торговых операциях. Во всех этих случаях храм преследует цель получить проценты за кредит, увеличить состав движимого, а при случае и недвижимого имущества. Сказанное предполагает наличие значительных земельных площадей и людского состава в храмовом хозяйстве, ибо без этого, без постоянного источника, обеспечивающего храмы необходимыми продуктами, которые нельзя было собирать только за счет жертвоприношений, храмы не могли бы участвовать в финансовых и заемных сделках. Без наличия излишков производства подобное участие в заемных сделках вообще не могло возникнуть.

В связи со сказанным представляет интерес документ № 119 (стк. 1—5): i-na ālikī ù šēri i-na kaspi ù ħuraši 1Šamaš ù Arad-ku-bi tap-pu ki-ma a-bi-šu šà pa-ni-im a-bu-um i-pu-uš-ma šā 1Šamaš i-pu-uš «В поселении и вне его (т. е. за пределами поселения, в степи), в серебре и золоте (храм) бог(а) Шамаш(а) и Арад-Куби — товарищи, как прежде отец его. То, как прежде отец делал, он также относящееся к Шамашу сделает»⁷⁹. Имущество состояло также из недвижимости, что видно из выражения ina āli ù šēri «в поселении и степи». Судя по частноправовым документам, где часто встречается это выражение, оно указывает на недвижимую собственность лица, вошедшего в товарищество. В упомянутом документе речь идет о присоединении хозяйства Арад-Куби, состоящего как из недвижимого, так и движимого имущества, к храмовому. Имея в виду, что храмовая земля (судя по вавилонским аналогиям) не отчуждалась, поскольку она считалась священной и ее неприкосновенность защищалась обычаями, то можно предполагать, что земля и вообще всякая движимость и недвижимость вошедшего в храмовое объединение лица

№ 4, 1960, p. 127 sq. P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, Bd VI, Leipzig, 1923, S. 41, 45, 46 sq.) То же самое относится и к Мари (см. G. Boyer, *Textes juridiques*, Paris, 1958, № 22—36 sq., p. 42 sq.). Храм Шамаша в Сиппаре даже имел свой собственный тариф процентов (см. M. Schorr, *Urkunden*, S. 66, 71, № 41, 57; A. П. Рифтин, *Старовавилонские документы*, М.—Л., 1937, стр. 37; R. Harris, *Old Babylonian Temple Loans*, p. 127, 128; P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, Bd VI, p. 41 sq.).

⁷⁹ Э. Кюк перевел так: «В городе и на полях, в серебре и золоте, только бог Шамаш и Арад-Куби, как в прошлом его отец, при-

не могли в будущем ни под каким предлогом отделиться от храмового хозяйства. Этим путем храмы сосредоточивали земельные участки в пределах своего хозяйства.

Кроме этих способов увеличения состава храмовой собственности существовали и другие. В этом отношении представляет большой интерес эламоязычная надпись верховного жреца Шутруру. Надпись относится к началу I тысячелетия и, помимо прочего, свидетельствует о дарении земельных угодий храму. Позволим себе привести соответствующий отрывок⁸⁰... [mu]-ru-un^{meš} mŠu-ut-ru-ru pa-ši-šu GAL i du-nu-iš 56 ku-tumeš mŠu-ut-ru-ru pa-ši-šu GAL mA-bu-li-ti i du-nu-iš a-ak ha-al^{meš} Kur-bu-tu du(?)-ni-ma 5 mŠu-ut-ru-ru pa-ši-šu [li-iš]...⁸¹ URU 90 mu-ru-un^{meš} m[r-ha-ah-pu-in.na 18 ku-tumeš mŠu-ut-ru-ru pa-ši-šu GAL li-iš a-ak hu-un-sa-aš URU 90 mu-ru-un^{meš} mDu-hi-lr-li-ik-in.na 18 ku-tumeš mSu-ut-ru-ru ša-tin li-iš a-ak hu-un-sa-aš «...землю Шутруру, жрецу великому, ее дал; 56 лошадей Шутруру, жрецу великому, Абулити их⁸² дал; и земли⁸³ Курбуту пусть (Шутруру) получает; 5 (ка земли) Шутруру, жрецу великому, (он дал). Община 90 (ка)⁸⁴ земли Ирхахпуна (и) 18 лошадей Шут-

нимали участие (tarrū). Отец работал в интересах храма Шамаша» (E. Clug, *Les actes juridiques*, p. 64). Шейль дает почти такой же перевод (MDP, XXII, p. 130).

⁸⁰ MDP, V, надпись XXXVI, стк. 5—11, 14—20. Надпись в целом трудно поддается переводу. Издатель надписи Шейль дал первоначальный, но не полный перевод, однако его перевод устарел и нуждается в пересмотре.

⁸¹ Три строки, которые совершенно не поддаются объяснению, нами пропущены.

⁸² Местоимение «i» стоит в 3-м лице единственного числа. Поскольку оно относится к цифре «56», то приходится перевести его множественным числом, что не противоречит правилам эламской грамматики.

⁸³ Собственно haI значит «страна», но в данном случае под «странами» Курбуту подразумеваются ее земли.

⁸⁴ В надписи стоит знак , соответствия которому отсутствуют среди идеограмм и даже среди аккадских клинообразных знаков, не говоря уже об эламских. Шейль читал išgur, выводя, видимо, от аккадского šagāru «жечь», «сжигать». Совершенно непонятно, почему эламиты должны были здесь применить идеограмму для глагола, и вообще такое значение не подходит к этому месту. По-видимому, в данном случае мы имеем дело не со знаком, имеющим слововое, тем более идеографическое значение, а с цифрой, переданной в десятичной системе. Она значит 90 (мер — «ка»).

руру, жрецу великому, дала и подарила⁸⁵. Община 90 (ка) земли Духарликина (и) 18 лошадей Шутруру, жрецу, дала и подарила». Из этого отрывка можно сделать ряд выводов. С одной стороны, храм получал дары от частных землевладельцев, с другой — общинные организации выделяли и дарили храмам земельные угодья и рабочий или ездовой скот — лошадей.

Если о первом свидетельствует упоминание имени частного лица, а именно Абулити, то о втором позволяет судить наличие в тексте термина URU (=ālu), обозначающего как общину, так и поселение. Однако поселение, в котором существовали лишь отдельные домашние общины и которое не являлось организационной единицей, не было бы правомочно выделять их недвижимостью и движимостью для храмов. Лишь сельская община, вернее ее управление, могло иметь подобные правовые полномочия. Поэтому ālu обозначает здесь общинное управление. Это обстоятельство прежде всего указывает на самостоятельность храмового хозяйства и обособленность его от общинной организации.

На подаренных землях, если они находились вдали от храмового хозяйства, устанавливались статуи божества, что, видимо, подтверждается последующими строками той же надписи (стк. 22—23): *ša-al-mi a-ha ku-ra-ak-ni* «статуя там пусть будет сооружена»⁸⁶. Наличие статуй на этих полях являлось символом принадлежности данной земли храмам, а сама статуя олицетворяла божество, которому население должно было приносить жертвы. Вообще принесение жертвы статуям было широко распространено в Шумере. В Египте же для статуй собиралось зерно⁸⁷.

В документах, относимых Шейлем к эпохе Аддахушу, речь часто идет о баранах и крупном скоте, которые бы-

⁸⁵ Глагол *hupsa* Шейль переводит «поднимать», «снимать». Наш перевод непосредственно вытекает из значения предыдущего глагола. Передача обычно уточняется как дарение. В частноправовых документах передача часто оформляется в форме *i-ki-iš id-di-iš-ši* «подарил, отдал ей». Это в известной степени подтверждает наш перевод.

⁸⁶ Ср. W. Hinz, *Zum elamischen Wortschatz*, — ZA, NF, Bd 16 (50), S. 246.

⁸⁷ И. М. Лурье и И. А. Лапис, *Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства*, — ВДИ, 1961, № 2, стр. 191.

ли предназначены для жертвоприношения тому или иному божеству. Жертвы приносились в храмах или в доме суккала⁸⁸.

Рабочий персонал храма. К сожалению, приведенный материал не дает возможности судить о величине храмовых хозяйств. Однако, без сомнения, они были значительными. Можно сделать и другой теоретический вывод, что храмы имели свой персонал и непосредственных производителей. Для того, чтобы выяснить их социальный статус, необходимо вновь обратиться к упомянутым эламским частноправовым документам.

Так, в одном из документов (№ 180) храм Шамаша и представитель храма Танили отпускают в долг 3 гур 80 ка ячменя. Далее, в документе записана следующая клаузула (стк. 7—9): *i-na e-bi-ri-im še-a-am ù hu-bu-ul-la-šu ú-ta-ag ù 12 e-šé-di i-na-di-in* «Во время урожая ячмень и проценты его должен вернуть и 12 жнецов должен дать». В этом случае упомянутый в документе труд 12 жнецов был включен в число процентов, которые должны были отдать двое должников. Из контекста неясно — были ли эти жнецы рабами или свободными земледельцами. Во всяком случае должник был обязан представить в распоряжение храма жнецов либо из числа членов своей семьи, либо посредством найма на стороне⁸⁹.

Значит, храмы добывали рабочую силу посредством предоставления займа, причем без оплаты труда работников, ибо оплата зачитывалась как проценты.

О существовании безвозмездной трудовой повинности в пользу храмов может свидетельствовать следующий факт. В документах несколько раз упоминается название месяца в такой форме: *agaḥ eḫel ili šà eḡši*⁹⁰, что в переводе значит «месяц поля бога — обработки земли». Выше мы видели, что *eḫel ili* — это храмовая земля, сле-

⁸⁸ MDP, X, № 2, 5—6, 11, 14, 31, 34, 37, 45 и др.

⁸⁹ Жнецы могли быть наняты на стороне. (Для Вавилонии ср. J. G. Lautner, *Altbabylonische Personenmiete und Erntearbeiterverträge*, Leiden, 1936, S. 142 sq.). Как показывают наши частноправовые документы, в Эламе существовали бедные слои населения, лишенные земли или имевшие недостаточно земли, чтобы прокормиться. Наемная рабочая сила притекала в Элам также из Двуречья, на что, в частности, указывает термин *amigtū* «жители запада».

⁹⁰ MDP, XXIII, № 276; MDP, XXIV, № 325: об. 19; 392:1; MDP, XXVIII, № 505:3; 531; ср. MDP, X, № 2, 16, 21, 80, 98, 121 и др.

довательно, имеется в виду месяц, когда начиналась обработка храмовых земель. Из этого вытекает, что население в месяце «поля бога» привлекалось для выполнения трудовой повинности на храмовых землях⁹¹.

Таким образом, население, в основном общинники, было обязано по крайней мере один раз в году обрабатывать в течение месяца храмовые земли, а во время жатвы, как можно полагать на основании документа № 180, храмы сами приобретали рабочую силу посредством долговых сделок⁹². Из этого же можно заключить, что трудовая повинность не могла удовлетворить храмы и им необходимо было приобретать постоянную рабочую силу, т. е. рабов.

Наличие рабов и рабынь при храмах подтверждается документом № 198, сохранившимся, впрочем, в фрагментарном виде (стк. 1—11); 2 GUR šē'am kaḳḳadam ù 10 [š:ḳlī kaspam] itti 11Šamaš mWarad-11Amurri [il-ḳé] rēš arḫi ḫul-tu-pe-e šà [BAL...] šə-a-am ù kaspam l[il-ḳé] ^{LU}wardum šà 11Šamaš a-na mWarad-11Amurri] ḳa-du GEMÈ SAG ù... e-bu-úr ne-eḫ-ti... ba-al-tú [ù ša-al-mu] i-na araḫ ša-b[il-ti...] še-a-am ù ḫu-bu-[la-šu] kaspam ù šipta-šu a-na [11Šamaš ip-ra-al] «2 гур ячменя основной ссуды и 10 [сиклей серебра] у (храма) бога Шамаша Варад-Амурру взял. В начале месяца хультупе в районе... ячмень и серебро [взял]. Слуга⁹³ (храма) Шамаша для Варад-Амур-

⁹¹ Может быть, массовое привлечение населения для несения трудовой повинности в пользу храмов постепенно исчезало, но наличие месяца «поля бога» показывает, что в какой-то период истории Элама труд населения применялся в храмовом хозяйстве в большом масштабе. Продолжалось ли это в данный период или сохранилось только название месяца, свидетельствующее о прошлых отношениях, мы не знаем. Нам кажется более вероятным, что в этот период трудовая повинность в пользу храмов продолжала свое существование.

⁹² В документах эпохи Аддахушу один раз встречается месяц «поля бога — жатвы» (eḳel ili ešēdi, № 124). Вероятно, на этом основании можно говорить, что общинники работали на храмовых землях и в период уборки урожая. По-видимому, к этому времени это стало уже редким явлением, поэтому храмы и нанимали жнецов.

⁹³ Шейль читает LU.US(UDU.NITAḤ) и переводит «баран» (MDP, XXIII, стр. 42). Однако такой перевод совершенно не вытекает из контекста. Знаки вряд ли могли передавать здесь значение «баран», и, видимо, речь идет о человеке. Вероятно, мы имеем дело с ошибочным написанием LU.NITAḤ вместо ^{LU}NITAḤ. Написание идеограммы NITAḤ «мужчина» вместо сходного по напи-

ру вместе с рабыней (и) рабом и [...представит (?)] после] урожая благополучного; (тот, кто) жив [и здоров], в месяце шаб[ат] ячмень и проце[нты его], серебро и проценты его [(храму) Шамаша долже[т] у мат[ер]и]».

Совершенно очевидно, что в этом документе речь идет о предоставлении в распоряжение должника Варад-Амурру, который так или иначе был связан с храмом (поскольку в ряде случаев он выступает как служитель храма), раба и рабыни. Этот факт указывает на существование при храмах рабынь и рабов, которые были заняты непосредственно на производстве и могли быть выданы временно на сторону для выполнения сельскохозяйственных работ⁹⁴.

Однако остается неизвестным — были ли они военнопленными, превращенными в рабов, или это рабы местного происхождения.

Во всяком случае нет сомнения в том, что в храмовых хозяйствах имелись рабы иноземного происхождения, о чем свидетельствует надпись правителя Суз Пузур-Иншушинака⁹⁵. В этой надписи речь идет о дарах, сделанных им храму Иншушинака. В частности, там говорится, что он открыл канал и статую божества там поместил, ворота храма из бронзы и кедра воздвигнул, назначил для ежедневного жертвоприношения двух овец, подарил храму различные драгоценности, в том числе военнопленных⁹⁶. Естественно, военнопленные превращались в рабов.

Кроме упомянутых случаев, о храмовых рабах дают сведения собственно эламские надписи. В надписи Шилхак-Иншушинака (1165—1151), текст которой порой не совсем понятен, имеется фраза: *su-gir ru-hu si-ja-an-pi-ir*

сацию знака *wardu* «раб» имеет многочисленные аналогии в старовавилонских текстах. Читая *LÚ ardu*, мы предполагаем, что речь идет о слуге, который заключил сделку от имени храма. Позднее, по крайней мере в эламских текстах, нередки случаи замены идеограммы и детерминативов их омофонами.

⁹⁴ В поздней Вавилонии храмы сдавали рабов частным лицам в аренду (I. Mendelsohn, *Slavery*, p. 104).

⁹⁵ G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, pp. 156—157.

⁹⁶ Букв. «пойманных, захваченных» — *nišbatum*. Это не специальный термин для военнопленных, хотя он мог бы обозначать людей, захваченных на войне. Известно, что Пузур-Иншушинак вел военные действия и похвалялся, что захватил много стран (см. G. A. Barton, *The Royal Inscriptions*, p. 158).

a-ak su-uk-ki-ir⁹⁷ tak-ni-ma «Эдикт⁹⁸ (об) отроках храма и царя пусть установит».

Слово ruhu, которое присутствует в этой фразе, имеет совершенно ясное значение «дитя», «ребенок»; перевод «семья», предложенный Шейлем, неудовлетворителен. Однако «детьми храма» могли быть и рабы, и подаренные малолетние подростки, посвященные храмам, и несовершеннолетние рабы, родившиеся в храмовом хозяйстве. Нередко слово, обозначающее ребенка, по истечении времени становилось термином для рабов⁹⁹. Позднеэламские документы, обнаруженные в Персеполе, показывают, что ruhu было также термином, обозначающим рабов¹⁰⁰. В этой связи интересно выражение ruhu batimaniš, которое имеет значение «отроки (дети) дома» и обозначает рабов¹⁰¹. Таким образом, и домашние рабы и храмовые могли обозначаться термином ruhu. Поэтому ruhu в упомянутом контексте значит «отрок», «раб», следовательно, выражение ruhu sijanir передает значение «отроки храма».

То же самое можно сказать о ruhu, которое встречается в надписи верховного жреца Шутруру¹⁰², о котором было упомянуто выше в связи с дарением храму земли: ki-te-en ar-pa šu-tu-ur napin-šu-ši-na-ak a-ak su-gir mŠu-ut-ru-uk-napNah-hu-un-te i tu-um-pa-aš-da pu-hu-ur pu-hu-ur-ri si-ja-an napin-šu-ši-na-ak-me-ra hu-ma-ak a-ni li-li-en pu-hu-ur pu-hu-ur-ri hu-ma-an-ra ša-tin-me napin-šu-ši-na-ak-me hu-ud-da-ah-ši-ni ak-ka mŠu-ut-ru-ru pu-hu-ur-ri in-gi

⁹⁷ Шейль приводит примеры из вавилонских текстов и пишет, что sukki, вероятно, то же самое, что siḫp и esirtu (MDP, V, p. 54). В целом выражение он переводит «семья, храм и святилище» (MDP, ibid., p. 42), хотя такой перевод прежде всего противоречит грамматической форме фразы.

⁹⁸ См. Ю. Б. Юсифов, *Эламское sugir*, стр. 9 и сл.

⁹⁹ Аккадское suhāru «ребенок», «подросток» употребляется в значении «раб» (ср. I. Mendelsohn, *Slavery*, p. 137). Древнегреческое παις «ребенок» с течением времени также приобрело значение «раб» (см. Я. А. Ленцман, *О древнегреческих терминах, обозначающих рабов*, — ВДИ, 1951, № 2, стр. 51; ср. И. М. Амосин, *Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте, по данным Септуагинты*, — ВДИ, 1952, № 3, стр. 60 и сл.).

¹⁰⁰ См. В. О. Тюрин, *Социальное положение kurtaš по документам из «сокровищницы» Персеполя*, — ВДИ, 1951, № 3, стр. 35; Ю. Б. Юсифов, *Термины для рабов*, стр. 46.

¹⁰¹ Ю. Б. Юсифов, *Термины для рабов*, стр. 47.

¹⁰² MDP, V, надпись LXXXVI, стк. 11—16, стр. 71.

In du-nu-un-ka-mar a-ak tl-ru-un-ra ak-ka pu-hu-ur-ri si-ja-an
nap.n-šu-ši-na-ak-me-ra hu-ma-aš Ir li-en-ra¹⁰³.

Вообще надпись в целом трудно поддается переводу, но в этом отрывке значения почти всех слов, с некоторыми исключениями, известны, а для остальных они легко устанавливаются. Шейль частично перевел этот отрывок. Имеется еще и другой перевод, но он совершенно не раскрывает смысла текста¹⁰⁴. Поэтому, прежде чем дать наш перевод (лишь после этого можно будет судить об отношении текста к делам храма), необходимо уточнить значения некоторых неясных слов.

Из этого контекста значения следующих слов установлены: sugir «эдикт», šutur «закон», «правило», kiten «защита», tupra «назначать», «устанавливать»¹⁰⁵.

Относительно ruhur ruhurri Шейль писал, что он не может объяснить это повторение, к тому же само выражение оставлено им без перевода. Однако в примечании к тексту Шейль отмечал¹⁰⁶, что ruhur, вероятно, движимое имущество, которое находилось в храме. Следовательно, издатель надписи не сомневался в том, что ruhur относится именно к храму. Тем не менее он не смог понять, что в данном случае речь идет о живых существах, которые причислялись к движимому имуществу. Перевод М. Ламбера существенно отличается от объяснения Шейля. Согласно М. Ламберу, ruhu следует переводить «принц»¹⁰⁷. Но подобный перевод совершенно неприемлем: ruhu имеет вполне ясное значение «дитя»,

¹⁰³ Шейль дает примерно такой перевод: «kiten Шутур-Иншушинака и sugir Шутрук-Наххунте снял, ruhur ruhurri храма Иншушинака был изъят, который он оставил, ruhur ruhurri удалили, который жрецы Иншушинака восстановили. Кто вновь взял ruhurri Шутуру или создал; кто вновь забрал ruhur храма Иншушинака, его разграбил». Этот перевод противоречив и не имеет ясного смысла.

¹⁰⁴ «То, что решили Шутур-Иншушинак и царь Шутрук-Наххунте, что они будут очень сдержанны (1) с принцем, с принцем храма Иншушинака, не будут открывать свою душу только что водворенному на престол принцу, что они согласятся с возведением в сан Иншушинака. Принц, которого Шутуру еще не сделал принцем и который утвердит того, кто водворится на престол принцем храма Иншушинака» (M. Lambert, *Épigraphie élamite (II)*, — RA, 49, № 3, 1955, pp. 151—152). Такой перевод является совершенно произвольным и слишком модернизированным.

¹⁰⁵ См. Ю. Б. Юсифов, *Эламское sugir*, стр. 9 и сл.; Ю. Б. Юсифов, *Храмовое хозяйство в Эламе*, — «Кlio», Bd 46, 1965, S. 15 sq.

¹⁰⁶ MDP, V, стр. 77, прим. 35.

¹⁰⁷ M. Lambert, *Épigraphie élamite (II)*, p. 151 sq.

«ребенок». Иной раз под этим словом подразумевается «потомок». Однако, как было сказано выше, эламские хозяйственные документы, обнаруженные в Персеполе, показывают, что люди, обозначенные термином *ruhu*, по своему социальному положению были рабами. Поэтому *ruhu ruhurri* необходимо понимать в смысле «отроки», «рабы». Но и при таком переводе повторение остается без объяснения. Для того чтобы объяснить это повторение, следует обратиться к аккадскому языку. Там имеется термин *tāg māgi* «внук», который в свое время В. Шейль переводил «потомство»¹⁰⁸. Это выражение образовалось от повторения слова *tāgi* «сын», следовательно, оно в целом означает «дети детей». В частноправовых документах из Элама встречается выражение *šer šerri*¹⁰⁹ «дети детей» в смысле «потомки», *šerri* также имеет значение «ребенок», «дитя»; но в Ассирии и Нузи оно применялось для обозначения рабов¹¹⁰.

Выражение *ruhu ruhurri* — явный перевод *šer šerri* или *tāg māgi*. Поскольку *ruhu ruhurri* находились в составе храмового хозяйства, то они были рабами. Соответствующие аккадские термины также обозначали рабов. Так, в документе № 411 : 2 (MDP, XXVIII) цена пяти *tāg māgi* (DUMU. DUMU) составляет 13½ сиклей серебра. Они оцениваются в серебре, значит они были рабами. Следовательно, термин *ruhu ruhurri* применялся для обозначения храмового персонала, точнее храмовых рабов.

Таким образом, строки 11—16 из надписи верховного жреца Шутруру, которым был посвящен этот экскурс, следует переводить: «Защита, которую правило Иншушинака и эдикт Шутрук-Наххунте назначили, (о тех кто) всякого отрока¹¹¹ храма Иншушинака брал, чтобы не возвращать¹¹². Всякого отрока храма (кто) взял бы, (че-

¹⁰⁸ MDP, XXIII, стр. 51, прим. 8.

¹⁰⁹ См. документы купли-продажи в MDP, XXII, XXIII, XXIV; ср. Ю. Б. Юсифов, *Купля-продажа недвижимого имущества*, стр. 19.

¹¹⁰ Н. Б. Янковская, *Хурритская Аррапха*, — ВДИ, 1957, № 1, стр. 33.

¹¹¹ Выражение *ruhu ruhurri* в данном контексте можно было бы перевести «дети детей», однако поскольку речь идет вообще об уходе рабов, то, как любезно указал мне И. М. Дьяконов, это выражение лучше переводить в смысле «всякий отрок».

¹¹² Глагол образован посредством повторения корня «давать», «возвращать».

рез) жречество Иншушинака пусть сделает это, а кто после этого ему, Шутруру, отрока не будет отдавать, то (о нем) должно сказать: „Кто отрока храма Иншушинака взял, его должно отдать“»¹¹³.

На основании этого отрывка и приведенных в связи с этим данных можно сделать следующие выводы: во-первых, цари издавали специальные эдикты для защиты храмовой собственности от внешних посягательств и устанавливали иммунитет для храмового имущества; во-вторых, храмы также имели свои правила и законы, на основании которых производилось общение с внешним миром; в-третьих, имелись случаи увода храмовых рабов, что указывает на сравнительное снижение роли храмов в жизни населения в I тысячелетии до н. э. Выше мы видели (№ 198), что храмовые рабы могли передаваться частному лицу для выполнения временной работы. Возможно, в надписи Шутруру частично речь идет о возвращении подобных рабов, если они задерживались, но, видимо, в основном указ направлен против тех, кто самовольно уводил или просто крал храмовых рабов.

В начальной части второго столбца надписи Шутруру (стк. 4) подчеркивалось, что храмовых рабов нельзя уводить: ru-hu-ur-gi ku-da-ra a-ni ta-gi-en «(Если кто) посвятит (?)»¹¹⁴ отрока, то его нельзя забрать». Отсюда к тому же вытекает, что речь идет и об уводе посвященных храму отроков и подростков.

Вероятно, кража храмовых рабов имела место в больших масштабах, поэтому об этом так часто говорится в надписях.

Против лиц, которые уводили рабов, направлено также проклятие, зафиксированное в той же надписи (стк. 35—39): ak-ka ru-hu-ur ru-hu-ur-gi hi-ra-du-un-ra a-ak ru-hu-gi si-ja-an ^{nap}In-šu-ši-na-ak-me-ra hu-ma-aš ir [li-en-ra

¹¹³ Вольный перевод выглядел бы следующим образом: «Защита, которую установили закон (бога) Иншушинака и эдикт (царя) Шутрук-Наххунте: (раньше) всякого отрока храма Иншушинака уводили и не возвращали; (теперь же) если всякого отрока будут брать, то это должно быть сделано через жречество храма Иншушинака; если и после этого (кто-либо) не будет отдавать отрока (жрецу) Шутруру, то (по новому закону) будет приказано: "кто взял отрока у храма Иншушинака, тот его должен отдать"».

¹¹⁴ Отождествляем с глаголом kutu «оставлять», иначе говоря «посвящать».

ha]-at-ti ^{nap}Humpan ri-[uk-ku-ri-ir ta-ak-né] ¹¹⁵. «Если кто всякого отрока уведет (?) и отроков храма Иншушинака заберет ¹¹⁶, то его он должен отдать, проклятие Хумпана на него пусть ляжет».

Повторное предупреждение, что посягательство на храмовых рабов будет наказано, еще раз показывает, что увод чужих рабов был распространен в Эламе ко времени составления надписи Шутруру, т. е. в VIII—VII вв. до н. э. В эти и последующие периоды в Эламе развернулись такие политические события, которые привели к войне с соседними странами, в первую очередь с Ассирией, к междоусобице царствующих семей. Последнее особенно видно из надписей Ашшурбанапала. В такой обстановке могло не хватать рабочей силы, поскольку взрослое население было мобилизовано. Это и могло быть одной из причин увода храмовых рабов.

Следует отметить, что термин *rihu sijanir* «отроки

¹¹⁵ Восстанавливается на основании других надписей. В надписи Напирасу (MDP, V, надпись LXV, стк. 4—10; стр. 2) говорится: ak-ka ša-al-tu ú-me hu ma-an-ra ak-ka hu-tu-un-ra ak-ka tu-up-pi-me me-el-ka-an-ra ak-ka hi-iš ú-me su-hu-un-ra ha-at-ti (Шейль читал sun-kik «царь»; см. исправление G. Hüsing, *Die einheimischen Quellen*, S. 50) ^{nap}Humpan ^{nap}Ki-ri-ri-ša ^{nap}In-šu-uš-na-ak hu-uk-ku-ri-ir ta-ak-né ^{nap}Na-ah-hu-te ir-ša-ra-ra hi-iš a-ni pi-li-en pa-ar a-ni ku-tu-un «Кто статую мою заберет, кто испортит, кто надпись изменит, кто имя мое сотрет, проклятие Хумпана, Киририши, Иншушинака на него пусть ляжет, (под) солнцем имя (его) не должно возродиться (?), род (его) не должен сохраниться(?)». Этот перевод в известной мере подтверждается при сравнении с аккадской надписью Унташ-Хумпана (MDP, XXVIII, стр. 31; XXXII, стр. 14—17): ša i-na-ap-pa-lu ša libitta-šu i-ḥe-ep-pu-u ša ḥurāšu-šu kaspu-šu ^{aban}Q.A.PAR-šu ^{aban}PAR.PAR.RUM-šu libitta-šu i-na-aš-šu-ma a-na ma-ti ša-ni-ti u-ba-lu ḥa-at-tum ša ¹¹Humpan ¹¹Inšušinak u ¹¹Ki-ri-ri-ša ša si-ḫa-an ku-uk i-na mi-uh-hi-šu li-iš-ša-ki-in u i-na šu-pa-al ¹¹Samaš NUMUN TUK «Кто разрушит, кто кирпичи его (храма) разобьет, кто золото и серебро его ...унесет и в страну другую увезет, проклятие Хумпана, Иншушинака и Киририши (из) храма «высокого» на него пусть ляжет и под солнцем рода его не будет». Правда, эламский текст не совсем тождествен аккадскому, но последний помогает переводить эламский отрывок более или менее правильно. Почти тождественна и урартская форма проклятия (см. Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, М., 1960, стр. 127—128, 133—134, 154).

¹¹⁶ Дословно следовало бы переводить прошедшим временем, но контекст требует перевода будущего временем. Прав Ф. Борк, который предполагал, что во избежание скопления глаголов в сослагательном наклонении эламские писцы последний глагол ставили в прошедшем времени (F. Borck, *Elam. B. Sprache*, S. 80).

храма» как таковой неизвестен нам из других источников, по крайней мере не засвидетельствован в соседних странах. В поздней Вавилонии они назывались *širku* «подаренные»¹¹⁷. Лишь позже у древних греков появляется термин с подобной семантикой. Таковыми были термины *ἱεροὶ παῖδε*; или *παῖδε*; *τοὺ θεοῦ*¹¹⁸, которые обозначали храмовых рабов.

К сожалению, о храмовой администрации почти ничего не известно, поэтому определить должности при храмах невозможно. Однако можно сказать, что права храма осуществлялись через соответствующих представителей из состава храмового персонала. Высокой административной должностью при храмах была должность верховного жреца (*pašišu GAL*¹¹⁹), который, опираясь на царские законы и издавая собственные распоряжения, обеспечивал не только неприкосновенность храмовой собственности, но и защищал ее от внешних посягательств, регистрировал факты дарения недвижимости и движимости. Жрецы (*šatīn*) выполняли остальные функции, в основном связанные с религиозной деятельностью.

Доскональное изучение имеющихся материалов позволяет констатировать, что в Эламе существовало храмовое хозяйство. К сожалению, размеры и удельный вес храмовых хозяйств остаются за пределами досягаемости наших знаний, но судя по политической и экономической роли, которую храмы играли в жизни населения Элама во II тысячелетии и раньше, можно сказать, что были большие храмовые хозяйства, сосредоточившие в своих руках материальные ценности и богатства страны и также в силу этого являвшиеся центром экономической эксплуатации и духовного порабощения населения. Поскольку храмовое имущество, главным образом недвижимая собственность, вероятно, не отчуждалась, то площадь храмового хозяйства скорее всего находилась на

¹¹⁷ I. Mendelsohn, *Slavery*, p. 104.

¹¹⁸ Hepding, *Hieroduloi*, — «Paulis-Real-Encyklopädie», Stuttgart, 1913; Bd 8, S. 1463 sq. Эти термины в переводе соответственно имеют значение «священные отроки» или «отроки бога».

¹¹⁹ Собственно говоря, слово *pašišu* означает «тот, кого помазали» (см. J. Morgenstern, *The Doctrine of Sin*, p. 42). Подобные жрецы принимали участие в жертвоприношениях. В документе № 65 (MDP, X) жрец (*pašišu*) из местности Гурумутак получает четырех козлят, вероятно, для жертвоприношения. Храмы Иншушинака и Симута также получают барана и быка (MDP, X, № 11, 14).

стадии расширения до тех пор, пока обстановка в стране способствовала этому.

Храмовые земли считались священными. Состав этих земель увеличивался не просто за счет свободных или необработанных земель. Как правило, последние земли находились во владении общины, частных землевладельцев или царской власти. На основании приведенных выше примеров можно установить следующие источники увеличения земельной площади храмов. Она увеличивалась и расширялась, во-первых, за счет дарений со стороны отдельных землевладельцев и общин (может быть, в этих дарениях участвовала и царская власть)¹²⁰; во-вторых, путем приема в состав храмового персонала отдельных людей с их движимостью и недвижимостью, которая присоединялась к храмовому хозяйству; в-третьих, в результате перехода земли разорившихся мелких землевладельцев в руки храма, который при заключении долговых сделок в качестве залога принимал недвижимость (поле) должника.

На этих землях производилось достаточное количество сельскохозяйственных продуктов, излишки которых выдавались под проценты в долг. Естественно, люди, которые обрабатывали храмовые земли, должны были быть из состава храмового персонала. Поскольку при храмах были рабы — низшая социальная категория среди храмового персонала, — то обработка земли, сбор урожая и вообще выполнение всевозможных тяжелых работ, вероятно, лежали на их плечах. Кроме того, население Элама в определенный месяц года привлекалось, может быть даже в принудительном порядке, для несения трудовой повинности на храмовых землях. В условиях, когда храмовые земли являлись частью общинной земли, например, как в раннем Шумере¹²¹, обработка храмовых земель общинниками была оправдана. Но применительно к тому времени, от которого не сохранилось реальных следов объединенности общин с храмовыми хозяйствами, массовое привлечение населения для выполнения повинностей в пользу храмов (что от-

¹²⁰ Например, в Ассирии царь дарил земли храмам (см. И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений*, стр. 122, 140).

¹²¹ См. В. В. Струве, *История древнего Востока*, М.—Л., 1941, стр. 69, ср. также В. В. Струве, *Община, храм и дворец*, — ВДИ, 1963, № 3, стр. 11—34.

разилось в названии месяца «поля бога»), требует иного объяснения. Может быть, название месяца «поля бога», отражавшее реально существующее положение, появилось в период выделения храмового хозяйства из общинного. При совместности общинного и храмового хозяйства, когда общинники и так были обязаны обрабатывать земли храма, не было необходимости в специальном месяце для обработки священных земель. Эта необходимость появляется именно в период выделения и обособления храмового хозяйства. В силу духовной и нередко экономической зависимости земледельцы в порядке повинности должны были выполнять общественные работы в пользу храмов¹²². Выполнение повинностей, судя по названию месяца «поля бога», превратилось в правило, но оно предусматривало лишь обработку земли. Поэтому привлечение населения один раз в течение года для несения повинностей не разрешало полностью вопрос о рабочей силе для храма. Храмы приобретали рабочие руки на стороне посредством заключения долговых сделок. Храмы обеспечивали себе доход не только применением рабского труда, сбором жертвоприношений и так далее, но и посредством выдачи займа под проценты и участия в товариществах в целях торговли с разделом прибыли пополам. Храмы выступают как кредиторы, как ростовщики, и «все усиливая и усиливая задолженность производителя, ростовщичество лишает его обычных средств платежа, так как для него из-за тяжести одних только процентов становится невозможным регулярное воспроизводство»¹²³.

Лишенный подобной возможности должник-производитель разоряется и попадает в долговую кабалу. Отсюда вытекает тот непреложный вывод, что в храмовых хозяйствах должен был использоваться и труд земледельцев, попавших в долговую кабалу. Состав храмового персонала увеличивался, кроме того, во-первых, посред-

¹²² Такое же положение наблюдается в Двуречье. Там труд членов общин, которые находились вне храмовых хозяйств, использовался лишь временно в порядке привлечения к общественной повинности на оросительных, а также на строительных работах (см. А. И. Тюменев, *Государственное хозяйство древнего Шумера*, М.—Л., 1956, стр. 33). В Ассирии нового периода на храмовых землях также выполнялись повинности (см. И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений*, стр. 140).

¹²³ К. Маркс, *Капитал*, III, М., 1955, стр. 613.

ством посвящения или дарения¹²⁴ свободных, обычно юношей, а также рабов, во-вторых, вероятно, и за счет военнопленных, которые захватывались на войне и дарились храмам.

Как было показано, при храмах были рабы и рабыни. Вероятно, дети, рожденные от храмовых рабов, также считались рабами. Видимо, рипи «отроки» частично были рабами, рожденными от этих рабынь, а частично рабами из числа посвященных храму юношей.

Храмы не только оказывали экономическое давление на общество, но и выступали как законодательные органы, устанавливающие юридические нормы среди населения. Будучи духовным центром, имеющим свои собственные законы и нормы, регулирующие отношения между храмами и населением, и крепкий экономический фундамент, в создании которого участвовали как население, так и царская власть, храмы выступали как крупные землевладельцы. Однако существование крупного да и мелкого храмового хозяйства теснейшим образом связано с наличием местной царской власти, что создавало предпосылки для процветания храмового хозяйства. Храмы и храмовое хозяйство были самостоятельными и существовали обособленно от царского хозяйства, развиваясь в соответствии с уровнем развития экономических и социальных отношений в стране.

Начиная с того времени, когда Элам был втянут в вавилонские дела и в борьбу против Ассирии, мощь храмов должна была пошатнуться. Кража и увод храмовых рабов косвенно намекает на это. И действительно, в последние столетия до падения Элама страна непрерывно участвует в военных действиях¹²⁵. В случае победы ассирийцев и храмовое хозяйство подвергалось грабежу¹²⁶.

В результате войн храмовое хозяйство фактически перестало существовать. Так, после последней победы над Эламом Ашшурбаналп полностью разграбил

¹²⁴ Подобные дарения имели место и в соседних странах, например в Ассирии и Вавилонии (см. И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений*, стр. 122; I. Mendelsohn, *Slavery*, p. 102).

¹²⁵ G. G. Cameron, *History*, p. 157. Ср. также главу I настоящей работы.

¹²⁶ Например, известно, что ассирийцы увезли статуи эламских богов, которые впоследствии были возвращены в Сузы вавилонским царем Набопаласаром (см. D. J. Wiseman, *Chronicles of Chaldean Kings*, BM 25125, 15—17).

Сузы, этот, как его называет надпись, «великий город», захватил «жилище их богов, место их тайн»¹²⁷. Надпись так описывает ограбление храма: «Зиккурат (храм) города Суз... (непонятное место), уничтожил рога его, которые сделаны из меди блестящей, Иншушинака, оракула их (букв. бога тайны их), который жил в тайне, божественное дело которого никто не видел... (следует перечисление имен богов), божества, которых цари Элама почитали... (следует перечисление богов), богов (и) богинь этих, вместе с изделиями их, имуществом их, уварью их, а также с жрецами, служителями религии (термин неясен) я полонил в Ассирию. Тридцать две статуи царей, отлитые из золота, серебра, меди, алебастра из Суз, Мадакту, Хураду, вместе со статуями Умманibu, сына Умбадара, статую Иштарнаххунди (эл. Шутрук-Наххунте), статую Халлусу, статую Таммариту. Последнего, который по приказу Ашшура и Иштар выполнял службу (Ассирии), я забрал в Ассирию, подарил (божествам) Шеду и Ламассу; стражей их храма, сколько было, снял, а также быков грозных, украшения ворот; храмы Элама до основания разрушил, богов его, богинь его причислил к ветру»¹²⁸. Этот отрывок показывает, насколько храмы страдали от опустошительных войн, но в то же время указывает на существование храмов и, очевидно, храмовых хозяйств, разбросанных по всей стране и принадлежавших отдельным божествам.

Как было видно, эламские цари постоянно заботились о храмах. В своих эдиктах и постановлениях они покровительствовали храмам и устанавливали иммунитет для храмовой собственности. При занятости же царей вопросами войны подобная забота отходила на задний план, т. е. в смысле защиты храмового хозяйства от иностранного грабежа царская власть ничего не могла сделать. Видимо, поэтому для I тысячелетия, кроме надписи Шутруру, важных сведений нет. О делах храмов можно судить лишь на основании хозяйственных документов из Суз, относящихся к середине VI в. до н. э. В этих документах, принадлежащих архиву царского хозяйства, храмы выступают в качестве получателей ремесленных изделий и оружия. Среди получателей фигу-

¹²⁷ M. Streck, *Assurbanipal, II. Texte, Annalen*, стлб. V, стк. 128—129.

¹²⁸ *Ibid.*, VI, стк. 27—64.

рируют божества Иншушинак (MDP, IX, № 26, 29, 74, 92—94, 179), Наппи (там же, № 76, 83, 196), Ман Хаданийский (там же, № 10, 104), Шати (там же, № 291) и др. Ясно, что речь идет не о частных лицах, а имеется в виду храм соответствующих божеств. Различные предметы получают также жрецы (там же, № 79, 92, 218). В одном случае упоминается статуя бога (№ 3). В царском хозяйстве изготавливается башня (?) для храма бога Пирму (№ 49). Конечно, все это вовсе не обязательно показывает, что храмовое хозяйство уже слилось с царским¹²⁹. Это обстоятельство свидетельствует лишь об отсутствии в храмовом хозяйстве ремесленников, изготавливавших необходимые предметы для нужд храма. Падение Элама приводит к постепенному сужению сферы деятельности храмов, тем более что в стране еще сильнее начинает распространяться мидийско-персидское влияние и религия.

¹²⁹ В Египте — правда, в более ранний период, когда правили фараоны V династии, — хозяйство храма было тесно связано с царским хозяйством. Храмы систематически снабжались продуктами из царской казны (см. Е. В. Черезов, *К вопросу о поземельных отношениях в Египте эпохи Древнего царства*, — ВДИ, 1949, № 3, стр. 66). Там, вероятно, храмовое хозяйство не существовало отдельно от государственного (см. И. А. Стучевский, *Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта*, М., 1962). Такое же положение, когда храмы получали продукты из царской казны, было в Вавилонии старого периода (сообщение И. М. Дьяконова).

Глава IV

ЧАСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Исследование частноправовых документов и эламских надписей показало, что уже во II тысячелетии в Эламе существовали различные типы собственности и владения. Во-первых, существовало общинное владение землей, причем о сельской общине рабовладельческого периода приходится в основном говорить на основании косвенных сведений. Документы с предельной ясностью дают представление лишь о домашней общине. Во-вторых, существовала храмовая собственность, номинально — собственность божества. В-третьих, была собственность государства в лице суккалмаха, суккала и царя. В тех главах, которые были посвящены этим типам хозяйства, мы отмечали и наличие частной собственности на землю; подавляющее большинство документов позволяет исследовать вопрос о частном землевладении. Это документы купли-продажи, аренды, предоставления кредита и отчасти дарения и раздела. По существу, мы здесь имеем дело не с новым, частным типом собственности, а с домашнеобщинной формой землевладения. Фактически домашнеобщинная и частная формы являются двумя разновидностями одной собственности, так что здесь разница не в характере собственности, а в типе ведения хозяйства. Поэтому в этой главе речь идет о том, как велось хозяйство частных лиц, которые были членами индивидуальной или большой семьи, образующей домашнеобщинный коллектив.

Несколько десятков сделок относится к займу серебра и сельскохозяйственных продуктов¹. Исследование этих документов позволяет нам получить сведения о существовавших в то время долговых отношениях с вытекающими отсюда последствиями. К тому же ознакомление с эламскими документами выявляет некоторые местные особенности заемной сделки, с одной стороны, и общие черты, характерные для Элама и соседних стран — с другой. Однако наличие общих черт не может быть всегда показателем взаимного влияния. Эти черты, как правило, возникали на местной почве независимо от внешнего влияния. Социальные и экономические отношения создавали формы обмена, соответствующие данным отношениям. Эти формы, порожденные в различных странах на основании аналогичных причин, иногда совпадали. Несмотря на это, нельзя отрицать также и роль внешнего воздействия. Оно играло определенную роль в экономической, не говоря уже о политической жизни страны.

Долговые документы, изданные Шейлем, можно по объекту сделки разделить на три группы: 1) фиксирующие денежный заем, 2) закрепляющие натуральный заем, 3) показывающие смешанный заем, т. е. тот и другой вместе. Форма составления этих документов в основном сходна, если исключить некоторые не меняющие самый характер документа отклонения от общепринятой нормы. Позволим себе привести приблизительную схему, отражающую форму составления документа.

1. Основная сумма (т. е. размер ссуды).
2. Кредитор.
3. Должник.
4. Месяц и место предоставления ссуды (иногда отсутствует).
5. Указание на размер процента (часто отсутствует или заем беспроцентный).
6. Срок уплаты (редко — место уплаты; часто оба указания отсутствуют).

¹ MDP, XXII, 1930, № 22—39, 120—124; XXIII, 1932, № 173—199, 270—275; XXIV, 1933, № 342—345. Эти документы являются заемными сделками.

7. Залог (иногда отсутствует).

8. Условие, гарантирующее выполнение обязательства (часто отсутствует).

9. Свидетели (иногда и клятва).

10. Оттиск ногтя должника.

Для того чтобы сделать выводы о долговых отношениях и их последствиях, следует ознакомиться с содержанием документов. Ниже эти таблетки рассматриваются по группам.

Заем серебра. Количество подобных документов доходит до двадцати. По условию, предусмотренному в документе, от других отличается таблетка № 22. Там выдается $\frac{1}{3}$ мины, т. е. 20 сиклей серебра. Документ отмечает, что четвертая часть 10 сиклей является процентом. $\frac{1}{3}$ MA.NA [kasram] 10 šiklū IG! 4 GAL šiptam ú-ša-a[p] itti ʾŠamaš ū Gimil-ʾŠarrī m. ʾNin-a-zu-ga-mil mār l-lí-i-ki-ša ilkē « $\frac{1}{3}$ мины серебра — (на каждые) 10 сиклей $\frac{1}{4}$ (сикля) как процент он добавит — у (храма) Шамаша и Гимил-Шарри Ниназугамил, сын Илаикишы, взял». Здесь отсутствует залог. Ставка—30% годовых². Однако есть конкретное указание на условие, т. е. должник обязан возратить долг вместе с процентами по первому требованию кредитора: ú-um um-me-ni-um kasram l-lr-ri-šu ū šipta-šu išaqqal «В день, (когда) кредитор³ серебро потребует, серебро и проценты его он (должник) должен отвесить (т. е. заплатить)»⁴.

² В Законах Хаммураби в качестве процента устанавливается $\frac{1}{6}$ и 6 уттату с одного сикля (§ 89). Вообще обычным процентом было 20 с серебра, $33\frac{1}{3}$ с хлеба. В законах царя Эшнунны (город в долине реки Диялы, на северо-восточной периферии Вавилонии; памятник относится к первой половине XX в. до н. э.) за сикль взимаются проценты в виде его шестой доли и 6 уттату (1 сикль — 180 уттату (шум. ше) — ок. 8,4 г.; см. А. Goetze, *The Laws of Eshnunna*, «*Sumer*», IV, 1948, § 21; ср. И. М. Дьяконов, *Законы Вавилонии*, — ВДИ, 1952, № 3, стр. 216).

³ Шейль переводит «капиталист», что невозможно, хотя бы потому, что этот термин характерен для другой общественной формации. Лицо, обозначенное термином иштāни, в данном случае выступает как кредитор.

⁴ Подобная клаузула в известных нам ассирийских и вавилонских долговых документах, синхронных эламским, не встречается. Аналогичное условие, вероятно, имеется в среднеассирийских документах, ср. КАЈ, 46. Может быть, КАЈ, 17 также содержит такое условие.

Как было видно, в качестве должника записан Ни-назугамил, сын Илиикишы, а кредитором является храм бога Шамаша и его представитель Гимил-Шарри. Последнее лицо, упомянутое наряду с именем Шамаша и являющееся также кредитором, было служителем храма бога Шамаша. Документ составлен 15-го числа месяца eḫel [ilī]. По всей вероятности, этот месяц, как показывает его название, был месяцем, когда начинались полевые работы, т. е. в основном пахота или посев. К документу приложены печати двух свидетелей и должника. Это единственный случай в долговых документах, когда свидетель прилагает свою печать к документу. Обычно документы имеют лишь отпечаток ногтя должника. При беглом ознакомлении с документом кажется, что сделка заключена на худших для должника условиях: ведь кредитор мог востребовать долг в любое время. Вероятно, дело обстояло несколько иначе. По-видимому, кредитор имел право требовать возвращения долга с процентами по истечении определенного срока после заключения сделки, о чем стороны договаривались либо устно, либо это условие при заключении сделки не отмечалось ввиду его общности и распространенности среди населения.

В связи с этим достоин внимания другой документ (№ 29), где не указан ни процент, ни срок возвращения. Однако надо полагать, что срок, после которого кредитор мог предъявить иск о получении долга, устанавливался между сторонами в устном порядке или это предусматривалось обычным правом. Там же отмечается, что должник обязан заплатить долг предъявителю документа в kāgum. Это в свою очередь указывает на то, что был все же какой-то срок для погашения долга даже в том случае, если об этом ничего не писалось в документе. Действительно в документе говорится (стк. 3—5): i-na ka-[ri in]-na-ma-gu a-na na-aš [tup-pi]-šu-nu kasram i-šša-ka-lu «Когда увидятся в kāgum, предъявителю их документа он серебро должен отвесить»⁵.

Что такое kāgum? В староассирийских документах этим термином обозначались купеческие торговые поселения в Малой Азии; они управлялись автономной ор-

⁵ Шейль переводит: «когда появится на рынке тот, кто несет их таблетку, он должен платить серебро».

ганизацией, которая также называлась *kāgum*⁶. В Сиппаре и Ларсе существовали такие торговые организации, которые носили название *kāgum* и с которыми были связаны купцы (*tamkāgum*)⁷. В староассирийских документах *kāgum* назначает текущий процент (ARK, № 75—79). Пока нет достаточных оснований считать эламский *kāgum* аналогичным ассирийской или вавилонской организациям. Однако в его появлении в Эламе определенную роль, по всей вероятности, сыграли поселившиеся в Сузах семиты из Двуречья. Можно отметить, что споры, возникавшие между сторонами, решались в этой торговой организации. По всей вероятности, эламский *kāgum* отличался от ассирийского, где при урегулировании дел собирались все «от мала до велика»⁸. Из наших текстов вытекает, что здесь происходило погашение или взимание долга, рассмотрение обязательств в случае их нарушения и т. д. Видимо, эламский *kāgum*, поскольку он встречается и в документах, регистрирующих торговые операции, имел те же функции, что и *kāgum* в Сиппаре и Ларсе. Вероятно, *kāgum* собирался в определенные дни месяца или года: в какой день сбора членов *kāgum* долг должен был погашаться, устанавливалось, очевидно, опять-таки между сторонами в устном порядке. Таким образом, на основании сказанного можно сделать вывод о том, что кредитор после истечения срока, не предусмотренного договором, имел право требовать долг и передать документ другому лицу, которому должник был обязан заплатить долг. Надо отметить, что последнее всегда происходило в *kāgum* — месте заключения торговых сделок.

Согласно документу № 23, Нур-Шамаш отдает Манни 1 мину серебра в месяце хултуби, за это будет взиматься процент в размере одного сикля (стк. 1—6): I MA.NA kaspat kaḫḫadam itti Nu-úr-Šamaš Ma-an-ṣi-ja ilkē rēš arah hu-ul-tu-bi ša palī URU. DAG kaspat [il]kē I MA.NA I šiḫiām siptam ú-ša-ap I мину серебра, основную сумму у Нур-Шамаша Манни взял; в начале месяца хултуби в районе „жилищ поселения“ сере-

⁶ См. И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, стр. 18—19.

⁷ W. F. Leemans, *The Old-Babylonian Merchant*, Leiden, 1950, p. 67, 71, 164 sq.

⁸ См. И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, стр. 18—19.

бро взял; на 1 мину 1 сикль процента он добавит». Ставка ссуды — 20% годовых. Как и в большинстве случаев, здесь устанавливается залог, состоящий из имущества (Е. DU. А) должников. Документ составлен перед свидетелями, в числе которых упоминаются боги Шамаш и Ин-шушинак.

В другом документе (№ 24) двое получают займы серебро (сумма не сохранилась) с выплатой процента — треть с каждых десяти сиклей, т. е. 40% годовых (10 šiklū $\frac{1}{3}$ šiklim šiptam uš-ša-ar «на каждые 10 сиклей $\frac{1}{2}$ сикля как процент он добавит»). Долг взят в месяце шери — месяце жатвы. В качестве залога оставлена невозделанная земля и наследственная доля должников. Указан район заложенного поля. В качестве должников выступают двое. В документе имеется формула e-li ša-al-mi ū ke-ni i-šu⁹, которую можно исходя из контекста переводить «за благополучным и надежным имеет». Эта формула в документах обычно встречается тогда, когда речь идет о двух или нескольких должниках, кроме одного случая. По-видимому, за долг отвечала вся домашняя община. Поэтому эту формулу надо понять в том смысле, что каждый должник в отдельности несет ответственность за долг в целом, т. е. существовала круговая порука между должниками. Как было сказано, документ составлен в месяце жатвы, а должники были обязаны выполнить свое обязательство, т. е. уплатить долг с урожая, скорее всего после реализации своей про-

⁹ Сходная формула встречается в ассирийских текстах. П. Кошакер дает объяснение «за головой благополучного и верного из них серебро закреплено» (см. P. Koschaker, *Neue Keilschriftliche Rechtssurkunden aus der El-Amarna Zeit*, Leipzig, 1928, S. 118). По Э. Кюку, должник должен быть здоровым и честным человеком (см. E. Sicq, *Les actes*, p. 67). Подобное толкование не является удовлетворительным. Эта формула обычно встречается, когда два или более лица являются должниками. Ссылка Кюка на № 121, где имеется данная формула, а должником является одно лицо, также не служит доказательством его мнения, ибо там серебро ссужается человеку, отправляющемуся в путешествие. Естественно, он мог заплатить долг в случае благополучного возвращения, в противном случае долг погашался членами его семьи; причем прибыль должна быть поделена между ним и кредитором. В старовавилонских документах имеется аналогичная фраза: ina bałti u šalmi, которую переводят «если он физически здоров и платежеспособен» (см. R. Harris, *Old Babylonian Temple Loans*, — JCS, vol. XIV, № 4, 1960, p. 134). Надо полагать, что платежеспособность должника и в наших документах была решающим условием при выдаче займа

дукции, если заем не был натуральным. Это положение подтверждается и другими документами. Так, табличка № 185 регистрирует факт выдачи займа, состоящего из 10 1/2 сиклей серебра, в месяце аддар (февраль — март) в «большом» районе общины. Один сикль и его третья доля является процентом. Отмечается, что должник обязан вернуть долг с урожая¹⁰. В большинстве документов окончательным сроком возвращения долга было время жатвы. Следовательно, срок, после которого долг должен был погашаться, охватывал период от времени посевных или пахотных работ либо от времени жатвы до реализации урожая.

В числе других документов, где предусматривается возвращение долга с урожая, следует отметить таблички № 191 и 192, которые по своему характеру отличаются от остальных. Табличка № 191 регистрирует выдачу 10 сиклей серебра согласно существующей покупной цене ячменя во время жатвы в «большом» секторе (стк. 1—8): 10 šiklī kasram a-na šim šē'im itti Iš-me-anī ml-ti-Sin-mi-il-ki il-ké arāḫ Še-er-i ša e-še-di ša palī GAL i-na e-b[u-r]i i-na arḫi 11 MAḤ 2 GUR 100 (ka) šē'am i-na Šu-ši-im [i-n]a G1Šsūtī ki-it-ti i-ma-da-ad «10 сиклей серебра для покупки ячменя у Ишмеани Итти-Синмилки взял в месяце жатвы—шери, в районе большом. С урожая в месяце мах 2 гур 100 ка ячменя в Сузах по законной мере должен отмерить». Как видно, в месяце мах¹¹ должник обязан отвесить с урожая взамен серебра ячмень¹² в размере 2 гуров 100 ка, причем в Сузах и по мере, установленной законом, или справедливой мере¹³.

¹⁰ Вероятно, погашение долга, предоставленного без указания на время платежа, происходило во время сбора урожая.

¹¹ Месяц мах, по-видимому, аналогичен старовавилонскому абу (август) (ср. S. Langdon, *Babylonian Menologies and the Semitic Calendars*, London, 1934, p. 44; W. Hinz, *Elamica*, p. 16). Как видно из документов, мах был месяцем, когда происходил сбор урожая.

¹² В среднеассирийских документах засвидетельствовано обратное, т. е. должник вместо зерна возвращал свинец (или олово) согласно текущей цене зерна (см. KAJ, 53:9; 61:9). Обычное и распространенное средство счета этого времени в Ассирии — свинец (или олово). В Эламе этого времени было распространено серебро, лишь один раз упоминается медь (№ 193).

¹³ В Вавилонии зерно занимали по различным меркам. Например, существовала мерка храма Мардука, вес (гиря) храма Шамаша (P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, Bd VI, № 1535, 1543, S. 45, 48).

Аналогичного содержания документ № 192, согласно которому денежный заем, состоящий из $3\frac{1}{2}$ сиклей, должен был быть возвращен зерном в количестве 1 гура, причем в Сузах (стк. 1—12): $3\frac{1}{2}$ šiklī kaspaṁ šī-ma-a-tu itti Iš-me-an-ni mBe-li-i aḷi-ta-a-a-ru... il-ke araḥ Se-er-i šà e-še-dī šà palī URU.DAG kaspaṁ il-ke i-na e-bu-ri-im i-na araḥ I MAI šà $3\frac{1}{2}$ šiklī kaspaṁ I GUR še-a-am li-du-ud... i-na Šu-šī-im) i-ma-da-ad « $3\frac{1}{2}$ сикля серебра (на) покупку у Ишмеани Бели из поселения Итаяру ...взял; месяц шери, который (месяц) жатвы, в районе „жилищ поселения“ серебро он взял. С урожая в месяце мах за $3\frac{1}{2}$ сикля серебра 1 гур ячменя пусть отмерит... в Сузах он должен отмерить». Обращает на себя внимание отсутствие в обоих случаях указания на процент. Однако это не значит, что кредитор после истечения срока займа не получал прибыль. Он получал ее в виде разницы между покупной ценой серебра в момент предоставления займа и ценой, существовавшей в момент уплаты долга. Кроме того, должник был обязан доставить зерно в Сузы, что также было связано с лишними расходами. Данные этих документов помогают нам получить сведения, дающие примерное представление о ценах на зерно. Как явствует из документов, в период сбора урожая за 5 сиклей можно было бы купить 1 гур 50 ка ячменя — это данные документа № 191. Документ № 192 же отмечает возможность купить за $3\frac{1}{2}$ сикля 1 гур ячменя. Сказанное дает основание предположить, что в среднем цена 1 гура ячменя во время урожая составляла около 4 сиклей. Не случайно, по-видимому, указание и на меру, по которой кредитор взимал долг. Вид меры упоминался в документе во избежание дальнейших недоразумений. Например, как можно заключить из Законов Хаммураби, в Вавилонии часто имели место случаи, когда кредитор давал зерно меньшим весом, а получал большим весом или мерой (§ 94). Чтобы избежать этого, стороны в момент составления документа определяли вид меры, по которой должник обязывался отдать зерно.

В одном фрагментарном документе (№ 31) говорится о предоставлении займа без указания на процент. Сделка произведена в месяце шабате (январь—февраль). Здесь имеются выражения, которые проливают свет на характер сделки в целом. Так, в строках 6—8 приводится следующая фраза: [ù-ul šī]-lp-tu ù-ul ḥu-bu-[ul-lu

hu-bu]-ul-lu li-šà-ki-in [ši-ip]-tu li-šà-ki-in «Нет процента (денежного), нет процента (натурального), процент (натуральный) пусть установят, процент (денежный) пусть установят». Прежде чем остановиться на этом отрывке, надо отметить, что наши документы дают два термина для обозначения процента — *šiptu* и *hubullu*. Лишь один раз встречается термин *kiptu* (№ 190) «беспроцентный заем»; последний широко был распространен на юге Вавилонии¹⁴. Термин *hubullu*, являющийся общим для обозначения процентного долга в ассирийских и вавилонских документах, в эламских обозначает процент лишь при натуральном займе. Термином же, обозначающим процент при денежном займе, в эламских документах является *šiptu*.

Возвращаясь к документу № 31, надо напомнить, что он фрагментарен, но упомянутая фраза показывает, что процент мог быть определен в момент возвращения долга, возможно после истечения срока займа. Иначе говоря, должник получает деньги без процента до установленного срока. Если долг к сроку не уплачивается, то, вероятно, договор перезаключается уже как процентный или на долг просто набавляются проценты. Разумеется, размер процента определялся самим кредитором. Упомянутая формула, указывающая на отсутствие определенного процента в момент займа, позволяет считать, что стороны в момент истечения срока займа определяли, в каком виде должен быть возвращен долг — деньгами или натурой. Следует отметить, что клаузула подобного типа не встречается ни в одном из известных нам ассирийских, вавилонских и, возможно, нузийских документов.

Термином для обозначения беспроцентного займа как в Эламе, так и в Ассирии и Вавилонии был *hubuttatu*. Некоторые документы свидетельствуют о наличии беспроцентного займа. Так, в документе № 28 некий Нур-Шази занимает 10 сиклей серебра без уплаты процента (стк. 1): *10 šiklū kaspum hu-bu-ut-ta-[tum]* «10 сиклей — серебро беспроцентное».

¹⁴ Ср. А. П. Рифтин, *Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР*, М.—Л., 1937, стр. 37; см. рецензию Б. Ландсбергера (B. Landsberger) в *OLZ*, 1922, S. 409; P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, Bd VI, S. 40 sq.

Далее в заключительной части документа отмечается, что при предоставлении займа стороны не следовали правилам и установкам и что в случае просрочки уплаты долга в установленный срок проценты должны расти: $\dot{\text{š}}\text{u-ul-la } \dot{\text{u}} \text{ ku-bu-is-sa } \dot{\text{u}}\text{-ul } \text{i-}\dot{\text{š}}\text{u } \text{i-па } \text{агаћ } \text{МАН } \dot{\text{š}}\text{a } \dot{\text{u}}\text{-ul } \text{i-па-di-im-ma } \dot{\text{š}}\text{i-ba-ti } \text{i-па-di-in}$ «Защита и обычай отсутствуют. В месяце мах, если не даст, то проценты должен дать». Несмотря на то что заем обозначен как беспроцентный¹⁶, все же он приносил проценты в случае просрочки уплаты долга. Беспроцентный заем предоставляется также по документу № 343 (стк. 1): $\text{MA.NA } \text{kaspum } \text{ћu-bu-ta-tum}$ « $\frac{1}{3}$ мины — серебро беспроцентное». Однако и этот заем приносил проценты (стк. 8—12): $\text{агаћ } \text{I}\dot{\text{š}}\text{ar-gu } \text{ќaќќadam-ma } \text{i}\dot{\text{š}}\text{aќќal } \dot{\text{u}}\text{-ul } \dot{\text{u}}\text{-}\dot{\text{š}}\text{e-te-eќ } \text{ћu-bu-[la]-am-ma } 20 \text{ GUR } \dot{\text{š}}\text{'am } \text{imaddad}$ «В месяце бога Шарру (только) основную сумму он должен отвесить, не должен просрочить, (иначе ссуда станет) процентной, 20 гур ячменя, должен отмерить».

Термин ќaќќadam-ma буквально означает «только голову», т. е. подлежит возврату только основная сумма. Несколько сделок составлено с условием возвращения основной суммы. В документе № 190 отмечается беспроцентный заем (стк. 4—8): $5 \text{ } \dot{\text{š}}\text{iќli } \text{kaspam } \text{ќaќќadam } \text{ќiptam } \text{itti } \text{Warad-I}\dot{\text{A}}\text{murru } \text{m.}\text{I}\dot{\text{I}}\dot{\text{š}}\text{-me-ka-ra-ab-ba-ni } \text{il-ќe } \text{агаћ } \text{}\dot{\text{š}}\text{e-e-ri } \dot{\text{š}}\text{a } \text{erē}\dot{\text{š}}\text{i } \dot{\text{š}}\text{a } \text{pali } \text{URU.DAG } \text{kaspam } \text{il-ќe}$ «5 сиклей серебра основной суммы как беспроцентный заем у Варад-Амурру Ишмекараббани взял; в месяце шери, который (месяц) обработки (земли), в районе „жилищ поселения“ серебро взял».

В отличие от тех документов, в которых заем предоставляется по типу ћubuttatum , здесь отсутствует ус-

¹⁶ Беспроцентный заем встречается в среднеассирийских и старовавилонских документах. В результате исследования среднеассирийских документов П. Кошакер приходит к выводу, что основная сумма займа включала проценты, т. е. кредитор выдавал долг в меньшем размере, а в документе записывался долг с учетом процента (P. Koschaker, *Neue Keilschriftliche Rechtsurkunden*, S. 64 sq.). Однако вряд ли это всегда верно по отношению к нашим документам. Если в других документах указывается процент, то почему же скрывать процент в так называемых беспроцентных займах. Этот этап, когда основная сумма включала и проценты, Элам, видимо, проходит позже, в I тысячелетии, о чем свидетельствуют юридические документы VII в. до н. э. (см. Ю. Б. Юсифов, *Долговые документы из Суз (VII в. до н. э.)*, стр. 518—524).

ловие, предусматривающее увеличение процента в случае просрочки долга: i-na e-bu-ri 5 šiḫli kasram ḳa-aḳ-ḳa-da-ma ú-ta-ag «С урожая 5 сиклей серебра — только основную сумму должен вернуть».

Документ № 193 отмечает выдачу 1 мины серебра, 11 мин меди (документ фрагментарен). Должник обязан в месяце аддар уплатить долг (стк. 9—11): šà ri-i ṭur-ri-šu an-ni-ti m.¹¹Šamaš-amēlmita-uballit a-na m¹¹Mu-ti-ja-tu-ú i-na-an-di-in «Согласно смыслу этого своего документа Шамашмитаубаллит Мутияту отдаст». Здесь вообще отсутствует указание на процент или на беспроцентность.

Документ № 345 прямо отмечает, что за заем, состоящий из 1 мины, проценты не взимаются и должник обязан вернуть только основную сумму. kasru aḫ ri-a-tu ṣipta NU.TUK ḳa-aḳ-ḳa-dam-ma ú-ta-ag «Серебро, согласно условиям (букв. словам), процента не имеет, основную сумму он должен вернуть». Но в случае неуплаты или просрочки сын должника обязан удовлетворить кредитора чем-нибудь из имущества. (Об этом речь пойдет ниже в связи с залогом.)

Один из документов (№ 39) свидетельствует о ссуде-благодейнии в размере 1 мины серебра и пары вожжей. Получает ее некий Апил-Ишум, отправляющийся в путешествие. Характерно, что эта ссуда подлежит возвращению после благополучного путешествия. 1 MA.NA kasram ta-ad-mi-iḳ-tu 2 ši-ra-tu ta-ad-mi-iḳ-tu itti Sin-belu A-ri-l.¹¹I-šum ilḳē «1 мину серебра (в качестве) благодеяния, 2 вожжи (в качестве) благодеяния¹⁶ у Синбелу Апил-Ишум взял». Вероятно, аналогичного содержания сильно разбитый документ № 38. Остальные документы из этой группы фрагментарны, лишь в одном документе (№ 30) текст полностью сохранился: там процент состоит из третьей доли сикля.

Здесь же целесообразно остановиться на докумен-

¹⁶ П. Кошакер и А. Унгнад (P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, VI, S. 49) переводят «для свободного распоряжения». Драйвер и Майлз (G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 190) дают этому слову значение «для (взаимной) выгоды, помощи». Пожалуй, последний перевод наиболее точно отражает назначение этого вида займа, который также приносит проценты. Поэтому вряд ли правильно мнение Б. Ландсбергера, который слово *tadmīktu* понимал как «беспроцентный заем» (см. OZL, 25, 1922, № 10, S. 409).

тах-договорах о предоставлении ссуды для торгового путешествия (№ 120—124, 270—276). Так как эти документы по своему характеру отличаются от остальных, хотя и в них зарегистрирован кредит, желательно их рассмотреть обособленно.

Основное содержание подобных документов таково: указывается объект сделки, затем кредитор, должник, месяц и место предоставления займа. Заем предоставляется в порядке товарищества. Далее отмечается условие предоставления займа. Указание на конечный срок выполнения обязательства отсутствует. Иногда отмечается, что долг будет возвращен в кáгит предьявителю настоящего документа. Перечисляются свидетели.

Эти документы регистрируют денежный заем. В качестве условия кредитор ставит: во-первых, возвращение долга после благополучного торгового путешествия; во-вторых, равный дележ дохода; в-третьих, за дополнительные расходы в пути кредитор не отвечает. Несмотря на это, кредитор должен был получить кроме основной суммы половину прибыли. В большинстве случаев заем предоставляется на началах товарищества. Для наглядности приведем несколько примеров.

Так, в документе № 120 предоставляется заем для торговой операции (стк. 1—5): 1 MA.NA kasram kaḳkad tappi itti ¹¹Adad-ba-ni ^mNu-úr-Iš-dar il-ké rēš arḫi zi-li-li-ti šà paḫ IGI.URU.KI kasram il-ké «1 мину серебра, основную сумму товарищей, у Ададбани Нур-Ишдар взял; в начале месяца зилилиту в районе „перед поселением“ серебро взял». Далее отмечается условие, согласно которому отпускается ссуда (стк. 6—11): kasram um-ma-pam i-ra-lu-ma né-me-lam ma-la aḫ-ma-am i-zu-zu a-na ba-ab-ti ù [si-ḫ]i-it ḫa-ra-ni um-ma-pi ú-ul šu-ḫu-uz «Серебром кредитора удовлетворит и затем доход, который будет, друг с другом поделят, за убытки в пути кредитор не отвечает».

В документе № 129 двое занимают 3 мины серебра. Условия те же самые, что и в предыдущем случае. Однако имеется, кроме того, следующая клаузула (стк. 5—6): i-na ša-la-am gi-ri-šu-pi kaspa um-ma-pa i-ra-lu-ma ¹⁷

¹⁷ Сходная клаузула имеется в старовавилонских документах: i-ña ša-la-am ḫarḡanīm kasram išaḳkal «После благополучного путешествия серебро он заплатит» (см. A. Goetze, *Old Babylonian Documents from Sippar*, — JCS, XI, 1957, № 1, p. 19).

«После своего благополучного путешествия серебром кредитора должны удовлетворить».

В документе № 271 речь идет о займе серебра — $1/3$ мины 4 сиклей (см. также № 270, 272, 274). Далее следует такая клаузула (стк. 5—13): i-ki-ip-ra i-zi-ba-am-ta a-na ba-ab-ti ù si-ḫi-it ḫarrāni um-ma-a-nu ú-ul šu-ḫu-uz kaspat um-ma-na i-ip-ra-al-[ma] ne-me-lam ib-ba-aš-šu-[ma] m[a-al]-la aḫ-ma-mi i-zu-z[u a-n]a na-aš ṭup-pi-šu i-na kārim i[n-пам-ма-ру] kaspat ki-di-nam ù ku-b[u-us-sa-am ú]-ul ú-ma-ḫa-ar «Передаст (ли), оставит (ли)—за убытки и расходы в пути кредитор не отвечает; серебром кредитора удовлетворит, и доход, который будет, все между собой поделят; предъявителю его документа, (который) в kārim покажется, серебра он должен отвесить, к защите и обычаю он не должен обращаться».

Насколько нам известно, среди старовавилонских¹⁸ и староассирийских (ARK, № 95) документов имеется по одному документу, а среди среднеассирийских — два документа, где зафиксированы сделки подобного рода (KAJ, 32 и 39). Но наши документы предусматривают ряд условий, которых нет в упомянутых архивах. Например, отсутствие залога, дележ прибыли пополам, несение должником дополнительных расходов, которые были связаны с торговым путешествием. Характерен для всех документов возврат долга непосредственно предъявителю документа, но в эламских к тому же добавляется, что погашение долга должно быть произведено в kārim по требованию предъявителя. В отличие от Элама в соседней Вавилонии не только прибыль, но и расходы, связанные с торговой операцией, делились поровну. Во всяком случае Законы Хаммураби предусматривают такой пункт: «Если человек дает человеку в (порядке) товарищества серебро, прибыль или убыток, который будет, они должны перед богами разделить поровну» (§ 99).

К этой серии долговых сделок относится также документ № 426, в котором двое — Синишманни и Кабтаилу — занимают у Пилир-Шази $1\frac{1}{3}$ мины 4 сикля серебра

¹⁸ M. Schorr, *Urkunden*, № 63, 32. В других документах отсутствует подобная полная клаузула, хотя указывается, что долг получит предъявитель таблички (ср. A. Goetze, *Old Babylonian Documents*, p. 21).

в порядке торгового товарищества. Условие займа отмечено следующим образом (стк. 7—21): Sin-iš-ma-an-ni ù ¹¹Kab-ta-ilu kasar Pi-li-ir-¹¹Šà-zi i-lp-pa-lu-ma i-na ne-me-li-šu-nu ki-ma iš-te-en-ma Pi-li-ir-¹¹Šà-zi i-ik-ka-al i-na Sin-iš-ma-an-ni ù ¹¹Kab-ta-ilu šà ne-me-lam Pi-li-ir-¹¹Šà-zi ú-ul i-ka-al i-ka-ab-bu-ú ki-di-in ¹¹Inšušinak il-pu-ut «Синишманни и Кабтаилу серебром Пилир-Шази удовлетворят и затем из дохода их в первую очередь Пилир-Шази будет пользоваться. (Если) Синишманни и Кабтаилу „из дохода Пилир-Шази не должен пользоваться“ скажут, к защите Иншушинака он прикоснется». Отсюда вытекает, что кредитор кроме того что получал свое серебро, участвовал также в дележе дохода, что фактически заменяло проценты.

В документе № 436 зарегистрирована выдача серебра разным лицам, например 36 мин, 3 мины, 20 мин, 21 мину, 4 мины, причем перед свидетелями. Кто выдает такую крупную сумму — документ не объясняет. Серебро не выдается безвозмездно. Если судить по фрагментарной части (стк. 30—31) a-na ge-eš [arḫi...] i-ša-ka-[lu] «в начале месяца... они должны отвесить», деньги должны были быть возвращены. Вряд ли такую крупную сумму могло ссужать частное лицо. Вероятно, выдача производится либо государственным учреждением, либо торговой организацией.

Таким образом, на основании полученных из документов данных о денежных займах можно сделать следующие выводы: 1) в документах зарегистрирован кредит, охватывающий в основном период от весны до сбора урожая, т. е. в основном зафиксированы краткосрочные займы; 2) долг иногда возвращался по первому требованию кредитора, что предусматривалось в документе; 3) долг нередко возвращался предъявителю документа-договора о кредите, что должно было произойти в kârit; 4) наряду с землевладельцами, зажиточными людьми в качестве кредитора выступали храмы; 5) на условии равного дележа полученного дохода кредитор в порядке товарищества отпускал деньги, видимо, торговцам; 6) долг с процентами обычно погашался с урожая; 7) существовал заем беспроцентный, но переходивший в процентный в случае просрочки долга; 8) документы отмечают ссуду в качестве благодеяния, которая также

подлежит возвращению; 9) во многих случаях залог отсутствует, но там, где он упоминается, залог состоит из скота и имущества должника; последнее переходило во владение кредитора в случае непогашения долга к сроку.

Заем продовольствия в натуре. Основной вид продукта сельского хозяйства, который отпускается в кредит, — это ячмень. Кроме ячменя, в документах иногда фигурируют финики и один раз пшеница. Общее, что характерно для этих документов, — это условие возвращения долга после урожая и наличие в большинстве случаев залога. В документе № 33 отмечается выдача кредита, состоящего из 160 ка ячменя в месяце шабат (январь — февраль). Долг с процентом (размер процента не указан) должен быть возвращен на месте ссыпки или хранения зерна (стк. 8—10): *še-am ù ħu-bu-l[a-šu]* а-па па-аš-ра-ак-[im utarru] «Ячмень и проценты его на месте хранения зерна вернет». В предыдущих документах зерно доставлялось в Сузы или в какой-нибудь район поселения. В этом случае зерно возвращается в особом месте, где хранится зерно¹⁹. При сдаче на хранение возникал ряд обязательств между депонентом и депозитарием. Эти обстоятельства, вероятно, сходны с теми, которые существовали в Вавилонии времени Хаммураби (ср. Законы Хаммураби, § 120—126). Залогом является имущество должника. В фрагментарном документе № 36 говорится о выдаче в кредит 4 гуров 200 ка пшеницы и 120 ка фиников. Имущество должника считается залогом. Интересен документ № 37. У Синшарили некий Сумдуру, сын Симмеме, занимает 1 гур 200 ка ячменя и 10 ка фиников. Долг с процентами должен быть возвращен после сбора урожая. Пока должник не выполнит свое обязательство, залог его, состоящий из края одежды, находится у кредитора. В отличие от предыдущих случаев залог здесь находится во владении кредитора. По-видимому, это заранее определенная одежда, которая должна была перейти в собственность кредитора, если должник своевременно не заплатит долг.

¹⁹ Возврат зерна на месте хранения характерен и для других стран. В Вавилонии, например, зерно выдается из места хранения (*pašraku*) и должник обязан вернуть долг там же (см. P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, VI, № 1535, S. 45).

В документе № 428 храм Шамаша и Танили предоставляют кредит, но залогом оставляется как недвижимость, так и движимость. В документе № 180 от имени храма бога Шамаша тот же Тан или предоставляет кредит, который должен быть возвращен с процентами после сбора урожая. Кроме того, должник обязан представить в распоряжение кредитора 12 жнецов²⁰. В другом документе (№ 183) тот же известный кредитор Танили выдает 10 гур ячменя в районе «перед поселением». Должник обязан вернуть после сбора урожая 15 гур ячменя. Хотя здесь термин для процента отсутствует, но конкретно указано количество зерна, подлежащего возвращению. Кроме этого случая, где конкретно определено количество зерна, которое должен был получить кредитор, в остальных отсутствует размер процента: документы лишь отмечают, что долг будет возвращаться с процентами (см. еще № 35, 179, 182, 184, 189, 197).

Документ № 188 отмечает беспроцентный заем, состоящий из 3 гур 150 ка ячменя. Согласно этой сделке, должник обязан вернуть только занятый ячмень (стк. 6—9): i-na e-bu-ri i-na a-raḥ "МАḤ 3 GUR ḳa šē'am ḳaḳka-dam-ma ú-ta-ag «С урожая в месяце мах 3 гур 150 ка ячменя — только основное количество — должен вернуть». С аналогичным условием шесть человек занимают у общины по 2 гура ячменя каждый, ссуда подлежит возвращению с урожая (№ 181). Документ указывает, что сделка заключена на основании правил граждан («сыновей») города Суз и эдикта царя. Но указывается, что они не руководствуются правилами храма (стк. 20—22): aḥ ri-a-tu šá "Samaš ki-di-na ú ku-bu-usa-a-am ú-ul ú-ta-aḥ-ḥa-gu-šu «Согласно условиям (букв. словам) Шамаша, к защите и обычаю его они не обратятся». Следовательно, между правилами населения и храма имелись существенные различия в порядке предоставления займа. Это к тому же показывает, что имелись судебные органы разных ведомств.

²⁰ Позже в Ассирии тоже были случаи, когда должник обеспечивал кредитора жнецами (И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, стр. 67). О применении труда жнецов по найму в старовавилонский период см. J. G. Lautner, *Altbabylonische Personmiete und Erntearbeiterverträge*, S. 16. 142 sq. Иной раз в Вавилонии должник сам обязывался работать в качестве жнеца (ср. P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, VI. № 1677, S. 101).

Разбор документов второй группы позволяет сделать следующие заключения: 1) долг состоял в основном из ячменя, иногда пшеницы и фиников; 2) сроком погашения долга был период сбора урожая; 3) существовал долг беспроцентный и с процентом; указание на размер процента обычно отсутствует; 4) долг возвращался на месте хранения зерна; 5) должник иногда обязывался наряду с выплатой процента обеспечить кредитора жнецами; 6) существовало групповое должничество, и должники отвечали за долг солидарно; 7) заем отпускался согласно тому или иному правилу; 8) в качестве залога оставлялись имение, дом, поле или сад должника; 10) кредиторами были отдельные землевладельцы, храм и община в целом (последний случай засвидетельствован лишь один раз).

Заем серебра и продовольствия в натуре. Из этой группы имеются всего шесть документов (27, 34, 197—199, 344).

Документ № 199 регистрирует выдачу в общей сложности 10 сиклей серебра и 1 гура ячменя для изготовления пива (стк. 1—4): 7 šiklī kaspam ša ekel Šu-li-a-ma 3 šiklī kaspam a-na ši-ma-a-ti 1 GUR še-um a-na šikāri itti Warad-¹¹Amurri ^{m.ii}Šamaš-še-mi il-ke «7 сиклей серебра за поле Шулиямы, 3 сикля серебра (для) покупки 1 гура ячменя на (изготовление) пива у Варад-Амурру Шамаш шеми взял». В документе отмечается, что заем выдается без взимания процента (стк. 9): ū-ul šiptu ū-ul ħu-bi-ul-lu «Нет процента (денежного), нет процента (натурального)». Несмотря на указание на беспроцентность займа, кредитор фактически получал доходы. Вместо серебра кредитор должен был получить ячмень согласно текущей цене зерна, существовавшей в момент погашения долга, т. е. в период сбора урожая (стк. 5—8): i-na e-bu-ri ša 10 šiklī kaspam ma-ḥi-ra-at i-la-ku še-a-am imaddad ša 1 GUR še-e šikāra i-na-an-di-in «С урожая (вместо) 10 сиклей серебра ячмень по текущей цене должен отмерить, с 1 гура ячменя пива должен дать». Во время урожая цены на ячмень спадали, а серебро увеличивало тем самым свою покупательную способность.

Таким образом, долг возвращается после урожая, когда ячмень падает в цене, и, следовательно, должнику приходится вернуть кредитору фактически значительно

больше ячменя, чем он мог купить в момент займа на занятое серебро. Это во-первых. Во-вторых, должник был обязан вернуть пиво вместо ячменя. Следовательно, и здесь кредитор получал прибыль. Итак, отчуждение денег связано с тем, что они в конечном итоге приносили доход, и хотя в некоторых случаях отмечается, что долг не имеет процента, все же он приносил доход в результате падения цен в период сбора урожая. В этом документе в качестве кредитора выступает Варад-Амурру, который в другом договоре (№ 198) является должником. Он берет у служителя храма бога Шамаша 2 гура ячменя и 10 сиклей серебра. Долг процентный.

Документ № 344 рассказывает о предоставлении в кредит 2 сиклей серебра и 150 ка ячменя. В месяце абу (август) должник обязан возратить вместо 2 сиклей $2\frac{2}{3}$ сикля, а вместо 150 ка ячменя—165 ка (стк. 6—10): *gēš araḥ A-bi ša 2 šiklī kaspam $2\frac{2}{3}$ šiklī kaspam išakḫal ša 120+30 qa šē'am 120+45 qa šē'am i-ma-ad-da-ad* «В начале месяца абу вместо 2 сиклей $2\frac{2}{3}$ сикля серебра заплатит, вместо 150 ка ячменя 165 ка ячменя отмерит». При просрочке уплаты долга должник был обязан отмерить 5 гур ячменя (стк. 11—12): *ú-še-et-te-e[ḫ-ma] 5 GUR šē'am i-ma-an-[da-ad]* «(Если) просрочит, 5 гур ячменя отмерит». Предусматривается, что должник обязан заплатить предъявителю настоящего договора взятую сумму, по-видимому, с указанными надбавками, в *kaḫum*. Должник клянется жизнью Кук-Нашура. При заключении сделки стороны не опираются на правила (стк. 17—18): *ki-di-pam ú ku-bu-us-sa-a-am ú-ul i-šu* «защиты и обычая не имеется».

В одном из документов (№ 27) идет речь о выдаче 26 сиклей серебра и 120 ка ячменя в качестве вспомоществования (*a-na ú-sa-a-ti*). В документе № 34 говорится о беспроцентном займе (стк. 1—5): *6 GUR [še]-im $\frac{1}{2}$ šiklīm kaspam itti Ku-[bu]-ra-bu-ú mZi-iz-zi-ja ḫu-bu-ut-ta-ta il-ḳé a-na šu-gu-ub-ti e-bu-ri ḫu-bu-ut-ta-ta ú-ta-ag* «6 гур ячменя, $\frac{1}{2}$ сикля серебра у Кубурабу Зизия без процента взял. Со сбора урожая беспроцентный долг он должен вернуть».

Из документа № 197 выясняется, что помимо настоящего документа, регистрирующего ссуду ячменя и серебра, имелся и другой документ у того же должника, поскольку там отмечается, что некий Симуа взял ячмень

и серебро согласно содержанию большого документа: ša ri le-e gabī še-am il-ḳé «Согласно таблице большой ячмень взял». Вероятно, «большая таблица» — это сводная ведомость. Можно предположить, что в так называемом большом документе уточнялся или конкретизировался размер процента либо же этот документ принадлежал кредитору и в нем были записаны все займы того или иного должника. О наличии второго документа, вероятно, свидетельствует и № 33²¹. П. Кошакер полагал, что получение должником зерна согласно «большой таблетке» следует отнести к публичному объявлению курса²². Ссылаясь на «стелу справедливости» Аддахушу, в которой устанавливается официальный тариф цен, В. Хинц предполагал, что пример этого правителя служил поводом для подражания, ибо в поздних документах упоминается «большая таблетка», на которой, несомненно, цены были отмечены²³. Однако тот факт, что «большая таблетка» упоминается в связи с выдачей в долг, заставляет нас принять ее за сводный документ, в котором, вероятно, отмечались имена должников.

Подводя итоги, получаем следующие выводы: 1) кредитор вместо ячменя мог получать пиво; 2) там, где не было указания на проценты, кредитор получал прибыль из разницы, возникшей между покупной ценой серебра и тарифной ценой ячменя; 3) в некоторых случаях кредитор сам выступал как должник храма; 4) выдавалась ссуда под видом помощи; 5) кроме основного документа мог существовать и другой, так называемый «большой документ», т. е. сводная ведомость. Многие черты общи всем трем группам в целом. Например, наличие беспроцентного кредита, отсутствие в некоторых случаях указания на размер процента и т. п.

Из исследования частнопроводных документов мы видели, что в некоторых случаях, когда речь шла о денеж-

²¹ Там встречается фраза *ezib ri ṭurri-[šu]*. Почти аналогичная фраза имеется в среднеассирийских текстах (KAJ, 26:3; 31:1; перевод см. NKRA, S. 94, Anm. 1). Перевод нашей фразы звучит: «кроме (исключая) содержания его документа». Следовательно, и должник владел дополнительным документом или в этом случае имеется в виду прежняя сделка, потерявшая силу в результате составления нового документа. Но скорее это значит, что не погашен предыдущий долг тому же кредитору.

²² P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 227, Anm. 3.

²³ W. Hinz, *Persia c. 1800—1550 B.C.*, p. 9.

ном займе, имелось конкретное указание на высоту процента. Что касается натурального займа, то там отсутствует указание на размер процента, но иногда стороны определяют количество зерна, которое подлежит возвращению. В одном случае, как было отмечено, подлежащее возвращению зерно составляло половину долга (№ 183), т. е. вместо 10 гур ячменя должник обязан вернуть из урожая 15 гур ячменя. Хотя здесь термин для процента отсутствует, но количество подлежащего возврату зерна показывает размер процента. В документе № 344 заем также возвращается с надбавкой, хотя термин «процент» и не применен: здесь выдается 150 ка ячменя и два сикля серебра, причем стороны отмечают, что вместо 150 ка ячменя и 2 сиклей серебра должник обязан отдать 165 ка ячменя и $2\frac{2}{3}$ сикля серебра, а в случае просрочки должен отмерить еще 5 гур ячменя. Таким образом, в случае с ячменем надбавка составляет 10% общего кредита, при серебре же — примерно 33%. Возможно, что часть процента за ячмень была включена в проценты за серебро. Исключая эти единичные случаи упоминания надбавки, а не процента, при натуральном займе в подавляющей части документов размер процента не указывается, хотя отмечается, что долг будет возвращен с процентами.

Когда речь идет о натуральном займе, то наибольший процент отмечает № 183—50% от суммы долга, а наименьшую надбавку № 344, где она составляет 10% общего кредита. Таким образом, процент по натуральным займам, по-видимому, колебался между 10 и 50%.

Что касается денежных ссуд, то проценты при денежном займе равнялись 20—40. В одном документе за 1 мину взимают 1 сикль процента (№ 23), размер которого составляет 1,6, а годовой размер — 20, но в другом, как было указано выше, — 33 (№ 344). Из полученных данных можно заключить, что процент по денежным ссудам не был постоянен и колебался между 1,6—2,5 (месячный) или 20—40 (годовой). Это колебание показывает, что в Эламе практически не придерживались единого тарифа взимания процентов, как, например, в Вавилонии, где Законы Хаммураби устанавливали единый тариф взимания процента: 36 уттату с сикля (§ 89), что составляет 20% в год. Примерно такой же тариф устанавливается законами царя Эшнунны (§ 21). Как

видно из староассирийских документов, такое же положение существовало в Малой Азии, только с той разницей, что там процент колебался между 15 и 120 и даже был более высоким (ARK, № 17—19, 23, 25, 29—31, 45 и др.).

Там, где отсутствует конкретное указание на размер процента, стороны, по-видимому, опирались на установленный обычай. Колебание процентов или отсутствие единого тарифа взимания процентов зависело от общего уровня развития экономики страны. Этим можно объяснить множество правил, согласно которым, по всей вероятности, взимались проценты. Вероятно, проценты при натуральных ссудах, когда отсутствовало упоминание о надбавке или размере процента, взимались либо согласно обычному праву, либо по тому или иному правилу.

Так, в документе № 181 прямо отмечается, что сделка была заключена на основании обычая (букв. «следа, поступи»), существовавшего у жителей Суз, и что стороны не принимают «защиту и след» согласно словам Шамаша, т. е. храма бога Шамаша. В документе говорится (стк. 12—14): wa-ar-ki ku-bu-us-sé-e ša ma.emeš Šu-ši-im^{kl} ú sú-uk-ki-sú-uk-ki il-kuš-ú «Согласно обычаю граждан („сыновей“) Суз и эдиктов они взяли», и дальше (стк. 20—22): aḥ pi-a-tu ša iŠamaš ki-di-na ú ku-bu-us-sa-a-am ú-ul ú-ma-aḥ-ḥa-gu-šu «Согласно условиям (букв. словам) (храма) бога Шамаша, к защите и обычаю его они не обратятся». Здесь виден контраст между двумя обычаями, а именно обычаем населения и храма. В другом случае (28:10—11; 344:17—18) отмечается, что при займе šu-ul-la (или kidinnam) ú ku-bu-us-sa ú-ul i-šu «Защиты и обычая не имеется». Значения терминов почти совпадают: kidinnu «защита», kubussūm «след», šullu «сень», «защита»²⁴. Kubussūm относится к божествам, царю, суккалу и гражданам Суз и упоминается в документах различного характера, о чем говорилось в соответствующих главах. Все эти термины возникли из обычного права и определяли нормы права, одинаково практиковавшиеся среди населения. В период написания этих документов обычай имеет юридическую силу и охраняется государством и храмом. Но и население имеет свой собственный обычай. Не подлежит сомнению, что каж-

²⁴ Об этих терминах см. P. Koschaker, *Göttliches*, S. 38 sq.

дый обычай имел свои собственные нормы взимания процента или норму урегулирования тех или иных отношений между кредиторами и должниками. Вероятно, обычаи, принятые государством или храмом, подобно тому как это имело место в ассирийском или хеттском судебныхниках, были узаконены и зафиксированы в письменном виде в эдиктах царей и суккалов, с одной стороны, в постановлениях храма — с другой. Но установить различие во взимании процента между этими обычаями пока невозможно.

Цены, судя по документам, на продукты сельского хозяйства повышались от зимы к весне, а летом и осенью сравнительно спадали. Фактически подобная неустойчивость цен обогащала одних, разоряла других. Мелкие земледельцы попадали в кабальное положение. Кредитор-земледелец, в руках которого постепенно сосредоточивались крупные земельные участки и который владел запасом зерна и деньгами, мог отчуждать их для оборота в виде кредита другому лицу и использовать труд земледельцев-должников, попавших в долговое рабство в результате разорения.

Взимались проценты ежемесячно или ежегодно? Сами документы об этом умалчивают. Это можно установить косвенным образом. Так, в документах нередко отсутствует указание на срок, в течение которого должник обязан погасить свой долг. Большинство таблечек отмечает лишь месяц предоставления долга. Нередко и подобное указание отсутствует. Упоминается лишь один срок погашения долга — время сбора урожая. Иногда указывается, что долг будет погашаться в *kāgim*. Обычно заем выдается в месяце, когда люди заняты полевыми работами, т. е. либо во время пахоты или посева (*erēšu*), либо жатвы (*ešēdu*). Если ячмень или деньги брались во время посева или пахоты, они шли на удовлетворение нужд земледельца при обработке и засеивании земли. То, что бралось во время жатвы, конечно, не относится к указанной категории долга. Этот долг шел на прокормление семьи земледельца-должника или для найма жнецов. Все это не вызывает сомнений. Уплата долга происходила в период сбора урожая. Учитывая сказанное и то обстоятельство, что данные документы умалчивают, как должны взиматься проценты, можно предположить, что проценты нарастали на долг ежеме-

сячно в течение периода, на который был взят кредит. То же самое верно по отношению к тем случаям, когда указывалось, что долг взят в таком-то месяце и будет возвращен тогда-то. Следовательно, проценты в большинстве случаев относились к периоду от месяца предоставления долга и до месяца его возвращения в целом, но процентная ставка могла быть рассчитана на месяц или на год.

Как видно из документов, выдача в качестве помощи — это безвозмездная ссуда, поскольку отсутствует упоминание о возврате. Деньги или продукты, выданные в качестве благодеяния или без взимания процента, были ссудами, которые подлежали обязательному возврату. Однако так называемый беспроцентный долг мог превратиться в процентный в том случае, если бы должник не выполнил взятое на себя обязательство в установленный срок. С момента просрочки уплаты на долг нарастали проценты. Конечная цель ссуды и займа — это удовлетворение потребности должника и наживы кредитора.

Известны три формы составления документа о беспроцентном долге: первая, когда долг отмечается посредством термина *hubuttatum* и иногда *kip̄tu*, обозначающего «беспроцентный долг»; вторая, когда упоминается термин *kaqqadam-ta*, что дословно значит «только голову», т. е. основную сумму; под этим термином документы подразумевают возврат основной суммы взятого долга без процента; наконец, третья форма — это те случаи, когда беспроцентный характер долга подчеркивается посредством терминов *ul šiptu ul hubullu* «без процента, без надбавки». Будучи терминами для обозначения процента, *šiptu* и *hubullu* применялись к различным видам процента. Первый — это термин для обозначения процентов, которые взимаются с денежного займа, второй же обозначал проценты с продуктов сельского хозяйства²⁵. Несмотря на то что в документе посредством этих терминов отмечался беспроцентный характер займа, все же он приносил прибыль кредитору.

Конкретные случаи разорения должника, попадание его в долговую кабалу остаются за пределами нашего

²⁵ В Законах Хаммураби термин *hubullum* обозначает заем, приносящий проценты в деньгах или зерне (см. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 209).

знания, поскольку в документах нет прямого указания на них. Но несомненно процесс закабаления должника и потери им недвижимости, оставленной в качестве залога, продолжался.

Залог

Как можно заключить из содержания документов, в качестве кредитора выступают с одной стороны храм²⁶, с другой—отдельные зажиточные землевладельцы. Малоимущие земледельцы, у которых отсутствовали запасы зерна, попадали в зависимое положение к богатому землевладельцу из-за того, что занимали у него либо зерно, либо деньги. Они становились должниками. С самого начала составления документа-договора между кредитором и должником создается юридическая связь: первый выступает как ростовщик, займодавец, второй—до поры до времени как зависимое от него лицо, т. е. как должник, займополучатель. Каждый в отдельности был обязан нести определенные обязательства. Эти обязательства возникали с момента составления документа, ибо предоставление долга происходило одновременно с записью. Обязательство кредитора заключалось в предоставлении займа: определенной в документе суммы денег или ячменя. После исполнения этого кредитор освобождался в дальнейшем от выполнения каких-либо обязательств. Теперь возникало обязательство должника, которое заключалось в своевременной уплате долга с теми или другими условиями. Для того чтобы придать сделке законный характер, должник перед свидетелями обязуется произвести уплату долга в установленный срок. Однако кредитор не ограничивался присутствием свидетелей. Ему необходимо было получить реальную гарантию возвращения долга с процентами. Поэтому с обоюдного согласия сторон кредитор перед свидетелями получал залог или определял вид залога, норму процента и т. д. Иначе говоря, в документе записывались условия предоставления займа и вид залога, состоявший либо из движимого, либо из недвижимого имущества должника, причем в большинстве случаев залог переходил во владение кредитора в случае просрочки долга. До уплаты

²⁶ В Вавилонии ссуду выдавали также дворцы (ср. P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, VI, № 1538, 1541, S. 46—47).

долга залог обычно находился во владении самого должника.

В отличие от ассирийских и вавилонских²⁷ в эламских документах отсутствует специальный термин для обозначения залога. Понятие это передается описательно в различных выражениях.

Ипотека. Одним из таких выражений при денежных и натуральных займах был термин *sikkatu maḥṣat*. Позволим себе привести то место из документа № 23, где упоминается указанный термин (стк. 8—10): *a-di kasram ū ṣiptam ū-ta-ru i-na É.DU.A-šu sikkatu maḥ-ṣa-at* «Пока серебро и проценты он не вернет, на доме его колышек будет забит»²⁸, т. е. на имение должника как бы налагается арест.

При натуральном займе встречается такая же формула, причем иногда указывается, что колышек принадлежит именно кредитору. Например, в документе № 182 (ср. также № 183), где кредитором является храм бога Шамаша, а отпускает в кредит Танили от имени храма, имеется фраза (стк. 8—11): *še-a-am ū ḥu-bu-la-šu ū-ta-ar a-di še-a-am ū-ta-ru i-na É.DU.A-šu ū ir-ši-šu sikkatu ša Ta-an-i-lí ma-aḥ-ṣa-at* «Ячмень и проценты его вернет. Пока ячмень не вернет, в доме его и хозяйстве его колышек Танили будет забит». В другом случае (№ 179) для того же самого кредитора забивается колышек на доме должника, который находится по соседству с неким Бели (*i-na É.DU.A ša itā Be-li-i sikkatu maḥ-ṣa-at*). Последний пример показывает, что должник имел еще и другое имение. Имеются случаи, когда колышек забивается не только на доме должника, но и на поле и саде одновременно (№ 189).

²⁷ В ассирийских документах термином для обозначения залога был *šapartu*, а в вавилонских — *maškanu*.

²⁸ Глагол *maḥṣat* образован от $\sqrt{\text{mḥ}}$ и передан в форме перманзива 3-го лица единственного числа женского рода. Обычно перманзив выражает длящийся результат завершенного действия (ср. W. von Soden, *Grundriss der akkadischen Grammatik*, Roma, 1952, S. 101). В таком случае *maḥṣat* понимается как «есть забитый», а фраза в целом значит: «пока серебро и проценты не вернет, в доме его колышек (есть) забитый», т. е. пока должник не удовлетворит кредитора, дом является залогом. Имея в виду значение *adi* «пока (не)», «до того как» и то обстоятельство, что условие направлено на будущее, глагол в приведенной форме мы переводим будущим временем.

Исходя из приведенных примеров и характера самих документов, можно думать, что залог, состоящий из какого-нибудь указанного недвижимого имущества, тотчас после заключения сделки не переходил во владение кредитора. Еще П. Кошакер, разбирая эту клаузулу, пришел к выводу, что в таких случаях речь идет о залоге без владения кредитором²⁹. Из тех же примеров можно сделать вывод, что при просрочке уплаты долга залог переходил во владение кредитора. Однако не ясно другое, а именно: предъявлял ли кредитор вещное право на залог после просрочки? Например, согласно части среднеассирийских документов, в случае просрочки уплаты нарастали проценты на долг. Но даже после этого должник, рассчитавшись с кредитором, мог получить свое имущество (КАЖ, 53 и 61). К тому же в случае с ассирийскими документами залогом с правом и без права пользования настолько переплетаются, что трудно установить, когда одна форма переходит в другую.

Надо полагать, что заем, взятый у кредитора, был израсходован на обработку или посев поля, на возделывание сада и т. п. Если бы залог немедленно после заключения договора переходил во владение кредитора, то не было бы никакой необходимости и нужды в займе со стороны земледельца, и вообще это отмечалось бы в документе. Урожай поля, сада или имения был тем продуктом, после реализации которого земледельец-должник был в состоянии уплатить долг. Поэтому в наших документах мы явно имеем налицо залог без права пользования со стороны кредитора, т. е. залог типа ипотеки. Такой залог, как можно заключить из документов, обязательно переходил в собственность кредитора в том случае, если должник не был в состоянии уплатить долг к установленному сроку. При невыполнении должником этого обязательства в силу ряда стихийных или случайных обстоятельств, например неурожая, земледелец, вероятно, лишался своего имущества, которое в документе было зарегистрировано как залог. Тем самым земледелец разорялся и попадал в зависимое положение к кредитору. На предположение, что в случае просрочки должник лишался своей заложенной недвижимости, указывает отсутствие в этих документах клаузулы ассирий-

²⁹ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 105.

ского типа. О том же говорит и документ № 392, о котором речь пойдет ниже.

Э. Кюк понимает термин *sikkatu mahṣat* в смысле «разбивать палатки, забивать кол». Он полагает, что заимодавец разбивал палатки на недвижимости должника; это в свою очередь показывало, что недвижимость обременена обязательством и что владелец ее не сможет ею пользоваться свободно³⁰. Однако во всех случаях речь идет только о забитии колышка, и должник пользовался своим имуществом, отданным в залог³¹, но при неплате долга лишался своего заложенного имущества. Согласно Э. Кюку³², если долг не уплачивался в срок, то заимодавец мог купить недвижимость. Кюк ссылается на документ № 82. Но этот документ, в котором речь идет о продаже виноградника, вовсе не подтверждает его мнение. Вероятно, лишь разница между ценой поля и суммой долга погашалась кредитором. П. Кошакер более правильно определил суть этого залога и назвал его колышковой ипотекой, залогом без владения³³.

В текстах встречается еще выражение *parkutu šebir* (варианты: *šē-eb-ri-ma*, *šē-eb-ri-l*, *šē-eb-ri*). Так, в документе № 187 читаем (стк. 7—10): *a-di šē-a-am i-ma-anda-du i-na mu-ub-hi litāti³⁴ u immerē³⁴ pa-ar-ku³⁴-utu šē-bi-lr*. Слово *pa-ku-tu* — множественное число от слова *parku* «засос», «замок», дословно «задвинутый». Сле-

³⁰ E. Cuy, *Les actes*, p. 68. Аналогичное положение, на которое указывал также Э. Кюк, существовало в Афинах во второй половине I тысячелетия до н. э.; там на заложенные участки забивались специальные камни (*hogoi*), на которых писались имя кредитора и сумма долга, чтобы избежать повторного залога этого участка (см. M. J. Finley, *Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500—200 B.C.*, New Jersey, 1951. На эту работу любезно указала мне Н. Б. Янковская). Так что и в Эламе забивание колышка исключало повторный заклад земли. Однако мы не знаем, писались ли на этих колышках имена кредитора и сумма займа. Но наличие их на участке уже было предупреждением против повторного его залога.

³¹ В связи с этим обращает на себя внимание § 49 Законов Хаммураби, который направлен против антихрезы. Из этого вытекает, что в конечном итоге должник являлся владельцем земли, да и сам мог обрабатывать свою землю.

³² E. Cuy, *Les actes*, p. 68.

³³ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 108; П. Кошакер (*Randnotizen*, S. 228 sq.) полагает, что закладной колышек устанавливался в публичном месте.

³⁴ Здесь вместо знака для ки писцом был ошибочно написан знак для би.

дующий за ним глагол, по-видимому от корня «разбивать», «разрушить», «ломать», стоит в перманзиве³⁵. Поэтому полное выражение должно быть переведено «засов поломан»³⁶. Значит, фразу полностью можно перевести так: «До того как ячмень отмерит, к коровам и овцам (его) засов поломан».

Оставляя пока в стороне юридический смысл этой фразы, приведем другой пример, где наряду с упомянутым выражением отмечается *sikkatu maḥṣat* (184: 7—10): *a-di še-<a>-am i-ma-da-du i-na mu-uḥ-ḥi alpī-šu ū ṣēni-[šu] ra-ag-ku-tu še-ib-gi-ma i-na eḫli-šu sikkatu ma-ah-ša-at*. Издатель документов В. Шейль часть этого предложения читал: *i-na mu-uḥ-ḥi-šu*, оставляя не прочитанным знак между *muḥḥi* и *šu*; там стоит знак для GUD (акк. *alpu*)³⁷. Все предложение следует перевести: «До того как ячмень отмерит, к крупному и мелкому скоту его засов будет поломан, а на поле его колышек будет забит». Наличие последней фразы помогает понять юридическую сторону первой: до уплаты на поле — *sikkatu maḥṣat*, а на скот — *parkūtu šebir*, следовательно, в обоих случаях показан один юридический акт, т. е. в первом случае также имеется в виду залог, который состоял из скота. Само выражение «засов поломан» по-видимому, надо понимать в том смысле, что доступ к скоту свободен³⁸, если должник не выполнит свое обязательство. Возможно, это выражение имело идиоматическое значение и применялось для обозначения залога, состоящего из скота. Однако и в этом случае залог не переходит во владение кредитора, на что, в частности, указывает наличие в той же фразе выражения *sikkatu*

³⁵ Ср. W. von Soden, *Grundriss der akkadischen Grammatik*, парадигмы, S. 8; E. Salonen, *Untersuchungen*, S. 117.

³⁶ Иначе «запрет снят», если считать, что *parkūtu* — имя абстрактное и означает «запретность», «затвор», хотя с переводом «засов поломан» не соглашались Б. Ландсбергер и П. Кошакер (см. P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 229.)

³⁷ Это чтение, ссылаясь на исправление данного места Сан-Николо, принимает П. Кошакер (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 229).

³⁸ К данному случаю не подходит объяснение П. Кошакера (со слов Ландсбергера) о том, что, возможно, здесь имеется в виду клеймо, которое накладывали на скот в знак ответственности должника (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 229). Из перевода Шейля можно понять, что при невыполнении обязательства загон для скота должника открыт кредитору для судебной описи. Так же понимает это выражение Э. Кюк (RA, XXIX, 4, p. 162).

maḥṣat; поскольку колышек можно снять, то parkutu šebig также не может быть постоянным. Надо полагать, что лишь в случае просрочки должник был обязан удовлетворить кредитора скотом и полем. В частности, на это указывает документ № 392, в котором говорится (стк. 5—7): ú-tu-šu I-ti-Ku-bi kaspat ú-ul i-di-im-ma eklam i-ta-ra-al «В тот день (если) Итти-Куби серебро не даст, то (кредитор) полем будет удовлетворен». Таким образом, в этих случаях мы имеем дело с залогом типа ипотеки, который находился во владении должника.

Ручной залог. Имеются случаи, когда скот до уплаты долга передается в руки кредитора. В документе № 124, где трое занимают 5 мин серебра у храма в порядке товарищества, сказано: i-na e-re-eb gi-ir-ri-šu-nu 60 immerē^{HI.A} ṣí-bi-it қа-ti¹¹ Samaš-ba-ni i-ša-ba-at «При выходе их в путешествие 60 овец, владение рук (их), Шамашбани забирает». Скот был оставлен в качестве залога и, вероятно, по ценности он соответствовал сумме долга. Но в данном случае залог находится в распоряжении кредитора потому, что владельцы его отправляются в торговое путешествие.

В одном из документов в качестве залога оставляется одежда. Это документ № 37, в котором встречается следующая фраза (стк. 8—10): a-di še-a-am ù-ta-ag-ru sí-sí-ik-tu a-na i-zi-ib-ti ez-bé-et «Пока ячмень не вернет, край одежды в оставлении оставлен». Если же должник в срок, в месяце ланлупи, не произведет уплату, то (стк. 13) sí-sí-ik-tu [ku]³⁹-ul-lu-ma-at «край одежды будет предъявлен», т. е. должнику укажут на обязанность возместить долг. В этих случаях видно, что залог или гарантия ответственности, состоящие из края одежды и скота, находились во владении кредитора без права пользования до срока займа.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии ручного залога, так называемого *pignus*, когда заложенная вещь или примета этой вещи находились во владении кредитора, что предполагает отсутствие права пользования. Э. Кюк этот случай также принимал за залог⁴⁰.

³⁹ Знак поврежден, Шейль восстанавливал [šu], но Кошакер (P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 112, Anm. 1) не принимает это восстановление и не предлагает взамен ничего.

⁴⁰ E. Cuy, *Les actes juridiques*, p. 68.

Однако П. Кошакер отвергает это мнение и считает, что подол платья не является столь ценным объектом, чтобы он мог служить в качестве гарантии за 1 гур с лишним ячменя, и что он скорее может быть применен лишь как символ ответственности⁴¹. Далее Кошакер подчеркивает, что подробности зависят от установления смысла фразы *ana izibti ezbet* «в оставлении оставлено»; в связи с этим он, в частности, обращается к письму № 38 Хаммураби, адресованному Шамашхасиру, и заключает, что действующие там лица осуществляли обмен⁴². Но, во-первых, этот текст не имеет отношения к нашему термину. Во-вторых, там речь идет о купленном у война поле, в связи с чем Хаммураби подчеркивает, что если при покупке у война оставалось другое поле (Кошакер ошибочно толкует «после оставления»), то купленное поле должно перейти к покупателю⁴³. Наконец, П. Кошакер приходит к заключению, что *izibtum* есть залог без владения, следовательно ипотека⁴⁴, и что *sissiktu* выступает как символ личной ответственности⁴⁵. Однако все это не дает полного решения вопроса. По нашему мнению, должник закладывал край одежды, но в то же самое время он нес обязательство отдать всю одежду при неуплате долга. В случае просрочки долга кредитор получал именно ту одежду, примета которой находилась у кредитора. Поскольку основная часть залога находилась у должника, то этот случай лишь в определенной степени можно толковать как ипотеку, но в целом, хотя и символически, это ручной залог.

Против интерпретации П. Кошакером документа № 37 возражал также Э. Кюк, отмечая, что достаточно, чтобы заложенная вещь была дорогой для должника, который стремился бы возратить ее как можно скорее уплатив долг кредитору⁴⁶.

⁴¹ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 112.

⁴² *Ibid.*, S. 112—113.

⁴³ Текст см. F. Thureau-Dangin, *La Correspondance de Hammurabi*, p. 31.

⁴⁴ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 114. Однако он сам сомневается в решении этого вопроса (S. 115).

⁴⁵ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 116 sq.

⁴⁶ E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 163. При этом Э. Кюк ссылается на римское право и на документ № 315. В дальнейшем П. Кошакер не возражал против мнения Э. Кюка (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 230).

О ручном залоге свидетельствует также документ № 315, в котором речь идет о тяжбе между кредитором и поручителем, предоставившим залог вместо должника (ст. 13—14): aš-šu ki-te-e šà a-na i-zì-[ib-ti] i-zi-bu-ni-ma «Относительно льняной ткани, которую на оставление мне оставил». До тяжбы некая Талибатту занимает у кредитора 10 сиклей, а другое лицо предоставляет залог. Женщина, видимо, просрочила уплату, поэтому кредитор задерживает залог. Во всяком случае из этого документа вытекает, что, во-первых, кредитор берет залог⁴⁷ из движимого имущества непосредственно в свои руки; во-вторых, могло существовать положение, когда залог предоставляло третье лицо, а не должник.

Как можно заключить из документа № 124, в данном случае кредитор не был уверен, что залог перейдет в его собственность, поскольку там имеется клаузула: e-li šà-al-mi ù ke-ni i-šu «За здоровым и честным имеется». Вероятно, здесь кредитор мог бы в какой-то мере пользоваться залогом, например молоком скота. Но это не исключает того предположения, что мы имеем налицо ручной залог, в противном случае отмечалось бы право пользоваться залогом. А из документа № 37 явствует, что в случае просрочки кредитор предъявлял вещное право на заложенную одежду.

Таким образом, если в документах № 37 и № 124 должник сам предоставляет залог, переходивший непосредственно во владение кредитора, то в № 315 залог принадлежит не должнику, а поручителю. Однако и в этом случае кредитор не мог пользоваться заложенной вещью. Отличительная черта ручного залога заключалась в том, что при нем должник лишался на определенный срок своего имущества, тогда как при ипотеке он подвергался подобному лишению только при просрочке выплаты долга.

Антихреза. О залоге с правом пользования, т. е. типа антихрезы, твердых данных нет⁴⁸. По-видимому,

⁴⁷ П. Кошакер (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 230) полагает, что речь идет о продаже одежды.

⁴⁸ П. Кошакер (P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 90—99) в арендной сделке ezib tabal пытается видеть залог типа антихрезы. Однако его доводы не подтверждаются документами. Об этом подробно в разделе «Аренда».

с некоторой долей вероятности можно сказать, что в документе № 273 речь идет об аитлхрезе. Там некая Шурия занимает у храма 30 сиклей серебра с тем условием, что она вернет кредитору серебро и половину прибыли, полученной от обращения капитала (стк. 1—5): $\frac{1}{2}$ MA.NA kasram itti $\text{Šamaš} \dot{\text{u}}$ Warad- Amurri m.SALŠu-ri-ja il-[ké] kasram be-el-šu i-lp-pa-al-[ma] ne-me-lam ib-ba-aš-šu m $\dot{\text{z}}$ -al-la aḥ-ma-[mi i-zu-zu] « $\frac{1}{2}$ мины серебра... у (храма) Шамаша и Варад-[Амурру] Шурия взял[а]. Серебром господина своего должен удовлетворить: доход, что есть, между соб[ой] поделят». Из этого видно, что документ долговой. Далее отмечается условие предоставления займа (стк. 6—9): 1 GUR zēr-šu paḥ IG .URU.Ki šà it-ti mTe-em-mi-mi i-ka-lu-m[a] a-na mWa-rad- Amurri ta-ar-ki-is-sú du-ul-la- $\dot{\text{š}}$ u-nu ú-ba-al⁴⁹. «Поле, 1 гур площадь его, что в районе „перед поселением“, которое (она) вместе с Теммами держит и затем Варад-Амурру доверила, и работу их он (т. е. Варад-Амурру) будет нести». К сожалению, продолжение документа в средней части разбито.

Но другой документ, № 125, помещенный В. Шейлем в раздел «аренда», дополняет это место и позволяет полять подлинное назначение документа № 273. В документе № 125 читаем (стк. 1—10): mA-da... $\dot{\text{u}}$ Adad-še-[mi] a-na A-ḥi-ma-a māg... a-na ma-aš-ša-ar-ti ip-ki-du-šu eklam i-i[r-ri-iš] du-ul-la- $\dot{\text{š}}$ u-nu ú-ba-al ki-ri-iš-sú i-pa-al-ta a-aḥ-er-ti kaspi- $\dot{\text{š}}$ u-nu [i]-le-eḫ- $\dot{\text{q}}$ ú-ú «Ада... и Ададшеми, Ахаме, сыну... на хранение⁵⁰ доверили его. Поле он возделает, работу их понесет, налог заплатит и затем остаток⁵¹ серебром возьмут». Последнюю часть фразы можно понять в том смысле, что остальное пойдет либо на погашение долга, либо будет продаться за серебро. Однако и то и другое не мешает заключить, что в вышеупомянутой фразе документа № 273 речь идет о погашении долга или процента из дохода с поля. Если это так, то перед нами случай, когда кредитор пользовался залогом, а доход шел на покрытие либо долга,

⁴⁹ Восстанавливается на основании документа № 125.

⁵⁰ П. Кошакер (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 23) определяет, что речь идет о залоге.

⁵¹ Слово aḥertu значит «остаток» (W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, I, Wiesbaden, 1959, S. 20).

либо процентов. Поскольку там нет ни слова о проценте, то надо полагать, что доход покрывал долг.

Несколько противоречивым является документ № 345, из которого все же можно выделить клаузулы о погашении долга из хозяйства должника. Там, согласно договоренности сторон, предоставляется беспроцентная ссуда (šibta NU.TUK «процента не имеет»). Далее следует клаузула (стк. 6—10): a-di kaspat i-ip-pa-lu l-na ml-lm-ma šà l-šu ù alpē^{31.A} šēnē^{1.A} ù immēre^{31.A} ù makkur-šu šà ali^{kl} ù sēri^{kl} it-ti māre^{meš}-šu ¹¹Šamīš-še-mī a-pi-il «Пока серебром не удовлетворит, из всего того, что он имеет, крупного, мелкого скота и ослов и имущества, что (в) поселении и (в) степи, от ⁵² сыновей его Шамашшеми будет удовлетворен»⁵³. Шамашшеми является кредитором, сыновья же должника, согласно документу-договору, обязаны погасить долг до срока займа из дохода, полученного от хозяйства, скотом и т. п. Здесь, конечно, имущество должника не является залогом, он вовсе отсутствует, что характерно для беспроцентных займов, зато документ предусматривает погашение долга в течение времени от месяца шабата до месяца лалуби. Поскольку долг был краткосрочным, то кредитор, не рискуя совершенно лишиться своего серебра, записал в документ условие, предусматривающее возвращение займа сыновьями должника именно из их имущества. Отсюда можно сделать косвенный вывод, что доходы хозяйства должника покрывали долг. Фактически упомянутая клаузула уже давала кредитору право потребовать свой долг из указанного имущества, а в случае невыполнения обязательства сыновьями должника кредитор получал право на скот или на другое имущество должника вплоть до закабаления его сыновей. Это единственный случай, когда сыновья должника отвечают за долг.

⁵² Часто itti имеет значение «с», «вместе с», но в наших текстах оно почти всегда имеет значение «от», «у» — «у (от) такого-то N взял». Если даже переводить «вместе с сыновьями», смысл текста не очень меняется. Тогда эту фразу можно понять в том смысле, что должник за ссуду отвечает вместе со своими сыновьями, которые, вероятно, еще находились в составе его домашней общины.

⁵³ Шейль переводит соответствующую часть: «...во всем его имуществе вместе с его сыновьями Шамашшеми наследник». П. Кошакер (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 230), возражая против этого перевода, отмечает, что можно понять как «он должен платить».

Вообще Э. Кюк считал, что существовал вид залога, состоявший из земли, скота, от которых кредитор получал доход для покрытия долга в случае его неуплаты⁵⁴, т. е. залог с правом пользования. Как мы видели выше, действительно некоторые данные позволяют это утверждать. В связи с этим интересен и документ № 324, где говорится, что дом Аттакалшу является залогом. Здесь употреблен термин *тапзазāпи* «залог»⁵⁵. Это единственный случай, когда упомянутый термин встречается в документе, регистрирующем судебное дело. Он встречается еще в документах, относящихся к области купли-продажи в обороте *ul iptiru ul тапзазāпи*. Э. Кюк понимает эту фразу в том смысле, что не полагается никаких доплат⁵⁶, хотя раньше он полагал, что недвижимость ничем не обременена, ни правом выкупа в пользу продавца, ни залогом в пользу займодавца⁵⁷. Но здесь нет и речи о займодавце.

П. Кошакер дает следующее объяснение: уплаченная за это поле сумма не является ни выкупом, ни выкупом залога; это цена продаваемого участка⁵⁸. Последний вывод правилен, однако вызывает сомнение объяснение значения термина *тапзазāпи*. Нам кажется, что указанную фразу надо понимать дословно, т. е. продаваемый участок не является ни выкупом (со стороны покупателя), ни залогом (со стороны продавца). Исходя из этого можно сказать, что продавец в будущем не имел право выкупить проданное поле, ибо клаузула лишает его такого права⁵⁹. Если купчие предусматривают, что земля при закладе *тапзазāпи* передается второму лицу, то вопреки мнению Э. Кюка⁶⁰, толковавшего *тапзазāпи* как заклад недвижимости без ее передачи, тер-

⁵⁴ E. Cuq, *Les actes*; p. 68 sq.

⁵⁵ П. Кошакер (P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 106). на основании клаузул купчих считает *тапзазāпи* процентной антихрезой, но полагает, что при продаже должник имел право выкупа (*ibid.*, S. 108). Однако в купчих ясно подчеркивается, что продаваемое поле не является залогом, тем самым должник лишается права выкупа.

⁵⁶ E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 164.

⁵⁷ E. Cuq, *Les actes*, p. 60; ср. E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 166.

⁵⁸ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 109.

⁵⁹ Об этом подробно речь идет также в разделе «Купля-продажа».

⁶⁰ E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 162.

мин *manzazānu* обозначает залог с передачей недвижимости. В таком случае кредитор мог пользоваться этой землей для покрытия долга и процентов. В известных вавилонских и ассирийских документах этот термин отсутствует. Документам из Алалаха, относящимся к XV в. до н. э., такой термин известен⁶¹. В Алалахе данный термин часто указывает на залог личности. Однако в наших документах он встречается в одной и той же конструкции и относится к залогоу с правом пользования.

Итак, приведенные примеры из эламских документов в определенной степени подтверждают наличие антихрезы. Если при ипотеке и ручном залоге кредитор не имел права пользоваться заложенной вещью, то при антихрезе он это право получал. При этом, разумеется, возникало не право собственности кредитора на заложенное имущество, а лишь право пользования им для покрытия долга и процента.

Обзор эламских долговых документов показывает, что кредитно-долговые отношения развивались на местной почве, в основном вне зависимости от внешнего воздействия. Кредитно-долговые отношения в Эламе создавали норму взимания процента и различные виды залога, соответствующие общему уровню развития экономической жизни страны.

Таким образом, как явствует из документов, в Эламе этого времени широко был распространен заклад поля, дома, сада и имения. Однако в наших документах не встречается ни единого упоминания о том, чтобы должник закладывал свою семью или кого-либо из числа членов семьи. Следовательно, заклад личности не применялся. Между тем подобная практика заклада личности имела место в большинстве стран Передней Азии с начала второй половины II тысячелетия до н. э. Староассирийские документы содержат подобные сделки (ARU, 14 и 15). В Вавилонии она имела место позже, что отразилось в Законах Хаммураби. На основании аналогии из соседних Ассирии и Вавилонии можно было бы предположить существование заклада личности и в Эламе, но такое предположение было бы необоснованным по причине отсутствия в эламских документах какого-ли-

⁶¹ D. J. Wiseman, *The Alalakh Tablets*, London, 1953, 41, 43, 20, 22, 26 sq.

бо намека на это. По всей вероятности, в то время в Эламе еще не практиковался заклад личности или членов семьи должника, хотя, как увидим в разделе о купле-продаже, продавец за нарушение договора нес ответственность вместе со всеми членами семьи. Во всяком случае заклад личности не был распространен в таком масштабе, какой существовал в Ассирии и Вавилонии. Рано или поздно развитие кредитно-денежных отношений, влекущее за собой разорение и обеднение землевладельцев, должно было привести к аналогичному положению, существовавшему в Ассирии и Вавилонии, т. е. к закладу личности из-за отсутствия собственного имущества. Заклад дома и поля должен был знаменовать собой переход к закладу личности.

Развитие кредитно-денежных отношений должно было привести также и к выделению из общей массы населения рабовладельцев, нуждавшихся в рабском труде для обработки крупных земельных участков, сосредоточенных в их руках.

Мы видели, что при составлении документа о займе кредитор получал реальную гарантию исполнения должником взятого на себя обязательства. Сам факт выдачи займа регистрировался в присутствии свидетелей. В качестве свидетелей выступают не только те или иные лица, но и боги. Разумеется, последние не присутствовали при заключении сделки, а лишь упоминались в документе. Обычно упоминаются боги Шамаш и Иншусинак. Привлечение имен богов при оформлении сделки носит характер клятвенного подтверждения сделки. Иногда должник клянется «жизнью бога». Благодаря этому договор ставился под защиту религии. Религиозные институты — храмы — имели свои собственные законы или обычаи в области кредитного права.

Документы показывают, что существовали такие виды кредитного права, когда владелец денег бросает их в обращение, т. е. передает другому лицу под тем условием, что после истечения определенного срока стоимость денег, «во-первых, возвратится к своему исходному пункту, и, во-вторых, возвратится как реализованный капитал, реализовав свою потребительную стоимость, свою способность производить прибавочную стоимость»⁶², т. е.

⁶² К. Маркс, *Капитал*, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 356.

деньги, брошенные в обращение в данном случае в форме кредита, приносят прибыль, выраженную в процентах. Сюда же относится продовольственный кредит, который также имеет способность приносить прибыль.

Как было сказано, в качестве кредиторов документы отмечают храмы и отдельных землевладельцев. Как храм, так и частный землевладелец, отпускающие деньги займы, являются ростовщиками, вернее функционируют как ростовщики. Наряду с серебром, заменяющим деньги, то же самое лицо отдавало в кредит также продукты сельского хозяйства или взамен денег получало продукты.

К сожалению, малочисленность и стандартность документов не позволяют проследить процесс выделения или обогащения займодавцев. Лишь в некоторых случаях можно восстановить ход их дел. Как говорилось выше, в качестве кредитора нередко выступает храм; выдачу производит лицо, связанное с храмом. Несколько раз уже известный нам Танили как представитель храма бога Шамаша выдает займы ячмень (№ 179—180; 182—183). Во всех случаях, кроме одного (№ 180), дом или хозяйство должника оставляется в качестве залога. В каждом случае долг процентный и краткосрочный, погашается он из урожая.

Часто в качестве кредитора упоминается некий Алиэллату (№ 184—185; 187—189; 196—197), который наряду с зерном дает займы также и серебро. Серебро он дает под процент, составляющий $\frac{1}{3}$ сикля (№ 185); здесь залог отсутствует. В остальных случаях заем натуральный, причем под залог скота; лишь один раз залог состоит из дома, поля и сада (№ 189). В документе № 188 тот же кредитор отпускает в кредит ячмень, причем должник будет возвращать долг без процентов. Во всех случаях долг подлежит возврату из урожая. Алиэллату был, если исходить из данных документов, землевладельцем, у которого были большие запасы зерна. Он, видимо, имел документ-список, в котором регистрировались имена должников. Так, в документе № 197 отмечается, что должник «согласно большой таблице ячмень взял». Известно, что некий Нурия был должником Алиэллату (№ 184 : 3), а в одном из документов (№ 146 : 10), в котором, по-видимому, перечисляются имена должников, встречается имя того же Нурии, за которым

числится 1 гур 80 ка ячменя. Принадлежал ли этот список-документ Алиэллату, невозможно установить, однако, учитывая упоминание в рассматриваемой сделке имени Нурии и «большого документа», такое предположение можно допустить. Социальное положение Нурии устанавливается из других документов. Если в документе № 217 он и некий Набитнуршу являются покупателями поля, то в другом случае он же — совладелец продаваемого поля (№ 208), а в документе № 231 он продает сад. Несколько раз Нурия выступает в качестве свидетеля (№ 29 : 9, 103—14; 108 : 17; 115 : 17 и др.).

Однако из этих данных нельзя заключить, что Нурия был разорившимся земледельцем. В его владении находился еще земельный участок, но обстоятельства вынуждали его все же продавать кое-что из своего хозяйства.

Интересен случай с Варад-Амурру, который, будучи должником храма (№ 198), выступает в качестве кредитора в документе № 199; задолжав храму 2 гура ячменя и 10 сиклей серебра, он же отдает в займы 1 гур ячменя и все это серебро. Хотя в документе указывается, что долг не имеет процента, но ячмень будет возвращен пивом, а серебро зерном, согласно текущей цене, существовавшей в момент погашения долга, т. е. в период сбора урожая. В других документах Варад-Амурру выступает опять в качестве кредитора — то вместе с храмом (№ 271, 273), то один (№ 190, 272). Встречаются и другие лица, которые являются то кредиторами, то должниками: это Ададбани (№ 120 — кредитор; № 124 — должник), Шамашшеми (№ 30, 345 — кредитор; № 199 — должник), Апил-Ишум (№ 36, 39). К сожалению, документы малочисленны, и поэтому нельзя сделать далеко идущих выводов. Однако уже можно наблюдать выделение кредитора-рабовладельца из среды средних землевладельцев. Можно отметить двух более или менее часто встречающихся кредиторов (храм, Алиэллату), но не видно ни одного постоянного должника.

Люди типа Ададбани, Шамашшеми, Апил-Ишум то обогащались, то впадали в нужду, ибо они упомянуты в качестве как кредиторов, так и должников. Кроме того, эти люди могли занимать серебро в целях спекуляции. Во всяком случае это верно по отношению к Варад-Амурру, который, занимая у храма, ссуживал частным лицам.

Все сказанное дает основание предположить, что кредитно-денежные отношения еще не стали той силой, которая могла привести к окончательному изменению характера производства, хотя они для этого создавали предпосылки и в ряде случаев порождали причины обеднения населения.

Заем и заклад в I тысячелетии до н. э.

О долговых отношениях в I тысячелетии до н. э. свидетельствуют юридические документы, написанные на эламском языке и относящиеся к VII в. до н. э.⁶³

Краткое содержание этих документов таково. В документе № 301 речь идет о займе 10 сиклей серебра (стк. 1—4): 10 IM KU.BABBAR^{mes m} Um-ma-nu-ni. na^m Ri-ši-ki-tin-te-ir-ma hu-ma-iš-da ŠE.UD.ma «10 сиклей серебра от Уммануну Ришикитинтерма взял в день месяца аддара (февраль-март)». Свидетели перечислены поименно, и документ, подводя итог, отмечает [PAВ] 5 be-da gi-nu-ir «Всего пять свидетелей». Записано также имя писца. Больше нет никаких клаузул, нет обозначения залога, нет указания на процент и на срок погашения долга, но серебро занято в период сельскохозяйственных работ. Следовательно, если судить по ранним аналогиям, которые были рассмотрены выше, долг должен был погашаться в конце лета после сбора урожая. Содержание документа можно было бы объяснить иначе, а именно, что в данном случае долг не берется, а погашается. Однако этому мешает то обстоятельство, что кредитором является Уммануну, который известен как таковой и в других документах.

Этот же кредитор в документе № 302 выдает заем некоему Хумпанахли в сумме 1 мины в месяце аддар (февраль-март). Далее отмечается (стк. 4—5): ITU Ra-hal pit-te-na a-ah-te uk-ku-ri Ig maš-te-ma-p-ga «(В) месяце рахал в случае задержки⁶⁴ проценты на него должны расти». Это условие также обнаруживает сходство с частнопра-

⁶³ Об этом подробно см. Ю. Б. Юсифов, *Долговые документы из Суз (VII в. до н. э.)*, стр. 518—524.

⁶⁴ Глагол *ritu* вообще значит «держаться», «хватать» (см. W. Hinz, *Elamisches is-ma-lu*, S. 412); *pitte-na*, видимо, именное образование от этого глагола. Но можно перевести и так: «Если в месяце рахал он задержит (уплату), то...».

вовыми документами начала середины II тысячелетия до н. э.; если долг не уплачивается в срок, на него начинают добавлять проценты. Отсюда вытекает, что долг должен быть возвращен в месяце рахал (сентябрь), т. е. после сбора урожая. В этом же документе отмечается (стк. 12—14): ru-ug mHu-pan-a-ah-pl. na ha-gák-ka hal-mi e-da ha-gák «палец (?)» Хумпанахпи наложен и печатью его скреплено». Свидетелей трое.

В документе № 303 тот же кредитор тому же должнику выдает золото под проценты. На оболочке документа написано: 5 IM GUŠKIN^{meš} tur-pl GUŠKIN^{meš} [Um]-ma-nu-ni. na m[Hu-pan-a]-ah-pl KÙ.BABBAR^{meš} [a-ah-da]-a hu-ma-[iš-da] «5 сиклей золота; документ (о выплате) золота от Уммануну Хумпанахпи (с выплатой) процента серебром взял». Вероятно, оболочка с надписью была сделана после расчета с кредитором, поскольку содержание оболочки противоречит содержанию документа.

В приведенной фразе отмечается, что был взят именно документ о золоте, а не какой-либо иной заем, причем интересно, что проценты выплачиваются серебром. Дальше в тексте речь идет о 6 сиклях золота, тогда как в данном случае записано 5 сиклей. Но это, скорее, можно приписать ошибке писца, который вместо 6 сиклей написал 5.

Что касается внутреннего текста, то в нем мы читаем (стк. 1—9): 6 IM GUŠKIN^{meš} mUm-ma-nu-ni. na mHu-pan-a-ah-pl 1 MA.NA KÙ.BABBAR^{meš} a-ah-da-a hu-ma-iš-da ITU AŠ.UD.ma am-ri қа-su-ka in-ri hu-ut-tan-га ITU ŠE.UD.ma KÙ.BABBAR^{meš} a-ah-te uk-ku-ri ir maš-te-tan-га «6 сиклей золота от Уммануну Хумпанахпи (с выплатой) 1 мины серебра процента взял в день месяца шабата (январь). Если он платеж не произведет в месяце аддаре, то процент в серебре на него должен расти». Из этого вытекает, что заем был краткосрочным и фактически в течение одного месяца должен был быть погашен. Этот долг действительно был погашен, если исходить из надписи на оболочке документа. Но был

⁶⁵ По аналогии с аккадско-эламскими текстами можно переводить также «печать». Но скорее это отпечаток пальца, поскольку тот же документ скрепляется еще и печатью.

ли он погашен в срок, мы не знаем. Однако если бы кредитор был удовлетворен в срок, то, видимо, не было бы нужды в повторной регистрации факта погашения долга, что отразилось на оболочке документа. Вероятно, долг был просрочен; этого можно было ожидать, так как срок уплаты долга не превышал одного месяца, да и сам месяц аддар не был тем временем, когда обычно производился расчет с кредиторами. Видимо, кредитор предоставлял заем с явным расчетом, что должник не рассчитается с ним вовремя и долг наберет проценты. Это предположение подтверждается тем, что на оболочке документа отсутствует указание на размер процента⁶⁶.

В документе № 304 речь идет, вероятно, о продаже быка с последующей уплатой долга. Текст гласит: $\frac{1}{2}$ G Š 2 IM KÜ.BABZAR^{meš} hu-lam GUD^{meš}.na m.(?)-ri-en-be-iš.na mNa-ar-a-ah-pi ha-te a-ah hu-ud-da-pa-ri-ša mŠu-tur-Hu-pa-n i du-nu-iš-da ITU AP.N am-ri ka-s[u-ka] KÜ.BABBAR^{meš} m(?)-ri-en-be-iš in-ni ir du-un-ra KÜ.BABBAR^{meš} ha-te pi-r a-ah-te a-raš máš-te-man-ra hal-mu mNa-ar-a-ah-pi.na ha-rák. Текст вообще трудно поддается объяснению, хотя мы еще раньше пытались перевести его⁶⁷. В настоящее время этому документу, видимо, можно дать следующий перевод: « $\frac{1}{2}$ мины и 2 сикля серебра — цена (?)⁶⁸ быка, (которого) от Ирибеша Напахпи (в качестве) долга⁶⁹ сюда пригнал (?)⁷⁰, (который) Шутур-Хумпан дал. Если в месяце арахсамне (октябрь) платеж серебром Ирибешу он не даст, то на серебро как на долг проценты... должны расти. Печатью Напахпи скреплено». Здесь, судя по переводу, покупателем быка является Шутур-Хумпан, а Напахпи является как

⁶⁶ Мы раньше предполагали, что долг не был уплачен полностью и Хумпанахпи занимал дополнительную сумму денег (см. Ю. Б. Юсифов, *Долговые документы из Суз (VII в. до н. э.)*, стр. 520), однако это толкование, основанное на данных документов № 302—303, теперь теряет силу.

⁶⁷ См. там же, стр. 524.

⁶⁸ Можно дать также значение «голова».

⁶⁹ Вероятно, слово *hate* можно понять в таком значении, поскольку ниже на *hate* должны набавляться проценты.

⁷⁰ *hu ud-da-pa-ri-ša*, видимо, сложный глагол, состоящий из *hutta-* «делать» и *pa-ri-* «приходить». Поэтому его можно понять в смысле «пригнать», тем более что дальше бык, вероятно, передается третьему лицу.

бы посредником, но ответственным за сделку, поскольку имено его печатью скрепляется документ. Речь идет о быке, который был продан в кредит с последующей уплатой долга. Если же продавец быка не получит серебро, то оно зачитывается как долг и на него добавляются проценты. Отсюда вытекает, что покупатель фактически выступает в качестве должника, поскольку бык был передан в кредит. Невыполнение условий договора не означало, что продавец должен был забрать своего быка, а означало, что покупатель не вернул долг. Возвращение серебра предусматривается осенью.

Документ № 305 представляет интерес тем, что там за серебро отдается человек, вероятно раб, по имени Ахри. Текст местами разрушен, но начальная фраза сохранилась, и она сходна с началом документа № 304. Строки 1—4 гласят: [...] KU.BABBARmeš hu-lam mA-ah-ri-na [m]Um-ma-ni-ni-na-a ašAr-ra-la-a-a.n[a] mDa-ti-ka-rag Nar-pa-te-na [hu-ma]-iš-da «...мины⁷¹ серебра — цена (?) (раба) Ахри, (которого) от Умма иуну-аппалайца Датикапар (и) Напнатеиа взял». Поскольку начальная фраза совпадает с аналогичной частью документа № 304, то можно полагать, что и в этом случае речь идет о продаже в кредит с последующей уплатой, но только с той разницей, что в документе № 305 продается раб.⁷² Дальнейшие строки разбиты, но, видимо, там речь идет о том, что в случае просрочки уплаты серебра проценты увеличатся на 2 сикля.

В документе № 306, вероятно, идет спор о 5 сиклях серебра, а в документе № 307 говорится о шерсти 48 баранов, которая, видимо, засчитывается в счет погашения долга с процентами⁷³.

Вообще текст № 306 не вполне ясен. По-видимому, это протокол судебного разбирательства. Общий смысл, как кажется, сводится к следующему: Кунарамика, вероятно, отказывается признать свой долг Кар-Наххун-

⁷¹ В. Шейль по аналогии с документом № 304 восстанавливает [1/2 GIS], но может ли цена быка соответствовать цене раба — сомнительно.

⁷² См. Ю. Б. Юсифов, *Долговые документы из Суз*, стр. 524. Конечно, передается сам раб, а не его стоимость, как было заключено нами раньше (там же, стр. 520).

⁷³ Об этих документах см. Ю. Б. Юсифов, *Долговые документы из Суз*, стр. 520, 524.

ти. По этому поводу составлено свидетельское показание Ипшена, внук которого был свидетелем, когда Кунара-мика получил 5 сиклей, превратившиеся с того времени в 10 сиклей в результате нарастания процентов. Дальше перечисляются еще три свидетеля, таблетку написал Хумпан-дунуш, а печать приложил один из свидетелей.

Таким образом, мы видим, что эламские документы кредитно-долгового характера VII в. до н. э. не датировались, как и документы более раннего периода. В них отсутствует указание на размер процента, кроме одного случая, когда заем, выраженный в золоте, должен был быть возвращен с процентами, составлявшими 1 мину серебра (№ 303). Если же должник не уплачивал долг к определенному сроку, то на выданную сумму набавлялись проценты. Судя по некоторым документам [№ 301, 302, 304, 305 (?), 306], долг с самого начала заключения сделки мог быть беспроцентным. Но этот долг, кроме одного случая (№ 301), должен был набирать проценты, если он не был уплачен к сроку, установленному в документе. Если же должник уклонялся от уплаты долга, набравшего большой процент, то это дело рассматривалось перед свидетелями (№ 306). В этих документах некий Уммануну трижды упомянут как кредитор. В одном случае он отчуждает деньги — серебро, состоящее из 10 сиклей (№ 301), причем нет никакого указания, что серебро должно быть возвращено. То, что это не безвозмездная отдача, показывает наличие свидетелей, да и притом не было бы необходимости в составлении документа. Поэтому надо полагать, что долг в конечном итоге должен был возвращаться кредитору, вероятно, даже с процентами. Проценты, может быть, были включены в состав займа. К этой мысли нас склоняет то обстоятельство, что в двух других документах (№ 302—303) Уммануну-кредитор получает проценты после истечения срока займа. Это, возможно, говорит о том, что до срока уплаты займа долг включал также проценты, поэтому при неуплате его вовремя на него опять набавлялся процент.

Это особенно наглядно доказывается документом № 303, в котором с самого начала долг процентный, причем размер процента составляет 1 мину. Следовательно, должник к установленному сроку был обязан рассчитать-

ся с кредитором, уплатив долг и 1 мину процента. Но почему же в этом случае размер процента указан, а в других случаях подобное указание отсутствует? На этот вопрос дает ответ сам документ. Дело в том, что предоставляется взаймы золото, а проценты взимаются не золотом, а серебром и поэтому заранее был определен размер процента. И этот долг с процентами в случае неуплаты в срок набирал еще проценты. Все это приводит к заключению, что с самого начала предоставления займа долг включал проценты, а при неуплате к сроку проценты возрастали. Но и вторичный размер процента не указывается⁷⁴.

Отсутствие указания на размер процентов объясняется, надо полагать, тем, что в Эламе этого времени, вероятно, существовал единый тариф взимания процентов. Этот тариф мог быть установлен храмом, царем или основан на обычае, что прослеживается в документах II тысячелетия. Там, где нет указания на проценты, по-видимому, имеется в виду обычная норма взимания процентов. Однако в документах отсутствует также гарантия возвращения долга.

Два документа (№ 304—305) из числа названных можно, пожалуй, отнести к числу купчих, поскольку в них фактически речь идет о продаже в кредит с последующей уплатой. Здесь мы впервые для Элама сталкиваемся с фактом продажи раба. Примечательно, что среди этого ничтожного количества документов один посвящен отчуждению раба, что может свидетельствовать о наличии в семьях рабов.

Документы как II, так и I тысячелетия в большинстве случаев указывают время предоставления кредита и возвращения долга. Этот срок обычно составляет период от осени или начала весны, т. е. времени сева, до конца уборочных работ. Земледелец именно в период обработки поля и сева нуждался в деньгах или зерне, ибо для посева необходимо было приобрести семена.

⁷⁴ По документам нововавилонского и ахеменидского времени взимался ежемесячно 1 сикль процента за 1 мину (см. Н. Petschow, *Neubabylonisches Pfandrecht*, Berlin, 1956, S. 158—161; в этой работе подробно рассматривается закладное право нововавилонского периода). При таком взимании годовой процент — 20, но встречается и 5, 10, до 60 (см. Н. Petschow, *Neubabylonisches Pfandrecht*, S. 20, Anm. 43 a). Должник оставлял залог (*ibid.*, S. 71 sq.).

Однако, как мы видели выше, документы II тысячелетия наряду с выдачей в кредит денег отмечали и выдачу ячменя, в документах же VII в. до н. э. такое положение отсутствует. Конечно, это не значит, что в этот период не имела место выдача ячменя в кредит; она могла иметь место в незначительных масштабах, да и ячмень, вероятно, при возвращении заменялся деньгами. Это вытекает из общего содержания документов. Документы VII в. во всяком случае показывают развитие денежного хозяйства. Кроме того, сопоставление документов II и I тысячелетий позволяет предположить другое, а именно: если раньше кредитор выступал в роли как землевладельца, так и ростовщика, поскольку для того периода было характерно натуральное хозяйство, то в VII в. между землевладельцем и ростовщиком возникает более отчетливое различие. Ростовщик сосредоточивает в своих руках денежные богатства и ссужает их под проценты. Следовательно, ростовщический капитал сосредоточивался в немногих руках. Согласно документам, таким ростовщиком является, например, Уммануну. Поэтому не случайно, что в трех документах из семи именно он является кредитором, между тем как остальные четыре документа непосредственно не связываются с займом. Таким образом, кредитор получает деньги плюс проценты, т. е. деньги отчуждаются для того, чтобы они принесли доход, прибыль. Однако «характерные формы, в которых ростовщический капитал существует во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, двояки... во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, но в особенности крестьянин»⁷⁵.

Для Элама характерен главным образом второй вид ростовщичества, когда деньги ссужались мелким производителям и земельным собственникам. Этому способствует концентрация денежного — только денежного — богатства в немногих руках. Это происходит постепенно, и в I тысячелетии, возможно, ростовщичество играет ос-

⁷⁵ К. Маркс, *Капитал*, т. III, стр. 608.

новную роль в финансировании земельных собственников и мелких производителей.

Как явствует из документов как II, так и I тысячелетий, ростовщичество в Эламе не было развито в такой степени, как в Ассирии и Вавилонии, хотя и там господствующим было натуральное хозяйство. Но в этих странах разорение свободного населения, превращение их в рабов началось очень рано. Наши документы показывают, что разорение землевладельцев и долговое рабство как массовое и частое явление еще не было характерно для Элама, хотя симптомы его можно наблюдать в документе № 303, где долг должен погашаться в течение двух месяцев, и то в период посева. Кредитор явно делал ставку на то, что должник не сумеет вовремя уплатить долг и попадет в долговую кабалу. Вероятно, Элам мог устоять и успешно бороться против таких держав, как Ассирия и Вавилония, именно благодаря сохранению в стране большого количества свободного населения.

Аренда

Частноправовые документы II тысячелетия до н. э. повествуют также об аренде недвижимости — поля, дома и сада⁷⁶. Сама аренда, как можно видеть из документов, имела различные формы. В одних случаях арендатор был обязан поделить урожай с владельцем земли поровну. В других случаях о дележе урожая ничего не говорится, но владелец земли при заключении сделки получает от арендатора определенную плату за пользование его полем. Для того чтобы получить ясное представление об этих формах аренды, необходимо говорить о них раздельно.

Первый вид аренды (*ezib tabal*). Этот вид аренды в сделках помимо прочих условий сопровождается определенным выражением *ezib tabal*. И дословное значение, и специальный технический смысл его до сих пор вызывают различные толкования. Еще В. Шейль это выражение переводил: «собери урожай и унеси»⁷⁷. Поч-

⁷⁶ MDP, XXII, № 84—113, 125—129; XXIII, № 241—269; XXIV, № 368—372.

⁷⁷ «recolte, emporte» — MDP, XXII, p. 100.

ти так же понимал его Э. Кюк⁷⁸. Однако эти переводы не вполне точно отражают значение данного выражения, в крайнем случае передают приблизительный его смысл. П. Кошакер, впервые начавший изучение этой сделки, формулу *ezib tabal* также стал переводить «собери, унеси»⁷⁹, но при этом он отмечал затруднения, связанные с установлением глагола *esēru*⁸⁰. По-видимому, отсюда и началось чтение *esir* вместо *ezib*, хотя Шейль давал последнее чтение. Однако, как увидим ниже, именно при последнем чтении сделка с упомянутой формулой получает правильное осмысление.

Издавая эти документы, Шейль поместил их под рубрикой «аренда». Однако П. Кошакер, когда появились первые публикации документов с формулой *ezib tabal*⁸¹, под этим выражением стал понимать заклад земельного участка⁸². Основанием для него служило то обстоятельство, что арендная плата при сделке с формулой *ezib tabal* вносится заранее. Кошакер считал невыносимыми такие условия, при которых арендатор мог бы платить всю арендную плату деньгами до начала сезона, тем более во времена, когда господствовало натуральное хозяйство. Арендатор, как отмечает П. Кошакер, нормально может покрывать арендную плату лишь с урожая, т. е. в конце арендного периода⁸³. Однако эти доводы П. Кошакаера покоятся на шатком фундаменте. Арендатор, как известно из старовавилонских контрактов⁸⁴, вносил плату серебром за арендованное поле заранее, во время заключения договора. Об этом возможном возражении упоминает сам П. Кошакер, но отрицает его реальность указанием на то, что в старовавилонский период господствовало натуральное хозяйство. Но

⁷⁸ E. Cuyq, *Le droit élamite*, p. 176 — «собери урожай и возьми» (*recolte et prends!*).

⁷⁹ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 92.

⁸⁰ Кошакер связывал этот глагол с древнееврейским \sqrt{sp} «снимать урожай, пожинать» (*ibid.*, S. 92).

⁸¹ MDP, XXII. Документы, опубликованные в последующих томах, он не смог учесть.

⁸² P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurapi's Gesetz*, VI, № 1491, S. 32; P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 90 sq., 106, 108 sq.

⁸³ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 92 sq.

⁸⁴ Об этом говорят также сам П. Кошакер (*ibid.*, S. 93), ср. «Mémoires de L'Institut Français d'Archéologique Orient de Caire», I, 1902, p. 132 sq.

для Элама Кошакер упускает из виду то, что обычно аренда по типу *ezib tabal* осуществлялась наиболее богатой верхушкой землевладельцев. Это ясно прослеживается по документам. Да и наличие натурального хозяйства вовсе не является показателем имущественного состояния арендатора; последний как профессиональный арендатор мог уплачивать деньги за арендуемое поле и заранее в начале сельскохозяйственного сезона⁸⁵. Для владельца земли это было выгоднее, чем давать займы деньги, возврат которых для кредитора ничем не был гарантирован. При этой сделке он получал арендную плату заранее и дальнейшая судьба урожая его не интересовала. Если же арендатор заключал подобную сделку, значит, он был уверен в выгоде, которую должен был получить после возделывания земли. Поэтому вряд ли под формулой *ezib tabal* можно подразумевать заклад недвижимости. Заклад недвижимости, как мы выше видели, оформляется иначе. Конечно, при определении сделки с формулой *ezib tabal* П. Кошакер не исходил из общего состояния общества, рисуемого сузскими документами. Отправным пунктом для него служил соответствующий параграф Законов Хаммураби⁸⁶, где один раз встречается выражение *ezib tabal*.

Однако нельзя ли найти сделку с упомянутой формулой в соседних странах? К сожалению, подобная сделка не засвидетельствована для других стран. Она чужда даже самой Вавилонии⁸⁷, несмотря на то что она

⁸⁵ До недавнего времени в Закавказье земледелец, сдавая в аренду свою землю, плату получал заранее, а арендатор забирал весь урожай.

⁸⁶ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 95 sq. Согласно П. Кошакеру, кредитор дает капитал и получает чистый предмет без личного обязательства должника об обратном платеже, т. е. получает земельный участок по формуле «собери и присваивай себе» (*ibid.*, S. 93). Однако эти рассуждения П. Кошакера не основаны на разборе документов. Он считает, что Законы Хаммураби дают полное подтверждение его мнения.

⁸⁷ Впервые формула *ezib tabal* встретилась в двух фрагментарных документах, которые были опубликованы в кн.: Kohler, Koschaker, Ungnad, *Hamurabi's Gesetz*, IV, № 1042; VI, № 1491. Но они относились не к Вавилонии, а к Эламу. В серии *apa ittišu* встречается арендная формула *apa esipi (ezēbi)*, что подтвердило бы наше мнение о характере этой сделки, но П. Кошакер отклоняет всякую мысль, что *apa ezēbi* может иметь что-либо общее со сделкой *ezib tabal* (P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 91, Anm. 3). Но и без этого подтверждения значение термина ясно.

фигурирует в Законах Хаммураби. Но и там объяснение этого термина, его юридического содержания и практического назначения наталкивается на ряд трудностей. Речь идет о § 49 Законов Хаммураби. Для наглядности приведем текст в переводе полностью⁸⁸. «Если человек взял серебро у тамкара и отдал ему поле для возделывания ячменя или сезама, говоря ему „возделай поле, ячмень или сезам, который будет, собери (!)⁸⁹ и унеси (ezib tabal)“, и если земледелец (ergēšum)⁹⁰ вырастит на поле ячмень или сезам, (то) при жатве ячмень или сезам, который будет на поле, только владелец поля должен взять, и ячмень за серебро и проценты его, которые он у тамкара взял, и издержки (по) возделыванию (māpaḥāt erēšim) тамкару должен отдать».

Этот отрывок из Законов Хаммураби дает кое-какое представление о применении сделки ezib tabal в условиях Вавилонии, но совершенно не объясняет ее и, более того, не позволяет без оговорок применить ее к условиям Суз. Однако сам П. Кошакер не довольствовался лишь этим параграфом, поскольку этот отрывок сам по себе допускает различные толкования, и привлек для подтверждения своего мнения другие параграфы Законов Хаммураби, где действительно речь идет о долговых отношениях⁹¹.

Следуя за П. Кошакером, по тому же пути пошли Драйвер и Майлз, которые, понимая соответствующую формулу как «накопи (и) вычти»⁹², видят смысл выражения в том, что кредитору следует занять поле должника и взять зерно для возмещения долга после выращивания урожая⁹³. В конце концов Г. Драйвер и Дж. Майлз приходят к выводу, что сделка с формулой

⁸⁸ G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, II, p. 28.

⁸⁹ Приведен принятый перевод. О нашем толковании речь пойдет ниже.

⁹⁰ Под этим термином подразумевается земледелец, как правило, арендатор.

⁹¹ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 95 sq.

⁹² G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, p. 145 sq.; И. М. Дьяконов переводит «собери и возьми (себе)» (ВДИ, 1952, № 3, стр. 333), почти также переводит Л. А. Липин — «собери и за-бери» («Хрестоматия по истории древнего Востока», М., 1963, стр. 202) и Р. Хаазе (R. Haase, *Die keilschriftlichen Rechtssammlungen in deutscher Übersetzung*, Wiesbaden, 1963, S. 30).

⁹³ G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 146.

ezib⁹⁴ tabal заключается в погашении предшествующего долга кредитору и что до заключения этой сделки, которая ими рассматривается как второй договор о займе, имелся и первый договор⁹⁵. Однако вряд ли из данного отрывка можно сделать вывод о существовании еще какого-то первого договора. В тексте ясно говорится: «Если человек взял серебро у тамкара и отдал ему поле для возделывания ячменя или сезама...». Здесь можно видеть лишь один акт, а именно: берутся деньги и передается земля, так что не может быть и речи о существовании какого-то первого договора. Да и является ли сделка ezib tabal как таковая залогом (Verpfändung), как полагал П. Кошакер⁹⁶? Еще Сан-Николо документы с формулой ezib tabal, правда переводя ее «собери (и) забери (плоды земли)», и соответствующую форму из § 49 Законов Хаммураби называл арендной антихрезой (Pachtantichrese)⁹⁷.

Близкое ознакомление с сузскими документами и соответствующим параграфом Законов Хаммураби обнаруживает несостоятельность мнения П. Кошакера в целом. Он приводит § 50 и § 66 Законов Хаммураби как пример и считает, что и там речь идет о кредитной сделке с залогом⁹⁸. Так, выражение ana kaspika tabal «за твое серебро (плоды) унеси» из § 66, где вообще речь идет о возмещении долга плодами финиковых пальм, П. Кошакер считает залогом, хотя здесь мы имеем дело лишь с оплатой долга. Тот факт, что получателем земли в § 49 является сам тамкар, ни о чем не говорит. Это лишь показывает, что он выступает как в роли арендатора, так и кредитора. А в § 50 речь идет о том, что должник имеет право сам взять урожай с возделанного поля и лишь затем должен отдать тамкару свой долг и проценты с него. § 51 дополняет, что если у него нет

⁹⁴ Драйвер и Майлз читают так же и возводят к глаголу esêru «накоплять», «прибавлять», «собирать». Ср. также «The Assyrian Dictionary», E. Chicago, 1958, p. 330; W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, 3, 1960, S. 249.

⁹⁵ G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 150.

⁹⁶ P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, VI, S. 32; P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 90 sq. И Клима (J. Klima, *Le droit élamite*, p. 304 sq.) даже не упоминает об этом мнении П. Кошакера, хотя сам не выдвигает никаких предположений.

⁹⁷ M. San Nicolò, *Beiträge zur Rechtsgeschichte im Bereiche der keilschriftlichen Rechtsquellen*, Oslo, 1931, S. 247, Anm. 1.

⁹⁸ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 96 sq.

серебра, то он может отдать тамкару хлеб на сумму серебра и процентов. В этих случаях речь действительно идет о долговой сделке, но все же не о закладе.

Далее П. Кошакер указывает, что в законе (§ 49) отсутствует всякий намек на то, что издатель закона мог знать сделку *ezib tabal* как формулу аренды⁹⁹ и что своим законом он необдуманно создавал для должника прямо-таки искушение спекулировать урожаем¹⁰⁰. Однако все эти высказывания ничем не подтверждаются. Параграф 49 помещен там, где совершается переход от условий арендных к заемным. И поэтому нет ничего неожиданного в том, что там упоминается формула, которая характерна для арендных сделок.

Как видно из § 49, сделка с формулой *ezib tabal* могла применяться также при заключении долговых контрактов, что вовсе не позволяет еще видеть в *ezib tabal* заклад недвижимости. Еще раз вернемся к содержанию § 49: «Если человек взял серебро у тамкара и отдал ему поле для возделывания ячменя и сезама...». Естественно, в данном случае речь идет о займе, который получает будущий должник от тамкара. Заем не всегда предполагал залог. И поэтому здесь поле не является залогом, а служит источником дохода, из которого можно покрыть долг и проценты. Это особенно подтверждается § 50: «Если он отдал возделанное поле... (то) находящийся на поле хлеб или кунжут должен взять только хозяин поля и должен вернуть тамкару серебро и проценты его». Вряд ли в этом параграфе, который органически связан с предыдущим (§ 49), речь может идти о закладе; наоборот, урожай передается тамкару в погашение долга. Казалось бы, именно в этом параграфе (§ 50) должна была применяться формула *ezib tabal*, поскольку речь идет о передаче тамкару урожая, но ее здесь нет. Да и законодателю было безразлично, по какой сделке совершалась эта договоренность. Однако сделка с формулой *ezib tabal* больше всего подходила к этому случаю, так как при ее заключении арендная плата вносилась заранее, а урожай целиком принадлежал арендатору.

Законы Хаммураби показывают, что в отдельных случаях сделка с формулой *ezib tabal* фактически приме-

⁹⁹ Ibid., S. 96.

¹⁰⁰ Ibid., S. 97.

нялась для покрытия долга и процентов, но вряд ли сам по себе договор *ezib tabal*, как правило, был результатом отношений, возникавших между должником и кредитором. Ведь с таким же успехом можно причислить к разряду закладных сделок договоры о купле-продаже, поскольку земля могла быть продана кредитору, если должник не выплачивал взятую сумму в срок, да и эта земля впоследствии могла быть выкуплена. В данном случае Хаммураби выступает не столько против ипотеки, когда земля должна была обрабатываться самим должником, сколько против невыносимых условий антихрезы.

Для выплаты долга и процентов без применения труда должника как нельзя лучше подходил арендный договор *ezib tabal*. Об этом говорит также продолжение § 49: «...возделай поле, ячмень или сезам, который будет, *ezib* и унеси, и если *ergēšum* вырастит на поле ячмень или сезам, который должен быть на поле, то владелец поля должен взять...». Этот отрывок совершенно ясно показывает, что арендное условие присовокуплено к долговой сделке, а выражение *ezib tabal* находится именно в этой части параграфа. Кто такой *ergēšum*? Во всяком случае он не кредитор, но, возможно, его представитель, а судя по Законам Хаммураби, *ergēšum* всегда является арендатором¹⁰¹. Следовательно, сделка с условием *ezib tabal* прежде всего присуща договору, который заключался между арендатором и владельцем земли. Таким образом, то обстоятельство, что урожай шел на покрытие долга арендатору, является привходящим. Для кредитора-арендатора важно, что он получил свое серебро — в виде ли долга, который ликвидировался к концу сельскохозяйственного сезона, или в виде арендной платы. Кроме того, этот отрывок показывает, что весь урожай для расчета должен был переходить к владельцу земли¹⁰². Хаммураби, как видно, понимал *ezib tabal*

¹⁰¹ П. Кошакер (*ibid.*, S. 97) также различал арендатора и кредитора. И. М. Дьяконов склонялся к тому, что *ergēšum* был лицом, получившим землю в аренду (см. ВДИ, 1952, № 3, стр. 233, прим. 14); ср. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 146.

¹⁰² Фактически и П. Кошакер (P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 97) согласен с тем, что когда издатель закона передает продажу урожая в руки должника (следовательно, практически лишает кредитора права на залог), то это говорит о недоверии к тамкару. Однако опровергать факт, что залога не было, ссылкой на антипатию к тамкару — невозможно.

именно как арендную формулу. Но соответствующий параграф дает возможность судить также о другой стороне этого условия, а именно, что условие *ezib tabal* применялось также как форма выплаты долга и процентов кредитору, участвующему в обработке поля.

Содержание сузских частноправовых документов совершенно ясно показывает, что условие *ezib tabal* было характерно для арендных сделок; в ряде случаев посредством его мог быть погашен долг владельца земли, но это вовсе не значит, что уже сама формула *ezib tabal* предполагает заклад земли. Это заманчивое и вместе с тем обманчивое предположение возникает оттого, что условие *ezib tabal*, предполагающее выплату арендной платы заранее, не принимается в расчет и толкуется лишь исходя из § 49 Законов Хаммураби, который рассматривает лишь один определенный случай применения формулы *ezib tabal*. В конце концов мы приходим к тому определению, которое дал условию *ezib tabal* Сан-Николо, видевший в нем арендную антихрезу, что предполагает внесение арендной платы в начале сельскохозяйственного сезона. По характеру самой сделки не важно, был ли арендатор кредитором, а важно то, что владелец земли получал арендную плату заранее и дальнейшая судьба урожая должна была беспокоить самого арендатора. Посмотрим, что же говорят сузские частноправовые документы о сделке с формулой *ezib tabal*?

Для наглядности приведем текст документа № 110 (стк. 1—11): *eklam 1 GUR zēr-šu palī IGI.URU.KI i-ki a-tar TI Du-ul-lu-ki itā Kak-ki itti Ilu-ba-ni m.n-gi-lu-lu ú-še-ši a-na e-zi-ib ta-ba-al 3 šiqli kaspam arah hu-ul-tu-pi šā palī GAL kaspam iš-ku-ul šā ib-ba-la-ka-tu 20 GUR še-am imadda1 eklum ib-ba-ḡar-ma i-na palī 3KAM sikkatu maḡ-[ša-at]*. Форма *ušeši*, как общее правило, передает значение «арендовал»¹⁰³ и восходит к глаголу *šūšū* «вывести наружу». Отсюда само по себе вытекает, что условие *ezib tabal* предполагает не залог, а аренду.

Что касается значения формулы *ezib tabal*, то составляющие ее формы, естественно, восходят к глаголам *ezēbu* «оставлять» и *wabālu//tabālu* «нести», «унести». Выше мы привели толкования других исследователей, которые первую форму возводили к глаголу *esēru* «со-

¹⁰³ Ср. F. R. Kraus, *Ein Edikt des Königs Ammišaduqa*, S. 204.

бирать». Однако подобное значение не совсем точно учитывает характер самого условия и даже противоречит ему, если согласиться, что речь идет о залоге. Сама формула должна была отражать в себе дальнейшую судьбу не только урожая, но и земли. Видимо, поэтому-то Хаммураби добавлял (§ 52): «Если арендатор (еггёшум) не вырастил на поле хлеба или сезама, (то) он не должен изменять свой договор»¹⁰⁴. Отсюда вытекает, что предполагаемый кредитор-арендатор в последней фразе является субъектом и не может иметь к должнику никаких требований и претензий¹⁰⁵. Именно этот параграф совершенно опровергает мнение, что формула *ezib tabal* была залоговым условием даже в § 49, поскольку договор о пользовании землей после истечения одного сельскохозяйственного срока теряет свою силу. Следовательно, земля должна была быть возвращена, несмотря на то, снял ли арендатор (в Законах Хаммураби — кредитор) урожай или нет¹⁰⁶, т. е. получил ли он удовлетворение по долговому обязательству или нет. Следовательно, как и сузские документы, § 49 предполагает возврат земли после истечения сезона¹⁰⁷. Это и отражено в самой формуле. Учитывая сказанное и содержание документа, формулу *ezib tabal* можно переводить «оставь (и) унеси». Но к чему относится это понятие и как нужно толковать его? Поскольку речь идет об аренде земли и собранном после ее возделывания урожае, то данное понятие должно было отражать оба явления. Результат сделки должен быть таким: после урожая «оставь» землю и «унеси» хлеб. Именно к такому заключению приводит содержание документа, поскольку владелец земли получает свою долю заранее в виде арендной платы,

¹⁰⁴ О толковании этого параграфа см. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 148 sq.; P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 98.

¹⁰⁵ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 98; ср. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 149.

¹⁰⁶ П. Кошакер же объясняет так: может быть, кредитор вторично предъявляет нуждающемуся в деньгах должнику дальнейший кредит с условием, что он заложит ему опять определенный участок для возмещения также прежнего долга (P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 98). Но § 52 об это ничего не говорит и опровергает это мнение. К тому же выводу приводят сузские документы.

¹⁰⁷ Сам П. Кошакер признает, что после завершения хозяйственного периода земля возвращается к владельцу (*ibid.*, S. 108).

дальнейшая же судьба урожая его не беспокоит, но он заинтересован в том, чтобы земля по истечению данного арендного срока была оставлена ему. На это намекает также § 52 Законов Хаммураби.

Исходя из сказанного, упомянутый выше отрывок следует перевести: «Поле в 1 гур площадью, в районе перед поселением (около) большого канала (и) канала перед Дуллуки по соседству с Какку, у Илубани Ингилу арендовал (согласно условию) „оставь (и) унеси“ за 3 сикля серебра; в месяце хультупи в большом районе серебро заплатил; кто нарушит (условие), (тот) 20 гур ячменя отмерит; (если) поле будет потребовано (по суду), то в третьем районе колышек будет забит».

Необходимо разобраться в самих условиях договора. Первое, что может привлечь внимание, — это то, что за нарушение договора взимается штраф в натуре в размере 20 гур ячменя¹⁰⁸. Эта клаузула направлена скорее против арендатора, нежели против хозяина поля. В этой связи представляет интерес §42 Законов Хаммураби, в котором говорится: «Если человек арендовал поле для возделывания и не вырастил на нем хлеба, (то) его должно изобличить в том, что он не делал (никакой) работы в поле, и он должен отдать хозяину поля хлеб, как его соседи»¹⁰⁹. Однако это условие не относится и не может относиться к сделке *ezib tabal*, поскольку при последней судьба урожая не должна была интересовать владельца земли. Хотя условие в нашем документе, логически, может защищать обе стороны, фактически оно в первую очередь защищает владельца земли и имеет в виду ответственность прежде всего самого арендатора,

¹⁰⁸ Вообще размер штрафа в натуре не постоянен. Он колеблется от 2 до 30 гур (№ 90—95, 98, 100, 102 и т. д.). В одном случае предусматривается взимание штрафа в размере 200 гур (№ 101), но там арендуется поле с большой посевной площадью, составляющей 10 гур. Видимо, размер штрафа зависел от величины площади арендуемых полей.

¹⁰⁹ Ср. также § 43—45 Законов Хаммураби. Здесь говорится, что если даже арендатор бросит землю или возделает поле, но стихийное бедствие унесет жатву, то убыток падает на него, а в первом случае он должен еще и уплатить хозяину поля. Эламнты вышли из этого положения, создав особое условие *ezib tabal*, согласно которому все убытки ложились на арендатора. Учитывая это, можно представить себе, насколько сделка *ezib tabal* была выгодна для владельца земли.

если он по какой-либо причине не выполнит условие договора. Невыполнение условий, предусмотренных в договоре, не должно было влечь за собой какой-либо ущерб для интересов владельца земли. Судя по характеру условия *ezib tabal*, в конечном итоге должен был понести убыток арендатор. Поэтому невыполнение условия в документе даже не ставится. Документ подчеркивает, что нарушитель условий сделки должен был платить определенное количество зерна. Таким нарушителем мог быть арендатор, который без возделывания поля, по истечении определенного срока, когда уже срок возделывания прошел, мог потребовать обратно свои деньги, выплаченные как арендная плата, ссылаясь на то, что он не получил дохода. Конечно, таким же образом мог поступить сам владелец земли, но это при подобных обстоятельствах не сулило бы ему никаких выгод. Но если бы даже он и поступил так, то против него в документе было направлено второе условие.

И действительно, второе условие целиком направлено против владельца земли, поскольку там говорится, что в случае востребования поля на землю владельца, находящуюся в третьем районе поселения, будет забит колышек. Таким образом, нарушение обязательств со стороны владельца и условий со стороны арендатора должно было привести к указанным последствиям.

Наличие в этом документе термина заклада *sik-katu maḥṣat* не должно нас смущать, ибо посредством его обосновывалась имущественная ответственность владельца земли. Это условие применялось не только в арендных документах, но и в долговых и купчих. Как покупатель, так и арендатор при нарушении сделки отвечали за это другим полем. Таким образом, сделка *ezib tabal* должна быть рассмотрена как арендный договор. Не исключена возможность, что владелец земли в ряде случаев, как увидим ниже, сдавал свое поле в аренду лицу, которому он должен был серебро, но это не является основанием видеть в условии *ezib tabal* закладную сделку.

В документе № 277 зафиксированы два разных вида аренды. Для наглядности приведем текст документа (стр. 1—15): *eḳel 70 (ka) zēr-šu paḷi IG'URU.KI ma-aš-ki-it atap Ra-ki-lb TI Ku-ur-si-i itā SALZu-ub-bu-úr-ti itti Ig-mil-an-ni mNu-úr-ll inšušnak ú-še-ṣi a-na e-zl-lb ta-bal*

a-na še-lm šamaššammim kakkim 1^{1/2}, šiklī kaspam iš-kū-ul eklam ú-šá-ši a-aḥ še-er-i e-še-di ša URU.DAG ekel 230 ka zē-šu palī .G .URU.KI li-me-ti-šu itti ig-mil-an-ni mNu-ú-ll nšušinak a-na er-re-šu-ti il-ké-é i-ri-iš i-na-aḥ še-a-am ú tibnam ma-al-lu aḥ-ma mi i-zu-zu «Поле в 70 ка площадью (в) районе перед поселением, орошаемое каналом Ракиба, перед Курсей, по соседству с (женщиной) Зуббурту, у Игмилани Нур-Ишшушинак арендовал на (условии) „оставь (и) унеси“, под (посев) ячменя, сезама (и) гороха; 1^{1/2} сикля серебра он заплатил, поле арендовал; месяц шер — жатвы, район жилища поселения. Поле (в) 240 ка площадью (в) окрестностях района перед поселением у Игмилани Нур-Ишшушинак на возделывание взял; он будет возделывать, трудиться; ячмень и солому, сколько будет, друг с другом поделит».

Как видим, одно и то же лицо дважды выступает в качестве арендатора, причем поле в 70 ка арендуется согласно условию ezib tabal, за что заранее выплачивается 1^{1/2} сикля серебра, а поле в 230 ка арендуется на условии равного раздела ячменя и соломы. Нур-Ишшушинак часто выступает в качестве арендатора¹¹⁰. В документе фигурируют два разных вида аренды. Судя по этим данным, можно сказать, что Нур-Ишшушинак был профессиональным арендатором. А Игмилани в документах засвидетельствован как должник (№ 180 : 3, 182 : 5), причем занимает он у храма Шамаша, а также как продавец поля (№ 56 : 2, 11). Следовательно, он не был в состоянии своими силами возделывать землю. Он, конечно, был заинтересован в погашении своего долга, но не обязательно долга именно Нур-Ишшушинаку, ибо, как показывают документы, он мог взять ссуду у храмовой администрации или у кого-нибудь другого. Поэтому, сдавая свою землю, Игмилани получал серебро, в долг или как арендную плату — от этого суть сделки ezib tabal не меняется.

Конечно, когда владелец получает плату, а потом сдает поле, то на этом факте можно строить различные предположения. Но нельзя игнорировать, что это серебро выдается владельцу земли, а взамен берется его поле для обработки. Предположим, что это долг (хотя в

¹¹⁰ См. № 244, 245, 250, 254, 257, 259—261, 266, 279—280, 281 и т. д.

данном случае это совершенно необязательно), но такой долг не влечет за собой никаких обязательств для владельца земли, кроме сдачи земли в аренду. Если заем не предусматривает никаких дальнейших обязательств для должника, который раз сдал землю в аренду даже не возвращает его, а вдобавок получает свою землю обратно, то это уже не просто долг ¹¹¹. Это и есть арендная плата. А как использует ее владелец земли, это уже последующая форма обращения серебра, полученного как арендная плата. В данном документе отражены обе формы аренды — плату получают вначале и после завершения срока аренды. Тот факт, что земля сдается в аренду в месяце жатвы, не должно нас смущать, ибо, как показывает вторая часть документа, она была арендована не для снятия урожая, а для возделывания земли уже после жатвы.

Земля могла быть арендована согласно сделке *ezib tabal*, вероятно, в любое время года. В этой связи важны названия месяцев такой сделки: *agaḥ še-er-i šà e-re-ši* «месяц шерсти — возделывания поля» (ср. № 87) и *agaḥ še-er-i šà e-zé-di* (ср. еще № 101) «месяц шерсти — снятия урожая». Первый месяц, это тот месяц, когда начинаются полевые работы по возделыванию поля, следовательно, он мог бы соответствовать аккадскому месяцу арахсамна (октябрь—ноябрь). Вторым месяцем — это месяц, когда наступал период жатвы. На равнинах жатва урожая обычно начинается в мае. Поэтому вторым упомянутый месяц можно отождествлять с аккадским аяру (апрель—май) ¹¹². Таким образом, земля арендовалась как перед боронованием зяби с последующим несением остальных работ до получения урожая, так и в месяце снятия урожая. Последний факт, как было сказано, не означает, что земля арендовалась лишь для жатвы в пользу арендатора. И вообще здесь возникают две возможности толкования. Либо арендатор заключал арендный договор для возделывания этой земли после снятия

¹¹¹ Серебро можно считать долгом, когда нет речи о передаче кредитору земли. Но когда кредитор дает доплату и берет землю для возделывания, то о кредите нельзя говорить. Здесь уже владелец земли получает полную арендную плату и передает землю.

¹¹² S. Langdon, *Babylonian Menologies*, p. 44; ср. B. Landsberger, *Jahreszeiten im Sumerisch — Akkadischen*, — JNES, VIII, 1949, № 3, S. 262; W. Hinz, *Elamica*, — «Orientalia», NS, 32, fasc. 1, 1963, p. 15.

урожаем, т. е. осенью, либо мы здесь имеем дело с простой продажей урожая прямо с поля. Оба предположения допустимы, но не доказуемы из-за отсутствия соответствующих данных.

Аренда поля, согласно сделке с формулой *ezib tabal*, засвидетельствована также в месяцах шабат¹¹³, зилилти¹¹⁴, ланлупи¹¹⁵, хультупи¹¹⁶, абу (№ 96, 109, 251 и др.). Можно полагать, что плата за аренду соответственно могла быть высокой или низкой в зависимости от времени аренды. Конечно, основную роль в определении величины арендной платы играло не столько время, сколько труд, который должен был быть вложен в обработку поля для получения урожая. Если владелец земли отдавал арендатору возделанное или засеянное поле, то, следовательно, он должен был получить высокую цену. Если же возделывание земли целиком ложилось на арендатора, то владелец земли получал сравнительно низкую плату. Часть названных месяцев в основном охватывает период от осени до весны включительно, следовательно, период полевых работ¹¹⁷. Величина же арендной платы зависела от того, кто из контрагентов должен был обрабатывать поле. Кроме того, арендная плата была вы-

¹¹³ Февраль (документы № 94, 103—104, 255, 257, 260 и др.).

¹¹⁴ № 89, 92, 93 и т. д. Соответствует аккадскому шабату — февралю (см. S. Langdon, *Babylonian Menologies*, p. 45). В персидское время этот месяц соответствовал вавилонскому абу — августу, что видно из ахеменидско-эламских документов (см. G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets*, p. 41; ср. также W. Hinz, *Elamica*, pp. 13, 15). Однако утверждение В. Хинца, что аккадское или шумерское обозначение февраля для Суз не засвидетельствовано, основано на недоразумении. Месяц шабат встречается в частноправовых документах даже со сделкой *ezib tabal* (№ 103, 255, 257, 260, 267).

¹¹⁵ № 90, 91 и др. Ланлупи соответствует аккадскому ташриту — октябрю (S. Langdon, *Babylonian Menologies*, p. 45). В. Хинц полагает, что старозламский календарь начинался не в начале весны, а в начале осени и, следовательно, ланлупи был первым месяцем года (W. Hinz, *Elamica*, p. 14 sq.).

¹¹⁶ См. № 95. Соответствует аккадскому адару — марту (см. S. Langdon, *Babylonian Menologies*, pp. 45—46). Документы с формулой *ezib tabal* составлялись и в месяце адар (см. № 252, 258, 266).

¹¹⁷ Однако Драйвер и Майлз (G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 130) полагают, что сельскохозяйственный год начинается не весной, а осенью и земледелец вспахивает и сеет с сентября до ноября. Но посев зерна мог иметь место и весной в зависимости от того, что сеял земледелец — яровой или озимый ячмень. В Эламе, судя по месяцам аренды, оба вида посева были известны.

сокой, если арендуемое поле было плодородным, находилось около оросительной сети или если владелец земли передавал в распоряжение арендатора также рабочий персонал или инвентарь. Однако установить все это хотя бы с относительной точностью по документам почти невозможно.

В документах бросается в глаза разница в плате за арендуемые поля. На основании данных, полученных из сравнения разницы в плате, можно выяснить, правда косвенно, по каким принципам происходила аренда и какова была твердая плата. Так, в документе № 92 поле, посевная площадь которого составляет 10 ка, приносит хозяину $\frac{1}{3}$ сикля серебра, причем отмечается, что поле находится у канала Ришали в большом районе. Месяц зилилити — февраль. За поле же в 25 ка в районе перед поселением у канала Кимаси взимается плата в размере 1 сикля серебра (№ 93). Опять месяц зилилити. Но в документе № 94 за 20 ка поля, находящегося у канала в районе поселения, уплачивается $\frac{3}{6}$ сикля, а в № 258 за такое же поле — 1 сикль серебра. В первом случае аренда происходит в месяце шабат (=зилилити — февраль), а во втором — в месяце адар — март. За поле в 50 ка уплачивается 3 сикля (№ 91) — месяц ланлупи (октябрь), за 70 ка — 3 сикля (№ 95, хультипи — март, № 255, шабат — февраль), за 100 ка — 4 сикля (№ 96, абу — сентябрь)¹¹⁸, за 50 ка — $1\frac{1}{2}$ сикля (№ 284, месяц бубути)¹¹⁹ или 2 сикля (№ 252, месяц адар — март), за 150 ка — $5\frac{1}{2}$ сикля (№ 103, шабат — февраль), за 75 ка — 5... сиклей (№ 98, ноябрь)¹²⁰.

Во всех этих случаях плата за аренду колеблется. Правда, эти колебания незначительны. Исходя из этих примеров, по-видимому, можно восстановить среднюю норму взимания платы за аренду земли согласно договору «оставь (и) унеси». Вероятно, средняя плата за 20—30 ка земли составляла 1 сикль серебра. Примеча-

¹¹⁸ S. Langdon, *Babylonian Menologies*, p. 44 sq.; ср. W. Hinz, *Elamica*, p. 16.

¹¹⁹ Соответствие не известно. Может быть, январь?

¹²⁰ Сохранилось лишь *agaḥ eḡel [ili]*. Восстановление наше. Такое восстановление мотивируется тем, что в документах сочетание первых двух слов требует «*ili*». Это «месяц поля бога», который соответствует ноябрю (ср. S. Langdon, *Babylonian Menologies*, p. 45; W. Hinz, *Elamica*, p. 14).

тельно, что средняя арендная плата за поле примерно в 20—30 ка составляла 1 сикль как в сентябре — октябре — ноябре, так и в феврале — марте. Отсюда вытекает, что земля обрабатывалась как осенью, так и весной. Кроме того, на основании этого можно еще раз констатировать, что земля арендовалась, а не закладывалась и расходы по обработке земли ложились на арендатора, поскольку об обратном нет никакого упоминания. Подобная договоренность могла и не отражаться в договоре непосредственно, а сумма на расходы могла включаться в арендную плату. Вернемся опять к приведенным выше примерам.

В них имеются также некоторые отклонения от установленной нами нормы взимания платы за аренду. Например, поле в 50 ка арендуется за $3\frac{1}{4}$ сикля (№ 91, октябрь) или в 75 ка — за 5 [...] сиклей (№ 98, ноябрь); в обоих случаях сумма превышает установленную норму платы. Казалось бы, это можно объяснить тем, что в этих случаях земля арендуется осенью и поэтому имеется соответствующее отклонение от обычной нормы арендной платы. Но это предположение опровергается тем, что земля — будь она арендована осенью или весной — требовала почти аналогичных затрат труда. Тем более что за арендованное поле в сентябре был уплачен 1 сикль за 25 ка поля (№ 96). Следовательно, при определении арендной платы главным было не время аренды, а труд и расходы, которые должны были затрачиваться на возделывание поля. Эти факты приводят нас к заключению, о котором было сказано выше, что при аренде, когда плата не превышает 1 сикля за 20—30 ка, владелец земли не нес никаких расходов. Эти расходы ложились на арендатора¹²¹. Но приведенные два случая, когда арендная плата превышает 1 сикль, дают нам возможность заключить, что владелец земли сдает в аренду поле, которое было вспахано, т. е. на нем была произведена первоначальная работа¹²². Поэтому он был впра-

¹²¹ Все это ложились на арендатора, хотя Хаммураби обязывает должника участвовать в расходах (см. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, pp. 146—147). До издания этого закона владелец земли не нес никаких обязательств, что видно из сузских документов.

¹²² В Вавилонии владелец земли обычно берет $\frac{1}{3}$ урожая (M. Schorr, *Urkunden*, № 127, 129, 136) или половину (там же, № 124), а Законы Хаммураби предусматривают то и другое. Но в послед-

бе требовать от арендатора более высокую плату, поскольку сам понес определенные расходы. Может быть, и другое объяснение подошло бы к этому случаю, а именно, что в сумму арендной платы включен долг самого арендатора владельцу земли.

В ряде случаев владелец земли получает арендную плату значительно ниже средней. Например, за 150 ка земли взимается $2\frac{1}{2}$ сикля (№ 90, ланлупе — октябрь), за 100 ка — 2 сикля (№ 100, март¹²³; № 260, шабат — февраль), за 150 ка — 3 сикля (№ 257, шабат — февраль), за 70 ка — $1\frac{1}{2}$ сикля (№ 266, адар — март; № 277, месяц жатвы — ešēdi). Частично эти и вышеупомянутые отклонения можно причислить к результатам спекулятивных переговоров, имевших место при заключении сделки. Но это было бы не решением вопроса, а обходом его, ибо остается неясным, куда же могла уходить не выплаченная арендатором часть средней арендной платы? Как мы видим, по низким нормам поле арендуется осенью и весной, так что нет никакого исключения из общего правила. Разница в оплате не может также являться уплатой за расходы, поскольку цена расходов не входила в арендную плату. Как правило, расходы нес сам арендатор. Остается единственная возможность полагать, что из этой суммы высчитывается долг владельца земли арендатору. Такая возможность не исключается; она может быть допущена, но не может быть принята за основу.

Тем самым мы приближаемся к § 49 Законов Хаммураби, который допускал передачу земли тамкару для возмещения долга и процентов согласно договору ezib tabal. Сузские документы еще раз позволяют подчеркнуть, что ezib tabal — арендный договор, применяемый иногда для покрытия долга. Именно эта сторона сделки ezib tabal подразумевается в § 49 Законов Хаммураби.

нем случае (№ 124) владелец должен вспахать поле, а арендатор лишь после этого начинает возделывать его (стк. на полях 1—3, стр. 179). Итак, половина урожая переходит к владельцу земли в том случае, если он производит какие-либо работы на поле. Поскольку при ezib tabal все это ложится на арендатора, то земля сдавалась в аренду по сравнительно высокой цене, если владелец до этого произвел какие-либо работы на поле.

¹²³ Написано hu-us-tu-ur-re, что соответствует хультупи (хальтупи), так как в вавилонском диалекте št > lt.

Но Хаммураби и в этом случае вносит определенное изменение, а именно постановляет, чтобы урожай принадлежал самому должнику и чтобы лишь он после снятия урожая собственноручно заплатил долг с процентами. Как можно установить из сузских документов, при сделке *ezib tabal* долг и проценты, видимо, высчитывались из общей суммы арендной платы. Хаммураби обязывает должника оплатить расходы по возделыванию земли (*mānaḥāt erēšim*). Это делал сам тамкар до издания законов. В сузских документах со сделкой *ezib tabal* нет даже намек, хотя бы косвенного, на то, что владелец земли был обязан участвовать в расходах по обработке земли.

Следует отметить, что частноправовым документам из Суз известен термин *mānaḥātu*, но не в связи с *ezib tabal*. В Законах Хаммураби это слово обычно переводят «издержки»¹²⁴. Старовавилонские документы показывают, что *mānaḥātu* может быть платой за проделанную работу и снабжение материалами¹²⁵. Прежде чем обратиться к частноправовым документам из Суз, которые в некоторой своей части фрагментарны, посмотрим, что дают сами старовавилонские материалы. Для наглядности можно привести два примера из различных документов. В документе № 141, изданном М. Шорром¹²⁶, говорится о строительстве дома. Вместо получения платы за труд, вложенный в постройку дома, строителю разрешается жить в этом доме в течение десяти лет, после чего строитель не может иметь никаких претензий к хозяину. Это особенно подтверждается стк. 9—11: *e-li bi-tim ū ma-na-ḥa-tim mi-im-ma ū-ul i-šu* «На дом и расходы (по строительству) он ничего не будет иметь» (т. е. не будет на них претендовать). Отсюда видно, что плата труда строителя погашается тем, что он будет жить в доме определенный срок. В другом документе (№ 142) того же

¹²⁴ См. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, pp. 142, 390; И. М. Дьяконов, *Законы Вавилонии*, — ВДИ, 1952. № 3, стр. 333; Л. А. Липин, *Законы Вавилонского царя Хаммураби*, — «Хрестоматия по истории древнего Востока», стр. 202.

¹²⁵ Ср. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 143; M. Schorr, *Urkunden*, № 139:24—31; 141:9—11; 142:10—11; 145:14; А. П. Рифтин, *Старовавилонские юридические и административные документы*, стр. 73.

¹²⁶ M. Schorr, *Urkunden*, S. 202 sq.

издания дом сдается на восемь лет для возмещения проделанной работы, но вид работы не указывается, причем имеется и соответствующая оговорка (стк. 10—11): *eli bitim mimma ú-ul i-šu-ú* «На дом он ничего не будет иметь». Здесь арендатор также получает дом на определенный срок взамен оплаты своего труда. Таким образом, *mānaḥātu* обозначает не только самый труд, но и результат его — оплату труда, в данном случае — строителя или земледельца, оплату его расходов. Так же, видимо, нужно понимать *mānaḥātu* в Законах Хаммураби¹²⁷. Употребление этого термина в частноправовых документах из Суз не противоречит такому пониманию старовавилонских документов.

Слово *mānaḥātu* встречается лишь в некоторых документах о тяжбе. Наиболее наглядное представление об этом дает документ № 373 (стк. 1—10): *El-me-šum i-na ṭu-ba-ti-šu i-na na-ar-a-ma-ti-šu pān Šar-ri-ja dallāni me-e il-ké me-e ú-šə-el-li-ma 7 alpē ù 10 šiklī kasap ma-na-ḥa-ti i-le-ḳé i-na me-e il-li-i-ma 1 aplu ù 10 šiklī kasapam ma-na-ḥa-at i-na-an-di-in-šu* «Элмешум, по его доброй воле, по его желанию, перед Шаррия-судьей воду взял (т. е. принял ордалию водой). Если вода покроет его, то 7 (голов) крупного рогатого скота и 10 сиклей серебра за труд будет взято; если из воды он (сам) поднимется — 1 голову крупного рогатого скота и 10 сиклей серебра за труд будет отдано ему»¹²⁸. Судя по наличию слова *mānaḥātu* в этом документе, тяжба возникла из-за удержанной оплаты труда какого-то работника. Испытание водой предпринимается для того, чтобы установить истину. Этот документ позволяет констатировать, что из-за оплаты труда арендаторов, вероятно, возникали споры. По-видимому, нарушающей стороной был владелец объекта. Это можно предположить на основании одного старовавилонского документа, в котором говорится: *šumma be-el bitim a-na wa-aš-bi-lm ta(1)-ši ik-[ta]-bi ma-na-ḥ-tam i-na-di-in* «Если владелец дома жильцу „уходи“ скажет, то должен дать плату за работу»¹²⁹. К сожалению, остальные два документа (№ 164, 242) фрагментарны, поэтому делать какие-либо выводы невозможно. Общий

¹²⁷ G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 143.

¹²⁸ Ср. «The Assyrian Dictionary», E, Chicago, 1958, pp. 130—131.

¹²⁹ M. Schorr, *Urkunden*, № 139:28—32, S. 200.

смысл этих документов таков: производится испытание водой и кто-то кому-то будет платить *māpaḥātu*. На этом основании, кажется, можно заключить, что оплата расходов не предусматривалась в таких сделках, как *ezib tabal*, ибо этот договор заключался с немедленной уплатой всей суммы. Поскольку договор *ezib tabal* не предполагал оплату расходов по обработке земли владельцем, то эти тяжбы также не относились к сделке *ezib tabal*. Даже в § 49 Законов Хаммураби имеется косвенное указание на то, что оплата расходов ложится на того, кто получал урожай в свои руки. Таким образом, в принципе арендатор нес расходы по обработке земли, так как он получал весь урожай.

Посредством сделки *ezib tabal*, как было показано, мог быть уплачен долг владельца земли. Об этом свидетельствует документ № 371 (стк. 1—10): 120+30 (қа) *zēr šà ḥarrān* ¹*Re-re-e* 180 (қа) *zēr ekli šà atap mu-uš-ke-ni* 120+30 (қа) *šà atap Uk-ku-ba-ti* 9 *ku-uz-za-ti šà ki-ri* 60+20 (қа) *zēr ekli šà pa-ni kirī iš-tu šatti* 5 КАМ м.¹¹ *Si-mu-ut-III-ma ḥa-ab-la-an-ni i-ri-iš i-zi-ib ù i-ta-ab-ba-al* «120+30 ка площадью поле (на) дороге поселения Рере, 180 ка площадью поле (у) канала мушкенумов, 120+30 ка (полн у) канала Уккубагу, 9 деревьев сада, 60+20 ка площадью поле, что перед садом, (в течение) пяти лет Симутлима (взамен) процентов возделает, оставит и унесет». В данном случае сад и поля сдаются арендатору-кредитору, который в течение пяти лет будет пользоваться ими и вычитать проценты, а потом вернет хозяину его недвижимость.

Социальное и имущественное положение арендатора полностью не определяется. Но в тех случаях, когда арендатор арендует земли в разных районах, причем одновременно, или упоминается в нескольких документах, то он может быть отнесен к числу зажиточных, которые были в состоянии обрабатывать чужие земли. Из них можно указать на Арад-куби, который несколько раз (№ 91—96) арендует поле согласно договору *ezib tabal* у разных лиц.

По всей вероятности, он арендовал эти земли без хозяйственного инвентаря и рабочей силы, поскольку его имущественное положение позволяло ему обрабатывать эти поля. Может быть, он даже нанимал специальных людей для возделывания арендованных зе-

мель и снятия урожая, что, как мы видели, могло иметь место в Сузах и что происходило в Вавилонии¹³⁰.

Но не всех арендаторов или владельцев земли можно отнести к числу состоятельных. Например, некий Игмиланни засвидетельствован в документах как должник (№ 104 : 2; 180 : 3), продавец поля (№ 56 : 2, 11). Но в документе № 277 : 4, 10 он сдает свое поле в аренду. Поле состоит из 70 ка, а он получает, согласно *ezib tabal*, плату в 1½ сикля. Здесь имеется отклонение от средней нормы немногим более чем на полсикля. Может быть, эти полсикля были долгом арендатору.

Некий Кубурабу в одном случае выступает в качестве кредитора (№ 34 : 2), а в другом — сдает свое поле в аренду (№ 93 : 4) и за 25 ка поля получает нормальную арендную плату, т. е. 1 сикль серебра. Как видно, в одном случае поле сдает в аренду лицо, засвидетельствованное в других документах как должник, в другом же случае — лицо, которое выступает в качестве кредитора. Из этого в свою очередь вытекает, что в качестве арендаторов выступают не кредиторы (или не только кредиторы), а разные лица, вероятно даже не имеющие никакого отношения к данному кредитору или должнику. Несомненно еще и тот факт, что как арендаторы, так и владельцы земли могли относиться к различным слоям населения. Здесь нельзя начертать общую для всех случаев схему. Аренда земли нередко была результатом обеднения или разорения, нередко преследовала цель обогащения. Одно ясно, что именно наличие имущественного неравенства приводило к аренде земли.

Следует отметить, что аренда земель, так же как купля-продажа и предоставление займа, могла происходить по определенному правилу, существовавшему в Эламе. Так, в одном документе (№ 103) отмечается (стк. 11—12): *arkī ku-bu-us-sé šà* ¹¹*Inšušinak kaspam iš-ḳū-ul eḳlam ú-še-ṣi* «Согласно правилу Иншушинака¹³¹ серебро заплатил, поле арендовал». Что предусматрива-

¹³⁰ В Вавилонии для полевых работ и сбора урожая нанимали специальных людей (ср. P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, Bd VI, S. 101).

¹³¹ Ср. также [*ar*]kī ku-bu-us-sé šà¹¹*Inšušinak*] «согласно правилу Иншушинака», Шейль восстанавливает еще *ikbusu* «следовали», однако, судя по другим документам и размеру пробела, этот глагол отсутствовал в тексте. Ср. также № 105:9.

лось по этому правилу — опять-таки остается неясным. Вероятно, соответствующие условия и обязательства не отмечались в документах, поскольку они отражались в общеизвестном правиле храма. Но есть случаи, когда арендуется поле просто согласно правилу, без указания на то, чье это правило (№ 249—251). Аренда происходит в месяце абу. Оттенки различия между арендами, заключенными согласно обычаю и без них, не поддаются объяснению. Но, видимо, правила содержали различные формы условий и обязательств, которые не предусматривались в этих сделках.

Таким образом, документы, составленные по типу «оставь (и) унеси» (*ezib tabal*), свидетельствуют о такой арендной форме, когда за арендуемое поле платили наличными и, вероятно, срок аренды начинался с периода начала полевых работ — осени и весны — и не переходил за период сбора урожая. Имел ли владелец долю с урожая? Об этом документы ничего не говорят, хотя приведенный выше из Законов Хаммураби (§ 49) пример показал, что кредитор-арендатор обязан взять только долг и проценты. Отсюда вытекает, что до Хаммураби арендатор брал весь урожай. Поскольку было такое время, когда урожай целиком доставался арендатору, то можно сказать, что в Сузах при сделке «оставь (и) унеси» урожай целиком оставался самому арендатору, а владелец земли ограничивался суммой, уплаченной ему за арендуемое поле¹³². Обратное не доказуемо из частноправовых документов.

Имеется ли что-либо общее между *ezib tabal* законов Хаммураби и Суз? Еще Э. Кюк¹³³ подчеркивал независимость сузского типа сделки *ezib tabal* от других видов аренды соседних стран. В этом отношении обращает на себя внимание также точка зрения Э. Шлехтера. Отмечая имеющиеся расхождения в употреблении

¹³² По-видимому, то же самое имело место в Вавилонии, что, впрочем, видно из Законов Хаммураби, который стремился изменить существующее положение. В Вавилонии также заключались сделки, напоминающие тип «оставь (и) унеси», поскольку за арендованное поле платили серебро («*Mémoires de L'Institut Français d'Archéologie Orientale de Caïre*», 1902, I, p. 132 sq.).

¹³³ E. Cuq, *Les actes*, p. 162 sq.; E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 176 sq.; ср. J. Klîma, *Le droit élamite*, p. 305. И. Клима принимает мнение Э. Кюка.

формул аренды и сравнивая те или иные варианты терминологии из сузских документов с соответствующими терминами из Законов Хаммураби, Э. Шлехтер (правда, исходя из формул, на которых мы остановимся в следующем разделе) заключает, что Хаммураби ввел в закон правила сузского права, чтобы легализовать их и создать условия для распространения своих законов в Сузах¹³⁴. На это мнение следует обратить внимание, поскольку соответствующий отрывок из Законов Хаммураби как бы является логическим завершением тех отношений, которые существовали в Сузах при заключении сделки *ezib tabal*.

Второй вид аренды. Помимо аренды типа *ezib tabal* в Сузах существовал и другой вид аренды, когда урожай делился пополам между арендатором и владельцем земли. Сдавалась в аренду не только земля, но и дом.

Дом обычно принимается с иными условиями, чем земля. Так, в документе № 84 говорится (стк. 1—6): É.DÙ.A. i-šú ù ma-du is-ka-at SALIn-gu-la-ti m.SALZa-ar-ka-ti ù Ku-ri-ti itti In-gu-la-ti SALKu-ri-ti ù Za-ar-ka-ti mArad-Ku-bi [m]la-e-e ù Nu-ra-[tu a-na šattim] ЗКАМ i-gu-ru «Дом—малый или большой — доля Игулату, Заркату и Куриту; у Игулату, Куриту и Заркату Арад-Куби, Яйе и Нурату на три года наняли».

Дом принадлежит трем женщинам и обозначается как их доля—вероятно, они были сестрами,—причем его нанимают трое сроком на три года. По-видимому, дом нанят под жилье. Скорее всего, около этого дома были земельные участки, которые арендовали Арад-Куби и его компаньоны. Как мы видели, он часто выступал в качестве арендатора земли. Этот дом был, вероятно, необходим для того, чтобы, в частности, хранить в нем собранный урожай. К сожалению, документ в средней части разбит, но далее следует (стк. об. 2—5); [araḥ še]-er-i erēši ša palī URU.DAG arki ku-bu-us-sí a-na É.DÙ.A i-ri-bu i-na ba-ma-at ù kiš-ti-šu-nu ú-še-ri-lb-šu-nu-ti kaspa šal-ma ù ki-na a-na be-li-šu «В месяц шерсти — возделыва-

¹³⁴ E. Szlechter, *Le Colanat partiaire à Suse et le Code de Hammurapi*, — RA, vol. LV, 1961, № 3, pp. 113—135.

ния (поля) — в районе поселения, согласно обычаю, в дом они могут войти и долю¹³⁵ и подарок их они должны внести, серебро — благополучный и надежный (из них) своему хозяину (должен отдать)». Дом нанимается именно в тот период, когда начинаются ползвые работы, а плата производится серебром, но, кажется, не в момент аренды дома, как показывает соответствующая формула, которая предусматривает, что серебро должен отдать благополучный, т. е., видимо, тот, кто в состоянии заплатить. Размер платы в данном случае остается неизвестным, но из документа № 86 мы узнаем, что годовая плата за дом составляла 2 сикля¹³⁶. По-видимому, примерно такая же плата взималась и в данном случае. По всей вероятности, плата вносилась ежегодно в течение трех лет.

Остальная часть документов из этой серии посвящена аренде поля. Хотя форма составления этих документов не отличается от сделок *ezib tabal*, но условия аренды в них совершенно иные. Так, в документе № 126 зарегистрирована подобная аренда (стк. 1—10): *eklam 90 (ka) zēr-šu palī URU. DAG ma-aš-ki-it atap Ki-ma-šī-im TI Šu-mu-da-ri-im itā Ib-bi-im itti Ku-di-ja^m Arad-Ku-bi a-na e-er-re-šu-ti il-ké a-na še-im šamaššammim ū kakkim^m Arad-Ku-bi še'am i-ša-ap-pa-ak i-ir-ri-iš i-in-na-aḥ ū-ga-ab-bu-ma i-na e-bu-ri še-am ū tibnam ma-al-la aḥ-ma-mi i-zu-uz-zu*. «Поле в 90 ка площадью (в) районе жилища поселения, орошаемое каналом Кимашума, перед Шумударумом, по соседству с Иббумом у Кудии Арад-Куби на возделывание взял под (посев) ячменя, сезама или гороха. Арад-Куби ячмень посеет, возделает, понесет труды, вырастит, и с урожая¹³⁷ ячмень и солому, сколько будет, друг с другом должны поделить».

В этом отрывке обязанности арендатора четко определены. Арад-Куби арендует поле, которое предназначено

¹³⁵ W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, 2. S. 101.

¹³⁶ Старовавилонские документы отмечают наем дома за $\frac{1}{3}$ сикля, $1\frac{1}{2}$ сикля, 2 и более сиклей за один год (см. P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, Bd VI, № 1666, 1663, S. 97—98; А. П. Рифтин, *Старовавилонские юридические и административные документы*, М.—Л., 1937, стр. 72 и сл.). Вероятно, и в Сузах за наем дома взималась подобная плата в зависимости от величины дома.

¹³⁷ Месяцем урожая был мах, соответствующий августу (S. Langdon, *Babylonian Menologies*, p. 44).

для посева ячменя, сезами или гороха. Лишь в отношении возделывания культуры эта аренда совпадает со сделкой *ezib tabal*, но там вообще отсутствуют указания на обязанности арендатора. Каковы же обязанности арендатора? Он должен посеять зерно. Для этого он должен возделывать землю и проделать различные работы. Э. Шлехтер глаголу *anāḥu* дает значение «нести расходы»¹³⁸, считая, что в документе речь идет также об обязанности арендатора нести расходы, связанные с возделыванием поля. Этот глагол связан со значением «трудиться»¹³⁹, но и без такого перевода из условий сделки вытекает, что арендатор обязан нести расходы по обработке земли; *inpaḥ* стоит между глаголами, которые обозначают возделывание и выращивание ячменя. Арендатор должен (после вспашки, до наблюдения за ростом) сеять и орошать поле; все это входило в понятие «трудиться». Поскольку все расходы ложились на самого арендатора, он и имел возможность получить половину урожая. Исходя из выражения *a-pa e-er-ge-ṣu-ti* «для возделывания» можно сказать, что земля была взята, когда над ней еще не была проделана какая-либо работа. Месяц хультупи является временем аренды поля. Он соответствует месяцу *адар* вавилонского календаря и падает на март месяц¹⁴⁰. Вообще в месяце хультупи засвидетельствовано семь случаев аренды¹⁴¹. Однако документ не предусматривает, кто должен был убрать урожай, молотить его. Обычно в других случаях эта сторона обязанности арендатора указывается, но в данном конкретном случае указание отсутствует. Может быть, последующие операции производились совместными усилиями, тем более что в период жатвы и молотбы мог быть использован труд женщин и детей. Главные трудности были связаны с возделыванием поля, что требовало в основном мужского труда. Может быть даже дележ производился до жатвы на поле, после чего каждая сторона убирала свою долю.

При таких сделках, так же как при сделках первого

¹³⁸ E. Szlechter, *Le Colanat Partiaire à Suse*, p. 121.

¹³⁹ W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, S. 48.

¹⁴⁰ S. Langdon, *Babylonian Menologies*, pp. 45, 46. Хинц считает его коррелятом в эламском месяце *buršupī* (W. Hinz, *Elamica*, p. 15).

¹⁴¹ № 95, 100, 110—111, 105, 126, 253. Часть из числа «оставь (и) унеси».

типа, аренда земли происходит в различные месяцы — зилилиту¹⁴² (февраль)¹⁴³, ланлубе (октябрь) (№ 90—91). Названия этих месяцев, вероятно, эламского происхождения¹⁴⁴. Часто встречаются аккадские названия месяцев — аб (август)¹⁴⁵, шабат (февраль)¹⁴⁶, аддар (март)¹⁴⁷. Так что и этот договор заключался во все сезоны, но чаще всего перед началом полевых работ — осенью или весной. Так или иначе, арендатор при этой сделке получал половину урожая. В Вавилонии хозяин поля, как правило, берет одну треть урожая, но иногда и половину, однако в последнем случае хозяин поля обязуется вспахать землю. Вероятно, в нашем случае владелец земли должен был сам убрать и обмолотить зерно, поскольку арендатору не приписано такое обязательство.

Сказанное вытекает также из содержания других документов. Так, в документе № 278 некий Авилия арендует поле в 1 гур площадью у двух женщин — Илатишу и Уммияду. Далее договор определяет обязанности арендатора (стк. 6—10): *i-ri-iš i-na-aḥ ú-ra-ab-ba-ma i-na e-bu-ri-im i-šī-id i-da-aš ú-za-ak-ka-ma še-a-am ù tib-pat aḥ-ma-mi i-zu-zu a-raḥ a-bi* «Возделает, потрудится, вырастит и затем во время урожая снимет урожай, обмолотит, очистит и затем ячмень и солому, сколько будет, друг с другом поделят. Месяц аб». Представляет интерес месяц, когда земля была сдана в аренду. Это месяц аб — август. В этом месяце сбор урожая завершается. Как видно, поле сдается сразу после сбора урожая. Отсюда вытекает, что арендатор собирался сеять озимую культуру; для этого было необходимо провести осеннее боронование зяби. В условиях сузской равнины посев зерна мог осуществляться и до зимы и после зимы.

В документе отражены все обязательства арендатора,

¹⁴² № 89, 92—93, 128—244. Часть из числа «оставь (и) унеси».

¹⁴³ S. Langdon, *Babylonian Menologies*, p. 45; ср. MDP, X, p. 20.

¹⁴⁴ Названия этих месяцев не согласуются с аккадским календарем древнего периода, который является подлинным семитским календарем в клинописных текстах. Вероятно, эти два месяца эламские (см. W. Hinz, *Elamica*, p. 14, 17 sq.). Остальные названия заимствованы из календаря Ура (S. Langdon, *Babylonian Menologies*, p. 43).

¹⁴⁵ № 96, 109, 129, 249—250, 252, 254, 256, 268.

¹⁴⁶ № 88, 103—104, 255, 257, 260, 262, 264, 265, 267.

¹⁴⁷ № 108, 127, 258—259, 266.

начиная с процесса возделывания поля, кончая очисткой зерна от соломы. В предыдущем документе не упоминалось, что арендатор обязан сжать колосья, обмолотить и очистить от соломы зерно, вероятно, как было предположено, потому, что последние работы не входили в условия договора. А в данном случае условия представлены шире и полнее. Но в том и этом случае урожай делится пополам.

В Законах Хаммураби невыполнение арендатором принятых обязательств не освобождало его от возвращения зерна владельцу земли (§ 42, 43). Чем же кончалось невыполнение условий договора в Сузах? Об этом в определенной степени может дать представление ряд документов. В документе № 128 некий Ададраби арендует поле у женщины Баниту, и в договоре записывается дележ урожая пополам. Для наглядности приведем соответствующий отрывок из документа (стк. 8—14): *i-gi-iš i-na-aḥ ū-ra-ab-ba-ma i-na e-bu-ri še-am ū tibnam ma-alla aḥ-ma-mi-iš iz-zu-iz-z[u] te-ri-iḫ-ti ekli [šà] in-na-an-du-ma arkī*¹⁴⁸ *Adad-rabi i-la-ak araḥ zi-li-li-ti* «Возделает, потрудится, вырастит и затем во время урожая ячмень и солому, сколько будет, друг с другом поделят: невозделанная (часть)¹⁴⁸ поля, которая будет брошена, за Ададраби пойдет; месяц зилилити». Опять-таки обращают на себя внимание условия договора: в них отсутствует указание на сбор урожая и на последующие операции. Это позволяет нам еще раз подчеркнуть, что урожай делился прямо на поле, до жатвы. Фактически за внешним выражением согласия делить урожай пополам скрывается не только труд арендатора, но и самого владельца земли. Если арендатор не успевал вырастить урожай на всем поле, то невозделанная часть входила в состав доли самого арендатора¹⁴⁹. Такое же условие предусматривают Законы Хаммураби, где пустошь включается в состав доли садовника (§ 61). Таким образом, за

¹⁴⁸ Термин *terīktum* толкуется как «очищенный для обработки», «пустое пространство» (см. G. R. Driver and J. C. Miles, *The Babylonian Laws*, I, p. 159). Э. Шлехтер (E. Szlechter, *Le Colonat Partiaire à Suse*, S. 124 sq.) отмечает, что собственно *terīktu* соответствует *nīdūtum* Законов Хаммураби. Исходя из этого он переводит «неиспользованная, невозделанная (земля)». Такое значение по контексту подходит. Да и глагол *gēku* имеет значение «быть пустым».

¹⁴⁹ Ср. также документы № 127, 129.

выполнение условий договора арендатор нес ответственность — невозделанная часть земли зачитывалась ему самому, а владелец земли — из расчета предполагаемого урожая — и с этой доли брал половину.

В документе № 243 зарегистрирован конкретный факт оплаты труда арендатора. Этот документ отличается от предыдущих тем, что в нем отсутствуют указания на условия аренды. Приведем текст этого документа (стк. 1—7): eḫla ša "Inšušinak-šar-ma-ti m.¹¹Inšušinak-šil-li i-ri-iš-ma še-a-am ša ekli Wa-ak-ru-ti i-te-zi-ib 16 GUR še-a-am pi-il-ke-e ekli "Inšušinak-šar-ma-ti a-na "Inšušinak-[šil]-li imaddad ù 1½ IGI 5 GAL šiklī kaspat ša im-meri i-na-di-in «Поле, которое (принадлежит) Иншушинакшармати, Иншушинаксилли будет возделывать и затем ячмень, который (с) поля Вакруту, он оставит, 16 гур ячменя за службу (на) поле Иншушинакшармати Иншушинаксилли должен отмерить и 1½ (и) 1/5 сикля серебра за барана должен отдать». Эту сделку также можно рассматривать как арендную, причем, судя по выражению *riḫku*, можно полагать, что эта земля принадлежала к числу государственных, выдаваемых за службу¹⁵⁰. Вероятно, Иншушинакшармати являлся государственным служащим, который сдавал в аренду землю, полученную за службу. И в Вавилонии владельцы служебной земли сдавали ее в аренду¹⁵¹. Выше (в разделе «Государственное хозяйство») мы видели, что в Эламе были повинностные земли, которые выдавались за несение службы у царя. Владельцы государственной земли имели право отдавать в аренду эту землю, что и делал Иншушинакшармати. Поскольку повинность несет другое лицо, хотя фактически владельцем земли является Иншушинакшармати, то арендатор получает 16 гур ячменя за повинность, которая закреплена за владельцем.

Однако арендатор к тому же обязан оставить ячмень, полученный с поля Вакруту, которая в документе

¹⁵⁰ Слово *riḫku* встречается также в фрагментарном документе № 242 в связи с тяжбой. К сожалению, эламские документы не позволяют судить о характере *riḫku*. Этот термин в угаритских текстах в отличие от *ilku* «повинность», видимо, означает государственную службу (ср. Н. Б. Янковская, *Общинное самоуправление в Угарите*, — ВДИ, 1963, № 3, стр. 44, прим. 57).

¹⁵¹ F. Thureau-Dangin, *La Correspondance de Hammurapi*, p. 14, n. 14.

№ 254 : 4 сдает свою землю в аренду. Может быть, еще раньше у нее было взято зерно для посева¹⁵². Во всяком случае упоминание ее имени показывает, что она имела какое-то отношение к этой сделке.

Обращает на себя внимание еще один факт. В договоре фигурирует уплата в серебре за каких-то баранов. В старовавилонских документах встречается выражение UDU. NITA eḫlim «баран поля» — серебро, которое выдается в качестве приплаты продавцу недвижимости¹⁵³. Но в нашем случае речь идет об аренде. Серебро получает арендатор от владельца повинностной земли. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с продажей барана в кредит, но продал его сам арендатор. В частноправовых документах из Суз продажа скота засвидетельствована (№ 306—308, 540).

Необходимо остановиться еще на одном документе, который содержит упомянутые выше условия, но вместе с тем отличается от них рядом новых положений. Речь идет о документе № 369, в котором арендуется поле в 150 ка (стк. 5—11): ^mPa-zu-um ù La-ar-za-tu a-na er-ge-šu-ti il-kú-ú i-ri-iš ú-ga-ab-bu-ma Iz-zi-la-tu ṭur-pa-ni-šu-nu ṣab-tu₄-ma šu-nu a-na pi-i še-im ma-[la] šà na-ad-ni zēga um-ma-na še-am ù ḥu-bu-ul-la-šu i-na bi-ri-šu-nu i-ra-lu «Пазум и Ларзату на возделывание взяли. Возделают, вырастят, а (у) Иззилату документы их держатся. Затем они, согласно договору, ячмень, сколько отдано, посевное зерно кредитору ячменем и процентом его совместно оплатят». В данном случае не только сдается земля в аренду, но и владелец земли или кто-то другой, может быть, кредитор, предоставляет арендаторам посевное зерно, которое вычитывается из собранного урожая. Обычно владелец земли получал либо плату серебром, либо половину урожая. Но здесь об этом ничего не говорится, вероятно, потому, что характер сделки отличается от предыдущих случаев. Здесь возвращается ячмень с процентами. Какое количество ячменя подлежит возвращению? На это нет указания. По-

¹⁵² Иногда сам владелец земли дает арендатору посевное зерно (№ 369). Об этом документе речь пойдет ниже.

¹⁵³ Идеограмма UDU «баран» передает также значение аккадского nebāḫum «удовлетворение» (см. P. Koschaker und A. Ungnad, *Natturabl's Gesetz*, VI, S. 105; А. П. Рифтин, *Старовавилонские юридические и административные документы*, стр. 83, прим. 13).

видимому, количество ячменя было установлено в установленном порядке или зафиксировано в другом документе. С этой ссуды владелец земли получал и проценты, которые должны были исчисляться с месяца тамтиру (январь) ¹⁵⁴, с момента аренды поля. Арендаторы же за свой труд, вероятно, забирали то, что оставалось после расчета с владельцем земли.

Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство. Там упоминается *ṭur-ra-ni-šu-ni ṣab-tu₄-ma* «документы их держатся». Э. Салонен эту фразу читает иначе, а именно *ṭur-ra-ni-šu nu-ut-tum-ma* «документ его является нашим» ¹⁵⁵, объясняя это тем, что глагольная форма (перманзив) стоит во множественном числе, а владелец земли один. Однако, несмотря на это «исправление», все же в качестве примера для значения знака *ṣab* он приводит именно этот глагол ¹⁵⁶. Его чтение, следовательно, и перевод не могут быть приняты, поскольку субъектом в фразе являются «документы их», ибо глагол стоит в 3-м лице множественного числа. К тому же и логически документ должен был держать сам владелец земли в качестве гарантии против нарушения сделки. Если принять чтение и перевод Э. Салонена, то остается непонятным — на каком основании арендаторы, которые были обязаны дать ячмень и проценты, пользовались правом хранить документы владельца земли. Примечательно, что в документе даже отсутствует упоминание о гарантии (*sikkatu maḥṣat*), которая относится к владельцу земли. Поскольку владелец земли не получил плату за поле заранее, то он был заинтересован в том, чтобы условия договора выполнялись добросовестно, т. е. чтобы ему был возвращен ячмень с процентами. Поэтому хранение им расписок было оправдано. Вероятно, текст имеет в виду не только этот документ, но и еще один или несколько предшествующих ему.

Мы с точностью не знаем, какова же была судьба этих арендованных полей после истечения срока аренды, хотя ясно, что такие земли после расчета переходили к своему владельцу. Но как? Отражался ли этот возврат в каком-либо документе? В одном случае такой факт

¹⁵⁴ S. Langdon, *Babylonian Menologies*, p. 45.

¹⁵⁵ E. Salonen, *Untersuchungen*, S. 107.

¹⁵⁶ *Ibid.*, S. 65.

зафиксирован (№ 154:5—7): ^{SAL} Ku-be-ḫa-ap-ti i-na tú-ba-ti-šà i-na na-ar-a-ma-ti-šà eklam a-na be-li-šu a-na At-ta-wi-i[l-ki-maš] ut-ti-ir-ma «Кубехапти по доброй своей воле, по любви своей, поле хозяину своему, Аттавилкимашу, возвратил». Конечно, мы далеки от мысли, что подобные «расписки» выдавал каждый, кто арендовал поле. В ряде случаев стороны могли бы ограничиться устной договоренностью. Но мы склонны предположить, что возвращение земли по долгосрочной аренде во избежание дальнейших недоразумений фиксировалось в новом договоре ¹⁵⁷, а старый уничтожался. К тому же, вероятно, могло иметь место продление срока аренды, т. е. перенесение тех же обязательств того же арендатора на следующий год.

Аренда сада происходит по иному правилу, чем аренда поля. Так, в документе № 244 сдается в аренду сад, посевная площадь которого составляет 30 ка (стк. 5—10): ^m Nu-úr- ⁿ Inšušinak ^l š kirā a-na nu-ka-ri-bu-ti il-ké ^l šiklum kasrum te-mi-iḫ kirī araḫ zi-li-li-ti šà palī GAL kirū ib-ba-ḫar-ma i-na bīti-šu ù palī ³ ^{KAM} sikkatu maḫ-ša-at «Нур-Иншушинак сад для садоводства (т. е. на правах арендатора сада) взял, 1 сикль серебра (за) уход ¹⁵⁸ за садом (заплатил). Месяц зилити, район большой. Если сад будет потребован (по суду), то на дом его и (имущество в) третьем районе колышек будет забит». Площадь сада составляет 30 ка, за его аренду взимается 1 сикль серебра. Это соотнобразуется с той нормой оплаты, которую получал владелец земли за поле примерно такого же размера. Казалось бы, плата за аренду сада и поля совпадает. Однако одна фраза в строке 17 позволяет иначе подойти к этой сделке: 60 (ка) šē'um ḫu-bu-ul-lu «60 ка ячменя (являются) процентным долгом». Отсюда вытекает, что владелец сада был должником, а Нур-Иншушинак, который часто выступает в качестве арендатора, к тому же был кредитором. В погашение долга владелец сдает сад в аренду, поэтому арендная плата низкая. Плоды сада идут в погашение долга, а проценты должны были быть выплачены ячменем отдельно.

¹⁵⁷ Подобные «расписки» о возвращении земли владельцу составлялись также в Вавилонии (ср. А. П. Рифтин, *Старовавилонские юридические и административные документы*, стр. 83—84).

¹⁵⁸ Слово образовано от глагола eṣēku «быть усердным» (ср. W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, S. 214).

В документе № 245 сдается в аренду не только сад, и этот документ по характеру отличается от предыдущего. Поскольку данный документ своеобразен еще и тем, что там встречается новое слово, нуждающееся в объяснении, то целесообразно привести соответствующий отрывок из него полностью (стк. 1—11): *škiru i-šú ù ma-du palī IGI. URU. KI qa-du bi-ri-šu ma-as-kí-it atar Ku-ub-la itā* ^{SAL} *Ku-ri-ti is-ka-at Nu-úr-Ku-bi itti Nu-úr-Ku-bi* ^m *Nu-úr-¹¹Inšušinak škirū nu-ka-ri-ib-bu-tu eklu te-ší-du l šik-lam kaspam te-mi-iḫ škirī 1/2 šiklim kaspam te-ší-id ekli iš-ḫú-ul araḥ še-er-i e-reši šā palī GAL škirū ù bi-ru ib-ba-ḫar-ma i-na bitī-šu ù palī* ^{3^{KAM}} *sikkatu maḥ-ša-at.*

Прежде чем дать перевод этого отрывка, необходимо остановиться на слове *bi-ru*, которое еще не имеет достаточно убедительного объяснения. До последних лет это слово в научной литературе не было предметом специального анализа. Так, В. Шейль слово *bi-ru* в зависимости от контекста переводил «полевое оборудование», «производительный» ¹⁵⁹. Со ссылкой на один частноправовой документ из Суз и на случай, засвидетельствованный в вавилонских литературных текстах ¹⁶⁰, В. фон Зоден слово *bi-ru* переводил как «колодец, цистерна» ¹⁶¹. Недавно это слово подвергалось специальному анализу в статье Л. де Мейера ¹⁶², который *bi-ru* стал переводить «колодец», однако без подробного анализа других документов, содержащих слово *bi-ru*. Внимательное ознакомление с документом № 245, где встречается это слово, и сопоставление его с документом № 244, где зарегистрирована аналогичная аренда и где отсутствует это же слово, лишают эти мнения права на существование. Почему слово *bi-ru* не может означать «колодец»? Прежде всего, представление о том, что колодцы могли полностью удовлетворить потребности в орошении, является наивным. Кроме того, сад находился около канала (*atarpu*), который и орошал его. Одно это уже исключает возможность толковать слово *bi-ru* в документе № 245 как «колодец». Перейдем к конкретным доказательствам.

¹⁵⁹ MDP, XXIII, № 174, p. 17 sq.; № 245.

¹⁶⁰ W. G. Lambert, *Babylonian Wisdom Literature*, Oxford, 1960, pp. 78, 316.

¹⁶¹ W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, 2, S. 122.

¹⁶² L. de Meyer, *A propos de l'expression qadu lâ bêri*, pp. 201—205.

В документе № 244, как было видно, сдается в аренду лишь сад, и в тексте речь идет только о саде. А в документе № 245 арендуется *īškirū... ḳadu bi-ri-šu* «сад... вместе с его *bi-gu*», а в самом тексте упоминается *eḳlu* «поле», но нет слова *bi-gu*. Далее оно упоминается в строках 11—12 в записи гарантии против нарушения сделки *ki-gu ū bi-gu ib-ba-ḳar-ma...* «Если сад и *bi-gu* будут потребованы...». Таким образом, слово *bi-gu* в документе № 245 встречается в начале и в конце договора, а в середине текста его заменяет слово *eḳlu*. Отсюда вытекает, что слова *bi-gu* и *eḳlu* в этом контексте — однозначные слова. Исходя из этих соображений слово *bi-gu* следует переводить «земля». Однако возникает еще и другой вопрос — что это за земля, которая называется *bi-gu*?

Можно ли еще более конкретизировать значение слова *bi-gu*? Обратимся опять к документам. В документе № 174 речь идет об установлении доли некоего Шаллу (стк. 1—7): 50 (*ḳa*) *īškirī itā Warad-ī Ištār* 70 (*ḳa*) *īškirī itā Nu-un-a-bu-ni* 60 (*ḳa*) *īškirī itā Adad-ili* 60 (*ḳa*) *īškirī itā um-ma-ti ša Ma-di-tur-ri-i* [7]0 (*ḳa*) *īškirī itā^{SAL} Su-šu-li-wi-ir* 40 (*ḳa*) *eḳlu bi-gu itā um-ma-ti ša Ma-di-tur-ri-i is-ḳa-at Ša-al-lu* «50 ка сада по соседству с Варад-Иштаром, 70 ка сада по соседству с Нунабуну, 60 ка сада по соседству с Ададилу, 60 ка сада по соседству с людьми Мадитурри, 70 ка сада по соседству с Шушуливир, 40 ка поля — *bi-gu* по соседству с людьми Мадитурри — доля Шаллу». Как видно, здесь прямо упоминается *eḳlu bi-gu* после перечисления садов. Отсюда вытекает, что *bi-gu* — это земля, находящаяся при саде, тем более что и *ki-gu* и *bi-gu* упоминаются по соседству с владениями людей Мадитурри.

В документах № 175—176 распределение доли происходит таким же путем, а *eḳlu bi-gu* упоминается после перечисления садов. На этот раз (№ 175) *eḳlu bi-gu* упоминается по соседству с землей уже известного нам из документа № 174 Нунабуну.

То, что перед садами (или среди садов) были земли, предназначенные для зерновой культуры, может свидетельствовать арендный документ № 371 (стк. 5): 60 + 20 (*ḳa*) *zēg eḳli ša ra-ni īškirī* «80 ка посевного поля, что перед садом». Значит, *eḳlu bi-gu* были расположены вперемежку с садами, и *bi-gu* является землей, которая со-

ставляет часть целого, в данном случае часть сада, но без насаждений. Поскольку *bi-gu* расположена между садами, то не исключена возможность, что это слово — то же самое, что и *bīru/bīrtu* «промежуток», «то, что находится между чем-то». Вероятно, эламиты стали применять это слово по отношению к земле, расположенной между чем-то, например между садами или домами ¹⁶³. Поэтому для слова *bi-gu* скорее всего можно дать значение «промежуточная земля». Это значение подтверждается также данными из математических текстов, обнаруженных в Сузах. Приведем текст одного документа ¹⁶⁴: 1,20 а-па 33,20 *eḫlim bīrītīm i-šī-ma* «Если умножить 1,20 на 33,20 поля промежуточного». Издатели документов слово *bīrītīm* также понимают в смысле «промежуточный» ¹⁶⁵.

Таким образом, как видно из частноправовых документов, слово *bi-gu* обозначает землю, в основном пригодную для возделывания, землю, которая была расположена между садами и домами или рядом с садами и домами, следовательно, *bi-gu* обозначает промежуточную землю. Во всяком случае *bi-gu* первоначально обозначало именно такую землю, а впоследствии, вероятно, приобрело более широкое значение. В аккадском языке известно слово *bī-gu* со значением «промежуток».

Однако все это верно по отношению к сузским документам. Можно ли применить это значение ко всем случаям, а именно к тем, которые засвидетельствованы вне Элама, конкретно вне Суз? По-видимому, *bi-gu* как возделываемая земля должна была быть известна также в Вавилонии.

В связи с этим наше внимание привлекают старовавилонские документы. И действительно, там встречается слово *bi-gi-i* ¹⁶⁶, которое оставлено без перевода. Дело в

¹⁶³ О последнем может свидетельствовать документ № 172, который и служил материалом для Л. де Мейера в толковании значения слова *la bi-gu*. Об этом см. главу II, раздел «Распад домашней общины».

¹⁶⁴ MDP, XXXIV, 1961, № XXI, стк. 11, стр. 108. Ср. также стр. 47—48.

¹⁶⁵ В связи с этим ср. также *eḫel bi-ri-ti* (MDP, XXII, № 87:1): «поле промежуточное».

¹⁶⁶ P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, VI, № 1721, S. 118; AJSL, 30, 1913, p. 66; ср. *bī[...]*; P. Koschaker und A. Ungnad, *Hammurabi's Gesetz*, VI, № 1703, S. 111; AJSL, 30, 67.

том, что и там после *bi-ru* упоминается *eklu*. Например, 300 (SAR) *bi-ri-i*, а дальше речь идет об *eklum* (поле), которое принадлежит некоему Авилсину. Здесь *bi-ru* также равняется *eklu* и явно обозначает землю¹⁶⁷.

Исходя из сказанного приведенный отрывок документа № 245 следует перевести следующим образом: «Сад, малый или большой, в районе перед поселением вместе с (промежуточной) землей его, орошаемый каналом Кублы, по соседству с (женщиной) Курити, — доля Нуркуби; у Нуркуби Нур-Иншушинак (взял); сад — (на) садоводство, поле — (на) снятие урожая, 1 сикль серебра (за) уход за садом, полсикля серебра (за) жатву поля заплатил. Месяц шери — возделывания. Район большой. Если сад и (промежуточная) земля будут потребованы, то на дом его и (имущество в) третьем районе колышек будет забит».

Как видно, в документе речь идет также о плате, взимаемой с арендатора за снятие урожая и уход за садом; естественно полагать, что урожай и плоды сада будут принадлежать самому арендатору. В документе отсутствуют разъяснения, как делится урожай пополам между владельцами земли и арендатором, но указывается, что за аренду получено серебро, т. е. сад сдается в аренду за фиксированную плату. Здесь также можно допустить наличие долга владельца недвижимости арендатору.

Эта группа документов позволяет предположить, что существовали два вида аренды: во-первых, аренда зем-

¹⁶⁷ Подобное слово встречается также в вавилонских литературных текстах, где его один раз переводят «колодец», а другой раз — «обширный» (см. W. G. Lambert, *Babylonian Wisdom Literature*, p. 78, стк. 138—139). Однако и для этих случаев больше всего подходит значение «земля». В связи с установлением значения слова *bi-ru* Л. де Мейер приводит соответствующий текст из писем Мари («Archives Royales de Mari», IV, № 26:23—28) и встречающемуся там слову *biru* дает значение «колодец» (L. de Meyer, *A propos de l'expression qadu la bēri*, p. 205). Там речь идет о проведении канала в город Машкулия, а по толкованию Мейера получается, что в окрестностях этого города имелся один колодец, поэтому проводится канал. Если исходить из нашего толкования и перевести *biru* как «земля», то надо полагать, что канал был проведен потому, что там имелась земля, пригодная для возделывания. Это более веская причина для проведения канала, да и контекст не противоречит нашему переводу: *i-na eklim bi-ra-am ša-ki-in*. «Среди поля расположена земля» (промежуточная или возделываемая).

ли за наличный расчет (главным образом для садов); во-вторых, аренда земли с вычетом половины доли из урожая.

Наличие или отсутствие рабочих рук и инвентаря в хозяйстве является основным фактором, определяющим общественное и имущественное положение как арендатора, так и владельца земли. Поэтому арендатор часто был из числа зажиточных людей. Да и владелец сам мог быть таковым, но во многих случаях арендодатели — это те, которые не были в состоянии самостоятельно обрабатывать свои земли. Сдавая свою долю в аренду и заранее получая арендную плату, владелец земли иной раз сосредоточивал свое внимание, вероятно, на другом своем участке, который, судя по документам, оставался у него. А иногда он был вынужден сдавать свою землю из-за долгов. По-видимому, земледельцы иногда объединялись для ведения совместного хозяйства или закладывали свои земли (что видно из заемных сделок), чтобы на занятое серебро возделывать другие свои участки. Если же у земледельца не оставалось другой земельной площади, то заклад недвижимости в конце концов мог привести к ее отчуждению. Именно отчуждение земли было последней стадией разорения, если у земледельца не оставалось другого участка.

Какая же разница между сделкой *ezib tabal* и арендой с разделом урожая пополам? Внешне как будто бы никакой разницы нет. Но основное различие между ними в том, что при сделке *ezib tabal* владелец земли получал арендную плату заранее и дальнейшая судьба урожая его больше не беспокоила; он получал свои деньги — в виде ли займа, который должен был компенсировать урожай, или арендной платы — и на этом его претензии к арендатору кончались. Если арендатор потом терпел убыток или не получал никакого урожая в силу, например, стихийных бедствий, владелец земли не нес никакой материальной ответственности. Это прежде всего было выгодно владельцу земли, если арендная плата назначалась на нормальных условиях. Но при дележе урожая пополам получение урожая в известной степени зависело от случайностей и, естественно, как арендатор, так и владелец земли находились в состоянии беспокойства. Поэтому *ezib tabal* была гарантированной для владельца земли сделкой, и она во всех отношениях была

выгодна лишь для владельца земли, если, конечно, арендатор получал средний, а не чрезвычайно большой урожай.

Купля-продажа

До нас дошло около ста с лишним документов, повествующих о купле-продаже недвижимого имущества в Эламе¹⁶⁸. Эти документы, так же как и предыдущие, относятся примерно к периоду, когда в Вавилонии правили цари I Вавилонской династии. Несмотря на стандартность и однообразие этих документов, в них иногда встречаются формулы и обороты, которые проливают свет на некоторые вопросы социально-экономического характера. Многочисленность документов говорит о том, что в это время в Эламе или, точнее, на определенной части территории Элама (согласно документам, именно в Сузах и его окрестностях) шла интенсивная скупка и продажа недвижимого имущества. Сам этот факт свидетельствует об индивидуализации владения, в частности на продаваемые земли, о разрушении и распаде общины, хотя из документов нельзя установить — начался этот процесс в данный период или был продолжением уже длительного разложения общинного хозяйства. В связи с этим важно также выяснить вопрос — продавалось ли недвижимое имущество, находившееся в ведении общины или частных владельцев?

Изучение долговых документов показало, что в Эламе существовали три формы залога: ручной залог, ипотека и антихреза. При ручном залоге практически невозможен заклад недвижимого имущества; обычно закладывалось имущество движимое. При антихрезе — залоге, при котором кредитор получал право пользования заложенным имуществом, — закладывалось главным образом недвижимое имущество, т. е. поле, сад и т. д., при этом доходы шли на покрытие долга и уплату процентов, если последние предусматривались договором. При таком положении это заложенное имущество в конечном итоге могло вернуться к своему владельцу. Что касается ипотеки, то здесь дело обстояло иначе. После того как

¹⁶⁸ MDP, XXII, 1930, № 40—84; XXIII, 1932, № 200—240; XXIV, 1933, № 346—365.

земледелец занимал определенную сумму или зерно у кредитора, он в качестве гарантии возвращения долга закладывал свою недвижимость. Кредитор еще не получал права пользования этой недвижимостью. В случае неуплаты долга в срок должник лишался заложенного недвижимого имущества. Если при этом взятая в кредит сумма соответствовала цене недвижимости, то фактически сделка превращалась в эквивалентный обмен, но чаще стоимость залога превышала сумму займа. Не будучи в состоянии в срок уплатить по займу, должник часто оказывался вынужденным реализовать свою заложенную недвижимость, чтобы рассчитаться с кредитором. К сожалению, по документам не устанавливается, продается ли заложенная или другая недвижимость. Однако в ряде случаев, когда одно и то же лицо выступает как должник и продавец поля, вероятнее всего продажа заложенного имущества. Отчуждение же недвижимости в свою очередь свидетельствует об индивидуализации земель и о существовании частного землевладения в пределах домашней ооцины.

В наших документах несколько раз упоминается продажа недвижимого имущества в поселении, обозначенном термином *ālu*. Так, в документе № 67 продается дом с участком, который, по-видимому, находится в *ālu* Кук-Нашура¹⁶⁹. Однако *ālu* упоминается в купчих и в других контекстах. В документе относительно продажи поля записана клаузула, запрещающая дальнейшие претензии на участок (№ 234: 18—26): *eklaṁ 240 ka zēr-šu [šà] pi-i ṭup-pi an-ni [ib]-ba-kaṛ-ma i-na ekli ù kirī 60 ka zēr-šu šà āli šà Za-ap-pi-ja pātu šà iṣi li-ba-ri itā Te-im-ti-ḥa-aš-du-uk ù Sin-rabi māṛ Ibašši-ili sikkatu maḥ-ṣa-at* «Поле в 240 ка площадью: если оно, согласно этому документу, будет потребовано обратно (продавцом), то на поле и сад (его) площадью в 60 ка, что в поселении Заппии, на границе (у) старого дерева, по соседству с Темптихашдуком и Синраби, сыном Ибашшиили, колышек будет забит».

¹⁶⁹ Начало документа фрагментарно, но сохранилось указание на соседство объекта продажи. Надо отметить, что недвижимое имущество в *ālu* делилось между наследниками по жребью. Например, в документе № 168 двое сыновей Апил-Куби делят свое имущество, одному из них по жребью попадает дом, который находился в поселении (*ālu*) Кукрасир (т. е. Кук-Нашур?).

Из этого текста ясно, что продавец, кроме отчуждаемого участка, имел еще другое поле и сад, находящиеся в поселении Заппин. Есть другие случаи, когда продавец владеет недвижимым имуществом и вне поселения, например в № 202 встречаем: eklam ib-ba-qa-ag-ma i-na a-li u še-ri-šu ša i-šu-ú u i-ga-aš-šu-ú sikkatu ša Sin-im-gur-an-ni maḥ-ša-at «Если (проданное) поле будет потребовано (обратно), то в поселении и степи его (на всем), что есть и (чем) он владеет, колышек Синнимгурани будет забит» (ср. также 202: 18—20; 211: 13—14; 236: 10—12). Здесь ālu и šegu — два противоположных понятия: первое обозначает территорию поселения (также как URU.DAG «жилище поселения»), второе — пригород, окрестности поселения. Если забивание колышка действительно приводит к передаче собственности, то, естественно, можно считать, что недвижимое имущество, находившееся в поселении, а также вне поселения, было отчуждаемо.

Это все показывает, что в ālu необходимо в данном случае видеть не общину, а поселение в смысле села, города, поскольку оно противопоставляется šegu. Следовательно, в Эламе, во всяком случае в разбираемых документах, ālu, как было показано, употребляется и в значении села, поселка, города, а не в смысле общинной организации с присущей ей формой землевладения.

В Передней Азии II тысячелетия до н. э. наряду с организацией землевладельцев, какой является сельская община (ālu), обычно наблюдается как ее составная часть и другая землевладельческая организация — семейная община. Развитие имущественной дифференциации вызывает разложение семейной общины, распадается большая семья как единое хозяйственное целое. Семейное имущество делится между индивидуальными семьями, которые по своему усмотрению распоряжаются этим имуществом, вплоть до права его отчуждения. При продаже участка обычно указывается объект купли-продажи, цена, район его расположения, контрагенты, условия сделки и т. п. Но в некоторых случаях описывается история владения участком, на основании которой прослеживается переход данного участка в виде наследства от поколения к поколению, до его отчуждения. Это особенно ярко видно из документа № 200, в котором отмечена продажа поля некой Вакарту. Полная цена, упла-

ченная за поле, составляет 1 мину 20 сиклей. В состав цены входит 60 ка ячменя и 10 ка сезама. (В других документах отсутствует плата натурой).

В этом документе наиболее важным моментом является указание на историю объекта: *eklu šà* ¹¹Adad-gugalli ma-a[h-ru] ¹¹Adad-gugalli a-na Ū-bar-ti ma-ar-ti-šu i-ki-iš-ši Ū-bar-tum a-na Ra-ma-a-ti ma-ar-ti-ša ta-ki-iš Ra-ma-a-tum a-na Wa-ḫar-ti ma-ar-ti-ša ta-ki-iš Wa-ḫar-tum a-na ši-mi ga-am-ru-ti i-na ki-di-nim šà ¹¹Inšušinak a-na ¹¹Gul-a-si-ig ta-di-in «Поле, которое Ададгугалли получил, Ададгугалли дочери своей Убарту подарил: Убарту (после этого) Рамату, дочери своей, подарила; Рамату — Вакарту, дочери своей, подарила. Вакарту за полную цену, согласно защите (т. е. обычаю) бога Иншушинака, Гуласиру отдала».

Кроме того, что этот отрывок позволяет проследить историю продаваемого поля, которое находилось в частном владении Вакарту, он проливает свет на вопрос о наследстве. Так, поле сначала в виде подарка перешло от отца к дочери. Обращает на себя внимание тот факт, что Ададгугалли подарил поле дочери, а не сыновьям или жене ¹⁷⁰. Но и от Убарту это поле передается по наследству в семье только по женской линии до его отчуждения.

Документы № 137, 381—382 свидетельствуют о переходе имущества матери к дочери. В одном случае мать лишает сына наследства и завещает свое имущество своей дочери (№ 137). В другом (№ 381—382) мать дарит свое имущество опять-таки дочери, несмотря на то что у нее были и другие дети. Возможно, сыновья обеспечивались отцом. Обычно на древнем Востоке подарок дочери при жизни матери имел целью обойти соответствующее положение обычного права, согласно которому дочь не была наследницей. Однако это обычное явление не в полной мере характерно для Элама, хотя бы потому, что в разделе отцовского имущества участвуют все дети независимо от пола.

Таким образом, недвижимое имущество, отмеченное в документах как подарок, могло отчуждаться; значит,

¹⁷⁰ В среднеассирийских законах после смерти мужа жена ничего не наследовала, она переходила на содержание к сыновьям САЗ: § 46 (И. М. Дьяконов, *Законы Вавилонии*, стр. 247). Даже в случае развода муж мог оставить жену без обеспечения (САЗ, № 37, 38).

этот участок не входил в общее хозяйство уже в течение нескольких поколений. Характерно, что в документе № 200 отец дарит дочери недвижимое имущество, которое, судя по контексту, лишь переходит или передаривается по женской линии. Следовательно, это поле при любых обстоятельствах находится в руках женщины, которая им владеет даже живя в доме мужа, а впоследствии дарит своей дочери, а не сыну. Может быть, в этой семье в течение этих поколений не рождались сыновья. Но это и не важно. Сын всегда получал свою наследственную долю. В данном случае нас интересует то, что дочь, уходя в супружеский дом, сохраняет право отчуждать недвижимость, полученную от матери, так же как она может отчуждать свою долю, полученную в результате дележа отцовского имущества.

О социальном расслоении внутри семьи свидетельствуют некоторые документы с упоминанием наследников некоего Ададбани. Поскольку к наследникам дома Ададбани имеет отношение скупщик недвижимости Илабратаби, то необходимо рассмотреть документы, где он и члены дома Ададбани упоминаются во взаимосвязи. Сличение этих документов показывает, что одна семья распадается и нищает, другая в результате дележа также распадается, однако из нее выделяется наиболее богатый представитель. Для показа этого мы приводим данные некоторых документов, которые частично были рассмотрены выше в другой связи.

В одном случае документ (№ 14) сохранил факт раздела имущества между семью братьями, сыновьями некоего Курдии, в числе которых упоминается также Илабратаби. Согласно этому документу, подлежит делению их имущество в поселении (*ālu*) и вне его (*šēru*), крупный и мелкий рогатый скот, золото, серебро, абсолютно все, что ими собрано в течение совместной жизни в семье (стк. 5—15): ...[mārē] Ku-ur-di-ja [i-na tū]-ba-ti-šu-nu i-na na-ar-a-m[a-ti]-šu-nu makkur āli^{kl}-šu-nu ù šēri^{kl}-šu-nu [alpē]-šu-nu šenē-šu-nu [lu-bu-un]-šu-nu ù ma-aš-ra-šu-nu [ma-na-ab] i-di-šu-nu [še-am] kaspam hurāsam bu-ša makkura [mi-im-ma] šà ili a-na a-wi-lu-ti [a-na ra]-še-e id-di-nu [zi-zu-ú] «...[сыновья] Курдии [по до]брой воле своей, по лю[бви] своей имущество поселения и степи своей, [крупный] и мелкий скот свой, [бедность] и богатство свое, [труды] своих рук, [ячмень], серебро, золото,

владение, имущество, [все], что бог человеку во владение дал, разделили».

Как видно из этого текста, перед нами типичная большесемейная община с семью хозяйственными единицами, поскольку упоминаются семеро сыновей Курдии. Разумеется, хозяйство велось коллективно до раздела и даже присвоение продуктов труда было коллективным, судя по тому, что разделу подлежит и недвижимость. Однако, вероятно, в этой семье все же имущественная дифференциация началась, ибо после раздела один из братьев занимается скупкой чужих земель. Со всей уверенностью можно сказать, что распад большесемейной общины в определенной степени был вызван смертью отца. Среди братьев наиболее деловым человеком оказывается Илабратаби, который путем покупки расширяет свое хозяйство (№ 44—45; 50—51; 53). По сравнению с другими братьями он становится зажиточным землевладельцем ¹⁷¹.

Как же обстоит дело с домом Ададбани? Писец так передает соответствующий акт (№ 21), который регистрирует факт выделения детей Ададбани (1—12 стк.):
m. SAL Ša-bi-tu m. SAL Ba-ni-tu m Da-mi-iḫ-¹¹Inšušinak ū
Be-el-šū-nu māre^{meš} ¹¹Adad-ba-ni iš-tu É.DU.A GAL šu-ba-
at a-bi-šū-nu i-zu-zu i-na É.DU.A, ^{meš}š-šū-nu a-ḥa-ti is-ka
id-du-ma i-na É.DU.A ša ¹¹Ilabrat-a-bi mār Ku-ūr-di-ja
wa-aš-bu itā Ku-ka-ti is-ka-at SAL Ba-ni-ti itā SAL Ba-ni-ti
is-ka-at Da-mi-iḫ-¹¹Inšušinak itā Da-mi-iḫ-¹¹Inšušinak
is-ka-at Be-el-šū-nu itā Be-el-šū-nu [is-ka-at SAL Ša-bi-ti]
«Сабиту, Баниту, Дамик-Иншушинак и Белшуну, дети Ададбани, большой дом — жилище (т. е. хозяйство) отца своего разделили: о хозяйстве своем дети (братья и сестры) жребий бросили и (вследствие этого) около дома, в котором Илабратаби, сын Курдии, живет, по соседству с Кукати — доля Баниту, по соседству с Баниту — доля Дамик-Иншушинака, по соседству с Дамик-Иншушинаком — доля Белшуну, по соседству с Белшуну — [доля Сабиту]». Значит, после смерти главы семьи наблюдается распад семейной собственности на мелкие индивидуальные владения. Если до смерти главы дома хо-

¹⁷¹ По-видимому, он занимался ростовщичеством. В одном из отчетных документов (№ 386:2) некий Курлиби должен ему 1 гур 150 ка ячменя.

заявленная жизнь семьи была общая, то после она распалась и каждый член семьи мог по своему усмотрению распоряжаться своим наделом. В самом деле, двое из детей Ададбани отчуждают свою долю, причем покупателем является их сосед Илабратаби, который также вел самостоятельное хозяйство. Вероятно, доля Баниту находилась в районе именно этого (а не другого, который мог бы быть расположен в ином месте) дома Илабратаби. Расположение жребиев рядом друг с другом еще раз свидетельствует о единстве хозяйственной жизни до раздела. После этого раздела Илабратаби покупает прилегающие к его дому доли, а именно доли Баниту и Дамик-Иншушинака.

В документе № 44 зарегистрировано отчуждение дома Дамик-Иншушинака (стк. 1—12): E.DU.A ša-ki-it-ti i-sú ù ma-du ka-du i-ga-ra-ti-šu 4^{1a.a.a.n} dalāte-šu ù GIŠDUMU.KU meš-šu itā nadīti ¹¹Adad-du-um-kí itā Ū-zalim mār Ma-a-nu-ša-ni-in-šu ù itā A-ku-ki gi-mi-ir E.DU.A a-dí ri-bi-ti is-ka-at ¹¹Adad-ba-ni ša itti nadīti ¹¹Adad-du-um-kí a-ḥa-ti-šu i-šu-ú itti Da-mi-iḫ-¹Inšušinak mār ¹Adad-ba-ni ^{m.ii}Ilabrat-a-bi i-ša-am «Дом с постройками, малый или большой, вместе со стенами его четырехсторонними, дверьми его и запорами (?) ¹⁷² его по соседству со жрицей Ададдумки, по соседству с Узалимом, сыном Манушанишу, и по соседству с Акуку, весь дом со (всея) площадью ¹⁷³, долю Ададбани, которой он вместе со жрицей Ададдумки, сестрой своей, владел, у Дамик-Иншушинака, сына Ададбани, Илабрат-аби купил».

Не менее интересен факт, что жрица одновременно является членом семейной общины. Как мы видели, продается дом (с участком), находившийся в совместном владении жрицы Ададдумки и ее брата Ададбани. Дом продает сын Ададбани, вероятно, после смерти отца. Здесь отсутствуют какие-либо претензии со стороны жрицы. Возможно, Ададдумки, став жрицей, отказалась от права владения имуществом, находящимся в семейной

¹⁷² Шейль принимает как эквивалент этого слова аккадское šimī-at-ti, которое встречается в документах № 46—47 вместо GIŠDUMU.KU. Естественно, это позволяет считать их словами с аналогичным значением. Однако Шейль переводит это слово как «ограда» (clôture), но это — множественное число от šamū «дверной косяк». Поэтому мы его понимаем как «запор» для дверей.

¹⁷³ См. E. Salonen, *Untersuchungen*, S. 125.

общине. В Законах Хаммураби говорится о том, что жрица могла подарить свою долю кому захочет (§ 179, 182). Это положение по-видимому, можно применить и к нашему случаю. По крайней мере племянник выступает как единоличный распорядитель собственности.

Прежде чем рассмотреть вопрос об отчуждении недвижимости, необходимо остановиться на двух словах, а именно *iskātu* и *Ē.DU.A*, так как конкретно указывается, что то и другое является объектом купли-продажи.

Как мы видели из предыдущего текста, *iskātu* — это доля, доставшаяся члену семьи в результате дележа отцовского имущества, следовательно, в данном случае она была наследственной долей, хотя для обозначения последней имеется и специальный термин *zittu*¹⁷⁴. *Iskātu* встречается как в документах купли-продажи, так и в документах раздела. Это позволяет считать, что *iskātu* обозначало вообще всякую долю (дареную, наследственную и т. п.). Возможно, как и в других странах, *zittu*¹⁷⁵ — термин для обозначения лишь наследственной доли¹⁷⁶. Во всяком случае наличие различных обозначений владения показывает колебание в применении правовой терминологии и, возможно, указывает на отсутствие между ними существенного различия. Как *zittu*, так и *iskātu* отчуждаются.

Что касается *Ē.DU.A*, то понимание его вызывает некоторые затруднения. В Вавилонии это слово обозначало дом с участком¹⁷⁷. *Ē.DU.A* в наших документах во многих случаях, по-видимому, имеет такое же значение — дом с участком. Вероятно, что иной раз это слово могло обозначать вообще хозяйство¹⁷⁸. Так, в приведенном выше тексте (№ 21), судя по характеру раздела, *Ē. DU.A GAL* можно перевести как «хозяйство большое», но не как «дом с участком или постройками».

¹⁷⁴ В ассирийских и вавилонских текстах *zittu* встречается только в таком значении.

¹⁷⁵ См. документы № 43, 62, 350, 353—354, 357, 359—362, хотя *zittu* выступает в таком же контексте, что и *iskātu*.

¹⁷⁶ *iskātu* от глагола *esēku* «наделять, предоставлять долю», *zittu* от *zāzu* «делить».

¹⁷⁷ См. Н. М. Никольский, *Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье*, Минск, 1948, стр. 47.

¹⁷⁸ Ср. ассирийский термин *bitu*, который обозначал также «земельный участок» (И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, Л., 1949, стр. 24).

Однако в некоторых других случаях под É.DU.A подразумевается конкретный «дом» и даже «дом бога», т. е. храм. Например, в документе № 44, где речь идет об отчуждении, отмечается: *arkī ku-bu-us-sé-e šà É.DU.A*¹⁷⁹ *Inšušinak ik-bu-sù* «По следам (т. е. по обычаю) дома (бога) Иншушинака они следовали» (см. также № 45, 50—51, 53). Таким образом, É.DU.A включает несколько понятий, но все они связаны с понятием «дом». Примечательно, что обычное для аккадской клинописи слово *bītu* (или *É*) «дом» очень редко встречается в документах купли-продажи¹⁷⁹.

Из документов видна и дальнейшая судьба детей Ададбани и Курдии. Как было видно из приведенного выше текста (№ 44), Дамик-Иншушинак продает свой дом (É.DU.A) Илабратаби, сыну Курдии, за 13 сиклей. Тот же документ позволяет считать, что этот дом не был единственным владением Дамик-Иншушинака, ибо далее предусматривается, что в случае нарушения сделки предьявляется вещное право на другую его недвижимость (стк. 27—30). Документ № 50 свидетельствует о продаже того участка Дамик-Иншушинака, который, как мы видели, достался ему в результате разделения отцовского хозяйства (№ 200). Это устанавливается потому, что в документе в качестве соседей упомянуты его брат Белшуну и сестра Баниту (стк. 5—6). Цена дома 20 сиклей серебра. Покупатель — тот же Илабратаби (стк. 1—10): *gi-ba-at É.DU.A...*¹⁸⁰ *itā Be-el-šu-nu ù itā*^{SAL} *Va-ni-ti itti Da-mi-iḫ-ⁱ Inšušinak^{m. i} Ilabrat-a-bi i-ša-am*
a-na šī-mi-šu ga-am-gu-ti 1/3 MA. NA kasram iš-ḳú-ul
«Дом с площадью... по соседству с Белшуну и по соседству с Баниту у Дамик-Иншушинака Илабратаби купил, как полную цену 1/3 мины серебра заплатил». Однако из этого документа также выясняется, что Дамик-Иншушинак владел, кроме этого, еще домом и землей (стк. 23—25): *É.DU.A ib-ba-ḳar-ma i-na É.DU.A-šu ù palī*^{3KAM} *sikkatu maḥ-ša-at* «Если дом будет потребован, на дом его и (на то), что в третьем районе, колы-

¹⁷⁹ Хотя Шейль вместо É.DU.A в тексте иногда читает *bītu*, но *bītu* встречается лишь в немногих документах. Отсутствие последнего в документах говорит о том, что идеограммой É.DU.A передавалось значение слова «дом», «усадьба».

¹⁸⁰ Эти строки пропущены нами; они аналогичны тем, что были приведены выше в документе № 44.

шек будет забит». То, что у Дамик-Иншушинака оставалась упомянутая недвижимость, показывает и документ № 90, в котором он является арендатором. Как при аренде, так и при продаже документ предусматривает лишение его именно этого имущества в случае нарушения сделки. Поскольку во всех трех случаях упоминается лишь указанная недвижимость, то следует предполагать, что она была его единственным оставшимся владением. Отсюда в свою очередь вытекает, что после того как Дамик-Иншушинак образовал индивидуальную семью, его хозяйство пошло на убыль, т. е. он стал разоряться в результате продажи своей недвижимости.

Его сестра Сабиту также лишилась своего дома, доставшегося ей при метании жребия. Дом был продан за 20 сиклей (№ 51: 1—12): *ri-ba-at É.DU.A... is-ka-at Sa-bi-ti mārat* ^{SAL} *Adad-ba-ni šà itti aḥ-ḥi-šà i-šu-ú itā bīti šà Dam-ki-ja-mār Ilu-ṭabtj-ja wa-aš-bu ù itā Be-el-šun-u a-ḥi-šà itti* ^{SAL} *Sa-bi-ti* ^{m. II} *Ilabrat-a-bi i-ša-am a-na ší-mi-šu ga-am-ru-ti* $\frac{1}{3}$ *MA.NA kasram iš-ḳú-ul* «Дом с площадью... доля Сабиту, дочери Ададбани, которым (она) вместе со своими братьями владеет, по соседству с домом, где Дамкия, сын Илутабтии, живет, и по соседству с Белшуну, ее братом; у Сабиту Илабратаби купил. Как цену его полную $\frac{1}{3}$ мины серебра заплатил». Текст отмечает, что Сабиту владеет этим домом вместе с братьями, однако документ № 21 свидетельствует о разделе единого хозяйства. Но можно заключить, что, несмотря на дележ, братья обрабатывали ее участок вместе со своим, поскольку она одна не была в состоянии этого делать. Таким образом, говорить о существовании коллективного владения после раздела недвижимости данной семьи нельзя, ибо само отчуждение дома показывает, что Сабиту обладала правом собственности.

Но здесь можно предположить, что после раздела братья взяли сестру под свою опеку, поскольку она еще не была замужем. Исходя из цены обоих участков, можно сказать, что они по размеру были одинаковы, следовательно, при разделе придерживались принципа равномерного дележа. Выясняется, что Сабиту владела еще и другим имуществом, таким же, какое было у Дамик-Иншушинака (стк. 25—27). И в этом случае покупателем является Илабратаби. Поскольку дележ про-

изводился путем метания жребия, то надо думать, что старший в семье не получал преимущественных прав.

Таким образом, сравнение судьбы двух семей — Курдии и Ададбани — со времени раздела их отцовского хозяйства показывает, как появившееся имущественное неравенство внутри семьи (которым, быть может, и был вызван раздел общего хозяйства) приводит к разным последствиям. Один из представителей дома Курдии, а именно Илабратаби, расширяет свои владения путем скупки чужого имущества (ср. также № 45, 53). Вероятно, он становится зажиточным землевладельцем; об этом свидетельствует то обстоятельство, что его документы были найдены в отдельном сосуде, который был положен в могилу вместе с трупом Илабратаби¹⁸¹. Бывшие члены другой семейной общины после разделения разоряются. Итак, имущественная дифференциация приводит семейную общину к дальнейшему распаду.

К числу лиц, постоянно выступавших в качестве покупателей недвижимого имущества, относится и некий Иттиилибалит, сын Апил-Куби. В документе № 168 он и его сестра Думмука делят свое имущество (стк. 1—7):
^{SAL}Du-um-mu-ka ù It-ti-ili-ba-li-iṭ māṛē meš^m A-pil-¹¹Ku-bi i-na tū-ba-ti-šu-nu i-na na-ar-a-ma-ti-šu-nu ālu-šu-nu ù šēru-šu-nu bu-ša ù ba-a-ši-ta mi-im-ma ša ilu a-na a-wi-lu-ti id-di-nu zi-i-zu «Думмука и Иттиилибалит, сыновья Апил-Куби, по доброй воле своей, по любви своей поселение их и степь их, владения и имущество, все, что бог человеку дал, разделили».

Затем (документ № 212) Думмука свою долю (iskātu) продает Иттиилибалиту, причем там же отмечается, что эта доля досталась Думмуке в результате дележа (стк. 1—9): É.DÜ.A [i-šú] ù ma-du is-ka-at^{SA} Du-um-[mu]-ka ša itti It-ti-ili-ba-li-iṭ i-zu-zu itā Ri-im-¹¹Adad ù itā Warad-¹¹Is-ka-an itti^{SAL} Du-um-mu-ka^m It-ti-ili-ba-li-iṭ i-ša-am a-na ší-mi-šu ga-am-ru-ti 3 šiklī kaspam iškú-ul «Дом малый или большой, доля Думмуки, которую с Иттиилибалитом они разделили, по соседству с Рим-Ададом и Варад-Исканом, у Думмуки Иттиилибалит купил; как цену его полную 3 сикля серебра запла-

¹⁸¹ MDP, XXII, стр. 1. Шейль отмечает, что таблетки были разбросаны по поверхности земли. Иногда они встречаются вместе, создавая как бы семейный архив. В подобных случаях они сохранялись в сосудах, кувшинах и клались в могилу.

тил». По всей вероятности, имеется в виду раздел, произведенный согласно документу № 168. Таким образом, он покупает долю своей сестры. Однако это не вся доля, доставшаяся ей в результате дележа. Как мы видели, было разделено все, что имелось в хозяйстве, а здесь продается лишь дом.

В документе № 177 Иттилибалит и двое других лиц, по-видимому, делят имущество. Документ фрагментарен, но сохранился объект дележа — это крупный и мелкий скот и дома. Однако ясно, что это имущество было их общим, коллективным владением, тем более что иногда отчуждается именно коллективное имущество, о чем речь пойдет ниже. В этом случае эти лица не являются ни братьями, ни родственниками, поскольку каждый из них сын определенного человека, имя которого упоминается в тексте. Отсюда вытекает, что коллективное владение, объединенное в домашней общине, не всегда предполагает наличие близкого, кровного родства. Чаще всего Иттилибалит выступает в качестве покупателя полей (eklu) различных размеров (№ 206, 208, 209, 218, 219, 222, 234), несколько раз — E.DU.A (№ 210, 212, 232, 240). В двух случаях (№ 214, 235) он является покупателем необработанной земли (қаққағи) ¹⁸².

Кроме Илабратаби и Иттилибалита покупателями всегда являются Синимгуранни ¹⁸³, Иррашагир (№ 58—59, 63, 64, 78, 80), Аттавилкимаш (№ 52, 71, 73), Пузур-Мазат (№ 348, 349, 351, 361—363). Эти люди путем скупки чужого имущества расширяли свои владения, и, следовательно, входили в состав наиболее богатой верхушки общества. Если, с одной стороны, обогащалась определенная прослойка населения, то с другой — наряду с этим происходил процесс разорения более слабых хозяйств. Поэтому, разумеется, за исключением редких

¹⁸² По-видимому, қаққағи — необрабатываемая земля, пустырь, которая была годна как место для стройки. Так, в документах среднеассирийского периода этот термин применяется, по-видимому, для обозначения необработанной или негодной к обработке земли (см. И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений*, стр. 44, прим. 6).

¹⁸³ В общем купленные им поля составляют 3 гура 120 ка (№ 202, 205). Два раза он покупает E.DU. A. (204, 236), один раз продает дом (№ 201:3). Эта продажа могла быть предпринята для того, чтобы сконцентрировать свое имущество в одном районе, поскольку тот же покупатель в документе № 204 продает ему дом в другом месте. Это был обмен, юридически оформленный как продажа.

случаев, в документах трудно встретить определенных лиц, постоянно выступавших в качестве продавцов недвижимого имущества, — продавали землю либо бедняки, либо те, кто вел специализированное хозяйство, нуждавшееся не столько в землях, сколько в средствах.

Так, Шумулибши продает свое поле (№ 80 : 3), а в другом случае он выступает как арендатор (№ 102 : 6). В такой же роли выступают Бели (как продавец — № 53, 66; как арендатор — № 252, 256, 258) и Нурлама (как продавец — № 66; как арендатор — № 86). Однако кроме продаваемого участка у последних оставалась во владении их доля (№ 66 : 21—23). Примеры продажи недвижимого имущества имеются в ста с лишним документах, поэтому приведенных нами достаточно, чтобы видеть, что земледелец после потери земли или определенной части земли существует, вероятно, арендой.

Однако некоторые примеры показывают, что земледелец не всегда лишался всего недвижимого имущества, находящегося в его владении. Примером могут служить клаузулы, встречающиеся почти в каждом документе и предусматривающие наказание за нарушение сделки.

Первый тип штрафной клаузулы: *E.DUA ib-ba-aḫ-kaḡ-ta i-na takkurī šā āli-šu ū sēgi-šu sikkatu maḥ-ša-at* «Если дом потребует (обратно), на имущество его, что в поселении его и степи его, колышек будет забит» (№ 202, 211, 236). Однако клаузулы этого типа и условия в них бывают различными. В другом случае говорится, что «если поле он потребует обратно, то 5 мин серебра заплатит и на имущество, что есть, колышек будет забит» (№ 217)¹⁸⁴. Иной раз указывается, что «колышек будет забит» на какое-то конкретное имущество, например на дом (№ 353, ср. также № 44—46, 49, 227, 229, 235 и др.), на поле и сад (№ 206, 208, 216, 222, 232, 234 и др.). На основании этого типа клаузул можно полагать, что нарушение сделки приводило к отнятию у виновного оставшегося имущества. Следовательно, все имущество могло отчуждаться.

Л. Оппенгейм, рисуя общую правовую картину Месопотамии и Суз, отмечает сходство клаузул этого типа только для Суз и Дильбата или для Суз и непосредст-

¹⁸⁴ Близики по содержанию некоторые клаузулы, встречающиеся в документах № 66, 239. Земледелец лишается своей доли (*iṣṣātu*).

венно южноавилонских городов-государств¹⁸⁵. П. Кошакер¹⁸⁶ же полагает, что забитие колышка означает выставление публичного знака, и далее рассматривает его правовое назначение. Но он сталкивается с трудностями, когда пытается понять право ответственности, возникающее в связи с забитием колышка, и отмечает, что либо клаузула мотивирует имущественную ответственность, либо речь идет о закладном праве. Однако, хотя об этой клаузуле можно сказать то и другое, необходимо к каждому случаю подойти конкретно. В купчих речь не может идти о залоге, скорее такая клаузула — гарантия против требования проданного участка. В случае нарушения сделки, оформлявшей окончательную продажу поля, на поле продавца забивается колышек. Но это уже последующая стадия, которая может наступать тогда, когда нарушается сделка. П. Кошакер же имеет в виду именно эту последующую стадию и старается видеть в этом заклад без владения кредитором¹⁸⁷, что по существу верно по отношению к заемным сделкам. Но в купчих забитие колышка не может означать заклад, а скорее обозначает присвоение, т. е. если продавец потребует это поле, то другое поле заменит его. В некоторой степени это подтверждается также другими документами.

Прежде всего мы имеем в виду документ № 364, в котором записана следующая клаузула (стк. 14—19): É.DÜ.A an-nu-u ib-ba-[kar-ma] É.DÜ.A... šu-ba-as-sú ša Warad-Sin itā Sin-šar-gum ki-ma É.ḪÜ.A¹ [an]-ni-[i] iz-za-az «Если дом этот будет потребован, то дом... жилище, его принадлежащее Варад-Сину, по соседству с Синшаррумом, вместо этого дома будет представлен». В этом документе Варад-Син продает один дом, а другой дом, в котором он живет, у него остается. Но из клаузулы вытекает, что если проданный дом будет потребован, то дом-жилище продавца будет передан покупателю взамен требуемого дома¹⁸⁸.

¹⁸⁵ L. Oppenheim, *Studien zu den altbabylonischen Stadtrechten*, — «Orientalia», NS, vol. IV, fasc. 2, 1935, S. 154.

¹⁸⁶ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 102 sq.

¹⁸⁷ Ibid., S. 104—105.

¹⁸⁸ Хотя П. Кошакер (ibid., S. 101—102) приводит почти аналогичную клаузулу из документа № 61 и отмечает, что кредитор посредством забития колышка претендует на имущество для себя, в дальнейшем он не придает значения этому факту.

По аналогии с этим случаи с *sikkatu maḥṣat* следует понимать не как залог, а как эквивалентную передачу или как замену. В этом аспекте особенно интересен документ № 365, текст которого был приведен во II главе (раздел «Усыновление и прием в братство»). В этом документе Ириб-Син покупает поле, но клаузула ответственности здесь иная (стк. 10—17): *eḫlu an-nu-ú... ib-ba-ḳar-ma i-na mi-im-ma āli^{kl} ū ṣēri^{ik}ša Wardi-i-U.U. i-šu-ú Wardi-i-U.U ū I-ri-ib-Sin aḫ-ḫu-ú* «Если поле это... будет потребовано, во всем, что в поселении и степи, которые Вардиуу имеет, Вардиуу и Ириб-Син братья». Подобная клаузула ни в одном документе не встречается и наглядно показывает, что в случае требования обратно уже проданного поля другой участок продавца должен был возмещать данное поле. Клаузулы ответственности в купчих не могут быть истолкованы как залог еще и потому, что дальнейшая судьба подобного залога не отмечается документом¹⁸⁹.

Второй тип штрафной клаузулы: *...šà ib-ba-la-ka-tu ri-it-ta-šu ū li-ša-an-šu i-na-ak-ki-sú 10MA.NA kaspat išakkal (№ 353)*¹⁹⁰ «Кто (сделку) нарушит — его руки и его язык отрежут и 10 мин серебра он отвесит». Это наказание предусматривалось в случае нарушения контрагентом клятвы. Клялись жизнью царя, правителя или бога. Иногда одна из штрафных клаузул отсутствует, т. е. либо предусматривается телесное наказание (№ 41, 215, 229), либо денежный штраф в 10 гур ячменя (№ 219). Иногда обе клаузулы в документах отсутствуют (№ 221, 223, 230) или записывается лишь одна из клаузул (№ 46, 53, 202, 205, 218 и др.).

Наличие обеих клаузул в одном и том же документе показывает, что земледелец вдвойне отвечал за нарушение. С одной стороны, он лишался своего имущества за нарушение сделки, с другой — за нарушение клятвы он нес наказание и платил денежный штраф. Под такое же наказание попадает и сам покупатель.

¹⁸⁹ П. Кошакер (P. Koschaker, *Randnotizen*, S. 229 sq.) в связи с этой клаузулой отмечает, что поле продается взамен уплаты, видимо, долга, в случае нарушения условий сделки кредитор вступает в имущественное сообщество с ответчиком и приобретает долю из этого имущества. Однако в документе поле выкупается (*irṭīru*), и поэтому, наоборот, бывший должник приобретает долю из владений кредитора в случае нарушения сделки.

¹⁹⁰ Ср. также № 42, 43, 44, 45, 50, 51, 200, 201, 212 и др.

Таким образом видно, что малейшее нарушение сделки могло привести к окончательному разорению земледельца, поскольку требование поля обратно рассматривалось как нарушение сделки. Наличие этих клаузул показывает, что условия юридических актов соблюдались крайне строго.

На основании сказанного можно сделать вывод, что земледелец обычно не продавал последний участок и сохранял еще дополнительное имущество. Однако в тех случаях, когда отсутствует клаузула об изъятии имущества, можно предположить, что у земледельца-продавца уже не было другого недвижимого имущества, которое можно было бы взять в виде штрафа. Документ № 57 свидетельствует об отчуждении последнего земельного участка. Продается *eḫlu ma-la ba-šū* «поле, сколько есть», причем отсутствует клаузула о штрафном изъятии имущества, вероятно потому, что у продавца уже не было другого имущества. Следовательно, в этот период землевладение в Сузах и его окрестностях находилось на той стадии развития, когда, с одной стороны, происходила индивидуализация и укрепление семейного имущества, с другой — разорение индивидуальных земледельческих хозяйств, выделившихся из домашней общины.

Наряду с индивидуальными владениями имелась коллективная семейная собственность, которая также отчуждалась. В качестве продавцов упоминаются двое, трое, даже четверо. Так, двое, сыновья Иншушинакаби, продают поле в 200 ка за 18 сиклей (№ 209). Далее отмечается, что *eḫel 200 qa zēgi šà-i-im ù kaspat le-ḳé* «поле в 200 ка площадью куплено и серебро взято» (ср. также № 208). Эта фраза показывает, что юридически купля-продажа совершена. По-видимому, у братьев не было другого владения, ибо место, которое должна была занять клаузула о лишении остального имущества, содержит лишь упомянутую фразу о вступлении в силу договора. Один раз трое братьев продают поле (размер не сохранился) за 9½ сиклей (№ 66). Согласно этому документу, они имели еще и другое имущество, состоящее из поля и дома (стк. 21—26). Ясно, что у них была единая в хозяйственном отношении семья.

Однако не обязательно продавцы должны были являться близкими кровными родственниками, чтобы вла-

деть землей сообща. Об этом свидетельствуют многие документы. В документе № 205 двое продают поле, состоящее из 2 гур 120 ка за 1 мину 5 сиклей¹⁹¹. Из документа выясняется, что кроме проданного участка у одного из них остается сад в 240 ка. Это дает основания для следующего суждения. Имея коллективную собственность на какой-то определенный участок земли, они могли иметь и отдельное владение. То, что не все продавцы имели наряду с коллективной также и личную собственность, подтверждается и другими примерами: в № 219 упоминается клаузула о лишении, вероятно, только одного продавца недвижимости, находящейся в его личном владении. В другом случае (№ 228) двое женщин продают поле, штрафная клаузула отсутствует¹⁹².

Видимо, в случае нарушения сделки могла быть изъята недвижимость одного из продавцов, но нередко это условие распространялось и на имущество остальных его совладельцев. В документе № 53 четверо являются владельцами продаваемого дома. Там же приводится клаузула, которая позволяет считать, что при нарушении сделки изымается имущество их всех (стк. 21—23). «Если поле будет потребовано, то на доме их и на третьем районе колышек будет забит». Так же обстоит дело с владениями трюх продавцов (№ 208: 14—17): ekel 200 ka zēri šā pi-i [tu]p-pi an-ni ib-ba-ka-ar-ma [i-na] ekli l GUR zēr-šu-nu [i-na] palī IGI.URŪ.KI šā itā atar āli^{kl} sikkatu šā It-ti-ili-ba-li-iṭ maḥ-ša-at «Поле в 200 ка площадью, (если) согласно этому документу будет потребовано,—на поле посевное в 1 гур, в районе „перед поселением“ что по соседству с каналом поселения, колышек Иттилибалита будет забит». Во всяком случае отчужденный участок был частью того, что находилось в их общем владении. Они отчуждали часть своего надела, но на остальную часть сохранялось коллективное право владения.

В документе № 353 речь идет о продаже дома, находящегося в коллективном владении (стк. 1—7): i-na [E].DU.A i-šī ù [ma-di]... is-ka-at Ig-mil-an-ni šā it-ti marē^{meš} Be-el-šu-nu i-šu itti Ig-mil-a-an-ni^m La-ar-za-tum

¹⁹¹ Ср. документы, в которых двое продают дом, поле: № 57, 60, 77, 210, 214—215.

¹⁹² В одном случае двое выступают в качестве покупателей. В документе № 217 некий Да'у продает свое поле двум лицам.

i-šā-am «Из дома (с участком), малого или большого... долю Игмиланни, которой он вместе с сыновьями Белшуну владеет, у Игмиланни Ларзатум купил». Как явствует из всего документа, здесь E.DU.A, как и во многих других случаях, это дом с земельным участком, ибо из его состава продается доля (iškātu) Игмиланни, а еще ниже (стк. 9) 3 мины 5 сиклей серебра уплачивается еще за один «сар» из состава того же E.DU.A в качестве iškātu продавца. Это — во-первых. Во-вторых, продается участок, который находился в общем коллективном владении Игмиланни и детей Белшуну, родственные связи которых документ не отмечает. Вообще родство могло быть отдаленным, да и не всегда оно требовалось для ведения совместного хозяйства. В-третьих, в самом этом объединении доля каждого четко различалась, что и можно было наблюдать из предыдущих случаев. Но по какому принципу было организовано это объединение, остается неизвестным. Если по принципу «братства», то почему дети Белшуну не протестуют? Скорее всего это была домашняя община. Во всяком случае ясно, что Игмиланни продает свою долю, а другая сторона, пользующаяся данной землей, не возражает против продажи. В качестве свидетеля выступает брат Игмиланни, Пилакки, и некий Ипки-Адад. О них дает сведение документ № 339, в котором в качестве доли Игмиланни определяется дом с участком по соседству (itā) с Пилакки и Ипки-Ададом, но там опять-таки не обозначены их родственные отношения, хотя первый в документе № 353 обозначается как брат Игмиланни. Следовательно, полученный участок (№ 339) Игмиланни находился по соседству с участком его брата, с которым он не вел общего хозяйства. Родство Ипки-Адада с ними неясно, возможно, его и не было, а свидетелем Ипки-Адад выступал в качестве соседа. Получается, что после раздела имущества с братом (по-видимому, именно так надо расценить его соседство с Пилакки; № 339) Игмиланни для ведения общего хозяйства объединился с детьми Белшуну. То, что объединение следует за разделом отцовского имущества, показывает сам документ¹⁹³. Однако отчуждени-

¹⁹³ В документе № 339 раздел совершается при жизни Танули и Темпихалки, которые упомянуты без каких-либо титулов. А в № 353 Танули носит титул суккалмаха. Следовательно, со времени раздела

ем своей доли Игмиланни не исключался из числа объединения и продолжал находиться в одном хозяйстве совместно с детьми Белшуну, что видно из следующей клаузулы (стк. 21—24): É.DU.A an-nu ib-ba-ḳar-ma [i-na] É.DU.A šu-ub-ti-šu [šà] it-ti māre^{nieš} Be-el-šu-nu i-šu sik-katu maḥ-ša-at «Если дом этот с участком будет потребован, то на доме-жилище его, которым он вместе с сыновьями Белшуну владеет, колышек будет забит». Значит, дом-жилище Игмиланни, которое обозначается также термином É.DU.A с соответствующим определением, после отчуждения участка находится в совместном владении Игмиланни и детей Белшуну. Значит, продажа доли Игмиланни не прекращает существования этого объединения. Отсюда вытекает, что продажа земли Игмиланни была в интересах всего объединения, а Игмиланни и после продажи своей доли продолжал пользоваться правом членства в этом коллективе. Следовательно, отчуждение земли одного из членов объединения еще не приводило к его распаду или расширению, а, наоборот, вырученные деньги, вероятно, шли на экономическое укрепление этих объединившихся хозяйственных ячеек, т. е. домашних общин.

Таким образом, можно отметить, что наряду с индивидуальным владением определенный круг лиц имел коллективную собственность, причем этот коллектив мог и не быть связанным узами близкого родства, хотя в ряде случаев владельцы такой земли являлись, видимо, потомками одного более отдаленного предка. Но это не было существенной причиной для объединения. Последний случай показывает, что Игмиланни не вел общего хозяйства со своим братом, а вел его с детьми некоего Белшуну. В объединении основную роль, вероятно, играли общность интересов, согласие вести совместное хозяйство. Иногда, как мы видели выше, хозяйственное объединение возникало на основе договоренности. Но в этой образованной посредством искусственного объединения домашней общине также существовала коллективная собственность на недвижимость и даже, вероятно, коллективная ее обработка. Доли каждого, тем не менее,

и отчуждения участка Танули стал верховным правителем Элама. Тот факт, что Ларзату в документе № 339 является свидетельницей, а в документе № 353 покупает это же поле, подтверждает именно такую последовательность сделок.

были известны, и при распаде этого объединения не требовалось деления хозяйства: каждый уходил с тем, с чем вошел в это объединение.

Факты приводят нас к заключению, что новые объединения были созданы по принципу исконного коллективного землепользования. Таким образом, в этих объединениях существовало, с одной стороны, коллективное землевладение и пользование, с другой — индивидуальное землевладение, причем доли каждого в нем четко различались.

Характерно, что скупщики земли всегда ведут индивидуальное хозяйство; это указывает на то, что именно развитие имущественного неравенства взрывало домашнюю или семейную общину. Однако площадь продаваемой недвижимости часто настолько мала, что невозможно утверждать, что отчуждение происходило в крупных масштабах. Цены на недвижимость совершенно различны и не пропорциональны размеру отчуждаемого участка. В одном случае засвидетельствована продажа E. SAR «дома с палисадником»¹⁹⁴, и стоимость его составляет 30 сиклей серебра (№ 40), в другом случае за 1 те-ги¹⁹⁵ выплачивается 15 сиклей серебра (№ 41).

Часто размер продаваемого недвижимого имущества не указывается, лишь отмечается, что поля или дома — i-šú-um ù ta-du-um «малый или большой». Отчуждаемые дома с такими определениями имеют различные цены: 4 сикля (№ 42), 9 сиклей (№ 43), 13 сиклей (№ 44), 18 сиклей (№ 47), 20 сиклей (№ 48, 50), 26 сиклей (№ 215) и т. п. Разумеется, на основании подобных цен нельзя установить размеры продаваемых участков так же, как размеры полей, которые имеют то же самое определение. Цены за такие поля следующие — 14 сиклей (№ 61), 2 сикля (№ 228, 229), а один раз за такое поле

¹⁹⁴ Шейль переводит «собственность на насаждения» (propriété plantée). Вряд ли такой перевод правилен. Идеограмма SAR в аккадском передается словами kirū «сад» и urḡi «огород», «зелень». E, как известно, имеет значение «дом». Следовательно, полное выражение следует переводить «дом с палисадником», иначе говоря, дом, перед которым насажены деревья или разбит огород.

¹⁹⁵ Слово теги, которое Шейль оставляет без перевода, в аккадском означает «бедро», «часть (телесная)». По-видимому, это слово в нашем тексте можно понять в смысле «половина», учитывая цену обоих участков; цена участка целиком составляла 30 сиклей, а 1 теги — 15 сиклей.

выплачивается 1 мина 20 сиклей серебра, к тому же имеется плата и натурой — 60 ка ячменя и 10 ка сезама (№ 200). Нет сомнения в том, что нередко за определением «малый или большой», передающим смысл «все, сколько бы ни было», скрываются различные размеры дома и поля, чем и можно объяснить наблюдаемые расхождения цен.

В одном документе (№ 540) размер проданного поля не указывается; однако наряду с продажей поля в нем зарегистрирована также продажа мелкого рогатого скота и, судя по общему содержанию, как земля, так и скот проданы в кредит. В начале документа отмечается, что в месяце жатвы у Инзузу Кукилуша-Ниргал 15 сиклей серебра взял. Далее объясняется, за что были отданы эти деньги (стк. 7—12): 12 šiklī kaspat šà a-na šīm ek-li šà āl (?) Me-gu¹⁴ 2 šiklā šà a-na Ku-ub-bu-tum id-di-pi 1 šiklam šà immeri šà I-gu-ri «12 сиклей серебра за цену поля, (находящегося) в поселении Меру, 2 сикля за барана, которого Куббутуму отдал, 1 сикль за барана Игури». Когда была заключена сделка о продаже земли и скота — неизвестно, но расчет с продавцом производится в месяце жатвы, во время сбора урожая. Однако серебро платит третье лицо. Вероятно, получатели баранов работали в хозяйстве Инзузу по найму. Этот документ дает представление также о ценах, уплачиваемых за барана во время сбора урожая. Один баран, вероятно, стоил тогда 1—2 сикля серебра.

Как уже указывалось, имеются случаи, когда цены на землю не соответствуют размерам участка. Так, 240 ка поля стоят 20 сиклей серебра (№ 206, 234), 150 ка — 45 сиклей (№ 63), 90 ка — 2 сикля (№ 219), 75 ка — 13 сиклей (№ 60), 60 ка — 9 сиклей (№ 216), 40 ка — 34 сикля (№ 58), 10 ка — 8 сиклей (№ 71) или 1 сикль (№ 230), 1 гур — 50 сиклей (№ 202), 2 гура 120 ка — 1 мину 5 сиклей (№ 205), 1 гур — 21½ сикля (№ 348), 240 ка — 1 мину 5 сиклей (№ 359). Большие участки продаются очень редко (№ 349, 350, 356). За 8 ка неорошенной земли выплачивается 7 сиклей (№ 214). Причины же подобного несоответствия цен размерам участков были различны.

Можно сопоставить два документа: в одном документе (№ 58) цена 40 ка поля — 34 сикля, а в другом (№ 60) — 75 ка стоит 13 сиклей. Таких колебаний в це-

нах, как мы видели, много. Документы определяют оба поля как *šī-id-da-at ṭuršarri* «измерение писца», т. е. как «измеренные писцом»¹⁹⁶. Первый раз поле обозначено как расположенное в районе канала. Вероятно, это поле было легче орошать, отсюда и более высокая цена. Если в первом случае орошение могло производиться регулярно, независимо от погоды, то во втором случае урожайность земли, по-видимому, зависела от выпадения осадков. Подобными обстоятельствами, вероятно, надо объяснить некоторые случаи наличия слишком высокой или слишком низкой цены. Очевидно, владение некоторыми полями было связано с какими-то льготами, что делало возможным продажу его по высокой цене (например, № 63)¹⁹⁷. Но в большинстве случаев почти равновеликие участки продаются по совершенно различной цене. Надо полагать, что здесь основную роль играют кредитно-денежные отношения. Вероятно, земледелец-должник, не будучи в состоянии погасить долг к сроку, продавал свою недвижимость кредитору; при этом в документе отмечалась не сумма кредита, а лишь цена участка за вычетом долга, который уже был зачтен продавцом. Такое предположение может быть подтверждено тем, что один из скупщиков засвидетельствован и как кредитор. Это известный уже Илабратаби, которому некий Нурлиби должен 1 гур 150 ка ячменя (№ 386 : 2). Также и некий Иншушинакили выступает как должник (№ 30 : 3) и как продавец поля (№ 205 : 3).

Таким образом, резюмируя сказанное, можно предположить, что цены определялись рядом причин: 1) плодородием участка; 2) близостью к оросительным каналам; 3) наличием льгот, связанных с участком; 4) годностью или негодностью земли к обработке; 5) наличием у продавца долга покупателю.

Отметим, что отчуждаемые земли переходили в полную собственность покупателя. Следовательно, и сами продавцы являлись полноправными собственниками от-

¹⁹⁶ В документе № 357 продается дом и сад площадью в 30 ка, наследственная доля Зинама, за 1½ мины ½ сикля серебра и поле в 100 ка площадью, обозначенное как «установленное писцом». В то же время в документе отмечается, что если поле меньше, то продавец должен добавить, если больше, то покупатель будет платить серебро.

¹⁹⁷ Это поле обозначено как *eḡel ṭuršarri* «поле писца».

чуждаемой недвижимости. Для того чтобы отчуждаемую недвижимость оформить за покупателем, в документах записывался ряд формул. Для наглядности позволим себе привести соответствующий отрывок из документа № 50: 9—20: a-na ší-mi-šu ga-am-gu-ti $\frac{1}{3}$ MA.NA kas-rat iš-kuš-ú-l a-na du-úr ú pa-la a-na še-er-še-er-ri a-na ba-aḫ-ri ú ga-gi-ma-ni^m Da-mi-ikⁿ Inšušinak a-naⁿ Ilab-rat-a-bi iz-za-az ú-ú-l ip-ti-gu ú-ú-l ma-an-za-za-nu ší-mu ga-am-gu ki-ma a-bu a-na ma-ri i-ša-mu.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого отрывка и ознакомиться с различными толкованиями некоторых формул в нем, следует дать перевод текста: «Как цену его полную $\frac{1}{3}$ мины серебра заплатил; навеки и (на) очередные годы¹⁹⁸, для потомства¹⁹⁹, (без будущих) претензий и иска Дамик-Иншушинак Илабрат-аби представляет: (это) не выкуп (и) не залог, цена полная, как отец сыну покупает». Эти формулы встречаются только в купчих, поэтому интерпретация их может основываться лишь на содержании этих документов.

Эти формулы в купчих были предметом особого внимания П. Кошакера. Как и в других случаях, при толковании этих клаузул, автор не рассматривает всей совокупности содержания частноправовых документов, а использует материалы соседних стран, вплоть до германского и английского права. Ясно, что при таком подходе, когда общая картина, рисуемая самими документами, не берется в расчет, выводы покоятся на шаткой основе. При толковании этого отрывка достаточно исходить из того, для какой цели совершается продажа и почему в документе фигурируют соответствующие клаузулы. Помещаются же эти клаузулы для того, чтобы в будущем исключить претензии продавца и его наследников на отчуждаемое поле. Именно такое впечатление созда-

¹⁹⁸ Здесь *raḫi* применено в своем основном значении. Обычно это выражение переводили «навечно и навсегда».

¹⁹⁹ П. Кошакер (P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 100) переводит «для ребенка и внуков». Слово *šeršerri* по аналогии с *mār mārī* В. Шейля переводит «потомство», причем возводит его к слову *šeršerratu* «цепь» (MDP, XXII, p. 51, p. 8). Перевод В. Шейля правилен, но этимология слова ошибочна: *šerri* означает «младенец, дитя» (обоего пола), что правильно понял П. Кошакер; отсюда *šer šerri* «дети детей». В Нузи и Ассирии термин *šerri* применялся для обозначения несовершеннолетних рабов (см., например, Н. Б. Янковская, *Хурритская Арраха*, — ВДИ, 1957, № 1, стр. 33).

ют документы, и это должно быть исходным моментом при толковании содержания и назначения клаузул.

П. Кошакер понимает *apa baḳri u gāgimāpi... izzaz* в том смысле, что продавец отвечает или ручается за отвод требования и возбуждения иска²⁰⁰, и, видимо, считает это выражением гарантий против лишения покупателей приобретенного имущества²⁰¹. Однако фраза имеет достаточно ясное значение, а именно, что объект продан и какие-либо будущие претензии не будут иметь места. Даже при том толковании, которое дает П. Кошакер²⁰², нельзя прийти к тому заключению, которое он выводит на основании выражения *ul ipīgu ul manzazāpi*. Шейль эту фразу понимал так: «не ипотека, не жалованье». Опираясь на этот перевод, Э. Кюк понимает сделку как продажу с правом выкупа²⁰³. П. Кошакер, переведя выражение «не является ни выкупом, ни выкупом залога», в то же время заключает, что тем самым продавец не только должен передавать право залога, но может приобрести его у покупателя снова, используя свое право выкупа, при этом он ссылается на документ из серии *apa ittišu*, в котором вообще речь идет лишь о зкладе²⁰⁴. В данном случае П. Кошакер отождествляет заклад и продажу; это возникает потому, что в купчих применяется термин залога *manzazāpi*. Но вместо того чтобы объяснить этот термин именно исходя из содержания купчих, П. Кошакер подгоняет весь материал под общую, заранее придуманную концепцию. Э. Кюк усматривает в интерпретации П. Кошакера недостаток и отмечает, что писцы, которые составляли документы, стремились предотвратить путаницу между ценой покупки и суммой, затрачиваемой для освобождения недвижимости, обремененной правом выкупа²⁰⁵. В конечном итоге оба исследователя считают эти продажи отчуждениями с последующим правом выкупа. Однако это совершенно не вяжется с содержанием документа, да и упомянутая клаузула говорит о том, что продаваемый

²⁰⁰ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 100.

²⁰¹ *Ibid.*, S. 100, 103.

²⁰² *Ibid.*, S. 107.

²⁰³ E. Cuq, *Les actes*, p. 69 sq.

²⁰⁴ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 106, 108.

²⁰⁵ E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 166.

объект переходил в полную и вечную собственность покупателя, а упомянутая фраза уточняет, что данный объект не является выкупом со стороны покупателя и залогом со стороны продавца. Почему это отмечалось? Для того, чтобы в будущем предотвратить всякое желание продавца снова выкупить данный объект, сославшись на то, что он был залогом.

Далее, П. Кошакер²⁰⁶ понимает *šīmu gamgi* как «полная уплаченная цена»; это выводится из ошибочного понимания назначения *manzazānu* в купчих. Все это делается для оправдания концепции, что продажа совершается для того, чтобы в будущем недвижимость могла быть выкуплена, а *šīmu gamgi* является будущей ценой выкупа. Но Э. Кюк отметил, что каждый термин здесь имеет свое особое значение и они не образуют единое целое²⁰⁷. И действительно, *šīmu gamgi* — термин широко распространенный — не может иметь никакого отношения к термину *manzazānu*, а относится к продаваемому участку и определяет его полную цену. Тем самым делается невозможным будущий иск продавца на основании того, что уплаченная цена за проданный участок якобы не была полной²⁰⁸. Да и все формулы в приведенном отрывке приводят к заключению, что данный проданный участок не подлежит никакому выкупу, поскольку он куплен на вечные времена и для потомства.

Таким образом, с момента отчуждения недвижимости покупатель и его наследники становятся ее фактически владельцами. Одновременно покупателю передавалось и право собственности.

В документах нельзя обнаружить более трех-четырёх крупных землевладельцев, в руках которых были бы сосредоточены большие земельные участки. Количество отчуждаемой недвижимости невелико. Вероятно, это обстоятельство в какой-то мере свидетельствует о значительной степени сохранности общинных земель, которые еще не поступили в оборот и находились в коллективном владении. Однако в некоторых случаях мы наблюда-

²⁰⁶ P. Koschaker, *Über einige grlechische Rechtsurkunden*, S. 100, 107.

²⁰⁷ E. Cuq, *Le droit élamite*, p. 166.

²⁰⁸ Ср. документ № 357, где о проданном саде и доме говорится, что должна быть возмещена разница между ценой и фактически уплаченной суммой. Ср. также № 356,

дали распад семейной общины, когда производился раздел имущества между ее членами. Этот раздел показывает начавшееся разрушение единого хозяйства большой семьи. Глава индивидуальной семьи был единственным полноправным распорядителем всего семейного имущества, ибо он мог, например, подарить детям тот или иной участок. Уже подобное неравное положение приводило к обособлению отдельных индивидуальных семей. Однако наряду с этим после смерти главы рода могли сохраняться и семейные хозяйственные коллективы, управлявшиеся братьями или более отдаленными родственниками совместно и даже людьми, не имеющими никаких кровных родственных связей в данной общине.

Отчуждение какого-либо конкретного участка не обязательно разоряло земледельца. Как мы видели, у него оставался в большинстве случаев и другой участок, который находился в его собственности. На это указывает часто встречающаяся формула о забитии колышка в случае нарушения договора, которая выражает акт лишения его оставшегося недвижимого имущества. Значит, землевладелец обладал не одним лишь правом пользования, а несомненно, и правом собственности. Судя по передаче дареной земли из поколения в поколение, индивидуализация недвижимого имущества имела место задолго до написания документов, что косвенным образом отразилось в купчих. Происходившая индивидуализация недвижимости уже привела к образованию частного владения, не принадлежащего общине. Покупатель же являлся вечным и полным собственником приобретенной земли. Можно предположить, что лица, потерявшие земли, могли наняться на работу у землевладельца, что в конечном итоге нередко приводило к лишению их гражданских прав. Но таким путем нельзя было обеспечить крупные частные хозяйства достаточной рабочей силой. Нередко этой цели служил труд разорившихся землевладельцев, которым земля отдавалась в пользование в виде аренды. Разумеется, это обстоятельство не может быть показателем бесправного или рабского положения земледельца. Для того чтобы земледelec попал в рабское положение, необходимы были определенные условия, ведущие к потере гражданских прав в обществе. Одним из таких условий было закабаление свободного земледельца. Поскольку мы предположили, что в некоторых слу-

чаях отчуждение недвижимости было связано с неуплатой в срок долга, то надо думать, что нередко земледелец попадал и в долговую кабалу. Однако кредитно-долговые отношения в этот период настолько слабо развиты, что нельзя предположить существования массового долгового рабства.

Таким образом, большая часть документов свидетельствует о наличии во II тысячелетии до н. э. в Сузах и их окрестностях частного землевладения в пределах домашних общин. Возможно, существовали еще и общинные владения, которые не были вовлечены в оборот из-за устойчивости общины, поскольку засвидетельствованы факты отчуждения незначительного количества земель. Однако при сравнении данных купчих с данными долговых, арендных и других документов становится ясным, что индивидуальное землевладение было весьма характерно для района, о котором повествуют эти документы.

То же самое подтверждают более поздние документы, найденные, как полагают, в Маламире. Там продаются поля и сады²⁰⁹, причем нередко они отмечаются как наследственная доля (zittu) продавца. В этих документах появляется клаузула, предусматривающая ответственность продавца и членов его семьи за нарушение сделки. В этой связи показательна формула, по сути дела заменяющая упомянутую клаузулу о лишении недвижимости за нарушение сделки (№ 74): *kiṛā ib-ba-aḳ-kaṛ* ^{SAL} *Su-ut-bu-ni ḳa-du māre^{meš}-šā ū māraṭi^{meš}-šā a-na ta-aḥ-ḥu-me₄ šā-ki-in* «(Если) сад будет потребован обратно, Шутбуни вместе с ее сыновьями и дочерьми будет поставлена на межу». В другом случае (№ 76) продавец также оказывается в таком положении²¹⁰. В более ранних текстах, которые были предметом обсуждения выше, это место в документе занимает клаузула с условием забития колышка (*sikkatu maḥṣat*), но здесь

²⁰⁹ См. MDP, IV, № 2—4, 6—7, 15; ср. MDP, XXII, № 71—76, где исправлены прежние неверные чтения.

²¹⁰ В документе написано, что продавец отвечает своей *ḳa-aḳ-ḳa-as-sū*, Шейль полагает, что это *ḳaḳḳaru* «земля», но переводит «капитал». *ḳaḳḳassu* < *ḳaḳḳad-šu* — с личным местимением третьего лица. *ḳaḳḳadu* означает «голова», иногда «основная сумма». Но здесь *ḳaḳḳassu* имеет значение «своей головой», т. е. он своей личностью ответствен за сделку. Это слово в смысле «голова» понимал также П. Кюшакер (P. Kutschaker, *Über etnige griechische Rechtsurkunden*, S. 109, Anm. 4).

фигурирует а-па ta-aḥ-ḥu-me, šà-ki-in. Это выражение встречается только в документах, якобы происходящих из Маламира. Оно вызвало различные толкования. Э. Кюк²¹¹ полагает, что это гарантия против нарушения воли соседей или границы их полей, поскольку ta-ḥūtu вообще значит «граница», «межа». П. Кошакер же считает, что слово taḥḥumu ничего общего не имеет с указанным значением²¹², но тем не менее он воздерживается от удовлетворительного его объяснения. П. Кошакер в некоторой степени склоняется к мнению Б. Ландебергера, предложившего для taḥḥume значение «заменяющий», «замена», и отмечает, что с юридической точки зрения это мнение подходит, так как при невыполнении обязательства возникает ответственность замены²¹³. С правовой же точки зрения данное выражение толкуется им как ответственность продавцов в случае, если они потребуют поле обратно, причем эта ответственность как личная, так и имущественная²¹⁴. Пожалуй, такое предположение в определенной степени соответствует содержанию клаузулы. В документе речь идет об отчуждении недвижимости, следовательно, это выражение связано с недвижимостью продавца. При сравнении с документами из Суз выясняется, что данное выражение в целом соответствует упомянутой клаузуле об изъятии недвижимости. Отмеченное выражение, получившее применение в такой форме в иных условиях, говорит о том, что нарушитель сделки отвечал теперь своей личностью и личностью членов семьи. Примечательно, что из семи документов два содержат подобные условия, тогда как сто с лишним документов из Суз даже не намекают на наличие такого положения. Исходя из приведенного факта можно констатировать, что социальная дифференци-

²¹¹ E. Cuyq, *Le droit élamite*, p. 163 sq. А еще раньше Э. Кюк предполагал продажу среди компаньонов (см. E. Cuyq, *Les actes*, p. 16 sq.).

²¹² P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 110. П. Кошакер вообще сомневается, следует ли это слово читать таким образом. Его смущает знак me, ḥ, и Кошакер полагает, что лучше читать его be (ibid., S. 110, Anm. 6). Но из этого значение слова не устанавливается. Кроме того, такой знак в значении me, применяется в эламоязычных надписях, на что, впрочем, обращает внимание и сам П. Кошакер.

²¹³ P. Koschaker, *Über einige griechische Rechtsurkunden*, S. 110, Anm. 6.

²¹⁴ Ibid., S. 110.

ция в обществе теперь увеличилась и что обедневшие земледельцы вынуждены были гарантировать добросовестность выполнения сделки уже не своим недвижимым имуществом, а личностью членов своих семей или своей собственной. Закабаление несостоятельных земледельцев могло в какой-то мере обеспечить крупных землевладельцев рабочей силой. По-прежнему наряду с индивидуализацией недвижимости происходит концентрация полей и садов в руках определенных разбогатевших групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение имеющихся материалов позволяет констатировать наличие в Эламе уже в первой половине III тысячелетия до н. э. государства. Это одно из первых государств Передней Азии. В течение III тысячелетия цари Элама временами попадали под господство Двуречья, но и не раз подчиняли себе некоторые области этого района. В Эламе было несколько государственных образований: Аван, Аншан, Барахше, Симаш. В каждой из этих областей были свои правители.

Наиболее могущественными из них, видимо, были цари Авана. Специфически эламская форма правления, когда страной управляли трое, наблюдается уже в III тысячелетии. Шакканакку был верховным правителем, за ним по должности следовал царь, а затем ишшаку. Иногда функции шакканакку и царя переплетались, и последним термином обозначали верховного правителя. По всей вероятности, для этого периода было характерно наследование трона по женской линии.

С конца III тысячелетия до н. э., когда в Эламе начала править новая династия, основанная Шилхахой, совершенно определенно засвидетельствовано наследование власти по женской линии, т. е. на престол мог претендовать сын сестры основателя этой династии. В других поколениях имели право на престол сыновья сестер соответствующих правителей, родство которых по женской линии восходило к основателю династии. Возможно, наличием наследования трона по женской линии объясняется сравнительно «демократический» характер царской власти в Эламе.

В Эламе вплоть до конца первой половины II тысячелетия до н. э. существовало как бы троевластие, когда во главе государства стояли суккалмах («великий посланник»), суккал («посланник») и царь. В этот период роль царя в управлении государством снижается, и он с первого или второго места вытесняется на третье.

В отличие от суккалмаха, который был верховным правителем всей страны, а именно Элама, Симаша и Суз, царь управлял только Сузами. Следовательно, сфера его влияния не выходила за пределы Суз или Сузской области.

Царь мог продвинуться до положения суккалмаха, заняв сначала пост суккала. Но этот порядок занятия престола не всегда осуществлялся. Например, прежде чем Кук-Нашур III — царь Суз — стал суккалмахом, он служил при нескольких «великих посланниках». Лишь после этого он удостоился титула суккала и суккалмаха. По-видимому, при наследовании выдвигалась на первый план авторитетность данного лица в этом роду при наличии родства с суккалмахом по женской линии. Где верховная власть переходила в руки наиболее авторитетного представителя рода, там обязательно должны были происходить выборы. Конечно, при избрании правителя основную роль должна была играть воля божества, но для утверждения его кандидатуры необходимо было предварительное ее обсуждение родом.

Во второй половине II тысячелетия подобная форма управления и наследования не выступает так четко, как в первой половине этого тысячелетия. В конце II тысячелетия мы сталкиваемся и с фактом наследования трона по отцовской линии, и с попыткой возродить былую систему наследования престола. Что касается системы управления, когда во главе государства стояли трое, то она более не повторяется.

С конца II тысячелетия побеждает отцовское право в престолонаследии: наследственное положение сына царя окончательно закрепляется. Вместе с тем традиционная система управления была полностью ликвидирована и вместо нее существовало единовластие. Однажды сделанная в VII в. попытка вновь возродить наследование престола по женской линии была последней. Между многими претендентами на царский престол начинаются раздоры. Войны и междоусобицы первой половины I тыся-

челетия приблизили Элам к краху. Уже в период мидийского господства эламская государственность постепенно угасает. Элам весьма долго и успешно сопротивлялся вторжениям из Двуречья. Этому в какой-то мере способствовало благоприятное географическое расположение страны. Горы не раз служили местом спасения для населения и царей. Эти горы, находящиеся в области Симаш, давали также стране царей. Следовательно, цари Симаша спустились на равнину из горных районов, где общественные отношения отличались от равнинных. Конкретно это выразилось в титулатуре царя Шилхахи, который именовал себя также *adda* «отец», что подразумевало главу сельской общины. Форма управления сельской общиной отразилась в устройстве государства. Поэтому можно полагать, что так называемые цари Симаша до перехода на равнину фактически были главами сельских общин.

Форма управления сельской общиной продолжала свое существование в Сузах, но она несколько не переплеталась с формами государственного управления. Она существовала в Эламе во II тысячелетии, следы ее встречаются в начале I тысячелетия. Что же касается коллективной собственности сельской общины, то наличие ее для исследуемого периода почти не устанавливается.

О существовании домашней общины имеются многочисленные известия со II тысячелетия. Домашняя община по сути дела имела те же самые атрибуты, что и сельская община. Иными словами, если сельская община зиждилась на общности земли и, следовательно, в конечном счете на коллективной обработке земли, то те же самые черты были характерны и для домашней общины. Домашняя община — это обособленная коллективная хозяйственная ячейка, между членами которой существуют родственные связи. Большие и малые семьи, каждая в отдельности, образуют домашнюю общину, где объединялись родственники по восходящей (большие семьи) и нисходящей (малые семьи) линиям и где продолжались традиции, существовавшие в сельской общине.

Но объединяются в домашнюю общину и люди, не связанные друг с другом узами родства. Одним из способов объединения хозяйства отдельных семейных ячеек в домашнюю общину было заключение договора о

«братстве», при котором объединялась недвижимость. Эта первоначальная функция «братства» с развитием имущественной дифференциации претерпела изменения: вступавший в «братство» терял недвижимость, но принимал участие в обработке земли и получал право присвоения продуктов земледелия. Существование домашней общины зависело не только от общности недвижимой собственности. В действительности общность земли носила формальный характер, и при отсутствии ряда условий она могла быстро распасться. Одним из основных условий существования домашней общины было наличие в ней достаточного количества рабочих рук.

Таким образом, главную роль в сохранении домашних общин играло объединение рабочей силы, что приводило к общности земли. Не всегда удается определить — что из чего возникает. Однако бесспорен тот факт, что общность рабочей силы и земли неразрывно связаны между собой, а отсутствие достаточного коллектива работников в хозяйстве (или его излишнее увеличение) приводило к саморазложению домашней общины.

Домашние общины, образованные посредством договора о «братстве», не могли существовать долго, разумеется, не потому что между ее членами отсутствовали родственные связи. Эта причина не имела решающего значения, поскольку и домашняя община, состоящая из ряда родственных семей, существовала также до того времени, пока в ней не появлялось имущественное расслоение. С самого начала своего возникновения домашняя община покоилась на шаткой основе. При общности земли или ее обработки распределение продуктов земледелия происходило частным путем. Лишь в домашней общине, основанной на родственных началах, распределение до поры до времени могло происходить более или менее равномерно. Если на первых порах обработка земли и распределение продуктов были коллективными, то впоследствии появляется частное присвоение. Этого не случилось бы, если бы производство осуществлялось только для удовлетворения потребностей самих производителей. Но появление излишков производства и первоначальное частное присвоение приводят к накоплению богатства. В домашней общине появляется серебро — деньги, излишки. Дальнейшее углубление этого процесса приводит к имущественной дифференциации. Отдельные

семьи домашней общины уже имеют возможность приобрести собственные средства производства, нанять собственных работников. Домашняя община взрывается изнутри. Наступает раздел. Маломощные семьи ищут новые объединения. Если домашняя община в одном месте распадается, то в другом месте возникает, но возникает опять тем же путем.

Домашней общине, где имелись узы родства по восходящей и нисходящей линиям, была присуща следующая особенность: существовало фактическое право собственности главы семьи на определенную часть движимого и недвижимого имущества. Это относится как к большой, так и к малой семье. Имущество матери, принесенное из отцовского дома, видимо, исключалось из сферы распределения отца. Напротив, глава семьи оставлял все имущество или, скорее, передавал право распоряжения этим имуществом своей супруге. В продолжении рода и сохранении домашней общины от распада женщина-мать играла определенную роль. Устойчивые пережитки материнского права особенно сильно сохранились в эламской правящей семье. Но в эламской гражданской семье, несмотря на высокое положение женщины (известны нерушимая воля матери при передаче имущества, главенство ее в семье после смерти мужа, равноправное участие дочери в дележе имущества домашней общины), что сближает Элам скорее с Египтом, нежели с Ассирией и Вавилонией, существовала патриархальная власть отца. Нередко смерть главы семьи приводила ее к дальнейшей филиации. Причина опять-таки не в том, что умер глава семьи, а в том, что имущественное расслоение доходило до предела, а отец был лишь сдерживающей силой. Процесс образования богатых и бедных происходил в семье, в домашней общине.

Важно выяснить также вопрос о наличии в семьях, в домашней общине рабов. В старовавилонских документах часто встречаются рабы, входившие в состав недвижимости. Для эламских документов картина обратная. Рабы есть в храмовом хозяйстве, они имеются также в государственном хозяйстве, но о них мы почти ничего не знаем из частноправовых документов, кроме одного случая, когда среди имущества назван раб. В ряде случаев они упоминаются не в связи с домашней общиной. Разумеется, мы всегда имеем дело с документами, за-

ключенными между свободными земледельцами, поэтому тщетно искать в них сведения о взаимоотношениях рабов со своими хозяевами. Казалось бы, надо согласиться, что в домашних общинах рабов вовсе не было или же они были в весьма ничтожном количестве, причем лишь в некоторых семьях. Однако такое суждение было бы поверхностным.

Неожиданно на этот вопрос проливает свет эламский закон о наследовании. Там упоминается «дом раба» и, видимо, «дом рабыни», причем в связи с наследством домашней общины. Закон устанавливает, что дочь главы домашней общины не может при замужестве с собой взять «дом раба» и «дом рабыни». Весьма примечательно, что многочисленные частноправовые документы упоминают о рабах в домашней общине лишь несколько раз, тогда как закон упоминает о них в составе домашней общины как о чем-то само собой разумеющемся. Не говорит ли этот факт о том, что умолчание документов о рабах еще не является доказательством их отсутствия в домашней общине или в семье? По всей вероятности, большинство домашних общин имело рабов. Более того, рабы имели свой дом и, видимо, свое имущество. Раз это так, то надо ли заниматься простым подсчетом — сколько было рабов в каждом хозяйстве и превышали ли они в количественном отношении свободных людей? Это неверный метод установления характера общества. Следует установить, существуют ли в том или ином обществе условия для появления рабовладельческих отношений. Необходимо исходить из того, какую роль играли рабы в хозяйстве — были ли они подсобной или основной рабочей силой? Эламский закон показывает, что они были основной рабочей силой домашней общины, за которой и закреплял их закон, что условия для существования рабовладения в Эламе имелись.

Проблема обеспечения хозяйства рабочей силой в условиях Суз, по-видимому, всегда была актуальной. По содержанию документов чувствуется, что в Эламе ощущалась большая нужда в рабочих руках. Элам — с самых первых упоминаний о нем в ранних источниках и до последних лет своего существования — всегда находился в состоянии войны. Хотя удачи приносили стране военнопленных, они бывали довольно редко, с промежутками в несколько столетий, и вряд ли добыча пленных могла

разрешить вопрос о рабочей силе. Одной из форм приобретения рабочих рук было объединение различных хозяйств, свободных людей. Они сами обрабатывали свои земли. Однако нужно было еще другое орудие производства — раб. Но раб тоже «изнашивался» и выходил из строя. Следовательно, надо было умножать число рабов. Таким образом, появляются «дом раба» и «дом рабыни». Эти рабы могли иметь свои семьи (возможно, не признанные официально) и, поскольку они имели свой дом, получали серебро и продукты. Дети, рожденные от четырех рабского положения, оставались в хозяйстве рабами.

Для страны, где закабаление земледельцев не было массовым явлением и где рынок не изобиловал рабами, этот способ воспроизводства рабов был единственным для увеличения состава несвободных работников хозяйства.

Возможно, такое же положение было в храмовом и государственном хозяйствах, которые в условиях Элама всегда существовали обособленно. О храмах, храмовом хозяйстве и рабах мы имеем сведения уже со второй половины III тысячелетия. Во II тысячелетии уже и свободные земледельцы в определенные месяцы года несли повинности на храмовых землях, причем это могло иметь место также в III тысячелетии. Рабы и земли храмов не исчезают из документов I тысячелетия. То же самое можно сказать о государственном хозяйстве; разнообразные сведения о нем дают документы II тысячелетия, а документы I тысячелетия констатируют продолжавшееся его существование. Там были и рабы и свободные. Последние находились на службе и обрабатывали царские земли. Первые, естественно, являлись основными производителями.

Одним из условий расцвета храмового хозяйства было наличие царской власти, поддерживающей храмы и оказывающей им постоянную помощь: храмовая собственность была неприкосновенной и цари издавали специальные эдикты об охране храмового имущества. Храмы, так же как эламские правители, имели свои собственные правила, регулирующие отношения между людьми, например правила займа, купли-продажи, аренды и так далее. В I тысячелетии, когда Элам оказался попоран войсками Ашшурбанапала, храмы и их хозяйство были разграблены. После этого они не могли сохранить свое бы-

лое значение в стране. Вероятно, храмы постепенно должны были превратиться в придаток государственного хозяйства. Но естественному завершению этого процесса помешало падение Элама и включение его в состав сначала Мидийской, а затем и Ахеменидской державы.

Во II тысячелетии сплошь и рядом происходит индивидуализация земель. Она была результатом появившейся имущественной дифференциации. Земли закладывались, сдавались в аренду, продавались. Продажа земли была завершающим этапом разорения земледельца. Поэтому естественно предположить разорение части земледельцев и создание более или менее крупных индивидуальных хозяйств. Люди, лишенные земли и средств производства, вероятно, поступали на работу к землевладельцам. Это напоминало «добровольное рабство», существовавшее в Аррапхе и, по свидетельствам поздних документов, в Мидии. По существу оно было не столько добровольным, хотя так и называлось, сколько вынужденным. Принуждали же к этому общественно-исторические законы.

УКАЗАТЕЛЬ ЭЛАМО-АККАДСКИХ ТЕРМИНОВ И СЛОВ

- adda** «отец» (глава государства или сельской общины) 64, 65, 76, 77, 83, 84, 106, 108, 109
abertu «остаток» 303
abutu «братство» 18, 98, 112—113, 116, 118, 122, 126—132, 134, 157, 158
ahte (ahda) (эл.) «проценты» 310—312
alik arki «итущий за (нею)», «наследник» 140, 141, 143, 144
alu «община», «поселение» 91, 92, 95—93, 104—105, 107, 111, 113, 117, 119, 126—127, 143, 152, 175, 199, 202—205, 212, 221, 222, 244, 255, 257, 304, 354, 355, 357, 363, 365
amma hašduk «мать почитаемая» 69, 179, 180, 183, 184, 186, 188, 191, 192, 194, 197
amirru «люди запада» 223, 225, 228—230, 238
arlu «сын-наследник», «наследник» 114, 138, 146, 148, 149—156, 161, 168, 173, 175, 202, 208—210, 240
atar (эл.-акк.) «отец», «глава поселения» 77, 105, 108
bānu «строитель» 47
biru «земля», «промежуточная земля» 24, 210—212, 348—351
b it amti «дом рабыни» 167, 169
dallānu «судья» 99, 100, 104, 105, 155, 197, 335
dapāru «устранять», «раздвигать» 143, 199, 205, 207, 208, 212, 215
dullu «работа» 222, 241, 303
E. DÙ.A ša SAL «дом женщины (рабыни)» 166, 170, 172, 174
E. DÙ. A ša wardi (ERÈ) «дом раба» 165, 170, 174
ekei ekallim «поле дворца» 219, 220, 247
ekei III «поле бога» 251, 252, 258, 259, 275, 331
ekletu ša kurummati «поля кормления» 223, 227, 247
errēšum «земледелец», «арендатор» 32), 323, 325
ezib tabal «оставь (и) унеси» 17, 302, 317—330, 333—339, 341, 352
hamdagar (эл.-акк.?) «сборщик» 225, 239, 240, 241
hašša (эл.-акк.?) «глава» 99—102, 104
hubtu «распоряжение», «пользование» 138—140, 144
hubullu «проценты», 253, 258, 259, 279, 281, 288, 292, 294, 296, 336, 345, 347
hubuttatu «беспроцентный заем» 139, 230, 281, 289, 294

ipriṅu «выкуп» 305, 367, 375, 376
iškātu «доля (полученная в результате раздела)» 129, 157, 160, 210, 211, 219, 339, 348, 349, 358—360, 362, 363, 365, 369, 370
iššakku «жрец» (глава города, иногда страны) 53—55, 57—60, 62, 63, 80
izibitum «оставление», «залог» 17—18, 300—302

kārum «торговая организация» 275, 276, 284, 293
kiparu (л.?) «староста (?)» 99—101, 104
kīfsu «налог» 240, 241, 303
kiten (=kidennu) «защита» 261, 262, 284, 285, 287, 289, 292
kubussum «правило», «постановление» 20, 93, 121, 225, 231, 241—243, 281, 284, 287, 289, 292, 337, 339, 361
kaḫḫadam-ma «основная сумма» 281—283, 287, 294
kasuka (эл.) «платеж» 311, 312
kiptu «беспроцентный заем» 280, 294

lāsīmu «работник государственного хозяйства» 214, 225, 230—232, 243
le'ū rabū «большой документ», «сводная ведомость» 290

mānabātu «труды», «оплата труда» 320, 334, 335
manzazānu «залог», 17, 305, 306, 375—377
mār abātī «сын сестры» 21, 66, 69, 70, 82, 177, 178, 180, 182, 184, 186, 187, 190, 224, 244
mār māri «дети детей» (рабы) 263, 375
mārat šušim «гражданка Суз» 165, 170, 172, 175
mārē ali «сыновья поселения», «общинники» 222

mārē bitī «дети дома» (рабы) 236—237
mārē šušim «сыновья Суз», «граждане Суз» 97, 99, 102, 105, 129, 292
mārē ummāni «сыновья ремесленников» 47
mašūtu «забрание» (освобождение от повинности, льгота) 222, 224, 225, 239, 240—242, 245
meṣn «клясть» 199, 200—205, 207, 212, 215
mēšāru «закон» 164
muškēlum «работник государственного хозяйства» 16, 237, 238, 336

nangaru «деревообделочник» 47
nubātimmu «пекарь» 47

rabḫaru «гончар» 47
parkūtu «засов» (залог) 298, 299
rašīšu «жрец» 103, 104, 256, 266
rīlku «государственная служба», «повинность» 344
rihu sijanir (эл.) «отроки храма» (рабы) 236, 260—262, 264, 265
rihur rihurri (эл.) «дети детей» (храмовые рабы) 261—264

re'nm «пастырь» 16, 77, 83
rihupak (л.) «дочь женщины», «внучка» 187, 190, 191
rihušak (эл.) «сын сестры», «внук», «потомок», «сын женщины» 21, 63, 69, 71, 82, 84, 177—182, 184, 190, 191, 195

sikkatu maḫṣat «колышек забит» (формула залога) 253, 296, 298, 299, 324, 327, 346—348, 354, 361, 365, 366, 369, 379
sissiktu «край одежды» 17, 300, 301
sugir (эл.) «эдикт», «постановление» 97, 142, 145, 242, 243, 260—262, 292

sukkal (-maḥḥum) «посланник (великий)» (верховный правитель) 54, 63—70, 72—80, 82—84, 88, 98, 109, 165, 175, 176, 182, 194, 195, 220—225, 243—245

sukki см. sugir

sunki (эл.) «царь» 85, 88, 243, 250

šalmu «статуя», «изображение» 257, 265

šēru «степь» (за пределами собственно поселения) 96—97, 105, 113, 117, 119, 126—127, 149, 152, 175, 199, 202—205, 212, 244, 255, 304, 355, 357, 363, 365

šimdatu «установка», «поставление» 108, 243, 374

šiptu «проценты» 274, 276, 277, 279—281, 288, 294, 296

šubāru «отрос» (раб) 169, 225, 233—235, 261

šullu «сень», «защита» 223, 225, 241, 242, 281

šak (эл.) «сын» 62, 63, 82, 178, 183, 185, 190, 193, 250

šakkaḥki «правитель (верховный)» 53—55, 58—60, 62, 63, 80, 382

šarru «царь» 31, 52—55, 60, 61, 63, 64, 70, 76, 78, 80, 88, 109, 151, 155, 212, 245

šatln (эл.) «жрец» 261, 266

šer šerri «дети детей» (о будущих потомках) 263, 375

šutur (эл.) «правило», «закон» 261, 262

tadmiḫtu «благодеение» 282

taḥḫume «межа», «граница» 18, 379, 380

tepir (эл.) «писец» 99, 100, 104, 105—108

teriktu «невозделанная земля» 343

tupšarru «писец» 100, 108, 374

ummānu «кредитор» 274, 275, 283, 284, 345

wardum «слуга», «раб» 16, 166, 169, 219, 221, 224, 233, 234, 244, 260

wattāru «работник государственного хозяйства» 225, 230—232, 243

zittu «наследственная доля» 105, 148, 171, 360

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

- Авдиев В. И.** 45
 Алиев К. Г. 38
 Амусин И. М. 261
- Бартон Г. А.** 51—53, 55, 57
 58, 61, 64, 77, 80, 81, 84,
 178, 195, 260
- Блайхштайнер Ф. 38, 39
 Бойер Г. 255
 Борк Ф. 19, 29, 34, 38—41, 265
 Боттеро Ж. 232
- Вайднер Э. Ф.** 31
 Ванман А. А. 33, 34
 Вайсбах Ф. 35, 38, 40, 41
 Валтер А. 107
 Вандербург Ф. А. 46
 Винклер Г. 38, 40
- Воробьев-Десятовский В. С.**
 38
- Гамкредидзе Т. В.** 5
 Гельо И. 58
 Гельцер М. Л. 143
 Гётце А. 58, 59, 78, 201, 274,
 283, 284
 Гиришман Р. 232, 249
 Глейе А. К. 39
 Годелье М. 17
 Грозный Б. 172
 Гэдд С. 41, 54, 62
- Даймел А.** 93, 95, 200, 230
 Дандамаев М. А. 5
 Дебевоиз Н. С. 45
 Делич Ф. 85, 193
- Дессни Г. 70, 93, 224
 Джон Х. 46, 78, 92, 95
 Довгяло Г. И. 196
 Драйвер Г. Р. 105, 108, 139,
 164—166, 172, 173, 205, 282,
 294, 320, 321, 323, 325, 330,
 332, 334, 335, 343
- Дьяконов И. М.** 5, 15, 38, 41,
 50, 57, 59, 78, 81, 91,
 93, 101, 107, 119, 132, 142,
 220, 227—229, 231, 235, 237,
 238, 246, 247, 263, 267—269,
 274, 276, 287, 320, 323, 334,
 356, 360, 364
- Дьяконов М. М. 13
- Зоден В. фон.** 100, 200, 238, 296
 299, 321, 340, 341, 347, 348
- Кашкай С. М.** 5
 Кениг Ф. В. 21, 27—29, 31, 41,
 49, 54, 73, 74, 79, 82, 92,
 177, 178, 181, 183—194
- Кент Р. 29
 Кинг Л. В. 54
 Клаузен Г. 41
 Кленгел Г. 107, 109
- Клима И.** 4, 21—23, 31, 116—
 122, 126—127, 140, 150—153,
 162, 164—166, 173, 199, 200,
 206, 208, 209, 211, 321, 338
- Колер И. 167
 Контено Ж. 249
- Кошакер П.** 4, 11, 16—21, 33, 54,
 59, 66, 68, 79, 94, 108, 112,
 113, 116—120, 122, 126, 127,

- 130, 131, 133, 134, 137, 138, 143, 150, 153, 158, 164, 165, 172, 177, 182, 186—188, 191, 194, 198—200, 213, 231, 232, 235, 242, 243, 255, 277, 278, 280—282, 286, 287, 290, 292, 295, 297, 298, 300—305, 318—323, 325, 337, 340, 345, 350, 366, 367, 375—377, 379, 380**
 Краус П. 15, 47, 108, 225, 238, 324
 Кэмерон Дж. 25, 29, 30, 32, 33, 49, 52—57, 63—65, 67, 73, 74, 79, 80, 83, 86, 269, 330
 Кюк Э. 4, 14, 15, 16, 21, 94, 95, 113—114, 116, 119, 120, 122, 146, 159, 205, 206, 210, 224, 237, 239, 255, 256, 277, 298—301, 305, 318, 338, 376, 377, 380
 Кюппер Ж. 228, 231
Лаба Р. 33, 49
 Ламберт М. 45, 262, 348, 351
 Ландсбергер Б. 95, 108, 280, 282, 299, 329, 380
 Лапис И. А. 257
 Лаутнер И. Г. 213, 230, 258, 287
 Ле Бретон 42
 Леви И. 172
 Легрейн Л. 54, 62, 244
 Леманс У. Э. 45, 46, 276
 Ленцман Я. А. 261
 Липин Л. А. 238, 320, 334
 Лофтус В. К. 249
 Лурье И. М. 257
 Лэнгдон С. 22, 74, 86, 94, 271, 278, 329—331, 340—342, 346
Магазинер Я. М. 107
 Манер Р. 28—30, 39, 48, 79
 Майлз Дж. 105, 108, 139, 164—166, 172, 173, 282, 294, 320—323, 325, 330, 332, 334, 335, 343
 Майснер Б. 31, 147, 159, 167, 168
Мамедова Ф. Д. 5
 Марр Н. Я. 39, 40
 Массон В. М. 5, 42, 43
 Матоуш Л. 62, 229
 Матье М. И. 196
 Мейер Л. де 23, 24, 72, 105, 127, 129, 207, 210—214, 348, 350, 351
 Меккенем М. Р. 44, 249
 Меликишвили Г. А. 5, 40, 78, 79, 265
 Мендельсон И. 261, 266, 269
 Морган Дж. 249
 Моргенштерн И. 150, 266
 Мюллер С. 132
 Мюсс-Арнольд В. 226, 238
Никольский Н. М. 5, 360
 Норрис Э. 40
Оппенгейм Л. 4, 21, 22, 26, 40, 365
 Опперт И. 40
Пезар М. 92
 Петшов Г. 315
 Пёбель А. 31, 32, 50, 51, 53, 92
 Пейпер Г. Г. 41
 Пиотровский Б. Б. 5
 Порада Э. 42
 Постовская Н. М. 5, 50
 Пфайфер Р. X. 245
Райнер Э. 10, 35, 41, 225
 Рифтин А. И. 105, 255, 280, 334, 340, 345, 347
 Рухльман Г. 44, 45
 Рюттен М. 25, 66, 67, 70, 73, 74, 92, 179
Салонен Э. 24, 25, 35, 68, 105, 148, 165, 346, 359
 Сан-Николо М. 15, 22, 105, 321, 324
 Симмонс С. Д. 216
 Смит С. 14, 74, 154
 Сольберже Э. 62
 Струве В. В. 5, 14, 17, 50, 71, 74, 92, 267
 Стучевский И. А. 271
 Сюрэ-Каналь Ж. 17
Тер-Акопян Н. Б. 17
 Тюменев А. И. 5, 50, 232, 249, 268
 Тюрин В. О. 261
 Туро-Данжен Ф. 51, 54, 56, 58, 59, 61, 64, 105, 107, 109, 143, 200, 211, 228, 229, 232, 233, 301, 344

Уайзман Д. И. 88, 269, 306
Унгнад А. 14, 62, 66, 73, 167,
177, 221, 222, 233, 235, 255,
278, 280, 282, 286, 287, 295,
319, 321, 337, 340, 345, 350

Файнели М. И. 298

Франк С. 34

Франц Д. 71

Хаазе Р. 320

Халлок Р. Т. 36

Харрис Р. 211, 254, 255, 277

Хепдинг 266

Херцфельд Э. 28

Хинц В. 6, 11, 25—27, 29, 32—
34, 39, 41, 47, 49, 52—56, 58,
60—62, 64, 70, 71, 74, 76, 86,
91, 100, 127, 178, 179, 192,
194, 251, 257, 278, 290, 310,
329—331, 341, 342

Христиан В. 47, 48

Хэмл Э. 41

Хюзинг Г. 11, 31, 32, 35, 36,
38—41, 56, 92, 187, 188, 191,
192, 265

Черезов Е. В. 251, 271

Шейль В. 7, 10, 12—15, 32, 41,
52, 54, 61, 63, 64, 66, 70, 71,
74, 77, 78, 79, 92, 94, 95, 99,
100, 104, 113, 117, 119, 122—
124, 137, 146, 162, 163, 165,
172, 177—179, 181, 182, 191,
194, 199—201, 208, 211, 222,
226, 229, 242, 249, 251, 256,
257, 259, 261—263, 265, 273—
275, 299, 300, 303, 304, 313,
317, 318, 337, 348, 359, 361,
363, 372, 375, 376, 379

Шлехтер Э. 338, 339, 341, 343

Шорр М. 114, 115, 147, 150,
167—168, 255, 284, 332, 334,
335

Шпайзер Э. 31, 43, 49, 53, 115,
237, 238, 245, 344

Штрек М. 71, 86, 87

Эбелинг Э. 31

Эванс Д. Г. 225, 238, 245

Эдгард Д. О. 45, 62, 64, 220

Эйсер Г. 172

Якобсон Т. 50, 51

Янковская Н. Б. 5, 134, 135,
231, 245, 263, 298, 344, 375

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- Абалгамаш** 53
 Аоалгум 107
 Абулити 256, 257
 Абутабу 199, 201
 Авилля 342
 Авилсин 351
 Агум II, 74
 Ададбани 160, 206, 283, 309, 357—359, 361—363
 Ададгугалли 356
 Ададдумки 160, 359
 Ададилу 349
 Ададнури 148, 171
 Ададраби 343
 Ададшеми 303
 Ададушу 10, 64, 66—69, 75, 77—80, 93, 94, 98, 99, 108, 178, 179, 180, 224, 248, 257, 259, 290
 Адматили 156, 209, 210
 Акуку 359
 Алахату 151, 152
 Алиэллату 308, 309
 Алияту 234
 Амар-Син 61, 66, 67
 Амагдамикти 236
 Амад-Эрра 208
Амма-хашдук 75
 Аммисадука 14, 73, 164, 165, 243
 Амуря 211
 Амурнуршу 104, 105, 129
 Аналимааткал 118, 119, 120
 Анзузу 236
 Аних-Шушу 72, 104—106, 127—130, 211—213
 Анупиша 147
 Апил-Ишум 282, 309
 Апил-Куби 205, 354
 Арад-Куби 255, 336, 339, 340, 363
 Аттавилкимаш 347, 364
 Аттакалшу (Аткалшу) 101, 102, 305
 Аттамерхалки 72, 73, 75
 Аттаркиттах 74
 Аттаруктух 232
 Аттахашдук 104, 197
 Аттахубитир 161—163
 Аттахупешир 125
 Атуту 116, 117
 Ахимья 303
 Ахия 207
 Ахри 313
 Ахум 157, 204, 205, 231
 Ахухуту 99, 127—130
 Ахуяту 204, 205
 Ашшурбанапал 71, 86, 87, 89, 265, 269, 388
Балайшан 67, 68, 75, 161, 164, 165, 175
Баниту 206, 343, 358, 359, 361
 Бели 127—131, 253, 279, 296, 365
 Белтани 72
 Белшунасир 155, 156, 209
 Белшуну 148, 206, 211, 212, 358, 361, 362, 370, 371
Вакарту 355, 356
 Вакругу 344
Варад-Амурру 234, 254, 259, 200, 281, 288, 289, 303, 309
 Варад-Искан 363
 Варад-Иштар 349
 Варад-Син 64, 366
 Вардиуу 367
 Варду 126, 137, 138, 144
Гамил-Адад 72, 141, 142
 Гимилли 203

- Гимил-Шарри 274, 275
 Гирнамме 61
 Гугалуту 137
 Гудеа 232
 Гуласир 356
 Гурумутак 266
- Дакату 148**
 Далатамту 219
 Дамик-Иншушинак 160, 206,
 358, 359, 361, 362, 375
 Дамкия 72, 104—106, 127—131,
 214, 362
 Датикапар 313
 Да'у 369
 Диккум 236
 Диллуки 324, 326
 Дубубали 199, 201
 Думмука 205, 363
 Думмукия 211
 Духирликин 257
- Заппия 354, 355
 Заркату 339
 Зиззия 289
 Зимрлим 71
 Зина 53, 57
 Зинам 374
 Зиниу 208
 Зиянзин 236
 Зуббурту 328
 Зуххуту 104
- Ибашшиили 354
 Ибни-Син 61, 62
 Иббум 340
 Иби-Адад 107
 Ибибелшу 156
 Иби-Илабрат 154, 155, 209
 Ибни-Эрра 122—124
 Игехалки 74
 Игиги 125
 Игмиланни 328, 337, 370, 371
 Игури 373
 Идатту I 57, 62, 73, 84, 184,
 185, 195
 Идатту II 63, 75
 Идатту-Иншушинак 86, 62, 75
 Идаттунапир 63, 75
 Идаттуемпта 63, 75
 Идия-Нанай 200
 Иеремья 88
 Иззилату 345
 Икшуми 103
- Илабратаби 160, 204, 206,
 357—359, 361—364, 374, 375
 Иламишу 210
 Илатишу 151, 342
 Илликиша 274, 275
 Иллириба 207
 Илишахегал 72, 142
 Илубани 324, 326
 Илуламишу 219, 220
 Илутабтия 362
 Илушубани 116—118, 121
 Инбилишу 235
 Ингилулу 324, 326
 Ингулагу 339
 Инзузу 204, 205, 373
 Иншушинакаби 368
 Иншушинакгамил 203
 Иншушинакли 374
 Иншушинаккашид 101, 102
 Иншушинакмубаллит 72, 142,
 . 171
 Иншушинакнада 149, 150
 Иншушинаксилли 344
 Иншушинакшармати 344
 Иншушинакшеми 149, 150
 Ипки-Адад 370
 Ипки-Иштар 208
 Ишшен 314
 Ирану 204
 Ирибия 211—213
 Ириб-Син 125—126, 148, 367
 Ирийбеш 312
 Иррашагир 364
 Ирхахпуна 256
 Истахри 42
 Иттилибалит 205, 239, 240,
 363, 364, 369
 Итти-Куби 300
 Иттипишу 254
 Итти-Сиямилки 278
 Ишби-Эрра 62
 Ишмеани 240, 278, 279
 Ишмекараббани 281
 Иштагнада 125
**Иштарнаххунди (Шутрук-Нах-
 хунте) 270**
 Иштархунди см. Шутрук-Нах-
 хунте III
 Иштарту 151, 152
 Ишურიли 146
- К:бгаилу 284, 285
 Какку 324, 326
 Кар-Наххунти 313

- Кедор-Лаомер 71
 Киккусиметемпти 52, 53, 84, 194
 Кимаси 331
 Кимашум 340
 Киндату 62, 75, 185
 Кир II 3
 Китген-Хутран 76
 Кубасимти см. Хумпаншамти
 Куббутум 373
 Кубехапти 347
 Кубидану 208
 Кубла 348, 351
 Кубурабу 289, 337
 Кудада 236
 Кудия 340
 Кудузулуш I 69—71, 73—75
 Кудузулуш II 73, 76, 82, 179, 244
 Кудур-Мабук 64, 109
 Кудур-Хумпан 219, 232
 Кудушулуш см. Кудузулуш
 Кукату 206, 358
 Кукиа 151
 Кукилушаниргал 373
 Кук-Кирваш 25, 66—69, 75, 164, 165, 175, 178—180, 185, 193
 Кук-Наххунте 40, 67, 75, 155
 Кук-Нашир см. Кук-Нашур I
 Кук-Нашур I 67, 71, 73, 75, 155, 221, 222, 224, 225, 226, 242, 354
 Кук-Нашур II 14, 40, 69, 70, 71, 75
 Кук-Нашур III 67, 71—73, 75, 76, 82, 145, 165, 180—182, 185, 216, 242, 243, 250, 251, 289, 383
 Кук-Пинегир 235
 Кукунити 144
 Кук-Хумпан 222
 Кукусанит 67, 68, 75, 161
 Кулашу 236
 Кунарамика 313
 Куппакра 236
 Курбуту 256
 Курдия 204, 206, 357, 358, 361, 363
 Куригальзу II 74, 76
 Курити 348, 351
 Куриту 339
 Курлиби 358
 Курсия 328
 Кутана 234
- Кутик-Иншушинак см. Пузур-Иншушинак
 Кутир-Наххунте I 28, 69, 71, 73—75, 85, 144, 186—190, 192
 Кутир-Наххунте II 85
 Кутир-Шилхаха 73, 75, 80
 Кушир-Шилхаха 243
- Ламассу 167**
 Ланкуку 67, 178, 185, 193
 Ларзатум 345, 370, 371
 Лилаирташ 70, 75
 Липит-Иштар 160
 Лудлул-Син 208
 Лулу 105—106, 127, 128, 130
 Луххишшан 52, 53, 57, 84, 194, 195
- Мадитурри 349**
 Манштгусу 11, 54, 60, 85
 Маннашу 204, 205
 Манния 276
 Манушаниншу 359
 Мар-Куби 208
 Маркук-Илушанип 236
 Махису 221, 222
 Мидамма 252
 Мутияту 282.
- Набитнуршу 309**
 Набопаласар 87, 88, 269
 Навуходоносор II 88
 Напахпи 312
 Напильхуш 52
 Напирасу 265
 Напнатена 249, 313
 Нарам-Син 6, 11, 35, 42, 54—56, 85, 92
 Нарубту 149
 Наххунте-Уту 182, 188, 189, 190, 193
 Ненне 101, 102
 Николай Дамасский 132
 Ниназугамил 274, 275
 Нивва 146
- Нунабуну 349**
 Нуратум 171, 208, 339
 Нур-Бабу 125—126
 Нур-Иншушинак 118—120, 224, 328, 347, 348, 351
 Нур-Ишдар 283
 Нурия 210, 219, 220, 308, 309
 Нуркубу 348, 361
Нурлама 366

Нурлиби 374
Нур-Шази 280
Нур-Шамаш 276

Пазум 345

Патга 236
Пахиришшан 74, 76
Па'э 86, 87
Пели 52, 61
Пеяк 190
Пилакки 370
Пилили 147, 148
Пиллир-Шази 284, 285
Пилки 181, 194
Пиллулу 236
Пузузу 122—124
Пузур-Иншушинак 6, 11, 28,
33, 34, 42, 47, 54—61, 81,
84, 91, 93, 195, 252, 260
Пузур-Мазат 67, 68, 154—156,
209, 364
Пур-Адад 138, 156
Пушера 236

Ракиба 328

Рамату 356
Рим-Адад 363
Римуш 53, 54
Рихуа 113, 114
Ришали 331
Ришикитинтерма 310
Рупуш 234

Сабиту 160, 206, 358, 362

Санам-Симут 53, 57—59
Саргон Аккадский 52—55, 59,
60
Саргон II 39, 85, 194
Седекья 88
Сеши 244
Сивепалархуптак 35, 42, 69,
70, 75, 92, 179, 180, 222
Сидгау 53
Силли-Адад 211
Силлисулүлэрсети 118
Симмене 286
Сямуа 289
Симуму 236
Симутварташ 69, 75
Симутилима 336
Симутир-Кавурух 236
Симутникатуш 189
Симуттера 236
Симут-Хумпан 236

Синаххериб 85

Синбелу 282
Синидиннам 157
Синимгуранни 96, 223, 225, 226,
232—234, 235, 243, 355, 364
Синишманни 208, 284, 285
Синмушалим 157
Синнури 147, 148
Синраби 145, 146, 208, 354
Синшаррум 286, 366
Сиртух 73, 75, 76, 182, 224, 243
Сумдуру 286
Сумуабум 66, 67

Таддуа 208

Таллоатту 302
Таммариту 86, 87, 270
Танили 71—73, 75, 154, 156,
157, 181, 182, 185, 209, 243,
252, 253, 258, 287, 296, 308,
370
Танрухуратир 57, 62, 63, 75,
185

Танули см. Танили

Тарири 161—163
Тата 52, 72, 73, 75, 104, 105, 142
Татта 236
Теммими 303
Теммимиэммикуку 236
Темсанит 67, 75
Темптиагун I 69—71, 75, 179—
181

Темптиагун II 72, 73, 75, 80,
104, 105, 142, 144, 145, 181,
182, 185, 194, 210, 223, 225,
242, 244, 245

Темптиахар 104

Темптирапаш 73, 75, 76, 80
Темптихалки 66, 71—73, 75, 82,
157, 181, 182, 242, 370

Темптихашдук 354

Телирту 149, 150
Теумман 86

Убарту 356

Удуду 156
Узалим 359
Узалу 157, 359
Уккубату 336
Уккутахаш 52
Улхишан 236
Умбадара 270
Умбахабуа 86
Умманалдасу см. Хумпан-хал-
таш

Умманибу 270
Умманигаш см. Хумпан-ни-
каш II
Уммануну 310, 311, 313, 314,
316
Уммиябу 342
Унгапи 53
Унпатар-напириша 76, 265
Унташ-напириша 11, 76, 92
Унташ-Хумпан см. Унташ-на-
пириша
Упимагир 167
Уратуба 199, 201
Уртаку 86
Хабилкину 207
Хадан 271
Халлусу 270
Халлутуш-Иншушинак I 85
Халлутуш-Иншушинак II 85
Хаммураби 11, 14, 17, 70, 71, 85,
102, 103, 107, 138, 141—143,
160, 164, 168—172, 220, 227,
232, 233, 238, 246, 247, 254,
274, 279, 284, 286, 291, 294,
298, 301, 305, 319—326,
332, 336, 338, 339, 343, 360
Ханни 39, 191, 192
Хелу 54
Хита 54, 55, 56, 58, 59, 60, 84,
195
Хишепратеп 52, 54, 57, 194
Хишепрашир см. Хишепратеп
Хишуташ 52
Хумпанахпи 310—312
Хумпандунуш 314
Хумпанникаш I 85
Хумпанникаш II 85, 86
Хумпануммену 11, 35, 85, 193
Хумпанхалташ 86, 87
Хумпаншимти 62, 75
Хутелудуш-Иншушинак 85,
182—184, 186—189, 192, 193
Хутрантемти 62, 75, 84, 184
Хухин 191, 192
Шаллу 349
Шамашбани 254, 300
Шамашбашти 203
Шамашгамил 236
Шамашмитаубаллит 282
Шамашнасир 211
Шамашхасир 107, 301
Шамашшеми 211, 240, 288, 304,
309

Шамши-Адад I 31, 74
Шаррия 335
Шенларпак 70
Шеп-Син 107
Шилхак-Иншушинак 11, 28,
62, 63, 65, 71, 83, 84, 85, 92,
183, 184, 186—190, 260,
Шилхаха 25, 64—68, 70, 71, 74—
78, 82, 84, 108, 109, 165,
176, 178—185, 188, 192, 193,
221, 225, 250, 251, 382, 384
Шимпнишхук 56, 84, 195
Шимти-Шилхаха 64
Ширукдух 69, 70, 74, 75, 178—
181, 185, 188, 244
Шугугу 161—163
Шукшу 221, 222
Шулияма 288
Шуллим-Кудур 70
Шульги 61
Шумуаби 66
Шумударум 340
Шумулибши 365
Шунайуту 204, 205
Шурия 303
Шу-Син 61, 78
Шутбуни 379
Шутрук-Наххунте I 11, 85, 92,
187, 189, 190, 251
Шутрук-Наххунте II 11, 28, 85,
235, 261—264
Шутрук-Наххунте III 85,
193
Шутруру 11, 12, 92, 98, 256,
257, 261—265, 270
Шутур-Хумпан 312
Шушулибир 349
Шушунтарана 52

Эанем 224

Эаннатум 50—51
Эашеми 203
Эбарти 63, 64, 66, 67, 74, 75,
78, 83, 176, 179, 183—186
Элмешум 335
Эмбубу 23, 127, 211
Энбилуа 62
Энмебарегеси 50
Энам 148, 171
Эришту 144
Этемму 219
Эшпум 54, 57—59

Яаа 236, 339

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аван 30, 51, 57, 59—60, 62—63,
76, 81, 84, 111, 193, 195,
382

Адамдун 30, 32, 62, 111

Азия Малая 122, 275, 292

Азия Передняя 3, 7, 60, 89, 218,
305, 355, 382

Аккад 20, 28, 51, 53, 54, 56,
59, 60, 71

Аккадцы 22, 34

Алалах 306

Аморен (амурру) 64, 223, 225,
228—230

Амурру 64, 109, 228—230

Аншян 11, 29, 30, 54, 55, 60—
65, 70, 76, 78, 82, 108, 111,
250, 251, 382

Аппалайцы 313

Арабистан 28

Аравия 27

Арралха 7, 15, 18, 112, 113,
115, 134, 135, 158, 263, 375,
389

Ассиоци 221

Ассирийцы 21, 29, 88, 269

Ассирия 3, 28, 30, 74, 81, 85—
89, 119, 142, 163, 172, 234,
235, 245, 246, 263, 265, 267—
270, 276, 278, 280, 287, 305,
307, 317, 860, 878, 888

Афины 298

Ашшур 87

Багдад 32

Баракше 51, 53—55, 59—81,
111, 382

Бендер-Бушир 35

Бехбехан 86

Бупила 86, 87

Вавилон 243

Вавилония 3, 7, 11, 15, 16, 21—
23, 26, 28, 30, 50, 58, 64—
66, 70, 71, 73, 74, 76, 78, 79,
85, 87—89, 104, 107, 109,
114, 142, 147, 150, 154, 159,
164, 169, 171, 213, 227, 228,
232, 234, 235, 238, 244—247,
254, 258, 260, 266, 269, 271,
274, 277—280, 284, 286, 287,
291, 295, 305, 307, 317, 319,
320, 332, 337, 338, 342, 344,
350, 353, 360, 386

Вавилоняне 29, 47, 87

Восток древний 16, 38, 91, 108

Греки 29

Гудеа 61

Гунилахи 53

Гурдумтак

Гутии 61

Давурчье 3, 7, 20, 28, 30, 32,
33, 42, 45, 46, 50, 51,
55, 57, 59, 61, 64, 78—81,
85, 94, 111, 228, 268, 268,
276, 382, 384

Деррен-Шахр 86

Джебел-Бишри 229

Джемдет-Наср 44

Дильбат 22, 368

Дияла 274

Евфрат 31
Египет 196, 251, 257, 261, 271,
386

Загрос 62
Закавказье 319
Захара 53

Инд 27
Иран 3, 73, 249
Исин 62, 160
Итаюру 279
Иудея 88

Каркемиш 87
Карун 29, 86, 218
Касситы 21, 74, 176
Керха 29, 30, 218
Кимаш 29
Киш 50, 51
Куталла 22
Кутиум 55

Лагаш 50, 51, 59, 61, 232, 233
Ламлун 32
Ларса 22, 28, 46, 64, 276
Лиян 35, 92
Луристан 28

Мадакту 86, 270
Мадат 97, 98
Малампр 10, 29, 53, 86, 91, 104,
191, 379, 380
Манхашур 221
Мари 70, 200, 255, 351
Машкулия 351
Меру 373
Месопотамия 33, 34, 36, 42, 50,
51, 92, 111, 228, 229, 365
Мидия 3, 29, 87, 89, 132, 389
Мусасир 39

Нагиту 86
Ниневия 87
Ниппур 22
Нузи 20, 40, 263, 375

Персеполь 28, 261, 263
Персидский залив 28, 30, 86
Персия 26, 132
Протолури 47

Рере 336

Сеймарре 29, 86
Семиты 3, 47, 62, 110, 228, 229
Сидари 81
Симаш 29, 30, 55, 57, 58, 61—
64, 67, 74—76, 80, 83, 84,
108, 109, 111, 181, 195, 221,
225, 382—384

Сиппар 255, 276
Сирия 228
Соляная пустыня 28
Средиземное море 88
Су 62

Субарту 31
Субареи 21
Сузиана 30, 61

Сузы 10—12, 15, 17, 20, 22, 24,
26—30, 34, 36, 42—47, 54,
55, 57, 58, 61—69, 74—80,
82, 83, 87, 88, 92, 93,
97, 98, 101, 104, 105,
107, 108, 110, 111, 116, 129,
134, 153, 166, 169—172,
174—176, 178, 182, 187, 211,
221, 222, 232, 242—244, 249,
250, 260, 269, 270, 278, 279,
281, 286, 287, 292, 310, 312,
313, 320, 330, 334, 337—340,
343, 345, 348, 350, 353, 365,
368, 379, 380, 383, 384, 387

Сулеймание 28, 30

Тигр 229, 233
Туркестан 27

Увджа 30
Угарит 7, 112, 134, 143, 344
Укцу 29
Улай 29
Ур 14, 22, 45, 51, 54, 61, 62, 66,
67, 78, 79, 228, 243, 244, 342

Урарту 3
Урмийское озеро 39
Урук 109

Халтемаш 86
Хамадан 28
Халпирти 33
Хатамти 32, 33, 187
Хаяса 18
Хеттское царство 3, 142, 196,
220

Хетты 246
Хидалу 86, 87
Хитпули 221

Хоасп 29
Хузистан 28, 42
Хумман 221
Хураду 270
Хутешекин 221
Хутукукме 221
Хухнур 53, 55, 91, 191
Хухнури см. Хухнур

Чога-Зембил 249

Шагунну 154
Шумахани 221

Шумер 15, 28, 45, 55, 59, 60,
236, 249, 257, 267, 268
Шумеры 228

Фарс 28

Эвлей 29
Эламиты 13, 22, 26, 28, 34, 36,
37, 45—47, 51, 61, 62, 71, 78,
88, 228, 256
Элиманда 30
Эшнунна 63, 169, 274, 291

Ямутбал 28, 64, 65, 109

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН БОЖЕСТВ

Адад 202, 203, 249
Ашшур 270

Баг-Барту 39, 40
Баг-Машту 40

Гула 95

Инанна 103
Иншувшинак 13, 14, 47, 56, 77,
92, 98, 104, 121, 132, 203,
214, 216, 225, 226, 242, 249—
252, 261—265, 270, 271, 277,
285, 307, 337, 344, 347, 361

Ишкекараб 14, 121, 132, 249
Иштар 270

Киририша 91, 249, 265

Ламассу 270

Мая 271
Маңсат 192

Мардук 278

Набу 154
Ненай 71

Наппи 271
Напратен 249
Нарунди (Наруте) 54
Наххунте 102, 249, 265
Нингал 211
Нингирсу 61

Парти 39, 40
Пинегир 249
Пирму 271

Рухуратир 91

Симут 98, 266
Син 161

Хумпан 225, 226, 249, 265

Шази 138, 151, 215
Шале 249

Шамаш 14, 102—104, 252—255,
258, 259, 274, 277, 278, 287,
289, 292, 296, 303, 307—
308, 328

Шарру 281
Шати 271
Шеду 270

Эмльва 53

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

- ВДИ — «Вестник древней истории»
 ЗВРОАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»
 ИГАИМК — «Известия Государственной Академии Института материальной культуры»
 НАА — «Народы Азии и Африки»
 САЗ — «Среднеассирийские законы»
 СМОМПК — «Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа»
 ТИИ — «Труды Института истории АН Азербайджанской ССР»
 AASOR — «Annual of the American Schools of Oriental Research»
 AJSL — «American Journal of Semitic Languages»
 AL — «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae»
 АО — «Archiv Orientální»
 AiO — «Archiv für Orientforschung»
 ARK — G. Eisser und J. Lewy, *Altassyrische Rechtsurkunden vom Kül-Tepe*, Bd I—II, — MVAG, 1933
 ARU — J. Kohler und A. Ungnad, *Assyrische Rechtsurkunden*, Leipzig, 1913
 ASAW — «Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften»
 BA — «Beiträge zur Assyriologie und semitischen Sprachwissenschaft»
 BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London»
 BSOS — «Bulletin of School of Oriental Studies»
 CAD — «The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of Chicago», ed. I. J. Gelb, Th. Jacobsen, B. Landsberger, A. L. Oppenheim, E. Reiner, Chicago, 1960 sq.
 CIE — «Corpus Inscriptionum Elamitarum»
 FJE — «Festschrift Johannes Friedrich», Heidelberg, 1959
 FNB — «Festschrift der Nationalbibliothek in Wien»
 JAOS — «Journal of the American Oriental Society»

- JCS — «Journal of Cuneiform Studies»
 JEN — «Joint Expedition with the Iraq Museum at Nuzi»
 JNES — «Journal of Near Eastern Studies»
 JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society»
 KAJ — E. Ebeling, *Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts*, Leipzig, 1927
 MAG — «Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft»
 MDP — «Mémoires, Délégation en Perse»
 MVAG — «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft»
 MVAG — «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft»
 NKRA — P. Koschaker, *Neue Keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna Zeit*, Leipzig, 1928.
 OLZ — «Orientalistische Literaturzeitung»
 RA — «Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale»
 RLA — «Reallexikon der Assyriologie»
 RV — «Reallexikon der Vorgeschichte»
 TCL — Textes Cuneiformes, Louvre
 VAB — «Vorderasiatische Bibliothek»
 WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes»
 WZMLU — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität»
 ZA — «Zeitschrift für Assyriologie»
 ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft»

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	6
Первоисточники	6
Изучение вопроса	12
Географические условия	27
Название	30
Письменность	33
Язык	38
Занятия населения	42
Глава I. Государственный строй. К политической истории.	49
Глава II. Типы общины и общинное хозяйство	90
Сельская община	91
Домашняя община	111
Распад домашней общины	198
Глава III. Государственное и храмовое хозяйства	218
Государственное хозяйство	218
Храмовое хозяйство	248
Глава IV. Частное хозяйство	272
Заем	273
Залог	295
Заем и заклад в I тысячелетии до н. э.	310
Аренда	317
Купля-продажа	353
Заключение	382
Указатель эламо-аккадских терминов и слов	390
Указатель имен исследователей	393
Указатель исторических собственных имен	396
Указатель географических и этнических названий	401
Указатель имен божеств	404
Список сокращений	405

Юсиф Бахлул-оглы Юсифов

ЭЛАМ

Социально-экономическая история

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории
АН АзССР*

Редактор *Н. Н. Водинская*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректоры *В. М. Кочеткова* и *А. А. Шамаева*

*

Сдано в набор 10/VI 1967 г.
Подписано к печати 29/II 1968 г.
А-01735. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1.
Печ. л. 12,75. Усл. п. л. 21,4. Уч.-изд. л. 22,91.
Зак. № 637. Изд. № 1755.
Тираж 2 200 экз. Цена 1 р. 54 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Кисельный пер., 4

Цена 1 р. 54 к.